

ШИРЛИ ДЖЕКСОН

ПРИЗРАКИ

— ДОМА НА ХОЛМЕ —

ШИРЛИ ДЖЕКСОН

ШИРЛИ ДЖЕКСОН

ПРИЗРАКИ

— ДОМА НА ХОЛМЕ —

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д40

Shirley Jackson

THE HAUNTING OF HILL HOUSE
WE HAVE ALWAYS LIVED IN THE CASTLE

Перевод с английского

Е. Доброхотовой-Майковой («Призрак дома на холме»),

О. Варшавер («Мы живем в замке»)

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств А.М. Heath
и Andrew Nurnberg.

Джексон, Ширли.

Д40 Призрак дома на холме; Мы живем в замке : [сборник] / Ширли Джексон ; [пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой, О. Варшавер]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-17-112765-7

Впервые опубликованный в 1959 году роман Ширли Джексон «Призрак дома на холме» сразу был признан образцом мистического триллера. Популярность книги закрепили две экранизации — Роберта Уайза (1963) и Яна Де Бонта при участии Стивена Спилберга (1999). А теперь культовый роман вдохновил Netflix на одноименный сериал.

Старинный особняк на холме приносит его обитателям одни несчастья. Никто не рискует здесь не то что жить, даже оставаться на ночь — говорят, Хилл-хаус стал пристанищем привидений.

Но однажды тишину дома нарушает шумная компания: доктор Монтегю, исследователь паранормальных явлений; Теодора, его беззаботная помощница; Элинор, хрупкая девушка, не понаслышке знакомая с полтергейстами; и Люк — будущий наследник Хилл-хауса. Никто даже не подозревает, каким кошмаром обернется их поездка...

В сборник также включен роман «Мы живем в замке» — психологический триллер о тайных войнах внутри одной человеческой души.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Shirley Jackson, 1959, 1962

© Перевод. Е. Доброхотова-Майкова, 2018

© Перевод. О. Варшавер, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-112765-7

ПРИЗРАК ДОМА НА ХОЛМЕ

Леонарду Брауну

Ни один живой организм не может долго существовать в условиях абсолютной реальности и не сойти с ума; говорят, сны снятся даже кузнечикам и жаворонкам. Хилл-хаус, недремлющий, безумный, стоял на отшибе среди холмов, заключая в себя тьму; он стоял здесь восемьдесят лет и вполне мог простоять еще столько же. Его кирпичи плотно прилегали один к другому, доски не скрипели, двери не хлопали; на лестницах и в галереях лежала незыблемая тишь, и то, что обитало внутри, обитало там в одиночестве.

Доктор Джон Монтегю формально считался антропологом; он защитил диссертацию в этой области из смутного чувства, что она наиболее близка к подлинному делу его жизни — изучению сверхъестественных явлений. Исследования доктора Монтегю были крайне далеки от науки, и лишь ученая степень могла придать им если не вес, то хоть некое подобие респектабельности, поэтому он никогда не забывал подчеркнуть свое звание. Арендовав Хилл-хаус на три месяца — со значительным ущербом для кошелька и гордости (ибо не любил униженно просить), — он твердо рассчитывал возместить потраченное сенсацией, которую вызовет его итоговая работа о причинах и формах парапсихологических феноменов в домах, обычно называемых «нехо-

рошими». Всю жизнь он искал настоящий дом с привидениями и, услышав про Хилл-хаус, сперва засомневался, затем ощутил проблеск надежды и наконец рьяно взялся за дело: не в его характере было отступать перед трудностями, если впереди маячит достойная цель.

Доктор Монтегю намеревался позаимствовать методику у бесстрашных охотников за привидениями девятнадцатого столетия: он поселится в Хилл-хаусе и своими глазами увидит, что там происходит. В идеале следовало бы повторить эксперимент неназванной дамы, которая на целое лето собрала в Баллехин-хаусе* скептиков и убежденных сторонников сверхъестественного, — гости отдыхали на лоне природы, играли в крокет и, в довершение удовольствия, наблюдали за привидениями. Однако в наши дни скептики, убежденные сторонники сверхъестественного и хорошие игроки в крокет почти перевелись, и доктор Монтегю был вынужден нанять ассистентов. Возможно, неспешность викторианской жизни более способствовала подобным методам исследования, а возможно, тщательная фиксация паранормальных явлений как способ установить их достоверность в значительной степени себя изжила; так или иначе, ассистентов пришлось нанимать за деньги.

К работе он приступил со всей ответственностью и добросовестностью: прошерстил архивы парапсихоло-

* Баллехин-хаус — усадьба в Пертшире. Выстроена в 1806 году, сгорела в 1963-м; пользовалась репутацией «самого нехорошего дома в Шотландии». По слухам, там происходили различные сверхъестественные события, включая явления духа умершей монахини. Общество паранормальных исследований сняло дом на длительный срок и в 1899 году опубликовало в газетах подробный отчет о своих наблюдениях.

логических обществ, подшивки скандальных газет и отчеты экстрасенсов; в итоге получился список людей, которые так или иначе, в то или иное время, пусть на короткий срок либо при неподтвержденных обстоятельствах соприкасались с потусторонним. Из списка доктор Монтегю в первую очередь вычеркнул тех, кто уже умер. Потом — тех, кого считал обманщиками либо слабоумными, а также тех, кто не подходил для его целей, поскольку явно стремился привлечь все внимание к себе. Осталось человек десять-двенадцать. Все они получили от доктора Монтегю приглашение провести лето либо часть лета в уютной сельской усадьбе, старой, однако со всеми удобствами: канализацией, электричеством, центральным отоплением и чистыми постелями. Цель — недвусмысленно объяснялось в письме — проверить сомнительные слухи, окружающие дом на протяжении всей его восьмидесятилетней истории.

Доктор Монтегю не писал открыто, что Хилл-хаус — дом с привидениями, поскольку был ученым и не смел верить в свою удачу, пока лично не засвидетельствует там аномальные явления. Таким образом, письма содержали некую сдержанную двусмысленность, которая гарантированно должна была возбудить любопытство у строго определенной категории читателей. Доктор Монтегю получил четыре ответа: остальные кандидаты либо переехали, не оставив нового адреса, либо утратили вкус к сверхъестественному, либо просто никогда не существовали. Четирем ответившим доктор Монтегю написал снова: указал, с какого числа Хилл-хаус официально ждет гостей, и привел подробные инструкции, как туда добраться, поскольку (вынужден он был объяснить) местное население сведения о доме сообщает

крайне неохотно. За день до отъезда доктора Монтегю убедили включить в число избранных еще и представителя семьи владельцев. Тогда же пришла телеграмма от одного из кандидатов, в которой тот под явно вымышленным предлогом отказывался участвовать в мероприятии. Еще один кандидат не явился и не написал — возможно, из-за непредвиденных личных обстоятельств. Остальные двое приехали.

2

Элинор Венс ко времени поездки в Хилл-хаус исполнилось тридцать два, и после смерти матери она по-настоящему ненавидела только одного человека — старшую сестру. К мужу сестры и пятилетней племяннице она питала стойкую антипатию, друзьями так и не обзавелась, главным образом потому, что последние одиннадцать лет ухаживала за лежачей матерью, в результате чего приобрела навыки профессиональной сиделки и привычку моргать от яркого света. Во всей ее взрослой жизни не было и одной по-настоящему счастливой минуты: годы с матерью прилежно складывались из мелких провинностей и мелких упреков, постоянной усталости и нескончаемого отчаяния. Вовсе не желая становиться робкой и застенчивой, Элинор столько времени провела в одиночестве, без людей, которых могла бы полюбить, что в разговорах, даже самых незначущих, вечно смущалась и с трудом подыскивала слова.

В список доктора Монтегю она попала из-за давнего происшествия: когда им с сестрой было двенадцать и восемнадцать соответственно, меньше чем через месяц после смерти отца, на их дом без всякого предупреждения и без всякой видимой цели обрушился град камней, которые падали с потолка, громко скатывались

по стенам, разбивали окна и молотили по крыше. Камнепад продолжался без остановки три дня. Все это время Элино́р и ее сестру нервировали не столько камни, сколько ежедневная толпа зевак перед крыльцом и беспочвенные, истерические уверения матери, что несчастье вызвано злобой завистливых соседей, якобы возненавидевших ее с самого приезда. На четвертый вечер Элино́р и сестру отправили ночевать к знакомым, после чего камнепад прекратился и больше не возобновлялся, хотя Элино́р с матерью и сестрой продолжали жить в доме, а вражда с соседями сохранила прежний накал. Историю забыли все, за исключением людей, с которыми консультировался доктор Монтегю, и уж точно забыли Элино́р и ее сестра, во время самих событий тайно винившие друг дружку.

Всю жизнь Элино́р подспудно ждала чего-то вроде Хилл-хауса. Ухаживая за матерью, перекладывая раздражительную старуху с инвалидного кресла в постель, бесконечно таская подносики с овсянкой или бульоном, перебарывая брезгливость, чтобы приступить к стирке, она держалась исключительно верой: что-то должно произойти. На приглашение пожить в Хилл-хаусе она ответила с той же почтой, хотя муж сестры и требовал прежде навести справки — не собирается ли так называемый доктор вовлечь Элино́р в языческие ритуалы, связанные с тем, о чем, по мнению его жены, незамужней девушке знать не положено. Быть может, шептала сестра в супружеской спальне, где никто, кроме мужа, ее не слышал, доктор Монтегю — если это его настоящее имя, — быть может, доктор Монтегю использует женщин для неких... хм... опытов, ну, ты понимаешь, какие опыты я имею в виду (подобные опыты ее живо интересовали). Элино́р то ли не знала о таком, то ли

не боялась. Другими словами, готова была ехать куда угодно.

Теодора (она обходилась одним этим именем, без фамилии; наброски подписывала «Тео», а в телефонной книге, на двери дома, в витрине магазинчика, под очаровательной фотографией хозяйки над камином и на ее тонированной почтовой бумаге значилось «Теодора») — так вот, Теодора была полной противоположностью Элинор. Долг и ответственность она предоставляла герл-скаутам. Ее мир состоял из удовольствий и пастельных тонов; в список доктора Монтегю она попала, потому что — со смехом войдя в лабораторию и обдав всех ароматом цветочных духов — как-то умудрилась (к собственному растущему восторгу) правильно назвать восемнадцать из двадцати, пятнадцать из двадцати, девятнадцать из двадцати карточек, которые показывал ассистент в соседней комнате. Беспрецедентное достижение Теодоры сохранилось в архивах лаборатории и неизбежно должно было попасть на глаза доктору Монтегю. Письмо от него ее позабавило, и она ответила из любопытства (а может, то спящее в Теодоре знание, которое помогло ей угадать символы на карточках за стеной, потянуло ее к Хилл-хаусу), но с твердым намерением отказаться. Тем не менее — возможно, из-за того же бередящего чувства, — получив от доктора Монтегю второе письмо, она потеряла покой и почти сразу закатила беспричинный скандал прелестному существу, с которым вместе снимала комнату. С обеих сторон прозвучали оскорбительные слова, какие может загладить лишь время. Теодора безжалостно разбила очаровательную статуэтку — свой портрет работы прелестного существа, а прелестное существо нещадно изорвало в клочки томик Мюссе, полученный

от Теодоры на день рождения, в особенности страницу с нежной, иронической дарственной надписью. И то и другое было, разумеется, совершенно непростительно; прежде чем они смогут посмеяться над происшедшим, должно было пройти хотя бы несколько недель. Теодора в тот же вечер написала доктору Монтегю, что принимает приглашение, и отбыла на следующий день в холодном молчании.

Люк Сандерсон был лгунишкой. И вором. Его тетка, владелица Хилл-хауса, любила говорить, что у племянника лучшее образование, лучшие костюмы, лучший вкус и худшие друзья, каких только можно вообразить. Она ухватилась бы за любую возможность сплавить его куда-нибудь на несколько недель. Семейный адвокат, узнав о целях доктора Монтегю, потребовал, чтобы в доме вместе с ним для порядка поселился кто-нибудь со стороны хозяев, а доктор при первой же встрече разглядел в Люке некую силу или, вернее, кошачий инстинкт самосохранения, после чего возжелал заполучить Люка в помощники с тем же пылом, с каким миссис Сандерсон хотела от того избавиться. Так или иначе, Люк нашел это решение забавным, его тетка вздохнула с облегчением, а доктор Монтегю был более чем доволен. Семейному адвокату миссис Сандерсон сказала, что, по крайней мере, в Хилл-хаусе Люку нечего будет красть: фамильное серебро представляет определенную ценность, но едва ли соблазнит ленивого племянника.

Миссис Сандерсон была несправедлива к Люку: он не стал бы воровать серебряные ложки, или часы доктора Монтегю, или браслет Теодоры. Его нечестность ограничивалась тем, что он таскал у тетки из бумажника мелкие купюры и жульничал за карточным столом. Еще Люк имел привычку обращать в наличность часы и порт-

сигары, которые ему, мило краснея, дарили тетушкины приятельницы. Со временем он должен был унаследовать Хилл-хаус, но никогда не предполагал там жить.

3

— Я бы вообще не давал ей машину, — объявил муж сестры.

— Это и моя машина, — возразила Элино́р, — мы купили ее вскладчину.

— И все равно я считаю, что не надо давать, — повторил муж сестры, обращаясь к жене. — С какой стати она будет раскатывать на ней все лето, а мы останемся без машины?

— Керри постоянно водит, а я никогда, — упорствовала Элино́р. — И вообще вы на все лето едете в горы, там вам машина не нужна. Керри, ведь вы же не будете пользоваться машиной в горах?

— А если бедная Линни заболеет? И надо будет везти ее к врачу?

— Машина наполовину моя, — сказала Элино́р, — и я ее возьму.

— А если заболеет Керри? Если мы не сможем найти врача и придется ехать в больницу?

— Мне нужна машина, и я ее возьму.

— Об этом не может быть и речи, — с растяжкой проговорила Керри. — Мы даже не знаем, куда ты собралась. Ты не соблаговолила поставить нас в известность. В таких обстоятельствах я не могу дать тебе мою машину.

— Это и моя машина.

— Нет, — отрезала Кэрри. — Ты ее не возьмешь.

— Верно, — кивнул муж сестры. — Кэрри же объяснила — машина нужна нам самим.

Кэрри самую чуточку улыбнулась.

— Я никогда себе не прощу, Элино́р, если дам тебе машину и что-нибудь случится. С какой стати мы должны доверять этому доктору? Ты еще довольно молода, а машина стоит больших денег.

— Вообще-то, Кэрри, я звонил Гомеру в кредитный отдел — он сказал, что этот доктор и впрямь работает в каком-то там колледже...

Кэрри, все с той же улыбкой, перебила мужа:

— Конечно, у нас нет оснований не верить в его порядочность. Однако Элино́р не соблаговолила сказать, куда едет и как с ней связаться, если нам потребуется машина. Случись что, мы вообще концов не найдем. Даже если Элино́р, — продолжала она вкрадчиво, обращаясь к чайной чашке, — даже если Элино́р готова мчаться на край света, это еще не значит, что я должна давать ей свою машину.

— Она наполовину моя.

— А если бедная Линни заболит? В горах? Где нет ни одного врача?

— И вообще, Элино́р, я поступаю, как сказала бы мама. Она мне доверяла и уж точно не позволила бы отпускать тебя неведомо куда на моей машине.

— Или, допустим, я заболею, в горах...

— Я совершенно уверена, Элино́р, что мама меня поддержала бы.

— И к тому же, — муж сестры внезапно отыскал решающий аргумент, — где гарантии, что ты ее не разобьешь?

Все когда-нибудь бывает первый раз, сказала себе Элино́р. Было раннее утро. Она вылезла из такси, дрожа при мысли, что у сестры и ее мужа как раз сейчас

могли закрасться первые подозрения, и быстро вытащила чемодан, пока таксист снимал с переднего сиденья картонную коробку. Элино́р дала ему излишне щедрые чаевые, думая в это время, не появятся ли сейчас из-за угла сестра с мужем, и воображая, как они кричат: «Вот она где, воровка, так мы и думали!» Нервно оглядываясь, она торопливо шагнула к воротам гаража и налетела на крохотную старушонку. Та выронила свои кульки: один порвался, на асфальт выпали мятый кусок чизкейка, булочка и нарезанный помидор.

— Чтoб тебе, чтoб тебе! — завизжала крохотная старушонка в самое лицо Элино́р. — Я это домой несла, чтoб тебе, чтoб тебе!

— Простите. — Элино́р нагнулась, но поняла, что помидорные ломтики и чизкейк уже невозможно собрать и сложить в лопнувший пакет.

Старушонка торопливо ухватила второй кулек, пока до него не дотянулась Элино́р. Девушка с виноватой улыбкой выпрямилась.

— Мне правда очень жаль, — судорожно выговорила она.

— Чтoб тебе, — повторила крохотная старушонка уже тише, — я несла это себе на завтрак. А теперь, из-за тебя...

— Может быть, я заплачу? — Элино́р взялась за бумажник.

Старушонка замерла.

— Не могу я взять у тебя денег, — сказала она наконец. — Понимаешь, я ведь это не покупала, просто собрала, что другие не съели. — Старушонка сердито причмокнула губами. — Видела бы ты ветчину, но ее раньше меня ухватили. И шоколадный торт. И картофельный

салат. И маленькие конфетки в бумажных розеточках. Ничего-то я не успела. А теперь... — Обе разом глянули на размазанный по асфальту чизкейк, и крохотная старушонка продолжила: — Как видишь, я не могу вот так просто взять у тебя деньги за чужие объедки.

— Тогда, может, я куплю вам что-нибудь взамен? Я страшно тороплюсь, но если мы найдем магазин, который уже открыт...

Крохотная старушонка ухмыльнулась.

— Ну, у меня тут еще крошечку есть, — сказала она, крепко прижимая к себе уцелевший пакет. — Можешь оплатить мне такси до дома. Так меня уж точно никто больше не собьет.

— С радостью. — Элинор повернулась к водителю, с интересом наблюдавшему за их разговором. — Ответьте эту даму?

— Двух долларов хватит, — заметила старушонка, — ну и чаевые этому джентльмену. При моем росточке, — с удовольствием объяснила она, — при моем росточке это просто беда — вечно кто-нибудь налетает. Зато как приятно встретить человека, который готов загладить свою вину. Другие с ног соьбют и не обернутся.

При помощи Элинор старушонка вместе с пакетом забралась в такси. Элинор вытащила из бумажника два доллара пятьдесят центов и вручила старушонке, которая крепко зажала их в сухоньком кулачке.

— И куда едем? — спросил таксист.

Старушонка хихикнула.

— Скажу, как тронемся, — бросила она и обратилась к Элинор: — Удачи тебе, милочка. Следующий раз смотри, куда идешь, чтобы еще кого не сбить.

— До свидания, — сказала Элинор, — и простите еще раз.

— Ничего-ничего, — крикнула старушонка через окно — такси как раз тронулось с места. — Я буду за тебя молиться, деточка.

Что ж, подумала Элинора, глядя вслед такси. Хотя бы один человек будет обо мне молиться. Хотя бы один.

4

Был первый по-настоящему солнечный летний день, и, как обычно, он пробудил у Элинора болезненные воспоминания о раннем детстве, когда, казалось, стояло нескончаемое лето; до того холодного сырого вечера, в который умер отец, зим на ее памяти не было. В последние бысролетные годы она все чаще задумывалась: на что ушли все эти летние дни, неужто я растратила их впустую? Я дуручка, убеждала она себя, полная дуручка, ведь теперь я взрослая и знаю цену вещам: ничто не пропадает зря, даже в детстве. И все же каждое лето в одно прекрасное утро ее обдавало на улице теплое дыхание ветерка, и тут же бросало в холод от мысли: я вновь упустила время. Однако сегодня за рулем их общей машины, взятой без разрешения, что в глазах сестры и зятя будет равноценно угону, следуя по своей полосе, пропуская пешеходов и поворачивая на разрешенных поворотах, она улыбалась косым лучам солнечного света между домами и думала: я еду, я еду, я наконец-то решилась.

В тех редких случаях, когда сестра пускала ее за руль, Элинора вела машину крайне осторожно, чтобы избежать малейшей царапины или вмятины, которые вызвали бы неизбежный семейный скандал, однако сейчас все было иначе: на заднем сиденье стояла ее коробка, на полу — чемодан, на переднем пассажирском лежали плащ, перчатки и бумажник, и весь автомобильчик

полностью принадлежал Элино́р, собственный замкнутый мирок; я еду, думала она, я правда еду.

На последнем городском светофоре, перед поворотом на шоссе, она вытащила из бумажника письмо доктора Монтегю. Надо же, до чего предусмотрительный человек, даже карта не понадобится... «Шоссе номер тридцать девять до Эштона, — говорилось в письме, — потом сворачиваете влево на шоссе номер пять к западу. Меньше чем через тридцать миль будет поселок Хиллсдейл. Проедете его насквозь и увидите слева бензоколонку, а справа — церковь, там свернете влево на проселочную дорогу: она ведет в холмы и сильно размыта. По ней до конца — это миль шесть, — и вы окажетесь перед воротами Хилл-хауса. Я пишу такие подробные указания, поскольку не советую останавливаться в Хиллсдейле и спрашивать дорогу. Местные жители грубы с чужаками, а всякие расспросы о Хилл-хаусе встречают с откровенной враждебностью. Я буду очень рад, если вы к нам присоединитесь, и надеюсь на встречу в четверг двадцать первого июня...»

Зажегся зеленый; Элино́р свернула на шоссе и выехала из города. Теперь, думала она, никто меня не поймает; им даже неизвестно, куда я направляюсь.

До сих пор она еще никогда не ездила одна так далеко. Глупо было делить такой чудный путь на часы и мили; ведя машину точно между разделительной полосой слева и полосой деревьев справа, Элино́р представляла его как череду мгновений, увлекающих ее за собой по немыслимо новой дороге в новое место. Путешествие само по себе было ее свершением, цель не представлялась никак, а возможно, и вовсе не существовала. Элино́р хотела насладиться каждым поворотом,

она любовалась шоссе, деревьями, домами, маленькими уродливыми городишками и дразнила себя мыслью, что может остановиться, где вздумает, и осесть там навсегда. Можно поставить машину на обочине — хотя на самом деле это запрещено, и если она так поступит, ее накажут, напоминала себе Элинора, — и уйти за деревья в манящие поля. Можно бродить до изнеможения, гоняться за бабочками или следовать вдоль ручья, а с приближением ночи выйти к избушке, где бедный дровосек даст ей приют. Можно навсегда поселиться в Ист-Баррингтоне, или Десмонде, или административном центре Берк, а можно просто ехать и ехать куда глаза глядят, покуда колеса не изотрутся вконец и она не окажется на краю света.

А с тем же успехом, подумала она, можно доехать до Хилл-хауса, где меня ждут и где мне обещаны комната, стол и символическое вознаграждение за то, что я бросила все дела и умчалась невесть куда на поиски приключений. Интересно, какой он, доктор Монтегю? Интересно, какой он, Хилл-хаус? Интересно, кто еще там будет?

Элинора уже довольно далеко отъехала от города и теперь ждала поворота на шоссе номер тридцать девять — волшебную нить, проложенную для нее доктором Монтегю, единственную из дорог мира, ведущую в Хилл-хаус; никакой другой путь не связывает ее прежний дом с местом, куда ей хочется попасть. И доктор Монтегю не подвел ни в единой мелочи. Под указателем «Шоссе № 39» был прибит и второй: «Эштон, 121 миля».

Дорога, закадычная подруга Элинора, петляла между полей и садов, являя за каждым поворотом новые чудеса: то смотрящую из-за ограды корову, то апатичную собаку, ныряла в лощины, где притаились тихие город-

ки. На главной улице одного из них девушка миновала большой дом с колоннами, оградой, ставнями на окнах и каменными львами у входа. Ей подумалось, что она могла бы жить здесь, каждое утро стирать со львов пыль, каждый вечер гладить их по голове и желать им доброй ночи. Сейчас — это сегодня, такое-то июня, убеждала она себя, но притом какое-то совсем другое время, новое и длинное-предлинное: за несколько секунд я прожила в доме со львами целую жизнь. Каждое утро я мела крыльцо и стирала со львов пыль, каждый вечер гладила их по голове и желала им доброй ночи. А раз в неделю я мыла им гривы, морды и лапы теплой водой с содой, чистила пасти щеткой. В доме были высокие потолки, сверкали натертые полы и оконные стекла. Хлопотливая старушка экономка в крахмальном фартуке по утрам приносила мне серебряный сливочник, чайник и чашку на подносе, а на сон грядущий — стаканчик бузинного вина, оно так полезно для здоровья. Я обедала в одиночестве за полированным столом в просторной тихой гостиной; на обшитой белыми панелями стене между двумя высокими окнами горели в канделябре свечи. Ела птицу, редис из своего сада и домашний сливовый джем. Засыпала под белым кисейным пологом, и меня охранял ночник в коридоре. На улицах прохожие со мною раскланивались, потому что весь город гордился моими львами. А когда я умерла...

Город давно остался позади, и теперь Элинора ехала мимо грязных заколоченных ларьков и порванных плакатов. Видимо, когда-то, очень давно, в этих краях была ярмарка и проводились мотоциклетные гонки. Кое-где на плакатах уцелели слова. «ОЙ», прочла Элинора на одном и «ЛИХО» на другом. Она рассмеялась,

поймав себя на том, что везде ищет дурные знамения. На самом деле тут написано «ЛИХОЙ». Лихой водитель. Элинор сбросила скорость, поняв, что едет слишком быстро и может оказаться в Хилл-хаусе чересчур рано.

В одном месте она и вовсе остановилась, едва веря своим глазам. Уже примерно с четверть мили вдоль шоссе тянулся ровный ряд ухоженных олеандров, покрытых белыми и розовыми цветами. Теперь Элинор доехала до ворот, вернее, двух полуразрушенных каменных колонн, за которые уходила в пустые поля дорога. Олеандры отступали от дороги, образуя большой квадрат: Элинор видела его дальнюю сторону — ряд олеандров, вероятно, вдоль какой-то речушки. Внутри квадрата не было ничего — ни жилого дома, ни какого-либо другого строения, только прямая дорога, упирающаяся в реку. Что здесь было? Что здесь было и исчезло или что должно было здесь возникнуть и не возникло? Дом? Сад? Сгинули они навеки или вернутся? Олеандры ядовиты, вспомнила Элинор. Быть может, они что-то охраняют? Если я вылезу из машины и пройду в разрушенные ворота, окажусь ли я там, на олеандровом квадрате, в волшебной стране, защищенной ядовитыми кустами от глаз проезжающих? Шагнув между волшебными колоннами, миную ли я невидимую границу, разрушу ли чары? Я вступлю в благоуханный сад с фонтанами, низкими скамейками и розами, вьющимися по ажурным стенам беседок, увижу тропинку, вероятно усыпанную изумрудами и рубинами и такую мягкую, что Суламита могла бы ступать по ней в легких сандалиях, и эта тропинка приведет меня к зачарованному замку. Я пройду по каменным ступеням меж мраморных львов во дворик, где журчит фонтан и королева в слезах ждет возвращения

дочери. При виде меня она выронит пяльцы и закричит слугам — будя их от столетнего сна, — чтобы готовили пир, ибо чары разрушены и замок вновь стал собой. И мы будем жить долго и счастливо.

Нет, конечно, думала Элинор, трогая машину с места, ведь как только дворец станет виден, падет *все* заклятье и местность за олеандрами обретет свою истинную форму: города, дорожные знаки и коровы растают, останутся зеленые сказочные холмы. И оттуда прискачет принц в зеленом наряде, расшитом серебром, с сотней лучников на резвых конях, под плещущим стягом, в блеске драгоценных камней...

Она рассмеялась и с прощальной улыбкой обернулась к волшебным олеандромам. Другой раз, сказала она им, другой раз я вернусь и разрушу ваше заклятье.

Когда спидометр показал, что пройдена сто одна миля, Элинор остановилась перекусить. Она отыскала деревенский ресторанчик под названием «Старая мельница» и вскоре — о диво! — уже сидела на балконе над стремительной речкой, глядя на мокрые камни и дурманящий блеск текучей воды. Перед ней стояла хрустальная миска с творогом, а рядом лежали завернутые в салфетку кукурузные початки. Поскольку в это время и в этих краях чары возникают и рассеиваются быстро, Элинор хотелось растянуть ланч — ведь она знала, что Хилл-хаус никуда не денется. Кроме нее в ресторанчике была только семья: отец с матерью и двое детей, мальчик и девочка. Они тихо говорили между собой; раз девочка повернулась и с нескрываемым любопытством взглянула на Элинор, потом, через минуту, улыбнулась. Солнечные зайчики от воды бегали по потолку, по столикам, по девочкиным кудряшкам, и мать девочки сказала:

— Она хочет чашку со звездами.

Элинор удивленно подняла глаза.

Девочка отодвинулась от стола, упрямо не желая пить молоко. Отец хмурился, брат хихикал, а мать сказала тихо: «Она хочет чашку со звездами».

Да, подумала Элинор, да, и я тоже, чашку со звездами, полную чашку звезд.

— У нее есть чашка, — объясняла мать, виновато улыбаясь официантке, у которой в голове не укладывалось, как это можно не пить свежайшее деревенское молоко. — Там на дне звезды, и дома она пьет молоко только из этой чашки. Понимаете, звезды просвечивают, и она их видит, когда пьет. — Официантка кивнула, не убежденная, а мать обратилась к девочке: — Вечером будешь пить молоко из чашки со звездами, а сейчас выпей немножко из стакана, ну пожалуйста. Будь умницей.

Не пей, внушала Элинор девочке, требуй чашку со звездами; как только тебя обманом уговорят стать как все, не будет тебе больше ни чашки, ни звезд. Девочка снова взглянула на нее, улыбнулась с полным пониманием (на щеках появились маленькие ямочки) и упрямо мотнула головой. Молодец, подумала Элинор, молодец, ты умная и отважная.

— Ты ее балуешь, — сказал отец. — Нельзя потакать детским капризам.

— Только один раз. — Мать поставила стакан и ласково тронула девочку за руку. — Съешь мороженое.

Когда семья уходила, девочка помахала Элинор, и Элинор помахала в ответ, затем в блаженном одиночестве допила кофе, глядя на резвящийся внизу ручей. Мне не так уж много осталось ехать, подумала она, меньше половины пути. Я почти на месте. И тут же в голове заплясал, искрясь, как вода, обрывок мелодии,

а с ним — слово-другое. «Полно медлить, — подумала Элино́р. — Полно медлить, счастье хрупко»*.

Она чуть не осталась навсегда в пригороде Эшто-на, потому что увидела домик в глубине сада. Я могла бы жить здесь одна, подумала Элино́р, сбрасывая скорость, чтобы разглядеть вьющуюся дорожку к синей двери, совершенство которой дополняла белая кошка на крыльце. Никто бы меня здесь, за розами, не нашел, а для надежности я бы еще насадила вдоль дороги олеандры. Холодными вечерами я буду топить камин и печь там яблоки. Я заведу много белых кошек и сошью на окна белые занавески. Иногда я буду неспешно прогуливаться в лавочку, покупать там чай, корицу и нитки. Люди станут приходить ко мне за предсказаниями судьбы; я буду варить любовное зелье для несчастливых девушек и держать в клетке щегла... Однако домик остался далеко позади, надо было искать следующую дорогу, так тщательно указанную доктором Монтегю.

«Потом сворачиваете влево на шоссе номер пять к западу», — говорилось в письме, и вот, словно доктор Монтегю дистанционно управлял ее машиной, так и произошло: теперь она ехала по шоссе номер пять к западу, и от места назначения ее отделяли считанные мили. Вопреки совету Элино́р решила сделать короткую остановку в Хиллсдейле. Я только выпью чашечку кофе, подумала она, чтобы еще чуточку растянуть путешествие. Доктор Монтегю ведь не написал про кофе, только про то, что нельзя спрашивать дорогу к Хилл-хаусу; может быть, если я не стану упоминать Хилл-хаус, ни-

* Шекспир У Песенка шута из «Двенадцатой ночи», перевод М Лозинского, дальше цитируется в переводах М Лозинского и Э Линецкой

чего страшного не произойдет. И вообще, это моя последняя возможность.

Хиллсдейл начался раньше, чем она поняла, что уже в него въехала: мешанина грязных домов и кривых улочек. Городок был такой маленький, что, вырулив на центральную улицу, Элинон сразу увидела ее конец с бензоколонкой и церковью. В Хиллсдейле обнаружилась только одна малоприятного вида кафешка вроде вокзального буфета, однако Элинон твердо решила выпить здесь кофе, поэтому остановила машину у разбитого тротуара и вышла. После недолгого раздумья она молча кивнула Хиллсдейлу и, памятуя про чемодан на полу и коробку на заднем сиденье, заперла машину. Я не задержусь тут надолго, сказала она себе, оглядывая улицу, темную и безобразную даже в солнечном свете.

В тени под стеной беспокойно спала собака, из дверей дома напротив Элинон пристально разглядывала какая-то женщина, а к ограде прислонились двое подростков — в их молчании ощущалось нечто нарочитое. Элинон боялась чужих собак, язвительных теток и хулиганов; покрепче сжав бумажник и ключи от машины, она торопливо шагнула в кафешку. За стойкой торчала усталая девица без подбородка, в дальнем конце завтракал мужчина. При виде серой стойки и блюда с пончиками под грязной стеклянной миской у Элинон мелькнула мысль: как же надо проголодаться, чтобы прийти сюда есть.

— Кофе, пожалуйста, — обратилась она к девице за стойкой. Девица нехотя повернулась к полке и загремела чашками. Я выпью здесь кофе, потому что я так решила, строго сказала себе Элинон, но следующий раз буду слушаться доктора Монтегю.

Девицу за стойкой и мужчину в углу связывала некая понятная лишь им двоим шутка; ставя Элинон чашку,

девица глянула на него с легкой полуулыбкой; он пожал плечами, и она хохотнула. Элинонр подняла голову, но девица изучала свои ногти, а мужчина вытирал хлебом тарелку. Может быть, кофе отравлен — во всяком случае, его вид наводил на такую мысль. Элинонр твердо вознамерилась исследовать Хиллсдейл до самых глубин, поэтому попросила еще и пончик. Девушка стряхнула пончик на блюдце и поставила на столик. За это время они с мужчиной еще дважды обменялись взглядами, и девица снова хохотнула.

— Уютный у вас городок, — сказала Элинонр. — Как называется?

Девушка вытаращила глаза — видимо, никто еще не награждал Хиллсдейл лестным эпитетом «уютный», — покосилась на мужчину, словно ожидая подтверждения, и ответила:

— Хиллсдейл.

— Давно вы здесь живете? — спросила Элинонр. Я не буду упоминать Хилл-хаус, заверила она далекого доктора Монтегю, я просто хочу потратить впустую еще чуточку времени.

— Да, — ответила девушка.

— Приятно, наверное, жить в таком тихом месте. Я приехала из большого города.

— Вот как?

— Вам тут нравится?

— Да ничего, — сказала девушка и снова поглядела на мужчину. Он внимательно слушал. — Скучно только.

— А много у вас тут людей?

— Да не особо. Хотите еще кофе? — Вопрос адресовался мужчине, который постукивал чашкой по блюдецку. Элинонр судорожно отпила буроватую жидкость и удивилась, что тому захотелось повторить.

— Часто к вам приезжают? — спросила она, когда девица принесла мужчине кофе и вернулась к полкам. — Я хотела сказать, туристы?

— А чего им приезжать? — С минуту девица смотрела на Элино́р пустым — немыслимо пустым — взглядом, затем угрюмо покосилась на мужчину и добавила: — У нас даже киношки нет.

— Холмы очень красивые. Горожане часто приезжают в такие вот поселки и строят дома в холмах. Подальше от людей.

Девица хмыкнула.

— У нас не строят.

— Или покупают и ремонтируют старые...

— Подальше от людей... — Девица снова хмыкнула.

— Просто странно, — заметила Элино́р, чувствуя на себе взгляд мужчины.

— Ага, — сказала девица. — Даже если киношку сделают.

— Я, наверное, поезжу по округе, — осторожно проговорила Элино́р. — Старые дома обычно дешевы, а перестраивать их очень интересно.

— Только не здесь, — объявила девица.

— Так у вас тут нет старых домов? — спросила Элино́р. — В холмах?

— Нет.

Мужчина встал, вынул из кармана мелочь и заговорил впервые с тех пор, как вошла Элино́р.

— Народ отсюда бежит, — сказал он. — Отсюда, а не сюда.

Дверь за ним закрылась, и девица глянула на Элино́р почти укоризненно, словно та спугнула его своей болтовней.

— Так и есть, — сказала она наконец. — Кому повезло, тот уезжает.

— А вы почему не уедете? — спросила Элинон.

Девушка пожала плечами.

— А где лучше-то? — Она равнодушно приняла у Элинон деньги и отсчитала сдачу. Потом стрельнула глазами на пустые тарелки в дальнем конце стойки и почти улыбнулась. — Он каждый день приходит.

Элинон тоже улыбнулась и открыла было рот, но девушка уже принялась греметь чашками на полке. Элинон, поняв, что разговор окончен, с облегчением встала, взяла со стола ключи и бумажник.

— До свидания, — сказала она, и девушка, не оборачиваясь, ответила:

— Всего доброго. Желаю вам найти свой дом.

5

Дорога от бензоколонки и церкви действительно была вся в выбоинах и камнях. Автомобильчик Элинон дергался и подпрыгивал, не желая забираться глубже в безрадостные холмы. День, казалось, быстро гас под мрачными деревьями по обе стороны дороги. Редко же тут ездят, подумала Элинон с горечью, круто поворачивая баранку, чтобы не налететь на особенно коварный валун. Шесть миль по такой дороге не пойдут автомобилю на пользу; впервые за несколько часов она вспомнила про сестру и рассмеялась. Теперь сестра с мужем уже точно поняли, что она угнала машину, но не знают куда; наверняка оба сейчас ошарашенно говорят друг другу, что никак не ждали такого от Элинон. Я сама такого от себя не ждала, подумала она, продолжая тихонько хихикать. Все теперь другое, я — новый человек, очень далеко от дома. «Полно медлить. Счас-

тье хрупко... Тот, кто весел, пусть смеется...» Она ойкнула, потому что автомобильчик налетел на камень и со зловещим скрежетом в районе днища чуть не пошел назад, но тут же героически превозмог себя и продолжил подъем. Ветки хлестали по лобовому стеклу, быстро темнело. Умеет себя подать Хилл-хаус, отметила Элино́р, интересно, бывает ли тут вообще солнце? Наконец машина последним рывком преодолела кучу палой лисья и сучьев на дороге и оказалась на поляне перед воротами.

«Зачем я здесь? — беспомощно подумала Элино́р в ту же самую секунду. — Зачем я здесь?» Между деревьями уходила каменная стена с высокими угрюмыми воротами; даже из машины Элино́р видела большой височий замок и пропущенную сквозь прутья цепь, которой он был обмотан. За воротами дорога продолжалась и поворачивала в тени высоких неподвижных деревьев.

Поскольку ворота были очевидно заперты — на височий замок, на засов и на цепь (интересно, кто так хочет сюда прорваться?), — Элино́р не стала вылезать из машины, а нажала на клаксон. Деревья и ворота вздрогнули и чуточку попятились от гудка. Через минуту она засигналила вновь, и наконец на дороге появился человек, такой же мрачный и неприветливый, как замок. Он угрюмо оглядел ее через прутья.

— Чего вам надо? — Голос у него был злой, резкий.

— Я хочу въехать. Пожалуйста, откройте ворота.

— С какой стати?

— Ну... — Она осеклась и не сразу нашла слова. —

Мне надо попасть внутрь.

— Зачем?

— Меня ждут.

Или нет? — внезапно промелькнуло в голове. Быть может, на этом все и закончится?

— Кто?

Элино́р, конечно, понимала, что он нарочно измывается над нею, демонстрируя власть, как будто, открыв ворота, потеряет свое крохотное временное преимущество. А какое преимущество у меня? — подумала она, я ведь за воротами. Поскандалить, что она позволяла себе крайне редко из страха проиграть, означало бы только одно: он уйдет, а она останется ни с чем. Она даже предвидела, какое лицо он сделает, когда его позже станут ругать, — злобная усмешка, расширенные пустые глаза, обиженно-визгливые нотки в голосе: я бы ее впустил, я собирался ее впустить, но откуда мне было знать наверняка? Я человек подневольный, что мне сказали, то я и делаю. А если бы я впустил кого не положено, кто бы отвечал? Элино́р даже вообразила, как он пожимает плечами, и, вообразив, рассмеялась, чего сейчас ни в коем случае делать не следовало.

Не сводя с нее глаз, человек попятился от ворот.

— Приезжайте попозже, — сказал он и с видом торжествующей праведности повернулся к ней спиной.

— Послушайте, — крикнула она вслед, стараясь не выказать раздражения, — я приехала к доктору Монтегю, он ждет меня в доме... Пожалуйста, послушайте!

Человек обернулся и злорадно объявил:

— Никто вас там не ждет, потому что, кроме вас, никто пока не приехал.

— Вы хотите сказать, в доме никого нет?

— А кому там быть-то? Разве только моя жена прибирается. Так что и ждать вас там некому, согласитесь.

Она откинулась на сиденье и закрыла глаза, думая: Хилл-хаус, в тебя так же трудно попасть, как в рай.

— Надеюсь, вы понимаете, во что влезаете? Вам ведь сказали там, в городе? Вы что-нибудь слышали про это место?

— Меня пригласил сюда доктор Монтегю. Пожалуйста, откройте ворота, чтобы я могла въехать.

— Я открою, я открою. Я просто хочу убедиться, что вы понимаете, куда собрались. Вы бывали здесь прежде? Может, родственница? — Теперь он вновь смотрел на нее, и его желчное лицо между прутьев было такой же преградой, как замок и цепь. — Я не могу вас впустить, пока не буду знать наверняка, верно? Как, вы сказали, вас зовут?

Она вздохнула.

— Элинор Венс.

— Значит, не родственница. Вы что-нибудь про это место слышали?

Это мой шанс, подумала она, мой последний шанс. Можно развернуть машину перед воротами и уехать, никто меня не осудит. Каждый вправе сбежать. Она высунулась в окошко и сказала со злостью:

— Я Элинор Венс. Меня ждут в Хилл-хаусе. Немедленно откройте ворота.

— Ладно-ладно.

Он с нарочитой медлительностью вставил ключ, повернул, открыл замок, размотал цепь и открыл ворота ровно настолько, чтобы в них могла проехать машина. Элинор медленно тронулась с места, однако поспешность, с которой человек отскочил к обочине, рождала нелепую мысль, будто он прочел мелькнувшее у нее мстительное желание. Она рассмеялась и тут же затормозила, потому что человек приближался — осторожно, сбоку.

— Вам тут не понравится. Вы еще пожалеете, что я отпер ворота.

— Отойдите, пожалуйста, — потребовала она. — Вы и так надолго меня задержали.

— Думаете, кто угодно согласится отпирать эти ворота? Думаете, кто другой проработал бы здесь с наше? Мы тут, значит, живем, следим за домом, отпираем ворота всяким там городским умникам, а теперь еще и слова не скажи?

— Пожалуйста, отойдите от машины.

Элино́р не решалась признаться себе, что напугана, из страха, что незнакомец почувствует ее состояние. Он стоял вплотную к дверце, и в такой близости было что-то гадкое. Сила его неприязни казалась совершенно необъяснимой. Неужто он считает дом и сад за воротами своей собственностью? В памяти всплыла фамилия из письма доктора Монтегю, и Элино́р спросила с любопытством:

— Вы Дадли, сторож?

— Да, я Дадли, сторож, — передразнил он. — А кто еще, по-вашему?

Честный слуга семьи, подумала она, гордый, верный и с отвратительным характером.

— Так здесь живете только вы и ваша жена?

— А кто еще, по-вашему? — повторил он свою похвальбу, свое проклятье, свой рефрен.

Элино́р отпустила сцепление и легонько вдавила педаль газа, надеясь, что Дадли поймет намек и посторонится.

— Я уверена, что вы с супругой чудесно нас тут разместите. А сейчас я хотела бы как можно скорее попасть в дом.

Дадли неодобрительно хмыкнул.

— Я лично, — сказал он, — я лично тут после темноты не остаюсь.

Он с усмешкой отступил от машины, крайне довольный собой. Элино́р тронулась, по-прежнему чувствуя на себе его взгляд и думая: будет теперь всю дорогу выглядывать из кустов, скалясь, как Чеширский кот, и кричать «скажи спасибо, что кто-то готов тут торчать, по крайней мере, до темноты!». Дабы показать себе, что мысль об ухмылке сторожа Дадли нисколько ее не пугает, она принялась насвистывать и с легким раздражением узнала мелодию, весь день крутившуюся в голове. «Тот, кто весел, пусть смеется...» Подумай о чем-нибудь другом, Элино́р, строго сказала она; раз остальные слова упорно не желают вспоминаться, значит, они совершенно неподобающие, и если ты подъедешь к Хилл-хаусу, распевая их в голос, то навсегда себя скомпрометируешь.

За деревьями, на фоне холмов, иногда проглядывал кусок крыши или, возможно, башни Хилл-хауса. Как странно в те времена строили, подумала она, с башенками, контрфорсами и деревянной резьбой, иногда даже с готическими шпилями и горгульями; украшения лепили, где только могли. Может быть, в Хилл-хаусе есть башня, или потайная комната, или ход в холмы, которым пользуются контрабандисты, — только что возить контрабандой в этих одиноких холмах? Быть может, я встречу рокового красавца контрабандиста и...

Элино́р обогнула последний поворот и оказалась лицом к лицу с Хилл-хаусом; не успев даже ничего подумать, она нажала на тормоз и осталась сидеть, неотрывно глядя на дом.

Он был ужасен. Элино́р вздрогнула и подумала — слова как будто сами возникли в голове: Хилл-хаус ужасен. Он болен, уезжай отсюда немедленно.

Человеческий глаз неспособен вычленить то несчастливое сочетание линий и ландшафта, которое придает дому зловещий вид, и все же некое безумное соседство, неудачный угол, случайное соединение неба и ската крыши превращало Хилл-хаус в приют отчаяния. Фасад как будто жил своей жизнью: пустые глаза окон пристально смотрели из-под злорадно изогнутых карнизобровей. Почти всякое здание, застигнутое врасплох или в непривычном ракурсе, глядит на зрителя с добродушным юмором; шаловливо торчащая труба или слуховое окошко — ни дать ни взять ямочка на щеке — сразу располагают к дружбе. Дом, который всегда начеку, всегда высокомерно враждебен, может быть только злым. Хилл-хаус, казалось, возник под руками строителей помимо их воли, самолично, по собственному мощному замыслу определяя будущие линии и углы; он вздымал свою главу на фоне неба без всякого снисхождения к человеческому. Дом без доброты, место, где нельзя жить, любить и надеяться. Экзорцизм бессилен изменить облик здания: Хилл-хаус будет таким, каков он есть, покуда не рухнет.

Надо было повернуть у ворот, подумала Элинор, чувствуя атавистический холодок в желудке; она разглядывала силуэт крыши, тщетно пытаясь распознать, в чем его ужас; руки так заledenели, что не с первой попытки удалось вытащить сигарету, а страшнее все-

го был звучащий в голове голос, который нашептывал: *уезжай отсюда, уезжай.*

Однако я затем и ехала в такую даль, сказала она себе, я не могу повернуть назад. И потом, Дадли надоедливо посмеется, если я попрошу снова открыть ворота.

Стараясь не глядеть на фасад (она даже не сказала бы, какого цвета дом, насколько велик или в каком стиле выстроен, только что он непомерно огромен, мрачен и смотрит на нее сверху вниз), Элинон проехала до лестницы, которая, не оставляя пути к отступлению, вела на террасу к большой парадной двери. Перед крыльцом дорога раздваивалась и шла в обе стороны вдоль дома. Элинон решила, что потом, возможно, отгонит машину туда и найдет что-нибудь вроде гаража, но сейчас ей не хотелось так уж бесповоротно лишать себя возможности к бегству. Она лишь чуть отъехала от крыльца вбок, чтобы не перекрывать дорогу следующим гостям. Будет жаль, если кто-нибудь увидит дом без такой утешительной черточки, как припаркованный человеческий автомобиль, мрачно подумала она и вылезла из машины, прихватив чемодан и плащ. В голове мелькнула дурацкая мысль: ну вот я и на месте.

Моральным подвигом было поставить ногу на первую ступеньку. Глубокое нежелание прикасаться к Хилл-хаусу шло от явственного чувства, что он ее ждет, злобный, но терпеливый. Все пути ведут к свиданию, подумала Элинон, вспомнив наконец свою песенку, и рассмеялась, стоя на ступенях Хилл-хауса, все пути ведут к свиданию, — и она решительно поднялась на террасу. Хилл-хаус резко сомкнулся вокруг нее тенью, звук шагов по доскам оскорблял полнейшую тишину, как будто сюда очень давно не ступала человеческая нога. Элинон взялась за тяжелый дверной молоток (у него было личико

ребенка), намереваясь произвести шум — много шума — и окончательно уведомить Хилл-хаус о своем прибытии, когда дверь внезапно распахнулась. Перед Элинор стояла женщина, которая, если подобное стремится к подобному, могла быть только женою человека у ворот.

— Миссис Дадли? — спросила Элинор, переведя дух. — Я — Элинор Венс. Меня ждут.

Женщина молча посторонилась. Фартук у нее был чистый, прическа — аккуратная, и тем не менее она, как и муж, производила впечатление неряхи, а ее угрюмая подозрительность вполне соответствовала его зловредному упрямству. Нет, сказала себе Элинор, дело отчасти в том, что здесь темно, отчасти — в том, что я заранее вообразила ее уродиной. Не увидь я Хилл-хаус, была бы я так несправедлива к этим людям? В конце концов, они просто его сторожат.

Вестибюль, в котором они стояли, был перегружен темным деревом и тяжелой резьбой, с дальней стороны уходила вверх массивная лестница. Выше, надо думать, тянулся коридор во всю ширину дома; Элинор различала широкую площадку и, по другую сторону лестничного колодца, закрытые двери. Справа и слева от нее, в противоположных концах вестибюля, располагались большие двустворчатые двери, украшенные резными плодами, колосьями и живностью; во всем доме она не видела ни одной открытой двери.

Элинор попыталась заговорить, но ее голос утонул в сумеречной тиши, так что пришлось начать снова.

— Вы проводите меня в мою комнату? — спросила она наконец, указывая на чемодан и наблюдая, как дрожащее отражение руки погружается все глубже и глубже в темноту паркета. — Если я правильно поняла, никто пока больше не приехал? Вы... вы ведь миссис Дадли?

Я сейчас расплачусь, подумала она, по-детски, навзрыд, крича: «Мне тут плохо!»

Миссис Дадли начала подниматься по лестнице. Элино́р, взяв чемодан, двинулась за единственным живым существом в доме. Да, повторяла она про себя, мне тут плохо. Миновав последнюю ступеньку, миссис Дадли повернула вправо, и Элино́р поняла, что здесь строители отказались от всяких изысков, вероятно поняв, каким будет дом, вне зависимости от их выбора. Весь второй этаж состоял из длинного прямого коридора, куда выходили двери спален; Элино́р представилось, как строители с неприличной поспешностью завершают второй и третий этажи, располагая комнаты по самому простому плану, без всяких прикрас — лишь бы поскорее отсюда убраться. В левом конце коридора располагалась вторая лестница, ведущая, надо думать, из комнат для слуг на третьем этаже в кухню на первом, а в правом — еще одна комната, устроенная в торце, где больше всего света. Если не считать темной деревянной резьбы и серии плохих эстампов, с неприятной педантичностью развешанных точно через равные промежутки, ровную прямизну коридора нарушала лишь череда дверей. Все они были закрыты.

Миссис Дадли пересекла коридор и открыла дверь — возможно, наугад.

— Это синяя комната, — сказала она.

По расположению лестницы можно было заключить, что комната выходит окнами на подъездную аллею. «Анна, сестрица Анна»*, подумала Элино́р и с облегчением шагнула к свету из комнаты.

* Синяя комната — в сказке Перро та каморка, в которой Синяя борода прятал тела убитых жен. Анна — сестра героини; когда муж требует несчастную женщину на расправу, та несколько раз спрашивает: «Анна, сестрица Анна, ты ничего не видишь?» (то есть «не едут ли братья нам на помощь?»)

— Как мило, — сказала она, стоя на пороге, исключительно из чувства, что надо хоть что-нибудь сказать. Комната была вовсе не милая, а, напротив, заключала в себе ту же резкую дисгармонию, что и весь Хилл-хаус.

Миссис Дадли заговорила, адресуясь, по всей видимости, к стене:

— Обед будет стоять на буфете в столовой к шести часам ровно. По тарелкам можете раскладывать сами. Посуду я уберу с утра. Завтрак я готовлю к девяти. Таковы мои условия. Поддерживать в комнатах такой порядок, как вам хотелось бы, я не могу, а помощницу мне вы все равно не найдете. Я никому не прислуживаю. Я здесь работаю, но это не значит, что я стану кому-нибудь прислуживать.

Элинор кивнула, неуверенно стоя в дверях.

— Я подаю обед и немедленно ухожу, — продолжала миссис Дадли. — До того, как начнет смеркаться. Дотемна я тут не задерживаюсь.

— Знаю, — сказала Элинор.

— Мы живем в поселке, в шести милях отсюда.

— Да, — ответила Элинор, вспоминая Хиллсдейл.

— Так что если вам потребуется помощь, тут никого не будет.

— Я поняла.

— Ночью мы вас даже не услышим.

— Вряд ли я...

— Никто не услышит. Ближе поселка никто тут не живет. Даже и не подходит.

— Знаю, — устало повторила Элинор.

— По ночам, — миссис Дадли даже не попыталась спрятать улыбку, — в темноте.

С этими словами она вышла и закрыла за собой дверь.

Элино́р едва не рассмеялась, представив, как кричит: «Ой, миссис Дадли, помогите, я боюсь темноты», — и тут же поежилась.

2

Она стояла рядом с чемоданом, по-прежнему держа перекинутый через руку плащ, в высшей степени несчастная, и беспомощно повторяла про себя, что все пути ведут к свиданию. Больше всего ей хотелось домой. Позади остались темная лестница и вестибюль с блестящим паркетом, большая парадная дверь, миссис Дадли и мистер Дадли с его ухмылкой, замок и засовы, Хиллсдейл и домик в саду, семейство в ресторане, олеандры и особняк со львами у входа — все это под безошибочным приглядом доктора Монтегю привело ее в синюю комнату Хилл-хауса. Ужасно, подумала Элино́р, испытывая сильнейшее нежелание двигаться, поскольку войти в комнату означало признать, что она согласна здесь жить; ужасно, я не хочу тут оставаться, но и ехать больше некуда. Письмо доктора Монтегю привело ее сюда; дальше пути нет. Через минуту она вздохнула и, тряхнув головой, прошла через комнату и поставила чемодан на кровать.

Вот я и в синей комнате Хилл-хауса, вполголоса проговорила Элино́р, хотя комната была самая настоящая и, вне всяких сомнений, действительно синяя: синие репсовые шторы на обоих окнах (они выходили на лужайку перед террасой), синий узорчатый ковер на полу; в ногах застеленной синим покрывалом кровати было сложено синее одеяло. Темные панели по стенам доходили до высоты плеча, дальше шли голубые обои с веночками из мелких синих цветов. Может быть, кто-то рассчитывал оживить синюю комнату Хилл-хауса хорошенькими обоями, не понимая, что

в Хилл-хаусе такая надежда сразу испарится, оставив по себе лишь слабый намек, как еле слышный отзвук далекого рыдания... Элино́р встряхнулась и оглядела комнату целиком. Некая ошибка планировки вносила мучительную диспропорцию, так что в одном направлении стена всегда казалась чуть длиннее, чем способен вынести глаз, а в другом — чуть короче, чем нужно, чтобы не почувствовать себя в западне. И здесь я должна спать? — подумала Элино́р, не в силах в это поверить. Какие кошмары таятся в высоких углах? Какое дыхание необъяснимого страха коснется моих губ?... Она снова встряхнулась. Очнись, Элино́р, очнись...

Она открыла чемодан и, с блаженным облегчением сняв жесткие городские туфли, принялась распаковывать вещи. За этим стояло чисто женское подсознательное убеждение, что лучший способ успокоиться — сменить обувь на более удобную. Вчера, складывая чемодан, она собрала одежду, которая, на ее взгляд, должна подойти для уединенного загородного дома, и даже в последнюю минуту выскочила и купила — поражаясь собственной дерзости — две пары брюк. Элино́р уже и не помнила, когда последний раз надевала брюки. Мама пришла бы в бешенство, думала она тогда, убирая покупку на дно чемодана, — по крайней мере, если мне не хватит смелости их надеть, никто и не узнает, что они у меня есть. Теперь, в Хилл-хаусе, они уже не казались такими новыми.

Элино́р вытащила вещи небрежно, криво повесила платья на плечики, не глядя бросила брюки в нижний ящик комода с мраморной столешницей, а туфли — в угол большого гардероба. Взятые с собой книги уже не вызывали у нее энтузиазма; наверное, я так и так здесь надолго не задержусь, подумала она, закрывая пустой чемодан

и ставя его в угол гардероба; за пять минут можно будет уложиться снова. Элинон поймала себя на том, что пытается поставить чемодан совершенно беззвучно, потом сообразила, что все это время ходит по комнате в одних чулках, боясь произвести хоть малейший шум, как будто тишина — непереносимое требование Хилл-хауса; ей вспомнилось, что миссис Дадли тоже ступает неслышно. Она замерла посреди комнаты, в давящей тишине, и подумала: я — маленькое существо, проглоченное чудищем, и оно ощущает в себе мое копошение. «Нет!» — сказала Элинон вслух, и слово эхом отразилось от стен и потолка. Она быстро прошла через комнату и раздвинула синие шторы, однако толстое стекло приглушало солнечный свет, а увидеть за ним можно было лишь крышу террасы и полоску газона перед крыльцом. Где-то внизу стоит автомобильчик, на котором можно отсюда уехать. Все пути ведут к свиданию; я здесь по собственному выбору. И тут она поняла, что боится пройти через комнату.

Элинон стояла спиной к окну, переводя взгляд с гардероба на комод, с комода на кровать и убеждая себя, что бояться нечего, когда далеко внизу хлопнула дверца автомобиля, затем послышались быстрые, почти танцующие шаги на веранде и — неожиданный, немыслимый — грохот дверного молотка. Ну вот, кто-то еще приехал, подумала Элинон, я больше не буду здесь одна. Почти со смехом она пробежала по комнате и через коридор, чтобы заглянуть с лестницы в вестибюль.

— Слава богу, вы здесь, — выдохнула она, вглядываясь в полумрак. — Слава богу, хоть одна живая душа!

Элинон без удивления поняла, что говорит так, будто миссис Дадли ее не слышит, хотя миссис Дадли стояла в вестибюле, прямая и бледная.

— Поднимайтесь сюда, — продолжала Элино́р. — Вам придется самой нести свой чемодан.

Она запыхалась и говорила без умолку — облегчение прогнало всегдашнюю робость.

— Меня зовут Элино́р Венс, и я так рада, что вы здесь!

— Я Теодора. Просто Теодора. И можно на ты. Этот кошмарный дом...

— Наверху не лучше. Идите сюда. Скажите ей, пусть поселит вас рядом со мной.

Теодора вслед за миссис Дадли поднялась по массивной лестнице, недоверчиво разглядывая витраж на площадке, мраморную вазу в нише, узорчатый ковер. Чемодан у нее был куда тяжелее, чем у Элино́р, и куда шикарнее; Элино́р, выступившая вперед, чтобы помочь новоприбывшей, порадовалась, что ее вещи благополучно убраны с глаз долой.

— Погодите, пока увидите спальни. Моя, думаю, прежде служила бальзамировочной.

— О таком доме я мечтала всю жизнь, — ответила Теодора. — Убежище, где можно остаться наедине со своими мыслями. Особенно если это мысли об убийстве, самоубийстве или...

— Зеленая комната, — холодно произнесла миссис Дадли, и Элино́р с внезапной неприязнью почувствовала, что легкомысленные или критические отзывы о доме каким-то образом задевают экономку; может быть, она убеждена, что Хилл-хаус нас слышит, сказала себе Элино́р и тут же пожалела о своем предположении. Наверное, она поежилась, потому что в следующий миг Теодора ласково, успокаивающе положила ей руку на плечо. Она прелесть, подумала Элино́р, улыбаясь в ответ, ей не место в этом темном, тоскливом доме. Впрочем, мне тоже здесь не место, и вообще никому. И тут

она рассмеялась, увидев, с каким выражением Теодора оглядывает зеленую комнату.

— Боже, — выдохнула та, искоса глядя на Элино́р, — как очаровательно. Ну просто беседка.

— Обед будет стоять на буфете в столовой к шести часам ровно, — сказала миссис Дадли. — По тарелкам можете раскладывать сами. Посуду я уберу с утра. Завтрак я готовлю к девяти. Таковы мои условия.

— Ты напугана, — заметила Теодора, глядя на Элино́р.

— Поддерживать в комнатах такой порядок, как вам хотелось бы, я не могу, а помощницу мне вы все равно не найдете. Я никому не прислуживаю. Я здесь работаю, но это не значит, что я стану кому-нибудь прислуживать.

— Это просто пока я думала, что буду здесь совсем одна, — ответила Элино́р.

— После шести я ухожу, — продолжала миссис Дадли. — До того, как начнет смеркаться.

— Теперь я здесь, — сказала Теодора, — так что все хорошо.

— У нас общая ванная, — объявила Элино́р невпопад. — Все спальни в точности одинаковые.

В комнате у Теодоры были зеленые репсовые шторы, зеленый плед на постели и такое же одеяло в ногах, обои с зелеными гирляндами, комод с мраморной столешницей и гардероб — в точности как у Элино́р.

— В жизни не видела ничего ужаснее, — проговорила Элино́р, почти срываясь на крик.

— Все как в лучших гостиницах, — объявила Теодора, — или в приличных летних лагерях для девочек.

— Я не задерживаюсь дотемна, — продолжала миссис Дадли.

— Если ночью будете кричать, никто не услышит, — пояснила Элино́р. Поймав на себе вопросительный

взгляд Теодоры, она поняла, что мертвой хваткой вцепилась в дверную ручку, поэтому тут же разжала пальцы и уверенно прошла через комнату. — Надо будет придумать, как открыть окна.

— Так что если вам потребуется помощь, тут никого не будет, — сказала миссис Дадли. — Ночью мы вас даже не услышим. Никто не услышит.

— Теперь все нормально? — спросила Теодора.

Элинор кивнула.

— Ближе поселка никто тут не живет. Даже и не подходит.

— Наверное, ты проголодалась, — сказала Теодора. — Я умираю, как хочу есть. — Она поставила чемодан на кровать и сбросила туфли, продолжая говорить: — От голода я просто зверею: рывкаю на людей и раздражаюсь слезами.

Она вытащила из чемодана свободного покроя брюки.

— По ночам, — миссис Дадли улыбнулась, — в темноте, — и закрыла за собой дверь.

Через минуту Элинор сказала:

— А еще она ходит совершенно беззвучно.

— Милейшая старушенция. — Теодора оглядела комнату. — Беру назад свои слова насчет лучших гостиниц. Это вылитая школа-пансион, в которой я одно время училась.

— Идем, покажу мою. — Элинор открыла дверь ванной и провела Теодору в синюю комнату. — Когда ты приехала, я только распаковала вещи и уже думала сложить их обратно.

— Бедная крошка. Ты совершенно точно умираешь с голоду. А я, когда увидела этот домище снаружи, только об одном могла думать: вот бы здорово было стоять здесь и смотреть, как он горит. Может, перед отъездом...

— Так ужасно тут совсем одной.

— Видела бы ты мой пансион во время каникул! — Теодора вернулась в свою спальню.

Звук и движение в двух комнатах немного приободрили Элинора. Она поправила одежду на плечиках в гардеробе и поровнее сложила книжки на прикроватном столике.

— А знаешь, — крикнула Теодора через ванную, — это правда похоже на первый день в новой школе: все такое чужое и гадкое, ты никого не знаешь и тебе страшно, что все будут смеяться над твоей одеждой.

Элинора, которая как раз открыла ящик, чтобы вытащить брюки, замерла, потом рассмеялась и бросила брюки на кровать.

— Я правильно поняла, — продолжала Теодора, — что миссис Дадли не придет, если мы ночью будем визжать от страха?

— Таковы ее условия. А ты встретила у ворот милого старичка?

— Мы чудесно побеседовали. Он сказал, что не впустит меня, а я сказала, что впустит. Потом я хотела его задавить, но он отпрыгнул. Слушай, нам обязательно сидеть в комнатах и ждать? Я бы надеялась что-нибудь поудобнее. Или надо будет нарядиться к обеду?

— Я не стану, если ты не станешь.

— А я не стану, если не станешь ты. Нас двоих им не одолеть. И вообще, пошли гулять — мне не терпится выбраться из-под этой крыши.

— Здесь очень рано темнеет, в холмах, под деревьями...

Элинора снова подошла к окну, однако на лужайке по-прежнему лежал солнечный свет.

— По-настоящему стемнеет не раньше чем через час. Я хочу выйти и покататься по траве.

Элинор выбрала красный свитер, думая, что в этой комнате и в этом доме красный свитер и купленные к нему красные босоножки будут не совпадать по тону, хотя вчера цвета казались достаточно близкими. Ну и поделом мне, подумала она, никогда таких вещей не носила, нечего было и начинать. Однако отражение в большом зеркале на дверце гардероба выглядело на удивление хорошо, почти успокаивающе.

— Ты знаешь, кто еще придет? — спросила Элинор. — И когда?

— Доктор Монтегю, — ответила Теодора. — Я думала, он придет первым.

— Ты давно знаешь доктора Монтегю?

— В глаза не видела. А ты?

— И я. Ты заканчиваешь одеваться?

— Я готова.

Теодора прошла через ванную в комнату Элинор. Какая она симпатичная, подумала Элинор, хотела бы я быть такой. На Теодоре была ярко-желтая блузка. Элинор сказала со смехом:

— От тебя в комнате больше света, чем от окон.

Теодора подошла к зеркалу и одобрительно себя оглядела.

— Думаю, в этом унылом месте наш долг — выглядеть как можно ярче. Твой красный свитер — самое то: нас с тобой будет видно через весь Хилл-хаус. — По-прежнему разглядывая себя в зеркале, она спросила: — Как я понимаю, доктор Монтегю тебе написал?

— Да. — Элинор смутилась. — Я сперва подумала, это шутка. Но муж моей сестры навел справки...

— Знаешь, — медленно проговорила Теодора, — до последней минуты... наверное, до ворот... я не верила, что Хилл-хаус и правда есть. Все-таки не ждешь, что такое может быть.

— Однако некоторые надеются, — промолвила Элинора.

Теодора рассмеялась и, круто повернувшись, взяла ее за руку.

— Теперь мы двое детей в лесу, — сказала она. — Идем исследовать окрестности.

— Не стоит уходить далеко от дома...

— Обещаю свернуть назад по первому твоему слову. Как ты считаешь, надо предупредить миссис Дадли, что мы отправляемся гулять?

— Наверняка она следит за каждым нашим шагом, и это тоже условие, которое она поставила.

— Интересно, кому? Графу Дракуле?

— Ты думаешь, это он здесь живет?

— Думаю, он проводит здесь выходные. Клянусь, я видела в деревянной резьбе внизу летучих мышей. Вперед, вперед!

Они сбежали по лестнице, стуча каблуками, внося жизнь и свет в сумерки украшенных деревянной резьбой стен. Миссис Дадли стояла в вестибюле и молча смотрела на них.

— Мы идем гулять, миссис Дадли, — весело сказала Теодора. — Будем где-нибудь неподалеку.

— И скоро вернемся, — добавила Элинора.

— Обед будет на буфете в столовой к шести часам, — повторила миссис Дадли.

Элинора с усилием потянула на себя парадную дверь. Первое впечатление не обмануло — дверь и впрямь была очень тяжелая. Элинора подумала, что на обратном пути им ее не открыть.

— Не закрывай, — бросила она Теодоре через плечо. — Она ужасно тяжелая. Давай поставим сюда вазу, чтобы не захлопнулась.

Теодора подкатила из угла вестибюля большую каменную вазу, и они вместе установили ее в двери. После темноты дома вечерний свет показался неожиданно ярким, в воздухе пахло свежестью. За спиною у них миссис Дадли отодвинула вазу, и дверь захлопнулась.

— Очаровательная старушенция, — сообщила закрытой двери Теодора.

Лицо ее заострилось от гнева, и Элинора подумала: надеюсь, она никогда не посмотрит так на меня. И тут же удивилась сама себе: я всегда стесняюсь новых людей, а тут не прошло и получаса, как Теодора стала мне близка и необходима — настолько, что я боюсь вызвать ее гнев.

— Полагаю... — неуверенно начала она и сразу успокоилась, потому что при звуке ее голоса Теодора немедленно улыбнулась. — Полагаю, что в дневные часы, когда миссис Дадли здесь, я найду себе очень важное занятие далеко-далеко от дома. Утаптывать площадку под теннисный корт, например. Или ухаживать за виноградом в оранжерее.

— Наверное, ты сможешь подменить мистера Дадли у ворот.

— Или искать в крапиве безымянные могилы...

Они стояли у перил террасы; отсюда им была видна вся подъездная аллея до поворота и, вдалеке среди холмов, тонкая ниточка дороги, по которой они приехали. Если не считать электрических проводов, идущих к дому из-за деревьев, Хилл-хаус казался ничем не связанным с остальным миром. Элинора пошла вдоль террасы, которая, похоже, опоясывала весь дом.

— Ой, смотри! — сказала она, поворачивая за угол. За домом громоздились холмы: огромные, затопленные летней зеленью, пышные и безмолвные.

— Так вот почему он зовется Хилл-хаусом, — пробормотала Элинор невпопад.

— Очень по-викториански, — заметила Теодора. — Викторианцы обожали такую чрезмерную грандиозность и с головой зарывались в бархатные складки, кисти и лиловый плюш. В более раннее или более позднее время дом поставили бы на холме, где ему самое место, а не сюда, в яму.

— На вершине холма его бы все видели. Я за то, чтобы он оставался скрытым.

— Теперь я все время буду бояться, что холмы на нас рухнут, — объявила Теодора.

— Не рухнут. Просто будут сползать, незримо и беззвучно, пока не накроют с головой. И никуда мы от них не убежим.

— Спасибо, — тихо сказала Теодора, — ты отлично довершила то, что начала миссис Дадли. Я немедленно собираю чемодан и еду домой.

Элинор в первый миг поверила, но тут же различила веселье на лице Теодоры и подумала: она гораздо храбрее меня. Неожиданно — хотя позже это станет привычным штрихом, узнаваемой чертой того, что связывалось у Элинор с именем Теодора, — та уловила ее мысли и ответила на них.

— Не надо все время бояться. — Теодора пальцем тронула Элинор за щеку. — Мы не знаем, откуда берется наша храбрость.

И она сбежала по ступеням на лужайку между купами высоких деревьев, крикнув через плечо:

— Догоняй! Я хочу поискать, есть ли здесь ручей.

— Не стоит уходить далеко, — напомнила Элинор.

Словно две школьницы, они припустили по лужайке: даже после недолгого пребывания в Хилл-хаусе их радовал внезапно открывшийся простор, радовала трава под ногами после жестких полов; почти звериный инстинкт влек девушек на звук и запах воды.

— Сюда! — крикнула Теодора. — Здесь тропка.

Ручей журчал дразняще близко, тропка петляла между деревьями — то тут, то там им открывался вид на подъездную аллею, — но все время под уклон, дальше от дома. Лес закончился, начался каменистый луг, и Элинор сразу почувствовала себя лучше, хоть и заметила, что солнце висит уже в неприятной близости от нагромождения холмов. Она позвала Теодору, однако та лишь крикнула: «Вперед, вперед!» — и побежала дальше по тропке, но почти сразу ойкнула и остановилась перед самым ручьем, который почти без предупреждения выпрыгнул у нее из-под ног. Элинор, подойдя сзади обычным шагом, успела поймать ее за руку, и обе со смехом повалились на берег ручья.

— Ох и любят же здесь пугать приезжих, — сказала Теодора, переводя дух.

— Скажи спасибо, что не упала в воду, — проворчала Элинор. — Нечего было нестись сломя голову.

— А здесь мило, правда?

Ручей тек стремительно, легкая рябь поблескивала на солнце; по обоим берегам трава спускалась к самой воде, желтые и голубые цветы клонили свои головки. За пологим склоном начинался еще один луг, а за ним, далеко — высокие холмы, все еще озаренные косыми вечерними лучами.

— Мило, — уверенно повторила Теодора, словно подводя итог.

— Я точно здесь раньше бывала, — сказала Элинор. — Может быть, в детской книжке.

— Ничуть не сомневаюсь. Умеешь пускать «блинчики»?

— Сюда принцесса приходит на свидания с волшебной золотой рыбкой, которая на самом деле — переодетый принц...

— Уж больно он должен быть маленький, твой принц, в ручье всей глубины — не больше трех дюймов.

— Тут есть камушки, чтобы перебраться на другую сторону, и крохотные рыбки — наверное, мальки.

— И все они — переодетые принцы. — Теодора растянулась на солнышке и зевнула. — Головастики?

— Мальки. Для головастиков уже не время, глупышка, но мы наверняка найдем лягушачью икру. Я в детстве ловила мальков руками и отпускала.

— Из тебя бы вышла отличная фермерша.

— Здесь хорошо устраивать пикники. Сидеть у ручья и есть крутые яйца.

— Салат с курицей и шоколадный кекс, — рассмеялась Теодора.

— Лимонад в термосе. Просыпанная соль.

Теодора перекатилась поудобнее.

— А знаешь, про муравьев все врут. Нет никаких муравьев. Коровы, может быть. Но я еще ни разу не видела на пикнике муравья.

— А быка? Обязательно кто-нибудь должен сказать: «В поле не ходи, там бык».

Теодора открыла один глаз.

— У тебя был дядюшка-юморист? Который что ни скажет, все смеются? И который советовал тебе не бояться быка: когда бык на тебя кинется, надо просто схватить его за кольцо в носу и раскрутить над головой?

Элинор бросила в ручей камешек; сквозь прозрачную воду было видно, как он медленно опустился на дно.

— У тебя много дядюшек?

— Тысячи. А у тебя?

Через минуту Элинор ответила:

— О да. Большие и маленькие, толстые и тощие...

— У тебя есть тетя Эдна?

— Тетя Мюриэль.

— Такая сухопарая? В круглых очках?

— С гранатовой брошкой.

— Она приходит на семейные торжества в темно-бордовом платье?

— Отделанном кружевом.

— Тогда, наверное, мы с тобой родственницы, — сказала Теодора. — У тебя были пластинки на зубах?

— Нет. Веснушки.

— Я ходила в частную школу, где меня учили делать реверансы.

— Я вечно болела зиму напролет. Мама заставляла меня носить шерстяные чулки.

— Моя мама заставляла брата приглашать меня на танцы, и я делала реверансы как очумелая. Брат до сих пор меня ненавидит.

— Я упала во время выпускной процессии.

— Я забыла свою партию в оперетте.

— Я писала стихи.

— Да, — сказала Теодора. — Теперь я точно знаю, что мы кузины.

Она со смехом села, и тут Элинор шепнула:

— Тише. Рядом кто-то есть.

Они застыли, прижавшись плечами и молча глядя на склон за ручьем. Трава там шевелилась: кто-то

медленно и незримо пробирался по яркому зеленому холму. Солнечный свет померк, от ручья потянуло холодом.

— Кто это? — выдохнула Элино́р.

Теодора крепко стиснула ее запястье.

— Ушел, — звонко произнесла Теодора. Снова выглянуло солнышко и стало тепло. — Это был кролик.

— Я его не видела, — сказала Элино́р.

— Я заметила его в ту же минуту, как ты заговорила, — твердо объявила Теодора. — Это был кролик. Он скрылся за холмом.

— Мы тут слишком долго сидим. — Элино́р с тревогой взглянула на солнце — оно уже коснулось холмов — и, встав с сырой травы, поняла, что у нее затекли ноги.

— Только вообразить! Две закаленные пикниками девицы испугались кролика, — рассмеялась Теодора.

Элино́р протянула ей руку, помогая встать.

— Нам правда надо спешить, — сказала она и, поскольку сама не вполне понимала свою тревогу, добавила: — Может, другие уже приехали.

— Ладно, скоро мы сюда вернемся и устроим пикник, — заметила Теодора, следуя за Элино́р вверх по тропинке. — Тут у ручья просто необходимо устроить пикник в классическом духе.

— Можно попросить миссис Дадли, чтобы она сварила нам яйца. — Элино́р замерла и сказала, не обращившись: — Теодора, ты знаешь, я не смогу. Честное слово, не смогу.

— Элино́р. — Теодора положила руку ей на плечо. — Ты же не позволишь им нас разлучить? Теперь, когда выяснилось, что мы кузины?

Солнце плавно скользнуло за холмы, словно торопясь зарыться наконец в их мягкую зеленую перину. На лужайке перед домом лежали длинные тени. Теодора и Элино́р подошли со стороны боковой террасы — безумный фасад Хилл-хауса, по счастью, уже скрыла тьма.

— Нас кто-то ждет, — сказала Элино́р, прибавляя шаг, и в следующее мгновение впервые увидела Люка. Все пути ведут к свиданью, подумала она и сумела выговорить только неловкое: — Вы нас ищете?

Он подошел к перилам, сощурился, разглядывая их в сумерках, и тут же склонился в низком поклоне, который сопровождал широким приглашающим жестом.

— «Коль это мертвые, — продекламировал он, — то смерть желанна мне». Дамы, если вы — призрачные обительницы Хилл-хауса, я останусь здесь навсегда.

Вот придурочный, строго подумала Элино́р, а Теодора сказала:

— Простите, что мы вас не встретили. Мы ходили смотреть окрестности.

— Ничего, нас встретила чокнутая старуха с кислой физиономией, — ответил Люк. — «Здрасьте-здрасьте, — сказала она мне, — надеюсь, утром я застаю вас живыми, а ваш обед сгорит на буфете в столовой». Засим она отбыла в кабриолете новейшей модели вместе с первым и вторым убийцами.

— Миссис Дадли, — заметила Теодора. — Первый убийца — это, должно быть, Дадли-привратник, а второй, полагаю, граф Дракула. Чудесная семейка.

— Раз мы составляем перечень действующих лиц, — сказал он, — то меня зовут Люк Сандерсон.

— Так вы представитель семьи? — вырвалось у Элинор. — Владельцев Хилл-хауса? Не гость доктора Монтегю?

— Да, я представитель семьи и когда-нибудь унаследую сие величественное сооружение, а до тех пор я здесь в качестве гостя доктора Монтегю.

Теодора хихикнула.

— Мы, — сказала она, — Элинор и Теодора, две маленькие девочки, которые хотели расположиться у ручья на пикник, но испугались кролика и прибежали домой.

— Я смертельно боюсь кроликов, — вежливо согласился Люк. — А вы возьмете меня с собой, если я пообещаю нести корзину для пикника?

— Можете прихватить укулеле и развлекать нас музыкой, пока мы будем есть бутерброды с курицей. Доктор Монтегю здесь?

— Да. Любуется своим домом с привидениями.

Минуту они молчали. Всем троим хотелось подойти друг к другу поближе, сбиться в кучу. Наконец Теодора сказала тоненько:

— Как-то в темноте не очень это смешно, а?

Тяжелая парадная дверь распахнулась.

— Дамы, прошу вас. Заходите. Я — доктор Монтегю.

2

Впервые они стояли все вместе в большом темном вестибюле Хилл-хауса. Дом вокруг насторожился и засек их, над ними чутко спали холмы, мелкие завихрения воздуха, звука или движения беспокойно ждали и перешеп-

тывались, а центром сознания каким-то образом стало небольшое пространство, в котором они стояли, четыре отдельных человека, глядящих друг на друга с надеждой.

— Я очень рад, что все доехали благополучно и вовремя, — сказал доктор Монтегю. — Добро пожаловать, добро пожаловать в Хилл-хаус — хотя, возможно, эти чувства более пристало выразить вам, мой мальчик? И все равно, добро пожаловать, добро пожаловать. Люк, мой мальчик, вы смешаете нам мартини?

3

Доктор Монтегю с оптимизмом поднял бокал, отпил глоток и вздохнул.

— На троечку, — сказал он. — На троечку, мой мальчик. И тем не менее за наш успех в Хилл-хаусе.

— А что именно считается успехом в такого рода делах? — живо любопытствовал Люк.

Доктор рассмеялся.

— Скажем так. Я надеюсь, что все мы интересно проведем время, а моя книга заставит моих коллег прикусить язык. Я не говорю, что мы собрались здесь отдыхать, хотя у кого-то и могло сложиться такое впечатление: я надеюсь, что вы будете работать. Впрочем, конечно, работа бывает разная, не так ли? Записи, — произнес он веско, словно хватаясь за единственную прочную опору в этом зыбком мире. — Записи. Мы будем вести записи — дело для многих вполне посильное.

— Лишь бы никто не каламбурил про спирт и спиритизм, — сказала Теодора, протягивая Люку пустой бокал.

— Спиритизм? — Доктор уставился на нее. — Ах да, конечно. Никто из нас... — Он замялся, хмурясь. — Конечно нет.

И он трижды быстро отхлебнул коктейль.

— Все так странно, — проговорила Элинор. — Я хочу сказать, еще сегодня утром я гадала, каким будет Хилл-хаус, а теперь никак не поверю, что он существует на самом деле и мы здесь.

Они сидели в небольшой комнате, которую выбрал доктор: он провел их по узкому коридору и не сразу ее нашел, даже успел немного занервничать. Комната была определенно неуютная: с чересчур высоким потолком и узким изразцовым камином, откуда как будто веяло холодом, несмотря на то что Люк сразу развел огонь. Округлые сиденья кресел скользили, заставляя ерзать, свет от ламп под цветными бисерными абажурами не проникал в углы. Вся комната казалась темно-малиновой, стены были оклеены обоями с золотым тиснением, под ногами тускло отсвечивал спиральный узор ковра, с каминной полки бессмысленно ухмылялся мраморный купидон. Когда все на минуту замолчали, давящая атмосфера дома только сгустилась. Элинор, гадая, происходит это все на самом деле или она сейчас спит в каком-то бесконечно далеком безопасном месте и видит Хилл-хаус во сне, медленно и тщательно оглядела комнату, убеждая себя, что все вокруг настоящее, вещи — от изразцов камина до мраморного купидона — существуют въяе, а эти люди станут ее друзьями. Доктор — кругленький, розовощекий, бородатый — куда естественнее смотрелся бы у камина в уютной маленькой гостиной, с кошкой на коленях и тарелкой домашних булочек, которые принесла ему миниатюрная розовая жена. Однако это, без сомнения, был тот самый доктор Монтегю, чьи знания и упорство привели ее сюда. По другую сторону камина, напротив доктора, сидела Теодора, которая безошибочно выбрала единственное мало-мальски удобное кресло и свернулась в нем, перекинув ноги через подло-

котник и прижавшись щекой к спинке. Она как кошка, подумала Элино́р; кошка, которая ждет, что ее покормят. Люк ни на минуту не оставался в покое: он расхаживал по сумрачной комнате, наполнял бокалы, ворошил дрова в камине, трогал мраморного купидона, яркий в свете огня и непоседливый. Все молчали, глядя в огонь, разомлев после долгой дороги, и Элино́р подумала: я четвертая в этой комнате, одна из них. Я своя.

— Раз мы все здесь, — внезапно сказал Люк, словно и не было долгого молчания, — не стоит ли нам познакомиться? Пока мы знаем только имена. Мне известно, что в красном свитере — Элино́р, следовательно, девушка в желтой блузке — Теодора...

— У доктора Монтегю борода, — добавила Теодора, — следовательно, вы Люк.

— А ты Теодора, — подхватила Элино́р, — поскольку Элино́р — это я.

Я — Элино́р, торжествующе повторила она про себя. Своя в этой компании, сижу с друзьями у камина и болтаю как ни в чем не бывало.

— Следовательно, ты — в красном свитере, — серьезно объяснила ей Теодора.

— У меня нет бороды, — сказал Люк, — следовательно, он — доктор Монтегю.

— У меня есть борода, — благодушно улыбнулся доктор Монтегю. — Моей жене, — сообщил он, — нравятся бороды. А многим другим женщинам — нет. Чисто выбритый мужчина — не в обиду вам будет сказано, мой мальчик, — по словам моей жены, выглядит не до конца одетым.

Он отсалютовал Люку бокалом.

— Теперь, когда я знаю, кто из нас я, — сказал Люк, — позвольте мне сообщить о себе дополнительные

сведения. В частной жизни — допуская, что есть общественная жизнь, а все остальное — частная, — так вот, в частной жизни я... дайте-ка сообразить... бандерильеро. Да, я бандерильеро, участвую в бое быков.

— Мою любовь зовут на Б, — не удержалась Элино́р. — Я люблю его, потому что он бородастый.

— Истинная правда, — кивнул Люк. — А значит, я — доктор Монтегю. Я живу в Бангкоке, и мое хобби — бегать за юбками.

— А вот и нет, — с улыбкой возразил доктор Монтегю. — Я живу в Бельмонте.

Теодора рассмеялась и бросила на Люка тот же быстрый, понимающий взгляд, что прежде на Элино́р. Той подумалось, что тяжело, наверное, постоянно находиться рядом с таким чутким человеком, как Теодора, ловящим на лету каждую мысль, каждое движение души.

— Я по профессии натурщица, — быстро сказала Элино́р, чтобы заглушить собственные мысли. — Я веду беспутную жизнь, брожу, завернувшись в длинную шаль, из мансарды в мансарду.

— Вы бессердечны и непостоянны? — спросил Люк. — Или вы из тех хрупких созданий, что влюбляются в сына лорда и чахнут во цвете лет?

— Надсадно кашляя и теряя красоту? — добавила Теодора.

— Я бы скорее сказала, что у меня широкое сердце, — задумчиво проговорила Элино́р, — во всяком случае, мои романы обсуждают во всех артистических кафе.

Боже мой, подумала она, боже мой, что я несу?

— Увы, — сказала Теодора, — а я — дочь лорда. Обычно я хожу в парче, шелке и кружевах, но сегодня, чтобы предстать перед вами, одолжила наряд у горничной. Конечно, я могу так влюбиться в обычную

жизнь, что не вернусь домой, и бедняжке придется покупать себе новую одежду. А кто вы, доктор Монтегю?

Он улыбнулся в свете камина.

— Странник. Пилигрим.

— Замечательная компания, — одобрительно произнес Люк. — Мы просто не можем не подружиться. Гетера, пилигрим, принцесса и тореадор. Хилл-хаус точно никогда не видел подобного общества.

— Отдам должное Хилл-хаусу, — сказала Теодора. — Я никогда не видела подобного дома. — Она встала и, держа в руке бокал, подошла к вазе со стеклянными цветами, чтобы получше их рассмотреть. — Как, повашему, называется эта комната?

— Салон, наверное, — ответил доктор Монтегю. — Или будуар. Я решил, что здесь нам будет удобнее. Кстати, предлагаю считать эту комнату нашим штабом. Может быть, она не слишком радостная...

— Конечно, она радостная! — твердо возразила Теодора. — Нет ничего веселее бордовой обивки, дубовых панелей и... что это там в углу? Портшез?

— Завтра вы увидите остальные комнаты, — напомнил ей доктор.

— Если это будет наша игровая, — сказал Люк, — предлагаю занести сюда что-нибудь, на чем можно устроиться. Тут я ни на чем усидеть не могу — соскальзываю, — доверительно сообщил он Элинору.

— Завтра, — ответил доктор. — Кстати, завтра мы осмотрим весь дом и устроим тут все, как захотим. А сейчас, если все допили, предлагаю выяснить, что там миссис Дадли приготовила на обед.

Теодора сорвалась с места и тут же замерла в нерешительности.

— Кому-нибудь придется меня вести. Я не знаю, где столовая. — Она указала рукой. — Это дверь в длинный коридор к вестибюлю.

Доктор хохотнул.

— Ошибаетесь, дорогая. Эта дверь ведет в оранжевую. — Он встал, указывая дорогу, и добавил самодовольно: — Я изучил план дома. Думаю, надо пройти по коридору в вестибюль и через бильярдную в дальнем его конце в столовую. Ничего сложного, — добавил он, — как только привыкнете.

— Зачем они так себя путали? — спросила Теодора. — Зачем столько нелепых комнатушек?

— Может, они друг от друга прятались, — предположил Люк.

— И еще я не понимаю, зачем тут все такое темное, — сказала Теодора.

Они с Элиной шли за доктором Монтегю по коридору. Люк, немного отстав от них, заглянул в ящик узкого стола и вслух подивился деревянной резьбе по верху стенных панелей: ее составляли головки купидонов, перемежающиеся пучками лент.

— Многие комнаты и вовсе без окон, — сообщил доктор, шагая впереди всех, — и не соприкасаются с наружными стенами. Впрочем, в домах этого периода наличие темных комнат совсем не удивительно, особенно если вспомнить, что окна, даже там где они были, закрывались изнутри тяжелыми шторами, а снаружи — кустами. Ну вот. — Он распахнул дверь, и они вступили в вестибюль. — А теперь... — Доктор оглядел двери напротив: большую двустворчатую и две маленькие по бокам — и выбрал ближайшую. — Все-таки дом и впрямь очень странный, — заметил он, пропуская спутников в темное помещение. — Люк, подержите дверь, чтобы я смог отыскать столовую.

Доктор Монтегю осторожно пересек комнату и открыл следующую дверь. Вслед за ним они прошли в самое приятное из здешних помещений — тем более приятное, что внутри было светло и пахло едой.

— Я себя поздравляю, — объявил доктор, потирая руки. — Я вывел вас к цивилизации через неведомые дебри Хилл-хауса.

— Следует завести привычку оставлять все двери открытыми. — Теодора нервно глянула через плечо. — Мне ужасно не нравится бродить в потемках.

— Тогда надо их чем-нибудь подпирать, — заметила Элинора. — Все двери тут захлопываются, как только их отпустишь.

— Завтра, — сказал доктор Монтегю. — Я запишу себе для памяти: дверные ограничители.

Он весело направился к буфету, где миссис Дадли поставила электропечку и внушительный ряд блюд под крышками. Стол был накрыт на четверых: плотная белая скатерть, свечи в подсвечниках и тяжелое столовое серебро.

— Без обмана, — промолвил Люк, беря вилку жестом, который, безусловно, подтвердил бы худшие подозрения его тетушки. — Нам подали серебро.

— Думаю, миссис Дадли гордится домом, — заметила Элинора.

— Уж точно с готовкой она не ударила в грязь лицом, — сказал доктор, заглядывая в электропечку. — Все складывается как нельзя лучше. Миссис Дадли уходит до темноты и не портит нам настроение своим постным видом.

— Возможно, — заметил Люк, щедрой рукой наполняя свою тарелку, — возможно, я несправедлив к добрейшей миссис Дадли — кстати, почему я, вопреки

всему, называю ее про себя «добрейшей»? Она сказала, что надеется застать меня утром живым и что обед в печке. Теперь я понял, что она прочила мне смерть от ожорства!

— А что ее здесь удерживает? — спросила Элинора у доктора Монтегю. — Почему они с мужем согласны оставаться в доме одни?

— Насколько я знаю, Дадли присматривают за Хилл-хаусом с незапамятных времен, и Сандерсонов это вполне устраивает. Но завтра...

Теодора хихикнула.

— Наверняка миссис Дадли — последний потомок истинных владельцев Хилл-хауса. Она дожидается, когда последний Сандерсон — то есть вы, Люк, — умрет страшной смертью. Тогда она получит дом и запечатанные в подвале драгоценности. А может, они с Дадли хранят в потайной комнате золото. Или под домом есть нефть.

— В Хилл-хаусе нет потайных комнат, — твердо возразил доктор Монтегю. — Естественно, такая возможность предполагалась и раньше, и я могу со всей определенностью заявить, что никаких таких романтических укрытий в доме не имеется. Но завтра...

— Так или иначе, нефть уже не в моде — ее в старых замках больше не ищут, — сказал Люк Теодоре. — Если миссис Дадли и уколошит меня, то по меньшей мере за уран.

— Или просто для собственного удовольствия, — заметила Теодора.

— Да, — сказала Элинора, — но зачем мы здесь?

Целую минуту все трое смотрели на нее; Люк и Теодора с любопытством, доктор — серьезно. Потом Теодора промолвила:

— Я как раз собиралась задать тот же вопрос. Зачем мы здесь? Что не так с Хилл-хаусом? Что должно произойти?

— Завтра...

— Нет, — ответила Теодора почти сварливо. — Мы взрослые умные люди. Мы проделали долгий путь, доктор Монтегю, чтобы встретиться с вами в Хилл-хаусе. Элинор хочет знать зачем, и я тоже.

— И я, — сказал Люк.

— Зачем вы собрали нас здесь, доктор? Зачем сами сюда приехали? Как вы прослышали о Хилл-хаусе? Почему у него такая репутация и что тут на самом деле происходит? Что должно случиться?

Доктор огорченно нахмурился.

— Не знаю, — ответил он и, когда Теодора досадливо встряхнула рукой, добавил: — Мне известно о доме немногим больше вашего; разумеется, все эти сведения я вам сообщу. Однако о том, что случится, я узнаю одновременно с вами. Завтра и поговорим, при свете дня.

— Я не могу ждать, — объявила Теодора.

— Уверяю вас, — сказал доктор, — сегодня ночью в Хилл-хаусе будет тихо. В такого рода явлениях есть закономерности, как если бы паранормальные феномены подчинялись определенного рода правилам.

— А я считаю, что все-таки надо поговорить сегодня, — сказал Люк.

— Мы не боимся, — добавила Элинор.

Доктор снова вздохнул и медленно заговорил:

— Допустим, вы услышите историю Хилл-хауса и не захотите тут оставаться. Как вы уедете ночью? — Он быстро обвел их взглядом. — Ворота закрыты. Хилл-хаус известен своим назойливым гостеприимством — не любит отпускать посетителей. Последний, кто вздумал

покинуть Хилл-хаус в темноте — восемнадцать лет назад, — погиб, ударившись о дерево, когда его лошадь понесла на повороте аллеи. Допустим, я расскажу про Хилл-хаус и кто-нибудь из вас решит уехать. Завтра, по крайней мере, мы сможем проводить его до поселка.

— Но мы не сбежим, — сказала Теодора. — Я точно, и Элинор тоже, и Люк.

— Твердо будем стоять на крепостных валах, — подтвердил Люк.

— Какие своевольные ассистенты!.. Ладно, тогда после обеда. Мы вернемся в наш маленький будуар выпить немного кофе с отличным бренди, которое у Люка в чемодане. Там я расскажу вам все, что знаю о Хилл-хаусе. А пока давайте говорить о музыке, о живописи, на худой конец о политике.

4

— Я не придумал, — сказал доктор Монтегю, покачивая бокал с бренди, — как лучше подготовить вас троих к Хилл-хаусу. Я определенно не мог написать об этом в письме и сейчас опасаюсь, что мой рассказ повлияет на ваши впечатления до того, как вы сами осмотрите дом, чего мне очень бы не хотелось.

Они снова были в маленькой гостиной, теплой и почти дремотной. Теодора сидела по-турецки на коврикe у камина, сонная и разомлевшая. Элинор не сообразила сесть рядом с ней сразу, а теперь стеснялась неловко устраиваться на полу, привлекая к себе излишнее внимание, поэтому мучилась на скользком сиденье, чего так благоразумно избежала Теодора. После обильного вкусного обеда, приготовленного миссис Дадли, и часовой тихой беседы всякое чувство нереальности и скованности улетучилось: они начали узнавать друг друга бли-

же — голоса и мелкие привычки, лица и смех. Элинор с легким изумлением вспомнила, что пробыла в Хилл-хаусе не больше пяти часов, и тихонько улыбнулась. Она чувствовала ножку бокала в руке, жесткое кресло за спиной, слабые движения воздуха, еле ощутимые по колыханию бахромы и бисерных нитей. По углам лежала темнота, круглощекий купидон весело улыбался с каминной полки.

— Самое время для истории о привидениях, — сказала Теодора.

— Если позволите, — сухо произнес доктор, — мы не дети, которые собрались друг друга пугать.

— Простите, — улыбнулась Теодора. — Я просто стараюсь к этому привыкнуть.

— Давайте возьмем себе за правило очень тщательно выбирать слова. Предрассудки, связанные с духами и привидениями...

— Кровавая рука, — подсказал Люк.

— Мой дорогой мальчик, я *очень* вас попрошу. Наша цель — научно-исследовательская работа, и нельзя допустить, чтобы на нее влияли полузабытые обрывки историй, место которым — как бы выразиться помягче — в школьном походе у костра. — Очень довольный собой, доктор оглядел слушателей, проверяя, оценили ли те шутку. — Исследования прошлых лет позволили мне сформулировать некие гипотезы касательно паранормальных явлений, которые я теперь впервые могу проверить на практике. В идеале, конечно, вам ничего не следует знать о Хилл-хаусе. Вы должны быть чисты и восприимчивы.

— И вести записи, — вполголоса добавила Теодора.

— Записи. Да, конечно. Записи. Впрочем, я понимаю, что непрактично полностью лишать вас базовых

сведений, главным образом потому, что вы не привыкли без подготовки встречаться с явлениями подобного рода. — Он хитренько улыбнулся. — Вы, все трое, — испорченные, своевольные дети, намеренные вытянуть из меня страшную сказку перед сном.

Теодора хихикнула, и доктор кивнул в ее сторону, словно говоря: «Ну вот, сами видите». Он встал, подошел к огню и принял безошибочно узнаваемую позу лектора. Чувствовалось, что ему не хватает доски за спиной, потому что раз или два он полуобернулся, как будто ища мел, чтобы проиллюстрировать важную мысль.

— Итак, — сказал доктор, — рассмотрим историю Хилл-хауса.

Жаль, что у меня нет тетрадки и ручки, подумала Элинора, ему было бы привычнее. Она покосилась на Люка и Теодору, чьи лица как по команде приняли внимательно-заинтересованное выражение школьников, готовых ловить каждое слово любимого учителя. Ну вот, начался следующий этап нашего приключения, мысленно отметила Элинора.

— Вы припомните, — начал доктор, — то место в Книге Левит, где говорится о домах, пораженных проказой, цара'ат, или название потусторонней области у Гомера — дом Аида. Думаю, нет надобности повторять вам, что представление о некоторых домах как о нечистых или запретных — возможно, священных — появилось одновременно с человеком. Безусловно, есть места, которые привлекают к себе атмосферой святости и блага; в таком случае не будет чрезмерной смелостью допустить существование изначально нехороших домов. Хилл-хаус, какова бы ни была этому причина, непригоден для жизни вот уже двадцать лет. Сформировали ли его характер здешние обитатели либо их поступки,

или эти качества присутствовали в нем изначально — вопросы, на которые я ответить не могу. Разумеется, я надеюсь, что все мы за время нашего здесь пребывания узнаем о Хилл-хаусе гораздо больше. Пока неизвестно даже, почему некоторые дома называют проклятыми.

— А как еще можно назвать Хилл-хаус? — спросил Люк.

— Ну... скажем, нездоровым. Прокаженным. Больным. Подойдет любой распространенный эвфемизм для психического расстройства. «Невменяемый дом» — удачная метафора. Впрочем, существуют популярные теории, которые отбрасывают загадочное, мистическое; есть люди, которые станут вас уверять, будто явления, которые я называю паранормальными, имеют своей причиной подземные воды, или электрические токи, или галлюцинации, вызванные отравленным воздухом. Атмосферное давление, солнечные пятна, сейсмические толчки — у каждого из этих объяснений есть свои защитники из числа скептиков. Люди, — печально продолжал доктор, — всегда стремятся вытащить загадку на свет и дать ей название, сколь угодно бессмысленное, лишь бы оно звучало по-научному. — Он вздохнул, успокаиваясь, и лукаво улыбнулся слушателям. — Дом с привидениями. Все смеются. Коллегам в университете мне пришлось сказать, что я отправляюсь летом в поход.

— Я сообщила всем, что участвую в научном эксперименте, — вставила Теодора. — Не объясняя, конечно, в каком и где.

— Вероятно, ваши друзья относятся к научным экспериментам иначе, чем мои. — Доктор снова вздохнул. — В поход. В мои-то годы. И тем не менее в *это* они поверили. Да. — Он расправил плечи и пошарил рукой, словно что-то ища — возможно, указку. — Впервые я

услышал про Хилл-хаус год назад от бывшего съемщика. Для начала он заверил меня, что съехал отсюда, поскольку его семья не хотела жить в такой глуши, а закончил тем, что, по его мнению, дом надо сжечь, а само место засыпать солью. Я навел справки о других арендаторах и выяснил, что никто из них не прожил в Хилл-хаусе дольше нескольких дней, и уж точно — никто не оставался здесь до конца оговоренного срока. Причины назывались самые разные, например сырость — что, кстати, неправда, в доме очень сухо — или необходимость срочно перебраться в другое место по причинам делового характера. Так или иначе, всякий съемщик, покинувший Хилл-хаус, торопливо выдумывал вполне рациональный предлог, и тем не менее все они отсюда сбежали. Разумеется, я пытался добыть сведения из первых рук, однако все опрошенные мною жильцы крайне неохотно делились информацией и всячески избегали вспоминать частности своего здесь пребывания. В одном они были единодушны. Каждый, хоть сколько-нибудь пробывший в Хилл-хаусе, убеждал меня держаться отсюда подальше. Никто из бывших арендаторов не нашел в себе смелости назвать Хилл-хаус домом с привидениями, однако когда я посетил Хиллсдейл и заглянул в газетные архивы...

— Газетные? — переспросила Теодора. — Тут был скандал?

— О да, — ответил доктор. — Грандиозный скандал с безумием, самоубийством и тяжбами. Тогда-то я и выяснил, что у местных жителей мнение о доме однозначное. Разумеется, я выслушал десятки противоречивых версий — вы не поверите, как трудно получить точную информацию о доме с привидениями и каких трудов стоило добыть даже те немногие сведения, ко-

торыми я на данное время располагаю. В итоге я отправился к миссис Сандерсон — тетушке Люка — и договорился об аренде Хилл-хауса. Она не скрывала своего отношения...

— Дом сжечь куда труднее, чем думать, — вставил Люк.

— ... но согласилась на короткое время пустить меня сюда для научных исследований, при условии что к нам присоединится один из членов семьи.

— Она надеется, — торжественно произнес Люк, — что я уговорю вас не вытаскивать на свет божий очаровательные старые скандалы.

— Итак, я объяснил, как сам оказался здесь и почему с нами Люк. Что до вас, дамы, как всем нам уже известно, вы здесь, потому что я вам написал, а вы приняли мое приглашение. Я надеялся, что каждая из вас сможет по-своему стать своего рода резонатором для действующих в доме сил: в прошлом Теодора демонстрировала способности к телепатии, а Элинор стала непосредственной свидетельницей и участницей полтергейста...

— Я?!

— Конечно. — Доктор наградил ее удивленным взглядом. — Много лет назад, в детстве. Камни...

Элинор нахмурилась и помотала головой. Пальцы, сжимающие ножку бокала, дрожали. Наконец она проговорила:

— Это были соседи. Мама говорила, что соседи. Люди так завистливы.

— Возможно, — кивнул доктор, улыбнувшись Элинор. — Разумеется, случай давным-давно позабыт. Я упомянул о нем с единственной целью — объяснить, зачем я вас сюда пригласил.

— В моем детстве, — лениво протянула Теодора, — «много лет назад», как тактично выразился доктор, меня выпороли за то, что я бросила кирпич в стекло теплицы. Помню, я долго об этом думала, вспоминала порку — но и чудесный звон тоже — и по основательном размышлении пошла и снова бросила в теплицу кирпич.

— Я довольно плохо помню... — неуверенно сказала Элинор доктору.

— Но почему? — спросила Теодора. — Ладно, я верю, что Хилл-хаус считается нехорошим домом и вы, доктор Монтегю, пригласили нас сюда для наблюдений — держу пари, еще и потому, что не хотели жить здесь в одиночестве, — но я все равно не понимаю. Это жуткий старый дом, и если бы я его сняла, то при первом взгляде на вестибюль потребовала бы деньги обратно, однако в чем тут дело? Что всех так пугает?

— Не знаю, — ответил доктор. — Я не могу назвать то, что не имеет названия.

— Мне так и не объяснили, что происходит, — с жаром обратилась Элинор к доктору. — Мама сказала, это соседи, они злятся на нас за то, что мы до них не снисходим. Мама...

Люк перебил ее.

— Думаю, — медленно и отдельно произнес он, — нам всем нужны факты. Что-то, что мы сумеем понять и сложить.

— Во-первых, — сказал доктор, — я задам вам вопрос. Хотите ли вы уехать? Советуете ли вы нам всем собрать чемоданы, предоставить Хилл-хаус самому себе и больше никогда не иметь с ним дела?

Он посмотрел на Элинор. Та стиснула руки и подумала: вот еще один шанс уехать, а вслух сказала: «Нет» — и смущенно покосилась на Теодору.

— Я сегодня вечером вела себя немного по-детски, — сказала она. — Испугалась, как маленькая.

— Элинор говорит не всю правду, — вступилась за нее Теодора. — Я струхнула не меньше; мы обе до смерти переполошились из-за кролика.

— Кролики — жуткие создания, — поддержал ее Люк. Доктор рассмеялся.

— Полагаю, мы все сегодня вечером были немного нервные. Как-никак это потрясение — повернуть за угол и увидеть Хилл-хаус целиком.

— Я думал, доктор врежется в дерево, — подтвердил Люк.

— Теперь я очень смелая — в теплой комнате у камина вместе со всеми, — сказала Теодора.

— Мне кажется, мы не можем уехать, даже если захотим. — Элинор произнесла фразу раньше, чем поняла, что собирается сказать или какое впечатление произведет это на остальных. Поймав их недоуменные взгляды, она рассмеялась и добавила: — Миссис Дадли нас не простит.

Она не знала, поверили ли остальные трое ее объяснению, и подумала: может быть, мы уже попались и дом нас не отпустит.

— Давайте выпьем еще немного бренди, — предложил доктор, — и я расскажу вам историю Хилл-хауса. — Он снова занял лекторскую позицию у камина и начал — медленно, нарочито бесстрастно, как будто повествовал о давно умерших королях и войнах давно прошедших столетий: — Хилл-хаус был выстроен восемьдесят с лишним лет назад неким Хью Крейном в расчете на детей и внуков; без сомнения, он и сам надеялся окончить тут свой век в удобстве и роскоши. Увы, едва ли не с первого дня Хилл-хаус преследовали несча-

стья. Жена Хью Крейна погибла за минуты до того, как увидела дом: карета перевернулась на подъездной аллее, и молодую женщину внесли «бездыханной» — кажется, в пересказе истории стояло это слово — в выстроенный для нее дом. Хью Крейн, у которого на руках остались две маленькие дочки, озлобился и затосковал, однако из Хилл-хауса не уехал.

— Дети росли здесь? — недоверчиво переспросила Элинора.

Доктор улыбнулся.

— В доме, как я сказал, сухо. В округе нет болот, вызывающих лихорадку, сельский воздух полезен для здоровья, сам дом считался роскошным. Я вполне допускаю, что двое маленьких детей могли здесь играть. Им, возможно, было тут одиноко, но отнюдь не плохо.

— Надеюсь, они бродили босиком по ручью, — сказала Теодора, глядя в огонь. — Бедняжки. Может, их все-таки иногда выпускали на луг — бегать и рвать цветы.

— Отец женился еще раз, — продолжал доктор. — Вернее, еще два раза. Ему крайне... э-э... не везло в браке. Вторая миссис Крейн погибла при падении — хотя я не сумел выяснить, когда и как это произошло. Ее смерть была такой же трагически неожиданной, как и смерть предшественницы. Третья миссис Крейн скончалась от чахотки где-то в Европе; в библиотеке Хилл-хауса вроде бы хранятся открытки, которые присылали девочкам отец и мачеха из различных санаториев. Девочки жили здесь на попечении гувернантки; после смерти третьей жены Хью Крейн остался за границей, а дочерей отправил к родственнице их матери, у которой они и находились до совершеннолетия.

— Надеюсь, мамина родственница была повеселее старого Хью, — заметила Теодора, по-прежнему угрю-

мо глядя в огонь. — Страшно подумать, что дети росли в темноте, как шампиньоны.

— Сами они были другого мнения, — сказал доктор. — До конца жизни сестры спорили из-за Хилл-хауса. Хью Крейн, потерявший надежду на династию, вотчиной которой будет Хилл-хаус, умер в Европе вскоре после жены. Дом оказался в совместном владении сестер, к тому времени уже барышень — по крайней мере, старшая начала выезжать в свет.

— Сделала себе высокую прическу, научилась пить шампанское и играть веером...

— Хилл-хаус долгие годы пустовал, однако поддерживался в жилом состоянии: сперва думали, что вернется Хью Крейн, затем, после его смерти, что здесь поселится какая-нибудь из дочерей. Очевидно, на каком-то этапе они приняли решение, что Хилл-хаус достанется старшей. Младшая вышла замуж...

— А, — сказала Теодора, — так *младшая* вышла замуж. Наверняка увела кавалера у старшей.

— Утверждают, что старшую сестру и впрямь обманул возлюбленный, — подтвердил доктор. — Впрочем, так говорят почти о каждой даме, которая по той или иной причине предпочла остаться одна. Итак, здесь поселилась старшая. Видимо, она унаследовала отцовский характер: прожила тут много лет одна, почти затворницей, хотя в Хиллсдейле ее знали. Как ни странно вам это покажется, она искренне любила Хилл-хаус и считала его своим родовым гнездом. Со временем она поселила у себя местную девушку в качестве компаньонки; насколько я понимаю, тогда в Хиллсдейле не было сильного предубеждения против этого дома, поскольку старая мисс Крейн — как ее, естественно, стали называть — нанимала там слуг, а решение взять деревен-

скую девушку в компаньонки расценили как проявление доброты. Между сестрами кипела неослабная вражда: младшая утверждала, что уступила дом в обмен на некие фамильные ценности, довольно значительные, которые старшая теперь отказывается отдавать. В списке фигурировали украшения, старинная мебель и тарелки с золотой каймой — последние почему-то служили для младшей сестры источником особого раздражения. Миссис Сандерсон любезно разрешила мне порыться в коробке с семейными бумагами, и я нашел несколько писем, полученных мисс Крейн от сестры, — в каждом из них о тарелках говорится с неутраченной болью. Так или иначе, старшая сестра умерла от пневмонии здесь, в доме, в обществе одной лишь компаньонки. Впоследствии возникли слухи, будто врача вызвали слишком поздно и старуха лежала наверху одна, пока молодая особа любезничала в саду с кавалером, но я подозреваю, что все это наговоры. Насколько я понял, эта версия возникла не сразу; более того, почти все обвинения исходят непосредственно от младшей сестры, которая так и не успокоилась в своей ненависти.

— Не нравится мне младшая сестра, — объявила Теодора. — Сперва увела у старшей жениха, затем пыталась украсть тарелки. Неприятная особа.

— С Хилл-хаусом связан внушительный список трагедий, но, полагаю, в этом он мало отличен от других старых домов. Люди где-то живут и умирают; вряд ли дом может простоять восемьдесят лет без того, чтобы кто-нибудь не скончался в его стенах. После смерти мисс Крейн началась тяжба из-за Хилл-хауса. Компаньонка утверждала, что он завещан ей, младшая сестра с мужем настаивали, что дом по закону принадлежит им и компаньонка обманом вынудила старшую сестру

отписать ей собственность, которая всегда предназначалась младшей. Неприятная история, как все семейные склоки, и, как во всех семейных склоках, обе стороны позволяли себе немислимо жестокие и грубые выпады. Компаньонка в суде показала под присягой — и здесь, полагаю, мы видим первый намек на Хилл-хаус во всей его красе, — что младшая сестра приходила в дом по ночам и воровала вещи. Когда ее попросили изложить обвинения подробнее, она заговорила очень сбивчиво и нервно, а на требование привести хоть какие-нибудь доказательства, сообщила, что пропали серебряный сервиз, дорогой комплект эмалей, а также знаменитые тарелки с золотой каймой, которые, если подумать, крайне затруднительно было бы выкрасть. Младшая сестра в ответ назвала ее убийцей и потребовала расследовать обстоятельства смерти старой мисс Крейн, положив начало толкам о сознательном оставлении без помощи. Я не нашел свидетельств, что ее слова были кем-либо восприняты всерьез. В местных газетах нет ничего, кроме официального извещения о смерти, — и будь в сопутствующих обстоятельствах что-нибудь необычное, несомненно, жители деревни заинтересовались бы первыми.

Компаньонка выиграла процесс и, думаю, выиграла бы второй — о клевете, — если бы решила его затеять. Теперь дом по закону принадлежал ей, однако младшая сестра не отказалась от своих притязаний — она засыпала несчастную компаньонку письмами и угрозами, обвиняла ее во всех смертных грехах, где только могла, а в местных полицейских архивах зафиксирован по меньшей мере один случай, когда компаньонка вынуждена была просить защиты от ненавистницы, гнавшей за ней с метлой. Компаньонка жила в постоян-

ном страхе из-за ночных краж — она настойчиво уверяла, будто кто-то проникает в дом и уносит вещи; мне попало горестное письмо, в котором она сетует, что после смерти благотельницы ни одной ночи не спала спокойно. Как ни странно, симпатии Хиллсдейла были целиком на стороне младшей сестры — возможно, потому, что компаньонка, бывшая деревенская девушка, стала теперь владетельной дамой. Понимаете, никто не думал, что она убила хозяйку, но все охотно считали ее мошенницей, ибо и сами были не прочь при случае смошенничать. Людская молва всегда жестока. Когда бедняжка покончила с собой...

— Покончила с собой? — Элинор даже привстала. — Ей пришлось покончить с собой?

— Вы хотите спросить, был ли у нее другой способ избавиться от мучительницы? Сама она, очевидно, считала, что нет. В Хиллсдейле ее самоубийство объяснили муками больной совести. Я более склонен к другой версии: думаю, бедняжка принадлежала к разряду тех упрямых неумных женщин, которые намертво держат то, что считают своим, но не способны вынести постоянных нападков. Определенно ей нечего было противопоставить клеветническим измышлениям младшей сестры, деревенские друзья от нее отвернулись, и она явно сходила с ума от навязчивой мысли, что замки и засовы не в силах преградить путь недругам, обкрадывающим ее дом по ночам.

— Ей следовало бежать из дома как можно дальше, — сказала Элинор.

— В каком-то смысле она так и поступила. Я действительно считаю, что бедняжку сжили со свету. Кстати, она повесилась. По слухам — в башенке на крыше, но если в доме есть башенка, вряд ли слухи позволят вам

повеситься где-нибудь еще. После смерти компаньонки Хилл-хаус отошел ее дальним родственникам Сандерсонам, на которых младшей сестре было куда труднее возвести поклеп, тем более что сама она к тому времени отчасти выжила из ума. Миссис Сандерсон рассказала, что, когда семья — то есть родители ее мужа — впервые приехала смотреть Хилл-хаус, младшая сестра их подкараулила и принялась выкрикивать оскорбления с обочины дороги, откуда ее и забрали в местный полицейский участок. На этом роль младшей сестры в истории, насколько я могу понять, закончилась: с того дня, как первые Сандерсоны ее спровадили, и до краткого сообщения о смерти несколькими годами позже она, по-видимому, молча лелеяла свои обиды и Сандерсонов больше не трогала. Что любопытно, во всех своих гневных тирадах она упорно стояла на одном: ни при каких обстоятельствах она бы не пришла в Хилл-хаус ночью — для кражи или для чего-либо еще.

— А что-нибудь и правда украли? — спросил Люк.

— Как я уже говорил, компаньонка под нажимом сказала, что вроде бы какие-то вещи и впрямь пропали, но не смогла твердо в этом поручиться. Понятно, что история о ночных вторжениях значительно повлияла на репутацию Хилл-хауса. Сандерсоны так и не стали в нем жить. Они провели в доме несколько дней, рассказывая местным жителям, что готовятся туда переехать, затем внезапно укатили, сообщив, что неотложные обстоятельства требуют перебраться в город. Однако у местных жителей было свое объяснение. С тех пор никто не провел в доме больше нескольких дней кряду. Много лет он предлагается на продажу или в аренду. Уф, долгая история. Мне нужно выпить еще бренди.

— Бедные девочки, — сказала Элино́р, глядя в огонь. — Так все время и представляю, как они ходят по темным комнатам, пытаются играть в куклы — может быть, здесь или в спальнях наверху.

— Значит, старый дом просто стоит тут. — Люк осторожно тронул пальцем мраморного купидона. — Все на своих местах, ничто не используется, ничего больше никому не нужно. Просто стоит и думает.

— И ждет, — сказала Элино́р.

— И ждет, — подтвердил доктор, затем добавил медленно: — Полагаю, зло заключено главным образом в самом доме. Он порабощает и уничтожает людей, ломает их судьбы. Это замкнутое средоточие злой воли. Что ж. Завтра вы увидите его целиком. Сандерсоны, еще когда думали здесь жить, провели воду, электричество и телефон, но в остальном дом не изменился.

— Ну, — сказал Люк после недолгой паузы, — я уверен, мы замечательно тут устроимся.

5

Элино́р неожиданно для себя залюбовалась собственными ногами. Теодора в полудреме сидела у камина совсем рядом, и, переведя взгляд с нее на свои красные босоножки, Элино́р с удовольствием подумала: как красиво смотрятся в них мои ноги, какой я цельный и самодостаточный человек, начиная с туфель и заканчивая макушкой, отдельная личность, не похожая на других. У меня есть красные туфли, потому что это особенность Элино́р, один из ее атрибутов. Я не люблю омаров и сплю на левом боку, я не выкидываю пуговицы от старой одежды, а когда нервничаю, то сцепляю пальцы. Я держу в руке бокал с бренди, поскольку он мой и я из него пью и поскольку я с полным правом нахожусь

в этой комнате. У меня есть красные туфли, а завтра я проснусь и по-прежнему буду здесь.

— У меня есть красные туфли, — сказала она очень тихо.

Теодора повернула голову и улыбнулась.

— Я хотел... — и доктор с бодрой надеждой оглядел собравшихся, — я хотел спросить, все ли играют в бридж?

— Конечно, — ответила Элинора. Я играю в бридж, подумала она, у меня была кошка по кличке Балерина; я умею плавать.

— А я, к сожалению, нет, — сказала Теодора.

Остальные трое в отчаянии уставились на нее.

— Совсем? — спросил доктор.

— Одиннадцать лет я играла в бридж два раза в неделю, — сказала Элинора. — С матерью, ее адвокатом и его женой. Уж на таком-то уровне ты точно можешь играть.

— Может, вы меня научите? — спросила Теодора. — Я быстро схватываю игры.

— О боже, — простонал доктор, а Элинора и Люк рассмеялись.

— Мы придумаем другое занятие, — сказала Элинора вслух, а про себя добавила: я играю в бридж, я люблю яблочный пирог со сметаной, и я сама приехала сюда на машине.

— Нарды, — горестно произнес доктор.

— Я сносно играю в шахматы, — сказал Люк доктору. Тот сразу приободрился.

Теодора упрямо скривила губы.

— Я не думала, что мы приехали сюда *играть*, — сказала она.

— Отдых, — неопределенно ответил доктор.

Теодора обиженно пожала плечами и снова уставилась в огонь.

— Я принесу доску, если скажете откуда, — предложил Люк.

Доктор улыбнулся.

— Лучше схожу я. Не забудьте, я изучил план дома. Если мы отпустим вас бродить в одиночку, то можем потом не найти.

Когда дверь за ним закрылась, Люк быстро взглянул на Теодору и, подойдя к Элиноর, встал рядом с ней.

— Вас история не напугала?

Элинор замотала головой, и Люк сказал:

— Что-то вы бледная.

— Мне, наверное, надо было давно лечь, — ответила Элинор. — Я еще никогда не проводила столько времени за рулем.

— Бренди поможет вам скорее уснуть. И вам, — добавил Люк, обращаясь к Теодоринуму затылку.

— Спасибо, — холодно проговорила Теодора, не оборачиваясь. — Я всегда легко засыпаю.

Люк понимающе ухмыльнулся Элинор. Тут дверь открылась, и вошел доктор.

— Чего только не померещится, — посетовал тот, ставя доску на стол. — Ну и дом!

— Что-нибудь произошло? — спросила Элинор.

Доктор мотнул головой.

— Наверное, нам надо договориться не ходить по дому в одиночку, — сказал он.

— Что случилось? — настаивала Элинор.

— Просто воображение шалит... Ну что, попробуем за этим столом, Люк?

— Какие восхитительные старые шахматы, — сказал Люк. — Удивляюсь, что младшая сестра их проглядела.

— Вот что я вам доложу, — объявил доктор. — Если младшая сестра и впрямь проникала сюда по ночам, то

у нее были железные нервы. Он за вами следит. Дом то есть. Следит за каждым вашим шагом... Разумеется, все это шутки моего воображения.

Лицо Теодоры в свете камина по-прежнему было надутым и обиженным; а она любит внимание, внезапно поняла Элино́р и, не раздумывая, пересела к ней. За спиной слышался стук расставляемых на доске фигур и негромкие голоса примеряющихся друг к другу Люка и доктора, в камине плясали язычки пламени и потрескивали угли. С минуту Элино́р ждала, что Теодора заговорит, потом спросила ласково:

— По-прежнему трудно поверить, что ты здесь?

— Я не знала, что тут окажется так скучно, — сказала Теодора.

— Утром у нас будет много дел, — ответила Элино́р.

— Дома были бы люди, разговоры, веселье, смех, суета...

— Наверное, я в этом не нуждаюсь, — сказала Элино́р, почти оправдываясь. — Я не привыкла веселиться. Сидела с мамой. А когда она засыпала, я раскладывала пасьянс или слушала радио. Читать не могла совсем, потому что каждый вечер часа два читала ей вслух. Любовные романы.

И она слегка улыbnулась, глядя в огонь. Однако ведь это не все, подумала она удивленно, это не объясняет, каково мне было, даже если бы я хотела объяснить. Так зачем я рассказываю?

— Я ужасно гадкая, да? — Теодора быстро пересела лицом к Элино́р и положила ладонь ей на руку. — Сижу и ворчу, что меня никто не развлекает. Я страшная эгоистка. Расскажи мне, какая я плохая.

Ее глаза в свете камина вспыхнули от удовольствия.

— Ты чудовище, — послушно сказала Элино́р. Ей было неприятно, что ладонь Теодоры лежит на ее руке — она вообще не любила прикосновений. Однако именно так Теодора выражала раскаяние, сочувствие или признанье. У меня хоть ногти чистые? — подумала Элино́р и легонько отодвинула руку.

— Я чудовище, — заявила Теодора — к ней снова вернулось хорошее настроение. — Я чудовище, свинья и абсолютно невыносима. Ну вот. А теперь расскажи о себе.

— Я чудовище, свинья и абсолютно невыносима. Теодора рассмеялась.

— Не дразни меня. Ты милая, добрая и всем нравишься. Люк влюбился в тебя по уши, и я ревную. Теперь я хочу знать про тебя все. Ты правда много лет ухаживала за матерью?

— Да, — сказала Элино́р. Ногти у нее и впрямь были грязные, а руки — уродливые, и люди часто шутят насчет влюбленностей, потому что иногда это смешно. — Одиннадцать лет, пока она не умерла три месяца назад.

— Ты горевала? Сказать тебе, что я соболезнаю?

— Нет. Она была несчастлива.

— И ты тоже?

— И я тоже.

— И что потом? Что ты сделала, когда освободилась?

— Я продала дом, — сказала Элино́р. — Мы с сестрой взяли кое-что из вещей, что захотели. Там и выбирать-то было не из чего — всякие мелочи, которые сберегла мать. Отцовские часы, старые украшения. Не как у сестер из Хилл-хауса.

— А все остальное продала?

— Все. Как только смогла.

— И тут же ударилась в безумный разгул, который и привел тебя в Хилл-хаус.

— Не совсем, — рассмеялась Элино́р.

— Но столько лет растрчено впустую! Отправилась ли ты в круиз искать блестящих кавалеров, накупила ли себе нарядов?

— Увы, — сухо ответила Элино́р, — денег получилось не так и много. Моя сестра положила свою долю в банк на образование дочери. Я действительно купила какую-то одежду, чтобы поехать в Хилл-хаус.

Люди любят отвечать на вопросы о себе, подумала она. Какое странное удовольствие! Сейчас я отвечу на что угодно.

— А что будешь делать, когда вернешься? У тебя есть работа?

— Пока нет. Не знаю, чем займусь.

— А вот я знаю. — Теодора блаженно потянулась. — Включу весь свет в нашей квартире и буду блаженствовать.

— Какая у тебя квартира?

Теодора пожала плечами.

— Чудесная. Мы сами сделали ремонт. Одна большая комната и две маленькие, уютная кухонька — мы покрасили ее в красный и белый цвета и натащили кучу старой мебели с барахолки. Столик с мраморной столешницей — просто чудо. Нам нравится выискивать старые вещи.

— Ты замужем? — спросила Элино́р.

Наступила пауза, потом Теодора коротко рассмеялась.

— Нет.

— Прости, — сказала Элино́р, ужасно смущенная. — Я не хотела лезть не в свои дела.

— Ты смешная. — Теодора пальцем тронула щеку Элино́р. У меня морщинки в углах глаз, подумала та и отвернулась от света.

— Расскажи мне, где ты живешь, — попросила Теодора.

Элинор посмотрела на свои уродливые руки. Это нечестно, подумала она, нам вполне по средствам было бы нанять прачку. У меня ужасные руки.

— У меня маленькая квартирка, — медленно начала она. — Наверняка меньше, чем у тебя, и я живу в ней одна. Я еще не закончила ее обставлять. Покупаю вещи по одной, потому что хочу устроить все, как задумала. Белые занавески. Я несколько недель искала маленьких каменных львов на каминную полку — теперь они стоят по ее углам. У меня есть белая кошка, книги, пластинки и репродукции. Все должно быть в точности, как я хочу, ведь это только для меня. Когда-то у меня была синяя чашка со звездами внутри — заглядываешь в чашку с чаем, а она полна звезд. Я хочу такую.

— Может быть, она как-нибудь объявится в моем магазинчике, — сказала Теодора. — Тогда я пришлю ее тебе. Однажды ты получишь посылку с надписью: «Элинор с любовью от ее подруги Теодоры», и внутри окажется чашка, полная звезд.

— Я бы украла эти тарелки с золотой каймой, — со смехом промолвила Элинор.

— Мат, — сказал Люк.

Доктор заохал.

— Мне просто повезло, — бодро заверил Люк. — Дамы, вы там не заснули у камина?

— Скоро заснем, — ответила Теодора.

Люк прошел через комнату и протянул руки, помогая обеим встать. Элинор, неловко поднимаясь, чуть не упала. Теодора вскочила легко, потянулась и зевнула.

— Тео хочет спать, — сообщила она.

— Мне придется проводить вас наверх, — объявил

доктор. — Завтра будем учиться находить дорогу сами. Люк, придвинешь к камину экран?

— А не надо ли проверить, заперты ли двери? — спросил Люк. — Заднюю миссис Дадли наверняка заперла, когда уходила, но как насчет остальных?

— Вряд ли кто-нибудь захочет сюда проникнуть, — сказала Теодора. — И потом, компаньонка запирала двери, а что толку?

— А если мы захотим выбраться? — спросила Элино́р. Доктор быстро глянул на нее и тут же отвел взгляд.

— Думаю, нет надобности запира́ть двери, — произнес он тихо.

— Да уж, деревенских грабителей точно можно не опасаться, — заметил Люк.

— Так или иначе, — сказал доктор, — в ближайший час или чуть больше я не усну; в мои годы совершенно необходимо почитать перед сном час-полтора, и я предусмотрительно захватил «Памелу». Если кто-нибудь мучается бессонницей, могу почитать вслух. Я еще не встречал человека, которого не усыпило бы чтение Ричардсона. — С этими тихими словами он провел их по узкому коридору и через вестибюль к лестнице. — Я всегда собирался опробовать этот метод на маленьких детях.

Элино́р поднималась по лестнице вслед за Теодорой; только сейчас она поняла, как сильно устала: каждая ступенька давалась с трудом. Она упорно напоминала себе, что находится в Хилл-хаусе, но даже синяя комната означала в данную минуту лишь кровать с синим стеганым одеялом.

— С другой стороны, — продолжал доктор у нее за спиной, — роман Филдинга, сопоставимый по длине, но отнюдь не по содержанию, совсем не годится для маленьких детей. Я сомневаюсь насчет Стерна...

Теодора подошла к двери в зеленую комнату и обернулась с улыбкой.

— Если хоть немного занервничаешь, — сказала она Элиноর, — прибегай ко мне.

— Спасибо, обязательно, — с жаром ответила Элинор. — Спокойной ночи.

— ...и уж точно не выбрал бы Смоллетта. Дамы, Люк, я здесь, по другую сторону лестницы...

— Какого цвета ваши комнаты? — не сдержалась Элинор.

— Желтая, — удивленно ответил доктор.

— Розовая — Люк изящным жестом выразил свое отвращение.

— Наши — синяя и зеленая, — сказала Теодора.

— Я не засну, буду читать, — повторил доктор. — Дверь я оставляю приоткрытой и точно услышу любой звук. Доброй ночи, крепкого сна.

— Доброй ночи, — сказал Люк. — Доброй ночи всем.

Закрыв за собой дверь синей комнаты, Элинор подумала, что, наверное, ее так вымотали темнота и давящая атмосфера Хилл-хауса. И внезапно это стало неважно. Синяя кровать была невероятно мягкой. Странно, думала Элинор в полудреме, дом должен быть таким страшным, и в то же время тут столько хорошего — мягкая постель, прелестная лужайка, огонь в камине, готовка миссис Дадли. И общество тоже... сразу за этой мыслью пришла другая: теперь я одна и могу о них думать. Зачем здесь Люк? И зачем здесь я? Все пути ведут к свиданию. Они видели, что я напугана.

Элинор поехала и села, чтобы натянуть на себя одеяло, потом резко соскользнула с кровати, босиком подошла к двери и повернула ключ. Ей было зябко и немножко смешно. Никто не узнает, что я заперлась, под-

умала Элинора, быстро залезая в постель. Через минуту она поймала себя на том, что опасливо поглядывает на окно, тускло поблескивающее в темноте, и на дверь. Надо было захватить снотворное — и она вновь судорожно посмотрела через плечо, на окно, и снова на дверь. Неужто приоткрывается? Не может быть, я ведь ее закрыла.

Думаю, решила она вполне определенно, мне станет лучше, если нырнуть под одеяло с головой. Лежа в своем темном укрытии, Элинора хихикнула и тут же порадовалась, что никто больше ее не слышит. В городе она никогда не накрывалась целиком. Я проехала сегодня весь этот путь, была ее последняя мысль перед тем, как уснуть.

Она спала в темном надежном коконе. В соседней комнате спала Теодора, улыбаясь, с включенным светом. В другом конце коридора доктор читал «Памелу», время от времени приподнимая голову и вслушиваясь. Раз он подошел к двери, выглянул в коридор и с минуту стоял так, прежде чем возвратиться к книге. Ночник освещал верхние ступени лестницы над черным омутом вестибюля. Люк спал. Рядом на тумбочке лежали фонарик и талисман, который он всюду таскал с собой. Дом вокруг них хранил настороженное молчание, и лишь иногда по этажам как будто пробегала легкая дрожь.

В шести милях отсюда миссис Дадли проснулась, глянула на часы, подумала о Хилл-хаусе и быстро закрыла глаза. Миссис Глория Сандерсон, владелица Хилл-хауса, живущая в трехстах милях от него, отложила детективный роман, зевнула и потянулась к выключателю ночника, рассеянно пытаясь вспомнить, закрыла ли входную дверь на цепочку. В квартире Теодоры свет давно был погашен, слышалось сонное дыхание. Спали жена доктора и сестра Элинора. Далеко, в деревьях над Хилл-хаусом закричала сова, а к рассвету начался мелкий дождик, скучный и морозящий.

Элино́р проснулась и увидела, что синяя комната из-за дождя стала серой и бесцветной. Сбитое одеяло лежало в ногах. На часах было уже больше восьми. Какая ирония, подумала Элино́р: впервые за много лет я крепко проспала ночь напролет — и надо же, именно в Хилл-хаусе. Она лежала на синей постели и полусонно разглядывала лепнину в тусклой глубине потолка. Что я говорила вчера? Выставила ли я себя дурой? Смеялись ли надо мной?

Торопливо перебирая в памяти прошлый вечер, она вспомнила только, что была — наверняка была — какой-то по-детски довольной, почти счастливой. Насмешила ли я их своей наивностью? Я говорила глупости, и, конечно, они это заметили. Сегодня я постараюсь быть сдержанней, не буду столь явственно показывать, как благодарна, что меня приняли в компанию.

Тут она окончательно проснулась, тряхнула головой и со вздохом сказала себе, как говорила каждое утро: ах, Элино́р, Элино́р, какая же ты глупая девочка.

Пространство вокруг нее явственно оживало: она была в синей комнате Хилл-хауса, на окнах легонько колыхались синие шторы, из ванной доносился громкий плеск: очевидно, Теодора уже встала, наверняка голодна и спешит одеться раньше других. «Доброе утро!» — крикнула Элино́р, и Теодора ответила, отдуваясь: «Доброе

утро! Я уже сейчас вылезаю. Оставлю тебе воду в ванне. Небось умираешь с голода? Я так точно умираю».

Неужто Теодора воображает, будто я не приму ванну, если не оставить ее налитой? — подумала Элинор и тут же устыдилась. Я не для того сюда приехала, чтобы так думать, одернула она себя и, соскочив с постели, подошла к окну. Перед ней была крыша террасы и лужайка внизу с кустами и купами окутанных туманом деревьев. Дальше угадывалась тропка к ручью, хотя мысль о веселом пикнике на берегу сегодня утром уже не казалась такой заманчивой. Дождик явно зарядил на весь день, но это был летний дождь, от которого трава и деревья становятся зеленее, а воздух — свежее и чище. Тут прелестно, подумала Элинор, удивляясь собственным ощущениям, любопытно, кто-нибудь до меня находит Хилл-хаус прелестным?

И тут ее словно обдало холодом: может быть, все находили. В первый день.

Она поежилась, чувствуя в то же время необъяснимое радостное волнение, мешавшее вспомнить, почему в Хилл-хаусе странно просыпаться счастливой.

— Я умираю от голода! — Теодора замолотила в дверь ванной, и Элинор быстро схватила халат. — Учти, сегодня ты должна быть как солнечный лучик! — крикнула Теодора из своей комнаты. — День ужасно хмурый, мы просто обязаны его озарить!

Кто до завтрака поет, тот заплачет перед сном, напомнила себе Элинор, заметив, что вновь вполголоса напевает «полно медлить, счастье хрупко».

— Я считала себя лентяйкой, — самодовольно продолжала Теодора через дверь, — но до тебя мне как до Луны. Ты просто исключительная копуша. Сколько можно намываться? Уже чистая, идем есть.

— Миссис Дадли подает завтрак в девять. Что она подумает, когда мы заявимся довольные и сияющие?

— Она будет рыдать от обиды. Как ты думаешь, кто-нибудь звал ее ночью на помощь?

Элинор критически оглядела намыленную ногу.

— Я спала как убитая.

— И я. Если через три минуты не будешь готова, я приду и утоплю тебя в ванне. Я хочу завтракать!

Элинор думала, что очень давно не наряжалась так, чтобы выглядеть солнечным лучиком, не испытывала голода перед завтраком, не просыпалась с таким ясным ощущением себя и таким желанием за собой ухаживать; даже зубы чистить было на удивление приятно. Все потому, что я выспалась, сказала она себе; только сейчас я по-настоящему поняла, как плохо спала после маминой смерти.

— Еще рассусоливаешь?

— Иду-иду! — Элинор подбежала к двери, вспомнила, что заперла ее с вечера, и тихонько повернула ключ.

Сегодня Теодора была в клетчатом платье — яркое пятно на фоне темных панелей. У Элинор мелькнула мысль: наверняка она получает удовольствие от каждой минуты — когда одевается, или моется, или ест, или спит, или разговаривает. Возможно, ей вообще безразлично, что думают про нее окружающие.

— Ты хоть понимаешь, что мы можем еще час искать столовую? — сказала Теодора. — Хотя вдруг нам оставили карту.. Люк и доктор давным-давно встали. Я говорила с ними через окно.

Ну вот, все интересное начали без меня, подумала Элинор, завтра я проснусь раньше и тоже буду разговаривать через окно.

Они спустились по лестнице и прошли через вестибюль. «Здесь», — сказала Теодора, уверенно дергая руч-

ку, но за дверью была сумрачная гулкая комната, которой девушки еще ни разу не видели. «Здесь», — сказала Элинора, но за выбранной ею дверью оказался узкий коридор в маленькую гостиную, где они сидели вчера вечером.

— Это другой конец вестибюля. — Теодора ошарашенно повернулась. — Черт! — Она запрокинула голову и крикнула: — Люк! Доктор! Ау!

Издали донеслись ответные голоса, и Теодора шагнула к следующей двери.

— Если они думают, — бросила она через плечо, — что я буду вечно метаться по этому гадкому вестибюлю, дергая одну ручку за другой, голодная, как зверь...

— По-моему, сюда, — сказала Элинора. — Там темная комната, а за ней столовая.

Теодора снова аукнула, налетела на какую-то мебель и чертыхнулась. Тут дверь в другом конце комнаты распахнулась, и доктор сказал:

— Доброе утро.

— Гадкий, мерзкий дом, — проворчала Теодора, потирая колено. — Доброе утро.

— Конечно, вы теперь не поверите, — сказал доктор, — но три минуты назад мы оставили все двери открытыми, чтобы вам не искать дорогу. Они захлопнулись у нас на глазах за миг до того, как мы слышали ваш голос. Что ж. Доброе утро.

— Копченая селедка, — подал голос Люк из-за стола. — Доброе утро. Надеюсь, дамы, вы любите копченую селедку на завтрак.

Они прошли сквозь тьму ночи и встретили утро в Хилл-хаусе; теперь они были одна семья и здоровались как близкие люди, садились на те же стулья, что

вчера вечером, — за этим столом у каждого из них было свое место.

— Обильный и сытный завтрак в девять часов утра — явно одно из условий миссис Дадли, — продолжал Люк, размахивая вилкой. — Мы уже начали гадать, не предпочитаете ли вы кофе с булочкой в постель.

— В любом другом доме мы добрались бы до столовой куда быстрее, — сказала Теодора.

— Вы правда оставили двери открытыми? — спросила Элино́р.

— Потому мы и поняли, что вы идете, — ответил Люк. — Двери вдруг захлопнулись у нас на глазах.

— Сегодня мы приколотим их гвоздями, чтобы не закрывались, — объявила Теодора. — Я буду ходить взад-вперед по дому, пока не научусь находить еду десять раз из десяти. Я всю ночь спала со светом, — поведала она доктору, — но ничего не произошло.

— Было очень тихо, — кивнул доктор.

— Вы караулили всю ночь? — спросила Элино́р.

— Почти до трех, пока «Памела» меня не усыпила. Около двух начался дождь, а до тех пор я не слышал ни звука. Кто-то из девушек один раз вскрикнул во сне..

— Наверное, я, — сказала Теодора без смущения. — Мне приснилась злая младшая сестра у ворот Хилл-хауса...

— Мне тоже. — Элино́р посмотрела на доктора, и у нее вырвалось: — Это так стыдно. Я имею в виду, бояться.

— Мы все боимся одинаково, — ответила Теодора.

— Если прятать страх, будет еще хуже, — назидательно произнес доктор.

— Советую до отвала наесться селедкой, — предложил Люк. — Тогда вообще никаких мыслей не останется.

Элинор чувствовала, что разговор, как и вчера, тщательно уводят от темы страха. Возможно, ей позволяют иногда высказывать общую боязнь, чтобы другие, успокаивая ее, успокаивались сами и могли больше об этом не говорить. Возможно, ее страхов, которым она так подвержена изначально, хватает на всех. Они как дети, сердито подумала Элинор, каждый подбивает другого идти первым, все готовы обозвать обидными словами того, кто плетется в хвосте. Она отодвинула тарелку и вздохнула.

— Сегодня я не лягу, — говорила Теодора доктору, — пока не обследую здесь все углы. Невозможно полночи гадать, что надо мной и что подо мной. И еще надо открыть часть окон и подпереть двери, чтобы больше не ходить ощупью.

— Повесить таблички, — откликнулся Люк. — Стрелки с надписью: «ВЫХОД».

— Или «ТУПИК», — сказала Элинор.

— Или «ОСТОРОЖНО, МЕБЕЛЬ», — поддержала ее Теодора. Она повернулась к Люку. — Мы обязательно их сделаем.

— Прежде мы все исследуем дом, — сказала Элинор; возможно, чересчур быстро, потому что Теодора взглянула на нее удивленно. — Не хочу, чтобы меня бросили на чердаке или в каком-нибудь таком месте.

— Никто не собирается тебя бросать, — ответила Теодора.

— Тогда я предлагаю, — сказал Люк, — первым делом допить то, что осталось в кофейнике. Затем отправимся нервно бродить по комнатам, силясь отыскать в них какую-нибудь разумную систему и оставляя по пути все двери открытыми. Вот уж не думал, — он скорбно покачал головой, — что мне предстоит унаследовать дом, в котором без табличек можно заблудиться.

— Надо придумать названия для комнат, — сказала Теодора. — Предположим, я назначу Люку тайное свидание в малой парадной гостиной. И как он будет меня искать?

— Придется тебе свистеть, пока я не найду, — ответил Люк.

Теодора поехала.

— Я буду свистеть и звать, а ты — ходить от двери к двери, все время открывая неправильные. Я буду метаться, не зная, где выход...

— Голодная, — мстительно подсказала Элинора.

Теодора вновь на нее поглядела.

— Голодная, — согласилась она. — Это просто какой-то ярмарочный павильон ужасов. Комнаты за комнатами без конца, двери захлопываются перед твоим носом... Могу поспорить, где-нибудь есть зеркала, которые сбивают с пути, и воздушные шланги, чтобы у тебя взлетели юбки, и что-нибудь такое, что выскакивает из темного коридора и хохочет в лицо...

Она внезапно умолкла и так быстро схватила чашку, что пролила кофе.

— Все не настолько плохо, — спокойно проговорил доктор. — Вообще-то первый этаж выстроен по плану, который я могу назвать почти концентрическим. В центре — будуар, где мы сидели вечером. Второе «кольцо» составляют несколько комнат — бильярдная, например, и тоскливейший кабинет, целиком отделанный розовым атласом...

— Где мы с Элинора каждое утро будем сидеть за вышиванием...

— Эти комнаты я называю внутренними, потому что у них, как вы помните, нет окон. Их окружает кольцо внешних комнат: гостиная, библиотека, оранжерея...

— Нет, — замотала головой Теодора. — Я все еще в атласном кабинете и чувствую, что заблудилась.

— Терраса опоясывает весь дом. На нее есть выход из гостиной, из оранжереи, из музыкального салона. Есть еще галерея...

— Хватит-хватит, — со смехом взмолилась Теодора. — Ужасный, гадкий дом.

Отворилась дверь в углу гостиной, и вошла миссис Дадли. Придерживая дверь рукой, чтобы не захлопнулась, она без всякого выражения оглядела стол.

— Я убираю в десять, — заявила она.

— Доброе утро, миссис Дадли, — сказал Люк.

Миссис Дадли скосила на него глаза.

— Я убираю в десять. Тарелки должны стоять на полках. Для ланча я их снимаю. Ланч я подаю в час, но перед этим посуда должна стоять на полках.

— Конечно, миссис Дадли. — Доктор встал и положил на стол салфетку. — Все доели?

Под взглядом экономки Теодора нарочито медленно поднесла к губам чашку, допила кофе, вытерла рот салфеткой и откинулась на стуле.

— Очень вкусный завтрак, — светски произнесла она. — Тарелки из фамильных запасов?

— Тарелки с полок, — ответила миссис Дадли.

— А бокалы, серебро, скатерть? Все такое красивое и старинное.

— Скатерть, — сказала миссис Дадли, — из комода в столовой. Серебро — из буфета. Бокалы — с полок.

— Наверное, вам от нас куча хлопот, — заметила Теодора.

После долгого молчания миссис Дадли ответила:

— Я убираю в десять и подаю ланч в час.

Теодора рассмеялась и встала.

— Вперед! — воскликнула она. — Вперед, вперед! Идемте открывать двери!

Для начала они — весьма разумно — приперли тяжелым креслом дверь из столовой в игровую. То, на что налетела Теодора по пути сюда, оказалось инкрустированным шахматным столиком («И как я его вчера проглядел?» — раздраженно пробормотал доктор); в дальнем конце комнаты стояли карточные столы со стульями и высокий шкаф, из которого доктор накануне доставал шахматы. Там же лежали крокетные шары и доска для криббиджа.

— Лучшее место для беспечных забав, — заметил Люк, с порога обозревая сумрачное помещение. Зеленое сукно неприятно отражалось в темной облицовке камина, серия охотничьих гравюр, целиком посвященная различным методам убийства диких животных, отнюдь не оживляла темные панели, а со стены над камином в явном смущении смотрела оленья голова.

— Сюда они приходили развлекаться. — Голос Теодоры слабым эхом отразился от высокого потолка. — Отдыхать от гнетущей атмосферы всего остального дома. — Оленья голова смотрела на нее скорбно. — Девочки, — пояснила Теодора. — А нельзя ли как-нибудь снять это жуткое чучело?

— По-моему, оно в тебя влюбилось, — сказал Люк. — Просто не сводит глаз. Идемте отсюда.

Они придвинули дверь креслом и вышли. Вестибюль тускло поблескивал в свете из открытых дверей.

— Как только найдем комнату с окном, откроем его, — заметил доктор, — а для начала распахнем входную дверь.

— Ты вот все время думаешь о девочках, — сказала Элинора Теодоре, — а я не могу забыть бедную одино-

кую компаньонку, как она бродила по комнатам, гадая, кто тут еще в доме.

Люк с усилием открыл тяжелую парадную дверь и подкатил каменную вазу, чтобы ее подпереть.

— Свежий воздух, — с удовлетворением произнес он.

В вестибюле повеяло теплым ароматом дождя и мокрой травы; с минуту все четверо стояли у порога, отдыхая от атмосферы Хилл-хауса, потом доктор сказал:

— А вот этого никто из вас не ждет. — Он открыл узенькую невысокую дверь рядом с большой парадной и, улыбаясь, отступил в сторону. — Библиотека. В башне.

— Я не могу туда войти.

Элинор сама удивилась своим словам, но это была правда. Струя холодного воздуха, пахнущего сыростью и землей, заставила ее отступить к стене.

— Моя мама... — начала Элинор, не понимая толком, что собирается сказать.

— Вот как? — Доктор взглянул на нее с интересом, потом спросил: — Теодора?

Теодора пожала плечами и шагнула в библиотеку. Элинор поежилась.

— Люк?

Однако Люк был уже внутри.

Со своего места Элинор видела только полукруглую стену и узкую чугунную лестницу, уходящую, надо думать — раз это башня, — вверх и вверх. Элинор зажмурилась. Издалека до нее донесся голос доктора, приглушенный каменными стенами библиотеки.

— Видите вот здесь, сверху, маленький люк? — говорил доктор. — Он ведет на балкон. И разумеется, по наиболее распространенной версии, именно здесь она и повесилась — девушка то есть. Самое подходящее ме-

сто; на мой взгляд, более подходящее для самоубийства, чем для книг. Считается, что она закрепила веревку на чугунных перилах и шагнула в...

— Спасибо, — ответила Теодора. — Спасибо, я представила во всех подробностях. Сама бы я повесилась на оленьей голове в бильярдной, но, думаю, компаньонка была нежно привязана к башне. Как мило выглядит слово «привязана» в этом контексте, не правда ли?

— Очаровательно. — Голос Люка прозвучал громче: они вышли из библиотеки в вестибюль, где стояла Элино́р. — В этой комнате я устрою ночной клуб. Оркестр будет стоять на балконе, хористки — спускаться по чугунной лестнице. Бар...

— Элино́р, — спросила Теодора, — теперь тебе лучше? Комната совершенно ужасная, правильно ты туда не пошла.

Элино́р отступила от стены. Руки у нее были ледяные, ей хотелось плакать. Она решительно повернулась спиной к библиотечной двери, которую доктор подпер стопкой книг.

— Вряд ли я стану тут много читать, — проговорила Элино́р как можно беспечнее. — Во всяком случае, если книги пахнут так же, как библиотека.

— Я не заметил никакого запаха. — Доктор вопросительно взглянул на Люка, тот мотнул головой. — Странно, — продолжал доктор, — и очень похоже на то, что нас интересует. Запишите все, моя дорогая, и постарайтесь как можно подробнее изложить свои ощущения.

Теодора озадаченно повернулась, глянула на лестницу, потом вновь на входную дверь.

— Здесь две парадные двери? — спросила она. — Я просто запуталась?

Доктор радостно улыбнулся; очевидно, он с нетерпением ждал подобного вопроса.

— Парадная дверь только одна. Та, через которую вы вчера вошли.

Теодора нахмурилась.

— Тогда почему мы с Элинор не видим башню из своих окон? Наши спальни выходят на фасад, и все же...

Доктор рассмеялся и хлопнул в ладоши.

— Наконец-то, — сказал он. — Умница, Теодора. Вот почему я хотел, чтобы вы осматривали дом при свете дня. Ну, садитесь на лестницу, я вам объясню.

Они послушно уселись на ступеньки, а доктор вновь принял лекторскую позу и начал официально:

— Одна из странностей Хилл-хауса заключается в его планировке...

— Ярмарочный павильон ужасов.

— Совершенно точно. Вы не задумывались, почему тут так сложно отыскать путь? В обычном доме мы бы освоились куда быстрее, а здесь то и дело открываем не те двери, нужные комнаты ускользают. Даже я испытываю определенные трудности. — Он вздохнул и кивнул. — Полагаю, старый Хью Крейн рассчитывал, что со временем Хилл-хаус будут показывать за деньги, как дом Винчестеров* или многие восьмиугольные зда-

* Дом принадлежал Саре Винчестер и с 1884 года до ее смерти в 1922 году непрерывно достраивался. История его такова: после кончины дочери и мужа, оружейного магната Уильяма Винчестера, Сара обратилась к медиуму, который сказал, что семью преследуют духи людей, убитых из винчестеров, и единственный способ для нее самой спастись — ни на один день не останавливать строительство. В доме есть лестницы и двери, ведущие в никуда, и прочие средства сбить с толку призраков. С 1923 года и по настоящее время дом открыт для туристов.

ния*. Вспомните, что он сам проектировал дом и, как я уже говорил, был со странностями. Каждый угол, — доктор указал на дверь, — слегка отклоняется от прямого. Хью Крейн, видимо, презирал обычных людей с их прямоугольными домами и выстроил собственный на свой вкус. Углы, которые вы по привычке считаете прямыми, поскольку имеете полное право этого ожидать, в действительности больше или меньше на долю градуса. Например, я уверен, что вы считаете горизонтальными ступени, на которых сидите, потому что не готовы к тому, что лестница будет наклонной...

Все беспокойно заерзали, а Теодора даже схватилась рукой за столбик перил, как будто боялась упасть.

— ...слегка наклонены к середине колодца. Двери повешены с небольшим перекосом — возможно, кстати, потому-то они и захлопываются сами собой. Возможно, сегодня утром ваши шаги нарушили хрупкое равновесие дверей. Все эти мелкие погрешности усугубляют куда большее отклонение от прямоугольного плана, свойственное дому в целом. Теодора не видит башню из своего окна, потому что на самом деле башня расположена на углу дома. Из Теодориного окна она совершенно невидима, хотя отсюда кажется, будто она стоит прямо напротив ее спальни. В действительности спальня Теодоры находится пятнадцатью футами левее того места, где мы стоим.

Теодора беспомощно развела руками.

— Жуть, — сказала она.

— Я поняла, — заговорила Элинора. — Нас сбила с толку крыша террасы. Я вижу ее из окна, а поскольку

* Термин обычно относится к восьмиугольным зданиям, выстроенным в 1850-е годы в США и Канаде, в период кратковременной моды, созданной архитектором-любителем Орсоном Фоллером

ку лестница находится напротив входной двери, я думала, что дверь прямо подо мной, хотя...

— Вы видите только крышу террасы, — подтвердил доктор. — Дверь и башню видно из детской — большой комнаты в конце коридора; мы там сегодня побываем. Это, — голос его стал печальным, — шедевр архитектурной дезориентации. Двойная лестница в Шамборе...*

— Так все немного перекошено? — неуверенно начала Теодора. — Поэтому мы и чувствуем себя такими потерянными?

— А что будет, когда попадешь в настоящий дом? — спросила Элинор. — Я про... э-э... *настоящий* дом.

— Наверное, будет как на суше после морского путешествия, — сказал Люк. — От пребывания здесь чувство равновесия настолько исказится, что ты не сразу утратишь привычку к качке, то есть к Хилл-хаусу. А не может быть так, — обратился он к доктору, — что якобы наблюдаемые здесь сверхъестественные феномены — на самом деле следствия легкого расстройства вестибулярного аппарата? Это в ухе, — важно пояснил он Теодоре.

— Безусловно, определенное воздействие есть, — ответил доктор. — Мы слепо доверяем чувству равновесия и разуму, и я вижу, как мозг может вопреки очевидности отчаянно бороться за сохранение привычной картины. Впрочем, нас ждут еще чудеса. Идемте.

Они встали с лестницы и, осторожно проверяя ногами пол, двинулись вслед за доктором по коридору в маленький салон, где сидели вечером, а оттуда — во внешнее кольцо комнат. Они припирали двери стульями и отдергивали тяжелые шторы, впуская в Хилл-ха-

* Ш а м б о р — дворец во Франции, выстроенный королем Франциском I и прославленный, в частности, двойной спиральной лестницей, которую, по легенде, спроектировал Леонардо да Винчи

ус свет. В музыкальном салоне арфа не отозвалась на их шаги даже легким треньканьем струн. Рояль стоял плотно закрытый и увенчанный канделябром со свечами, ни к одной из которых никогда не подносили спичку. На мраморном столике помещались восковые цветы под стеклянным колпаком, стулья были золоченые, тонюсенькие, на гнутых ножках. Дальше располагалась оранжерея. Сквозь высокие стеклянные двери они видели дождь снаружи и садовую мебель в густых зарослях папоротника. Здесь было неприятно сыро. Они быстро прошли через сводчатую дверь в гостиную и замерли, не веря своим глазам.

— Ущипните меня, — слабым голосом проговорила Теодора, трясаясь от смеха. — Такого не может быть. — Она замотала головой. — Элино́р, ты тоже видишь?..

— Что это?.. — беспомощно выдохнула Элино́р.

— Я знал, что вам понравится, — довольно произнес доктор.

Одну сторону гостиной целиком занимала скульптурная группа; на фоне розовато-сиреневых полосатых обоев и ковра с цветочным рисунком мраморная нагота огромных фигур казалась особенно гротескной. Элино́р закрыла лицо руками, Теодора повисла у нее на плече.

— По-моему, это должно изображать Венеру, встающую из вод, — заявил доктор.

— А вот и неправда, — обрел голос Люк. — Это святой Франциск исцеляет прокаженных.

— Нет-нет, — сказала Элино́р. — Один из них — дракон.

— Ничего подобного, — решительно вмешалась Теодора. — Это же семейный портрет! С первого взгляда видно, что высокая обнаженная — мамочка родная! — мужская фигура в центре — старый Хью. Видите, какой

довольный: он поздравляет себя с тем, что выстроил Хилл-хаус. Нимфы — его дочери. Та, что справа потрясает кукурузным початком, на самом деле рассказывает про свой судебный иск. Маленькая с краю — компаньонка, а на другом краю...

— Миссис Дадли, портрет с натуры, — объявил Люк.

— Трава, на которой они стоят, изображает ковер в столовой, немного подросший. Кто-нибудь обратил внимание на этот ковер? Он похож на нескошенное поле и все время щекочет ноги. На заднем плане — развесистая яблоня, которая...

— Без сомнения, символизирует защиту дома, — сказал доктор Монтегю.

— Страшно подумать, что она может на нас упасть, — проговорила Элино́р. — Не может этого случиться, доктор, раз дом такой неуравновешенный?

— Я читал, что скульптура была тщательно и с большими затратами сконструирована нарочно, чтобы уравновесить наклон пола, на котором она стоит. Во всяком случае, ее поставили при строительстве дома, и она до сих пор не упала. И знаете, вполне возможно, что Хью Крейну она даже нравилась. Что он ею восхищался.

— Или пугал детей, — сказала Теодора. — А без скульптуры комната была бы очень даже мила. — Она крутанулась на месте. — Бальная зала для дам в длинных юбках. Места хватит для контрданса. Хью Крейн, позвольте пригласить вас на танец?

И она сделала перед статуей реверанс.

— Думаю, он согласится. — Элино́р невольно отступила на шаг.

— Смотрите, чтобы он не наступал вам на ноги, — рассмеялся доктор. — Вспомните судьбу Дон Жуана.

Теодора осторожно тронула пальцем выставленную руку одной из фигур.

— Мрамор всегда пугает. Всегда не такой, как ждешь. Фигуры в полный рост так похожи на людей, что думаешь, они и на ощупь такие.

Она в одиночку завальсировала по комнате — переливчатое светлое пятно в тусклой полутьме — и, обернувшись, поклонилась статуе.

— В другом конце, — сказал доктор Люку и Элино́р, — за портьерами, двери на террасу. Если Теодора разгорячится от танца, она может выйти на холодок.

Он пересек комнату, отодвинул тяжелые портьеры и распахнул двери. И вновь в комнату ворвались теплый запах дождя и ветер. Словно легкий вздох пробежал по мраморным фигурам, на полосатые стены легли прямогольники света.

— Ничто в этом доме не движется, пока не отведешь взгляд, — сказала Элино́р, — а как отведешь, сразу что-нибудь происходит. Вот статуэтки на полках — пока мы стояли к ним спиной, они танцевали с Теодорой.

— Я движусь, — объявила Теодора, приближаясь к ним в танце.

— Цветы под стеклом, — сказал Люк. — Бахро́ма. Мне положительно нравится этот дом.

Теодора дернула Элино́р за волосы.

— Давай наперегонки по террасе! — крикнула она и метнулась наружу.

Элино́р, не успев ни ответить, ни задуматься, выбежала следом. Смеясь, она обогнула угол дома и увидела, что Теодора входит в другую дверь. Элино́р догнала ее и остановилась, запыхавшись. Они были в кухне, и миссис Дадли, отвернувшись от мойки, смотрела на них молча.

— Миссис Дадли, — вежливо сказала Теодора, — мы осматриваем дом.

Миссис Дадли взглянула на часы над плитой.

— Сейчас половина двенадцатого, — сообщила она. — Я...

— Вы подаете ланч в час, — закончила Теодора. — Мы просто хотели посмотреть кухню. Во всех остальных комнатах внизу мы, кажется, побывали.

С минуту миссис Дадли стояла неподвижно, затем покорно кивнула и нарочито медленно прошла через кухню к дальней двери. Девушки успели разглядеть черную лестницу; в следующее мгновение миссис Дадли закрыла за собой дверь. Теодора, выждав немного, кивнула ей вслед и заметила:

— Подозреваю, что у миссис Дадли ко мне слабость.

— Наверное, она отправилась вешаться в башенку, — сказала Элинора. — Давай, пока мы здесь, посмотрим, что будет на ланч.

— Только ничего не трогай, — предупредила Теодора. — Ты прекрасно знаешь, что тарелки должны стоять на полке. Слушай, неужто она и впрямь собралась готовить нам суфле? Тут совершенно точно форма для суфле, яйца и сыр...

— Чудесная кухня, — сказала Элинора. — У мамы в доме кухня была темная и тесная, а вся еда получалась бледная и безвкусная.

— А твоя кухня? — рассеянно спросила Теодора. — В твоей квартирке? Элинора, погляди на двери.

— Я не умею готовить суфле, — сказала Элинора.

— Смотри. Вот дверь на террасу, вот на лестницу, ведущую вниз — надо полагать, в погреб. Следующая опять на террасу, потом на лестницу, по которой поднялась миссис Дадли, и...

— Опять на террасу, — сообщила Элинора, открывая дверь. — Три двери на террасу из одной кухни.

— А дальше еще две: в буфетную и в столовую. Наша добрейшая миссис Дадли любит двери, а? И уж точно, — тут их глаза встретились, — здесь с каждой стороны по выходу. Очень удобно, если спешишь убраться с кухни.

Элинора резко повернулась и вышла на террасу.

— Интересно, не поручила ли она Дадли прорубить для нее лишнюю дверь? И насколько ей спокойно в кухне, когда дверь за спиной может в любую минуту открыться? И вообще, что за гости ее там навещают, если ей нужна дверь везде, куда она может метнуться?

— Заткнись, — дружелюбно попросила Теодора. — Всем известно, что у нервной кухарки суфле не получится, а она наверняка подслушивает на лестнице. Давай выйдем через любую из дверей. И придвинем что-нибудь, чтобы не закрылась.

Люк с доктором стояли на террасе и смотрели на лужайку. Парадная дверь была неожиданно близко, в нескольких шагах от них. Холмы, серые и блеклые за дождем, казалось, нависали прямо над головой. Идя вдоль террасы, Элинора подумала, что впервые видит дом, полностью взятый в кольцо. Как будто стянутый очень тугим поясом. Интересно, если убрать террасу, дом развалится? Она сделала почти полный круг и тут увидела башню. Серая каменная громада, плотно вжатая в дощатую стену и притиснутая вездесущей террасой, словно выпрыгнула из-за угла без всякого предупреждения. Ужасно, мелькнула у Элинора первая мысль, и тут же пришла вторая: если дом сгорит, башня останется стоять над руинами, серая и неприступная, напоминая людям, что к Хилл-хаусу, даже разрушенному, приближаться нельзя. Возможно, кое-где камни выпадут, так

что летучие мыши и совы будут залетать внутрь и гнездиться среди книг. Примерно на середине высоты начинались окна со скошенными проемами-бойницами, и Элинор гадала, какого это, смотреть из них, и еще — почему она не смогла войти в башню. Я никогда не посмотрю из этих окон, подумала она, и попыталась вообразить узкую винтовую лестницу, уходящую кругами вверх и вверх. Башня заканчивалась конической деревянной крышей, увенчанной деревянным же шпилем. В другом доме она выглядела бы смешно, однако здесь, в Хилл-хаусе, была неотъемлемой частью общего замысла. Башня злорадно ждала, пока кто-то маленький выберется через окошко на покатую крышу, ухватится за шпиль, привяжет веревку...

— Ты упадешь, — сказал Люк.

Элинор ойкнула. Она с трудом оторвала взгляд от башни и обнаружила, что сильно отклонилась назад, держась за перила террасы.

— Не доверяй своему чувству равновесия в моем очаровательном Хилл-хаусе, — продолжал Люк.

Она глубоко вдохнула, и тут доски ушли у нее из-под ног. Люк подхватил Элинор и держал, покуда она силилась восстановить равновесие в мире, где лужайка и деревья как будто стояли под углом, а небо шло кругом и заваливалось вбок.

— Элинор? — произнесла рядом Теодора. Слышались быстрые шаги доктора — он бежал к ним по террасе.

— От этого подлого дома только и жди подвоха, — сказал Люк.

— Элинор? — спросил доктор.

— Все хорошо. — Элинор тряхнула головой. Ее еще немного шатало. — Я откинулась, чтобы разглядеть крышу башни, и у меня поплыло перед глазами.

— Она стояла почти под сорок пять градусов, когда я ее подхватил, — сказал Люк.

— У меня сегодня раз или два было такое чувство, — сообщила Теодора, — будто я иду по стене.

— Отведите ее в дом, — распорядился доктор. — Внутри на самом деле гораздо легче.

— Правда, все уже прошло, — смущенно забормотала Элинора.

Она медленными, неуверенными шагами добралась до парадной двери, которая оказалась закрытой.

— Мы вроде бы ее подперли. — Голос Элинора дрогнул.

Доктор вышел вперед и толкнул тяжелую дверь. Вестибюль за время их отсутствия вернулся в исходное состояние: все двери, которые они оставили нараспашку, были аккуратно закрыты. Когда доктор распахнул дверь в бильярдную, то стало видно, что и дверь в столовую захлопнута, а стул, которым они ее придвинули, стоит на прежнем месте у стены. В будуаре и в гостиной, в салоне и в оранжерее двери и окна были закрыты, шторы задернуты. Повсюду вновь воцарилась тьма.

— Это миссис Дадли, — сказала Теодора, плетясь за доктором и Люком, которые быстро переходили из комнаты в комнату, распахивая и припирая двери, рывком отодвигая шторы и впуская в дом теплый сырой воздух. — Вчера миссис Дадли закрыла дверь, как только мы с Элинорой отошли, потому что предпочитает закрывать их, не дожидаясь, пока они захлопнутся беспричинно. Двери должны быть закрыты, и окна должны быть закрыты, и тарелки должны быть на полках...

Она залилась дурацким смехом. Доктор обернулся к ней и раздраженно нахмурил брови.

— Миссис Дадли надо запомнить свое место. Иначе я сам приколочу двери гвоздями, чтобы не захлопывались.

Доктор свернул к проходу, ведущему в будуар, и с грохотом шваркнул дверью о стену.

— Главное, не выходить из себя, — добавил он, злобно пиная дверь.

— Херес в салоне перед ланчем, — дружески предложил Люк. — Дамы, прошу.

2

— Миссис Дадли, — сказал доктор, откладывая вилку, — суфле вам удалось.

Экономка мельком взглянула на него и ушла на кухню с пустым блюдом.

Доктор вздохнул и устало повел плечами.

— После вчерашнего ночного бодрствования мне надо вздремнуть днем, а вам, — обратился он к Элинору, — хорошо бы полежать часок. Возможно, всем нам не помешает регулярный дневной отдых.

— Ясно, — весело ответила Теодора. — Заведу себе привычку спать после ланча. Дома она может показаться странной, но тогда я объясню, что такое расписание было у нас в Хилл-хаусе.

— Допускаю, что мы не будем высыпаться по ночам, — сказал доктор, и едва ощутимый холодок пробежал над столом, приглушив блеск серебра и яркие цвета фарфора: легкое облачко, которое проплыло по комнате и привело за собой миссис Дадли.

— Без пяти два, — сказала она.

3

Элинора с удовольствием поспала бы днем. Вместо этого она лежала на кровати в зеленой комнате и смотрела, как Теодора красит ногти. Время от времени девушки лениво обменивались репликами. Элинора не

смела признаться себе, что ушла сюда потому, что боялась остаться одна.

— Обожаю себя украшать, — сказала Теодора, любясь своими пальцами. — Хорошо бы раскраситься с ног до головы.

Элинор устроилась поудобнее.

— Золотой краской, — бездумно ответила она.

Из-под полуприкрытых век сидящая на полу Теодора виделась ей неопределенным пятном цвета.

— Лак для ногтей, духи и соль для ванны, — произнесла Теодора таким тоном, будто перечисляла города на Ниле. — Тушь для ресниц. Ты слишком мало об этом думаешь

Элинор рассмеялась и закрыла глаза совсем.

— Некогда, — сказала она.

— Что ж, — решительно объявила Теодора, — придется тебя перевоспитать. Терпеть не могу бесцветных женщин. — Она засмеялась, показывая, что дразнится, и продолжила: — Для начала я покрашу тебе ногти на ногах.

Элинор со смехом протянула босую ногу. Через мгновение она в полусне ощутила холодное прикосновение кисточки и вздрогнула.

— Уж наверняка такая прославленная гетера привыкла к услугам камеристок, — сказала Теодора. — У тебя пятки грязные.

Элинор в ужасе села и глянула на свои ноги: пятки действительно были грязные, а ногти — выкрашены алым.

— Это гадко, — выговорила она, готовая разрыдаться, и тут же невольно прыснула, увидев Теодорино лицо. — Я пойду вымою ноги.

— Ну ты даешь. — Теодора смотрела на нее во все глаза. — Глянь. У меня тоже пятки грязные, глупышка. Честное слово. Глянь же.

— И вообще я не люблю, когда меня обслуживают, — сказала Элинора.

— Ну ты и психованная! — весело ответила Теодора.

— Я не люблю чувствовать себя беспомощной. Моя мама...

— Твоя мама пришла бы в восторг от твоих красных ногтей, — сказала Теодора. — Тебе очень идет.

Элинора снова посмотрела на свои ноги.

— Это гадко, — вырвалось у нее. — Я хочу сказать — на мне. Я почему-то чувствую себя очень глупо.

— Так гадко или глупо? — Теодора принялась собирать свои флакончики. — В любом случае я не стану смывать с тебя лак. Вот проверим, устанутся ли доктор с Люком на твои ноги.

— Что я ни говорю, ты все так вывернешь, чтобы звучало глупо, — сказала Элинора.

— Или гадко. — Теодора серьезно взглянула на нее. — У меня такое чувство, Элинора, что тебе пора отсюда уезжать.

«Смеется она надо мной? — мелькнуло у Элинора. — Или правда считает, что мне тут не место?»

— Я не хочу, — сказала она.

Теодора вновь глянула на Элинора, быстро отвела глаза и легонько тронула ноготь у нее на ноге.

— Лак высох. Я идиотка. Просто испугалась чего-то. — Теодора встала и потянулась — Идем поищем остальных, — сказала она.

4

Люк стоял в коридоре второго этажа, устало при-слонившись к стене; его голова касалась золоченой рамы, в которую был заключен эстамп с изображением руин.

— Я все думаю о доме как о своей будущей собственности, — сказал он. — Прежде как-то не задумывался, а теперь постоянно напоминаю себе, что со временем он станет моим. И не могу понять отчего. — Он указал рукой на коридор. — Если бы я обожал двери, или золоченые часы, или миниатюры, если бы я грезил о собственном алькове, то Хилл-хаус стал бы для меня сокровищницей чудес.

— Дом хорош, — веско произнес доктор, — и в свое время наверняка считался элегантным. — Он двинулся по коридору к большой комнате в торце — бывшей детской. — Вот теперь мы увидим башню из окна. — Входя в дверь, он поежился, потом замер и удивленно глянул через плечо. — Может быть в дверях сквозняк?

— Сквозняк? В Хилл-хаусе? — рассмеялась Теодора. — Сперва нужно добиться, чтобы хоть одна дверь осталась открытой!

— Проходите сюда по одному, — сказал доктор.

Теодора шагнула в дверь и поморщилась.

— Будто в склепходишь, — объявила она. — А внутри тепло, как везде.

Люк ступил на холодное место, задержался на секунду и тут же торопливо прошел дальше. Элинор последовала за ним, и на миг ее пронзило невесть откуда взявшимся холодом. Как будто проходишь сквозь ледяную стену, подумала она, а вслух спросила:

— Что это?

Доктор довольно потер ладони.

— Альковы, говорите? — сказал он, затем осторожно протянул руку туда, где ощущался холод. — Вот *этого* им не объяснить. Теодора совершенно правильно упомянула склеп. В холодном месте дома священника

в Борли* температура опускалась всего на одиннадцать градусов. Здесь, думаю, перепад гораздо значительнее. Вот оно, сердце дома.

Теодора и Элинора стали поближе друг к другу. Хотя в детской было тепло, здесь пахло плесенью и затхлостью, а холод в двери казался осязаемым, видимым барьером, который нужно преодолеть, чтобы выйти наружу. К окну подступала серая громада башни, внутри царила полутьма, а ряд нарисованных на стене животных отнюдь не внушал веселья, как будто они пойманы в капкан или связаны с умирающей дичью на грабюрах в бильярдной. Детская была больше остальных спален Хилл-хауса и в отличие от них выглядела запущенной; Элинора подумалось, что даже усердная миссис Дадли старается без крайней надобности не переступать холодный барьер.

Люк вышел обратно в коридор и хлопал сперва ковер на полу, затем стены, в надежде найти, откуда дует.

— Точно не сквозняк, — сказал он доктору. — Если только здесь не прямой воздуховод с Северного полюса. Нигде ни щелки.

— Интересно, кто спал в детской, — рассеянно полюбопытствовал доктор. — Или после отъезда детей ею уже не пользовались?

— Смотрите! — указал Люк. В углах коридора, над дверью в детскую, ухмылялись две головы; задуман-

* Дом в Эссексе, выстроен в 1863 году, сгорел в 1939 году. Обитатели дома неоднократно сообщали о происходящих в нем паранормальных явлениях: призраках, необъяснимых стуках и проч. Полтергейст принял особый размах после того, как изучением дома занялся известный исследователь сверхъестественных феноменов Гарри Прайс, впоследствии написавший по собранным материалам две книги

ные, видимо, как забавные украшения, они веселили не больше нарисованных животных. Лица застыли, навеки искаженные смехом, неподвижные взгляды сходились в самом средоточии зловещего холода.

— Когда встаешь там, где они тебя видят, — объяснил Люк, — они тебя морозят.

Доктор с интересом выступил в коридор и поднял голову.

— Не оставляйте нас одних! — крикнула Теодора и выбежала из детской, таща Элинора за руку. Холод ощущался как быстрое ледяное касание или морозный выдох. — Будем здесь охлаждать пиво. — И она показала скалящимся физиономиям язык.

— Я должен составить полный отчет, — объявил доктор, очень довольный.

— Это не безразличный холод, — проговорила Элинора смущенно, поскольку сама плохо понимала, что хочет сказать. — Я почувствовала его как что-то сознательное, как будто мне нарочно хотят сделать неприятно.

— Думаю, это из-за лиц, — ответил доктор; он, стоя на четвереньках, ощупывал пол. — Мерную ленту и градусник, — сказал он себе. — Мел, чтобы очертить контур; возможно, холод усиливается по ночам? Все хуже, — он поднял глаза на Элинора, — когда думаешь, что на тебя смотрят.

Люк, поежившись, шагнул через холодное место и закрыл дверь в детскую; обратный путь он проделал прыжком, словно надеялся таким образом избежать холода. Как только дверь закрылась, все почувствовали, насколько темнее стало в коридоре, и Теодора сказала нетерпеливо:

— Давайте спустимся в наш будуар, а то здесь холмы как будто на тебя наваливаются.

— Шестой час, — сказал Люк, — время коктейля. — Он повернулся к доктору. — Вы позволите мне после вчерашнего снова смешать мартини?

— Слишком много вермута, — ответил доктор и поплелся за ними, поминутно оглядываясь на детскую.

5

— Я предлагаю, — сказал доктор, откладывая салфетку, — забрать кофе в наш будуар. На мой взгляд, там повеселее.

Теодора хихикнула.

— Миссис Дадли ушла, так что давайте пробежимся, откроем все двери и окна, снимем все с полок...

— Без нее дом какой-то другой, — заметила Элинора.

— Более пустой, — кивнул Люк.

Он составлял кофейные чашки на поднос. Доктор ушел вперед — открывать двери и припирать их стульями.

— Каждый вечер я внезапно осознаю, что мы здесь одни, — продолжил Люк.

— Забавно, ведь миссис Дадли не очень-то с нами приветлива. — Элинора взглянула на стол. — Я люблю ее не больше вашего, но мама ни за что не позволила бы мне оставить такой стол на ночь.

— Если миссис Дадли хочет уходить до темноты, значит, посуда будет стоять до утра, — безразлично сказала Теодора. — Я точно не стану ничего убирать.

— Нехорошо оставлять после себя грязный стол.

— Ты все равно поставишь посуду не на те полки, а миссис Дадли заново ее перемоеет, чтобы смыть следы твоих пальцев.

— А если я просто замочу серебро...

— Нет, — сказала Теодора, перехватывая ее руку. — Хочешь идти на кухню одна, через все эти двери?

— Не хочу. — Элинор положила вилки обратно на стол, потом еще раз взглянула на мятые салфетки, на винное пятно рядом с местом Люка и покачала головой. — Даже и не знаю, как отнеслась бы к этому мама.

— Идем, — сказала Теодора. — Они нам свет оставили.

В будуаре ярко горел камин. Теодора села рядом с подносом. Люк тем временем достал бренди из буфета, куда вчера старательно убрал.

— Нам ни в коем случае нельзя раскисать, — объявил Люк. — Сегодня я снова вызываю вас на партию, доктор.

Перед ужином они принесли из других комнат удобные кресла и лампы, так что в будуаре стало вполне сносно.

— На самом деле Хилл-хаус очень к нам добр. — Теодора протянула Элинор кофе, и та блаженно откинулась в большом мягком-премягком кресле. — Элинор не надо мыть посуду, нам предстоит вечер в приятном обществе, а завтра, может быть, выглянет солнышко.

— Надо придумать, что возьмем на пикник, — сказала Элинор.

— Я тут в Хилл-хаусе разжирею и обленюсь, — продолжала Теодора.

Элинор было неприятно, что она постоянно называет дом по имени — будто нарочно повторяет это слово. Дерзко окликает дом — смотри, мол, мы здесь.

— Хилл-хаус, Хилл-хаус, Хилл-хаус, — тихо произнесла Теодора и улыбнулась Элинор.

— Любезная принцесса, — учтиво обратился к ней Люк, — не расскажешь ли, какова политическая ситуация в твоей стране?

— Крайне неустойчива, — ответила Теодора. — Я сбежала, потому что мой отец-король хочет выдать меня

за Черного Михаэля* — претендента на трон. Я, разумеется, терпеть не могу Черного Михаэля — он носит золотую серьгу в ухе и бьет конюхов хлыстом.

— И впрямь крайне нестабильная обстановка, — заметил Люк. — Как же тебе удалось сбежать?

— Я переоделась молочницей и спряталась под сеном в телеге. Никто туда не заглянул, а границу я пересекла с фальшивыми документами, которые изготовила себе в избушке дровосека.

— И теперь Черный Михаэль устроит государственный переворот?

— Конечно. Ну и на здоровье.

Это как сидеть в очереди у зубного, думала Элино́р, глядя на них поверх чашки с кофе; как сидеть в очереди у зубного и слушать чужие шутки, твердо зная, что все в конце концов окажутся в кабинете. Тут она заметила рядом с собой доктора и, подняв глаза, неуверенно улыбнулась.

— Нервничаете? — спросил он.

Элино́р кивнула.

— Я тоже. — Доктор придвинул стул и сел рядом с ней. — У вас такое чувство, будто что-то — непонятно, что именно, — должно скоро произойти?

— Да. Все как будто ждет.

— А они, — доктор кивнул на смеющихся Теодору и Люка, — чувствуют то же, но проявляют иначе; интересно, как это на всех нас скажется. Месяц назад я едва ли мог предположить такое: что мы все четверо будем сидеть здесь, в этот дом. Я долго ждал.

* Черный Михаэль — в романе Антони Хоупа «Узник Зенды» младший сын короля вымышленной центрально-европейской страны Руритании; Михаэль пытается отнять у старшего брата власть и невесту — принцессу Флавию.

А вот доктор избегает называть дом по имени, подумала Элино́р.

— Вы думаете, мы правильно поступаем, что остаемся здесь?

— Правильно? — повторил он. — Думаю, мы поступаем исключительно глупо. Думаю, такая атмосфера отыщет изъяны и слабости в каждом и сломит нас всех — это вопрос нескольких дней. Единственное наше спасение — в бегстве. По крайней мере, *она* не сможет за нами последовать. Почувствовав себя в опасности, мы уедем, как приехали. И, — горько добавил он, — со всей возможной поспешностью.

— Но ведь мы предупреждены, — заметила Элино́р, — и нас четверо.

— Я уже сказал об этом Люку и Теодоре, — продолжал доктор. — Пообещайте мне уехать сразу, как почувствуете, что дом забирает над вами власть.

— Обещаю, — с улыбкой ответила Элино́р. Он хочет меня подбодрить, благодарно подумала она. — Но пока все хорошо. Правда. Все хорошо.

— Я не колеблясь отошлю вас, если увижу такую необходимость, — сказал доктор, вставая. — Люк, дамы нас простят?

Покуда они расставляли фигуры, Теодора с чашкой в руке бродила по комнате, а Элино́р думала: у нее движения зверя, нервные и настороженные; она не может сидеть на месте, когда в воздухе ощущается некое беспокойство. Мы все на взводе.

— Посиди со мной, — сказала она. Теодора все с той же упругой грацией подошла, опустилась в кресло, с которого встал доктор, и устало откинула голову, как же она красива, подумала Элино́р, какой же бездумной, счастливой красотой. — Устала?

Теодора с улыбкой повернулась к ней.

— Не могу больше выносить ожидание.

— Я только что думала, насколько ты по виду спокойна.

— А я только что думала о... когда это было? Позавчера?.. О позавчерашнем дне. И гадала, как меня угораздило сюда поехать. Наверное, я соскучилась по дому.

— Уже?

— А ты совсем о таком не думаешь? Будь Хилл-хаус твоим домом, ты бы о нем тосковала? А девочки — интересно, они плакали о своем темном угрюмом доме, когда их отсюда увозили?

— Я никогда никуда не ездила, — осторожно ответила Элино́р, — и, наверное, не знаю, как это бывает.

— А теперь? Скучаешь по своей квартирке?

— Наверное, — ответила Элино́р, глядя в огонь. — Я там очень мало живу — еще не поверила, что она моя.

— Хочу в свою собственную постель, — объявила Теодора, и Элино́р подумала: она снова капризничает. Когда Теодора проголодалась, или хочет спать, или ей скучно, она становится как маленькая.

— У меня глаза слипаются, — сказала Теодора.

— Двенадцатый час, — ответила Элино́р.

В тот самый миг, когда она повернулась к игрокам, доктор издал торжествующий возглас, а Люк рассмеялся.

— Так-то, сэр, — объявил доктор. — Так-то!

— Вы разбили меня наголову, — признал Люк и начал собирать фигуры. — Никто не возражает, если я возьму с собой чуточку бренди? Чтобы скорее уснуть, или для пьяной храбрости, или еще для чего. Вообще-то, — и он улыбнулся девушкам, — я собираюсь еще полежать с книжкой.

— Вы по-прежнему читаете «Памелу»? — спросила Элино́р доктора.

— Второй том. У меня впереди еще три, потом примусь за «Клариссу Гарлоу». Могу одолжить Люку...

— Спасибо, не надо, — торопливо ответил Люк. — У меня с собой чемодан детективов.

Доктор обвел глазами комнату.

— Так-так, — сказал он. — Экран придвинут, свет погашен. Двери миссис Дадли может закрыть с утра.

Усталой вереницей они поднялись по лестнице, выключая по пути свет.

— Кстати, у всех есть фонарики? — спросил доктор.

Они кивнули, занятые больше мыслями о том, как хочется спать, чем о волнах тьмы, наплывающей за ними по ступеням Хилл-хауса.

— Спокойной ночи всем, — сказала Элино́р, открывая дверь синей комнаты.

— Спокойной ночи, — отозвался Люк.

— Спокойной ночи, — сказала Теодора.

— Спокойной ночи, — сказал доктор. — Крепкого сна.

6

— Иду, мам, иду, — сказала Элино́р, нащупывая выключатель. — Все хорошо, я иду.

Элино́р, слышала она, Элино́р.

— Иду-иду! — крикнула она раздраженно. — Уже иду!

— Элино́р?

И туг ее окатило холодом осознание: «Я в Хилл-хаусе!» Она окончательно проснулась и, дрожа, прыгнула с постели.

— Что? Что случилось? Теодора?

— Элино́р? Ты здесь?

— Иду.

Некогда включать свет; Элино́р оттолкнула с дороги прикроватный столик и сама удивилась грохоту, с которым он упал. Уже нащупывая ручку двери в ванную, она подумала: это не столик упал, это мама мне в стену стучит. У Теодоры, по счастью, горела лампа. Сама Теодора сидела на кровати, встрепанная, и смотрела в одну точку дикими со сна глазами. Я, наверное, выгляжу так же, мелькнуло у Элино́р.

— Я здесь. В чем дело?..

И тут она различила звук — только сейчас отчетливо, хотя слышала его с самого пробуждения.

— Что это? — прошептала Элино́р.

Она медленно села на кровать, дивясь собственному спокойствию. Ну вот и оно наконец. Всего лишь звук в коридоре, в дальнем конце, и холод — ужасный, ужасный холод. Звук со стороны детской и ужасный холод, а вовсе не мама колотит в стенку.

— Что-то стучит в двери, — произнесла Теодора самым бытовым тоном.

— Ну да. Вот и все. И это в другом конце коридора. Люк и доктор наверняка уже там, проверяют, в чем дело.

И вовсе не моя мама колотит в стенку; мне снова померещилось.

— Тук-тук, — сказала Теодора.

— Тук.

Элино́р хихикнула. Мне совсем не страшно, подумала она, только очень холодно. Всего-навсего кто-то стучит в двери — в одну, потом в другую. И этого я так боялась? «Тук» — самое подходящее слово. Как дети стучат, а не как матери через стену. И вообще, Люк с доктором уже там. Значит, вот это и называется «бросило в холод»? Очень неприятное чувство: начинается в жи-

воте и волнами расходится по телу, будто что-то живое. Будто что-то живое. Да. Будто что-то живое.

— Теодора. — Она зажмурилась, стиснула зубы и крепко обхватила себя руками. — Оно приближается.

— Просто звук, — ответила Теодора и прижалась к ней. — От него эхо.

Глухой какой-то стук, подумала Элиноор, будто в дверь колотят чайником, или железным брусом, или стальной рукавицей. С минуту стук раздавался через равные интервалы, затем медленнее и тише и снова в быстрой последовательности. Складывалось впечатление, что кто-то методично стучит во все двери подряд. Откуда-то издалека, снизу, донеслись голоса Люка и доктора. Элиноор успела подумать: «Они вовсе не здесь, с нами», — и тут ударило в дверь совсем близко.

— Может, оно пойдет по другой стороне коридора, — прошептала Теодора, и Элиноор внезапно поняла: самое странное в этих неопишуемых ощущениях — что Теодора их тоже испытывает. «Нет», — сказала Теодора, потому что теперь ударило в соседнюю дверь — громче, оглушительно (идет ли оно по коридору зигзагами? и ногами ли оно идет? и чем стучит? есть ли у него руки?), и Элиноор, вскочив с кровати, уперлась ладонями в дверь.

— Уходи! — заорала она. — Уходи, уходи!

Наступила полная тишина, и Элиноор, прижимаясь лицом к двери, подумала: все, я нас выдала. Оно искало дверь, за которой кто-нибудь есть.

Холод вполз в комнату, прибывая, как вода, захлестывая с головой, подступая под потолок. Тишина стояла такая, что всякий бы подумал: обитатели Хилл-хауса мирно спят. И тут — настолько внезапно, что Элиноор даже обернулась, — у Теодоры застучали зубы.

Элиноор рассмеялась.

— Ты совсем как маленькая, — сказала она.

— Мне холодно, — шепнула Теодора. — Ужасно холодно.

— Мне тоже. — Элинор накинула на Теодору зеленое одеяло, а сама надела Теодорин махровый халат. — Теплее?

— Где Люк? Где доктор?

— Не знаю. Ты согрелась?

— Нет. — Теодору бил озноб.

— Через минуту я выйду в коридор и позову их. Ты можешь...

И тут началось снова, словно оно прислушивалось, дожидаясь их слов, хотело понять, кто они и насколько готовы ему противостоять, насколько испуганы. Так внезапно, что Элинор отпрыгнула к кровати, а Теодора вскрикнула, что-то железное грохнуло в дверь, и обе в ужасе подняли глаза, потому что стучали очень высоко: выше, чем могли бы достать они или даже Люк с доктором. И от того, что было за дверью, волнами накатывал мерзкий, парализующий холод.

Элинор стояла неподвижно и глядела на дверь. Она не знала, что делать, хотя мыслила вроде бы вполне ясно и не была уж очень сильно напугана — скажем, сильнее, чем ей могло привидеться в самом кошмарном сне. Холод беспокоил ее больше звуков, и даже Теодорин теплый халат не спасал от ощущения, будто к спине прикасаются быстрые ледяные пальцы. Разумнее всего, наверное, было распахнуть дверь — вполне может быть, что именно такой чисто научный подход предложил бы доктор. Однако Элинор точно знала, что даже если ее ноги дойдут до двери, то рука все равно не поднимется к дверной ручке; бесстрастно, отрешенно она сказала себе: ничья рука бы этого не осилила, руки для такого

не созданы. Каждый удар в дверь немного отбрасывал ее назад, а теперь она застыла, потому что грохот утихал.

— Я пожалуйю обслуге на батарее, — сказала Теодора у нее за спиной. — Заканчивается?

— Нет, — выдавила Элино́р. — Нет.

Оно их отыскало. Раз ему не открывают, оно войдет само. Элино́р сказала:

— Теперь я понимаю, почему люди визжат от ужаса. Потому что я сейчас завизжу.

— Тогда завизжу и я, — ответила Теодора и засмеялась.

Элино́р быстро села на кровать, и они ухватились друг за дружку, напрягая слух. Что-то охлопывало дверную раму, тыкалось в щели, норовя пролезть внутрь. Ручка задергалась. «Заперто?» — шепотом спросила Элино́р. Теодора кивнула и тут же в ужасе поглядела на дверь ванной. «У меня тоже заперто», — шепнула ей в ухо Элино́р, и Теодора с облегчением закрыла глаза. Вдоль рамы вновь пробежал липкий стукоток, и вдруг, как будто нечто за дверью обезумело от гнева, удары посыпались с новой силой. Дверь задрожала и задергалась на петлях.

— Ты не войдешь! — крикнула Элино́р, и вновь наступила тишина, как будто дом внимательно прислушивался к ее словам, понимая, глумливо соглашаясь, вполне готовый ждать. В комнату порывом ветра ворвался смешок, безумное хихиканье, и Элино́р ощутила его позвоночником — легчайший отголосок хохота, короткого и самодовольного, прокатившийся по всему дому. Тут с лестницы донеслись голоса Люка и доктора, и — о счастье! — все закончилось.

Когда наступила настоящая тишина, Элино́р судорожно вздохнула и отсела в сторону.

— Мы вцепились друг в дружку, как малые дети, — сказала Теодора, убирая руки с ее плеч. — Ты в моем халате.

— Я забыла свой. Все правда закончилось?

— На сегодня — да, — уверенно ответила Теодора. — А ты разве не чувствуешь? Мне вот уже тепло.

Тошнотворный холод ушел, и только когда Элинор вновь взглянула на дверь, легкий морозец напоминанием пробежал по спине. Она начала развязывать тугой узел, который затянула на поясе халата.

— Ощущение сильного холода — один из симптомов шока, — сказала она.

— Ощущение сильного шока — один из симптомов, которые я наблюдаю у себя, — ответила Теодора. — А вот и Люк с доктором.

В коридоре слышались их быстрые, встревоженные голоса. Элинор сбросила Теодорин халат и со словами: «Только бы они не вздумали стучать — еще один стук меня доконает» — убежала надеть свой. За спиной у нее Теодора просила Люка и доктора подождать минутку, сейчас она откроет дверь. Затем голос Люка произнес учтиво:

— Ну у тебя и лицо, Теодора! Как будто привидение увидела.

Вернувшись в комнату, она отметила, что и Люк, и доктор полностью одеты. Ей подумалось, что это неплохая мысль: встретить ночной холод, если он повторится, в свитере и шерстяном костюме. И плевать, что скажет миссис Дадли, узнав, что по крайней мере одна постоялица спит на чистом белье в уличной обуви и шерстяных носках.

— Ну, джентльмены, — спросила Элинор, — как вам нравится жить в доме с привидениями?

— Очень даже, — ответил Люк. — Замечательный повод выпить среди ночи.

Он держал в руках бутылку и стаканы. Элинор подумала, как уютно это будет, сидеть тесным кружком, в четыре утра, и пить бренди. Они говорили беспечно, быстро, исподтишка косясь друг на друга, и каждый гадал, какой тайный страх поселился в других, отыскивал в чертах и движениях перемены, невольные проявления губительной слабости.

— Что-нибудь происходило, пока мы были снаружи? — спросил доктор.

Девушки переглянулись и прыснули со смеху — на сей раз искренне, без тени истерики или страха. Через минуту Теодора ответила прилежно:

— Ничего особенного. Кто-то молотил в дверь пушечным ядром, затем пытался забраться внутрь и съесть нас, а когда мы не открыли, чуть не надорвался от хохота. Однако ничего серьезного.

Элинор встала, с любопытством открыла дверь и проговорила удивленно:

— Я думала, она разлетится в щепки, а тут ни царапины, и на остальных дверях тоже. Нигде никаких следов.

— Как мило, что оно не портит двери, — сказала Теодора, протягивая Люку стакан. — Мне было бы до слез жалко, если бы милый старый дом пострадал. — Она подмигнула Элинор. — Нелли собиралась завизжать.

— Ты тоже.

— Ничего подобного. Я просто тебя поддержала за компанию. К тому же миссис Дадли заранее предупредила, что не придет. А где были вы, наши мужественные защитники?

— Гоняли собаку, — ответил Люк. — Во всяком случае, какое-то животное, похожее на собаку. — Он помолчал и продолжил неохотно: — Мы выбежали за ним на улицу.

Теодора вытаращила глаза, а Элинор спросила:

— Вы хотите сказать, собака была *в доме*?

— Она пробежала мимо моей двери, — сказал доктор. — Я только видел, как что-то мелькнуло. Я разбудил Люка. Мы гнались за ней по лестнице, потом по саду и потеряли ее где-то за домом.

— Парадная дверь была открыта?

— Нет, — ответил Люк. — Парадная дверь была закрыта. И все остальные тоже. Мы проверили.

— Мы бродили довольно долго, — сказал доктор, — и понятия не имели, что вы не спите, пока не услышали голоса. — Он произнес веско: — Мы не приняли в расчет одного.

Все озадаченно поглядели на него, и он объяснил, по-преподавательски загибая пальцы:

— Во-первых, мы с Люком явно проснулись раньше вас: мы бегали по дому и на улице больше двух часов, ища, если мне позволено так выразиться, ветра в поле. Во-вторых, мы оба, — говоря, он вопросительно взглянул на Люка, — не уловили ни звука до тех пор, пока не раздались ваши голоса. Стояла полная тишь. То есть стук был слышен только вам. Возвращаясь назад, мы, очевидно, спугнули то, что ждало под вашей дверью. Теперь, когда мы сидим вчетвером, все тихо.

— Я все равно не понимаю, к чему вы клоните, — сказала Теодора, хмурясь.

— Надо принять меры предосторожности, — ответил доктор.

— Какие? Против чего?

— Нас с Люком выманили наружу, а вы оказались заперты внутри. Не возникает ли впечатление... — он понизил голос, — не возникает ли впечатление, что нас хотели разделить?

В ярком утреннем свете даже синяя комната Хилл-хауса выглядела свежо и радостно. Смотря на себя в зеркало, Элинор подумала: это мое второе утро в Хилл-хаусе, и я невероятно счастлива. Все пути ведут к свиданию. Я почти не спала ночь, я лгала и выставила себя идиоткой, а воздух — как вино. Я перепугалась так, что со страха едва не растеряла последний скудный умишко, но каким-то образом я заслужила это счастье. Я столько его ждала. Отбросив усвоенное с детства убеждение, что нельзя говорить о хорошем — сглазишь, она улыбнулась себе в зеркале и произнесла мысленно: «Ты счастлива, Элинор, ты наконец-то получила долю отпущенного тебе счастья». И, отведя взгляд от своего отражения, повторила упрямо: все пути ведут к свиданию, все пути ведут к свиданию.

— Люк? — донесся из коридора голос Теодоры. — Ты вчера ночью стащил мой чулок. Ты гадкий воришка, и я надеюсь, что миссис Дадли меня слышит.

Люк отвечал, что джентльмен вправе сохранить небольшой подарок от дамы и что миссис Дадли наверняка слышит каждое слово.

— Элинор? — Теперь Теодора колотила в разделяющую их дверь. — Ты не спишь? Можно войти?

— Конечно, — ответила Элинор, глядя на свое лицо в зеркале. Ты это заслужила, сказала она себе, это плата за все, что ты вытерпела.

Теодора открыла дверь и сказала весело:

— Какая ты сегодня хорошенькая, моя Нелл. Эта чудная жизнь явно тебе пользу.

Элинор улыбнулась в ответ; ровно то же самое она могла бы сказать о Теодоре.

— У нас должны быть синяки под глазами и потухший взгляд. — Теодора обняла подругу и через ее плечо посмотрела на себя в зеркало. — А только погляди: две цветущие юные красотки.

— Мне тридцать четыре, — сказала Элинор, сама не понимая, из какого чувства противоречия наклала себе два года.

— А выглядишь ты на четырнадцать, — ответила Теодора. — Идем. Мы заслужили свой завтрак.

Они со смехом пробежали по лестнице и через игровую комнату в столовую.

— Доброе утро, — весело сказал Люк. — Как спали?

— Прекрасно, спасибо, — ответила Элинор. — Сном младенца.

— Был вроде какой-то шум, — добавила Теодора, — но в старом доме это естественно. Доктор, чем мы сегодня займемся?

— Хм? — поднял голову доктор.

Он один выглядел усталым, но и его глаза горели так же, как у всех. Это радостное волнение, подумала Элинор. Нам всем очень хорошо.

— Баллехин-хаус, — произнес доктор, смакуя слова. — Дом священника в Борли. Гламисский замок*.

* Замок в Шотландии, с которым связаны многочисленные легенды о призраках. В часовне обитает Серая дама, дама без языка выглядывает из зарешеченного окна, у дверей в одну из спален появляется призрак негритенка, умершего в замке двести лет назад, на месте убийства короля Малькольма II проступают несмываемые пятна крови и так далее. Замок принадлежит Боуз-Лайонам, здесь провела детство мать королевы Елизаветы II.

Не верится, что испытываешь такое на себе. Просто не верится. Я начинаю отчасти понимать восторги настоящих экстрасенсов. Не передадите ли сюда мармелад? Спасибо. Моя жена мне не поверит. У еды сегодня какой-то особенный вкус, вы не находите?

— Вот и я гадаю: это миссис Дадли себя превзошла или что еще? — подтвердил Люк.

— Я все пытаюсь вспомнить, — сказала Элинора. — Про ночь. То есть я знаю, что испугалась, но не могу представить, как это было.

— Я помню холод, — поежилась Теодора.

— Думаю, дело в том, что все настолько не похоже на знакомые переживания... в смысле, потому и не откладывается в голове. — Элинора смущенно рассмеялась.

— Точно, — согласился Люк. — С утра я *рассказывал* себе о ночных событиях. После страшного сна убеждаешь себя, что на самом деле этого не было, а тут наоборот.

— По-моему, отличная встряска, — заметила Теодора.

Доктор предостерегающе поднял указательный палец.

— Нельзя полностью исключить, что причина кроется в подземных водах.

— Тогда надо больше домов строить над тайными родниками.

Доктор нахмурился.

— Эта эйфория меня смущает, — сказал он. — Нет ли в ней опасности? Не проявление ли это атмосферы Хилл-хауса? Первый признак того, что мы поддались его чарам?

— Тогда я буду заколдованная принцесса, — объявила Теодора.

— И все же, — начал Люк, — если сегодня ночью Хилл-хаус проявил себя в полной мере, то бояться особенно нечего. Нам всем было страшно и неприятно, однако я не помню ощущения *физической* опасности. Даже когда Теодора сказала, что нечто за дверью хотело ее съесть, не было чувства...

— Я знаю, что она имела в виду, — возразила Элинор, — и еще тогда подумала, что это правильное слово. Ощущение было, что оно хочет нас поглотить, вобрать в себя, возможно — сделать частью дома... ой, мне казалось, я понимаю, что говорю, только у меня очень плохо получается.

— Физической опасности нет, — уверенно сказал доктор. — Ни одно привидение за всю историю привидений не причинило кому-либо телесного вреда. Вред причиняет себе сама жертва. Нельзя даже сказать, что призрак атакует разум. Разум — сознательный, думающий — неуязвим. Сидя здесь и разговаривая, мы разумом и на йоту не верим в привидений. Никто из нас, даже после сегодняшней ночи, не может произнести слово «привидение» и не улыбнуться. Нет, опасность сверхъестественного в том, что оно наносит удар в ту часть современного разума, где он совершенно безоружен. Мы отбросили броню суеверий и ничего не придумали взамен. Никто из нас не думает умом, что вчера по саду бегало привидение или что привидение колотило в двери. Однако, несомненно, *что-то* в Хилл-хаусе нынешней ночью происходило, и разум бессилён прибегнуть к своей инстинктивной защите — усомниться в себе. Мы не можем сказать: «Мне померещилось», потому что три человека наблюдали то же самое.

— Я могу, — улыбнулась Элинор. — Вы трое существуете только в моем воображении; на самом деле вас нет.

— Если бы вы были готовы и впрямь в это поверить, — серьезно сказал доктор. — я бы отослал вас отсюда сегодня же утром. Вы бы слишком близко подошли к состоянию ума, которое примет опасности Хилл-хауса как родные и желанные.

— Доктор хочет сказать, дорогая Нелл, что счел бы тебя психоненормальной.

— И наверное, был бы прав, — ответила Элинора. — Конечно, если я возьму сторону Хилл-хауса против вас, вы меня отошлете.

Почему я? — подумала она. Я что, общественная совесть? Вечно должна говорить холодными словами то, что гордость не позволяет им признать? Я что, самая слабая, слабее даже Теодоры? Уж явно из нас четверых я последняя, кто противопоставит себя остальным.

— Полтергейсты — совершенно иное дело, — продолжал доктор, косясь на Элинора. — Они воздействуют исключительно на материальный мир: швыряют камни, двигают предметы, бьют посуду. Миссис Фойстер из Борли уж столько всего вытерпела, но даже она сорвалась, когда ее лучший чайник вылетел в окошко. Впрочем, в иерархии сверхъестественного полтергейсты занимают самое низкое положение: они разрушительны, но не обладают ни волей, ни умом — просто сила, ни на что конкретное не направленная. А помните, — с улыбкой спросил он, — есть такая очаровательная сказка Оскара Уайльда, «Кентервильское привидение»?

— Где американские близнецы выжили из замка старого английского призрака, — кивнула Теодора.

— Она самая. Мне всегда нравилась гипотеза, что близнецы на самом деле — полтергейст. Безусловно, полтергейст может заслонить куда более любопытные феномены. Дурные привидения вытесняют хоро-

ших. — Он довольно потерял руки. — И все остальное тоже. В Шотландии есть усадьба, кишущая полтергейстами; как-то там за один день произошло семнадцать самовозгораний. Полтергейсты обожают переворачивать кровати, стряхивая с них спящих. Я помню историю одного пастора, который вынужден был сменить дом, потому что полтергейст каждый день швырял ему в голову гимнодий, украденный из церкви у конкурента.

Внезапно Элинор разобрал беспричинный смех; ей хотелось подбежать к доктору и обнять его или пуститься в пляс на лужайке; хотелось петь, кричать, размахивать руками, по-хозяйски демонстративно обходить кругами каждую из комнат Хилл-хауса. Я здесь, я здесь, думала Элинор. Она зажмурилась от восторга, потом спросила тоном пай-девочки:

— И что мы сегодня делаем?

— Какие вы все-таки дети! — ответил доктор, тоже улыбаясь. — Вечно спрашиваете, что мы сегодня делаем. Что бы вам не поиграть в свои игрушки? Или между собой? Мне надо поработать.

— Чего я на самом деле хочу, — Теодора хихикнула, — так это скатиться по перилам.

Ее захватила та же лихорадочная веселость, что и Элинор.

— Прятки, — предложил Люк.

— Постарайтесь не разбредаться поодиночке, — предупредил доктор. — Я не могу точно объяснить почему, но мне кажется, лучше не стоит.

— Потому что в лесах медведи, — ответила Теодора.

— А на чердаке — тигры, — подхватила Элинор.

— В башне — ведьма, в гостиной — дракон.

— Я говорю совершенно серьезно, — со смехом произнес доктор.

— Десять часов. Я убираю в...

— Доброе утро, миссис Дадли, — сказал доктор.

Элиноর, Теодора и Люк без сил откинулись на стульях, заходясь от хохота.

— Я убираю в десять.

— Мы сильно вас не задержим. Еще минут пятнадцать, и можно будет убрать со стола.

— Я убираю завтрак в десять. Я подаю ланч в час. Обед — в шесть. Сейчас десять часов.

— Миссис Дадли, — строго начал доктор и тут же, заметив, как напрягся от беззвучного смеха Люк, на секунду прикрыл лицо салфеткой и сдался. — Можете убирать со стола, миссис Дадли, — обреченно произнес он.

Оглашая Хилл-хаус веселым хохотом, отголоски которого долетали и до мраморной скульптурной группы в гостиной, и до детской на втором этаже, и до вершины нелепой башенки, они прошли в свой будуар и, не переставая смеяться, рухнули на стулья.

— Нехорошо дразнить миссис Дадли, — сказал доктор и тут же зарылся лицом в ладони. Плечи его тряслись.

Они еще долго не могли успокоиться: кто-нибудь начинал фразу и не договаривал, только тыкал в собеседника пальцем, и Хилл-хаус содрогался от их смеха, пока, нахохотавшись до колик, они не откинулись в креслах, выдохшиеся и обессиленные, и не поглядели друг на друга.

— Итак, — начал доктор и тут же замолчал, потому что Теодора хихикнула.

— Итак, — повторил доктор суровее, и они затихли. — Я хочу еще кофе, — жалобно сообщил он — Вы ведь тоже хотите?

— Вы предлагаете вот так прямо пойти к миссис Дадли? — уточнила Элинор.

— Прийти к миссис Дадли не в час и не в шесть и попросить кофе? — подхватила Теодора.

— Примерно говоря, да, — сказал доктор. — Люк, мой мальчик, я заметил, что миссис Дадли к вам благоволит...

— И как, — изумленно спросил Люк, — вам удалось сделать столь невероятное наблюдение? Миссис Дадли смотрит на меня как на блюдо, поставленное не на ту полку. В глазах миссис Дадли...

— Вы как-никак наследник дома, — просительно сказал доктор. — Чувства миссис Дадли к вам должны быть сродни чувству старой прислуги к молодому хозяину.

— В глазах миссис Дадли я хуже оброненной вилки. Если вы хотите что-нибудь у старой дуры попросить, отправьте Тео или обворожительную Нелл. Они не боятся...

— Ну уж нет, — сказала Теодора, — вы не бросите против миссис Дадли беззащитную женщину. Нас с Нелл надо оберегать, а не выставлять на крепостные валы вместо трусливых мужчин.

— Доктор...

— Чепуха, — отрезал доктор. — Уж не станете же вы просить меня, старшего по возрасту. К тому же вы знаете, что она вас обожает.

— Жестокий старец! — воскликнул Люк. — Приносите меня в жертву ради чашки кофе. Не удивляйтесь же, предупреждаю я со всей мрачностью, не удивляйтесь же, если ваш Люк не вернется живым из боя. Возможно, миссис Дадли еще не успела перекусить, и она вполне способна приготовить филе из Люка по-домаш-

нему или в сыре и сухарях, в зависимости от настроения. Так что если я не вернусь, — и он потряс пальцем у доктора под носом, — советую повнимательнее разглядеть, что вам подадут на ланч.

Он отвесил преувеличенно церемонный поклон, словно отправлялся на битву с великаном, и закрыл за собой дверь.

— Милый Люк. — Теодора со вкусом потянулась.

— Милый Хилл-хаус, — сказала Элинора. — Тео, в саду есть летний флигель, весь заросший, я вчера заметила. Отправимся его исследовать?

— С удовольствием, — ответила Теодора. — Я намерена насладиться каждым дюймо́м Хилл-хауса. И вообще в такой чудный день грех сидеть взаперти.

— Люка тоже позовем, — сказала Элинора. — А вы, доктор, пойдете?

— Мои заметки... — Доктор не договорил, потому что дверь резко распахнулась. Первой мыслью Элинора было, что Люк не отважился пойти к миссис Дадли и все это время простоял под дверью. В следующий миг она увидела его белое лицо и услышала, как доктор произнес с досадой: — Я нарушил свое собственное первое правило: отпустил его одного.

— Люк? Люк? — вырвалось у нее.

— Все хорошо. — Люк даже выдавил улыбку. — Но иде́мте в коридор.

Напуганные его лицом, голосом и улыбкой, они молча вышли в длинный темный коридор, ведущий к центральному вестибюлю.

— Вот. — Люк чиркнул спичкой и поднес ее к стене. По спине у Элинора пробежал неприятный маленький холодок.

— Это... надпись? — спросила она, подходя ближе.

— Да, — ответил Люк. — По пути туда я ее даже не заметил. Миссис Дадли, кстати, отказала, — добавил он напряженно.

— Фонарик. — Доктор вытащил из кармана фонарик и медленно пошел по коридору, высвечивая букву за буквой. Затем потрогал одну из них пальцем. — Мел, — объяснил он. — Написано мелом.

Элиноর подумалось, что надпись — большая и небрежная — должна выглядеть так, словно мальчишки накорябали ее на заборе, однако ломаные буквы на деревянных панелях были невероятно реальны. Они тянулись из конца в конец коридора, так что разобрать все не удавалось, даже стоя у противоположной стены.

— Можете прочесть? — тихо спросил Люк, и доктор, светя себе фонариком, прочел медленно:

— «НА ПОМОЩЬ ЭЛИНОР ВЕРНИСЬ ДОМОЙ».

— Нет.

Слова застряли у Элинор в горле: она увидела свое имя одновременно с тем, как доктор его читал. Это я, подумала она, это мое имя написано тут так отчетливо; меня не должно быть на стене этого дома.

— Сотрите, пожалуйста, — прошептала она и почувствовала у себя на плече руку Теодоры. — Это безумие.

— Безумие, по-другому не скажешь, — твердо произнесла Теодора. — Элинор, иди назад, сядь. Люк найдет тряпку и все сотрет.

— Но это безумие. — Элинор все не уходила, смотрела на свое имя, написанное мелом на стене. — Почему?..

Доктор решительно взял ее под руку, отвел в будуар и закрыл дверь. Люк уже тер надпись носовым платком.

— А теперь выслушайте меня, — сказал доктор. — Только из-за того, что там ваше имя...

— В том-то и дело. — Элино́р глядела на него во все глаза. — Оно знает мое имя, верно? Оно знает мое имя.

— Прекрати! — Теодора сильно встряхнула ее за плечи. — Там могло быть про кого угодно. Оно знает все наши имена.

— Это ты написала? — Элино́р повернулась к ней. — Пожалуйста, скажи... я не обижусь, просто чтобы знать... может, это шутка?

Она с мольбой взглянула на доктора.

— Вам известно, что никто из нас этого не писал, — сказал тот.

Вошел Люк, вытирая руки платком, и Элино́р с надеждой подняла голову.

— Люк, это же ты написал, правда? Пока ходил на кухню, — умоляюще спросила она.

Люк сперва поглядел недоуменно, потом сел на подлокотник ее кресла.

— Послушай, — сказал он. — Ты хочешь, чтобы я повсюду писал твое имя? Вырезал твои инициалы на деревьях? Оставлял везде записочки «Элино́р, Элино́р»? — Он легонько потянул ее за волосы. — Я еще не сошел с ума, и ты не дури.

— Тогда почему я? — Элино́р поочередно обвела их глазами. Я не с ними, я избранная, подумала она неожиданно для себя и сказала быстро, просительно: — Я чем-то привлекла к себе больше внимания?

— Не больше обычного, дорогая. — Теодора стояла у камина, постукивая пальцами по доске. Говоря, она с широкой улыбкой смотрела на Элино́р. — Может, ты сама это и написала.

От обиды Элино́р едва не сорвалась на крик.

— Думаешь, мне хочется, чтобы мое имя было написано по всему этому гадкому дому? Думаешь, мне

приятно быть в центре внимания? Я не избалованный ребенок, как некоторые. Мне совсем не по душе, когда меня выделяют..

— И просят о помощи? — весело закончила Теодора. — Быть может, дух бедной гувернантки наконец отыскал способ себя выразить. Может, она просто ждала какую-нибудь серенькую, робкую ..

— А может, ко мне обратились потому, что никаким призывам не пробить твой железобетонный эгоизм. Сочувствия и доброты во мне...

— А может, ты сама это написала, — повторила Теодора.

Как всякие мужчины, оказавшиеся свидетелями женской ссоры, Люк и доктор молча стояли в сторонке, растерянные и огорченные. Наконец Люк сказал:

— Ну хватит, Элино́р.

Элино́р резко повернулась и топнула ногой.

— Как ты можешь! — выдохнула она. — Как вы все можете!

И тут доктор рассмеялся. Элино́р недоверчиво посмотрела на него, потом на Люка, с улыбкой ее разглядывающего. Что со мной не так? — мелькнуло у нее, потом: а ведь они думают, Теодора нарочно меня злит. Чтобы привести в чувство. Стыдно, когда тобою так манипулируют. Она закрыла лицо руками и села.

— Нелл, дорогая, — сказала Теодора. — Прости.

Надо что-то ответить, думала Элино́р. Сделать вид, будто я благодарна им за участие и стыжусь себя.

— Нет, это ты прости. Я перепугалась.

— Ничего удивительного, — ответил доктор, и Элино́р подумала: какой он наивный, как его насквозь видно. Верит в любую глупость, какую ему скажут. Даже

в то, что Теодора меня встряхнула. Она улыбнулась ему и подумала: ну вот, я снова со всеми.

— Я правда боялась, ты сейчас зашьешься в истерику, — сказала Теодора, вставая на колени перед креслом Элинора. — Я бы на твоём месте точно забилась. Но мы не можем позволить тебе дать слабину.

Мы не можем позволить, чтобы в центре внимания оказался кто-нибудь, кроме Теодоры, подумала Элинора. Если от меня отвернутся, то сразу все. Она погладила Теодору по голове и сказала:

— Спасибо. Я правда чуточку сорвалась.

— Я думал, вы подеретесь, — заметил Люк, — пока не разгадал стратегию Теодоры.

С улыбкой глядя в сияющие глаза приятельницы, Элинора думала. только стратегия Теодоры состояла совсем в другом.

2

Время в Хилл-хаусе текло неспешно. Элинора и Теодора, доктор и Люк, укутанные в бархат холмов и погруженные в теплую темную роскошь дома, получили передышку длиною в сутки — спокойный день и спокойную ночь, так что даже немного заскучали. Если они все вместе; готовка миссис Дадли по-прежнему была выше всяких похвал. Они беседовали, играли в шахматы. Доктор закончил «Памелу» и принялся за «Историю сэра Чарльза Грандисона». Все время от времени испытывали острую потребность побыть наедине с собой и часами просиживали у себя в комнатах, где ничто не нарушало их мирный покой. Теодора, Элинора и Люк исследовали заросли за домом и отыскивали летний флигель. Доктор тем временем сидел со своими записями на лужайке, в пределах видимости и слыши-

мости. Они нашли бывший розарий, который почти заглушили сорняки, и огород, заботами Дадли поддерживаемый в образцовом состоянии. Вновь и вновь возникал разговор о том, что надо бы устроить пикник. Рядом с флигелем росла земляника, и Теодора с Люком и Элинор набрали доктору целый платок ягод. Он приподнял голову от блокнота и, глядя на их перемазанные соком руки и рты, снова объявил, что они — точно дети. Каждый из троих записал — небрежно и без подробностей, — что видел и слышал в Хилл-хаусе, и доктор сложил листки в папку. На следующее утро — их третье утро в Хилл-хаусе — доктор и Люк провели на втором этаже час, ползая по коридору на четвереньках и пытаясь с помощью мерной ленты и мела установить точные размеры холодного пятна. Элинор и Теодора сидели по-турецки на полу, записывали цифры, которые называл доктор, и сражались в крестики-нолики. У доктора постоянно замерзали руки, и он не мог держать мел и ленту больше минуты кряду. Люк, в дверях детской, мог подвести второй конец ленты только к краю пятна — на самом пятне пальцы у него немедленно слабели и разжимались. Градусник, помещенный в центр пятна, упорно показывал ту же температуру, что в остальном коридоре, и доктор крайне нелестно отзывался об исследователях дома в Борли, зафиксировавших одиннадцатиградусный перепад. Худо-бедно измерив пятно, он повел всех в столовую и за ланчем огласил приказ встретиться позже на крокетной лужайке.

— Глупо тратить такое дивное утро на разглядывание холодного участка пола. Впредь нам надо больше времени проводить снаружи, — сказал он и, когда все рассмеялись, удивленно поднял брови.

— Интересно, существует ли еще остальной мир? — произнесла Элинор, задумчиво глядя в свою тарелку (миссис Дадли сегодня испекла им пирог с абрикосами). — Очевидно, миссис Дадли ночует в каком-то месте, откуда каждое утро приносит густые сливки, а Дадли ходит куда-то за продуктами, но, по моему глубокому убеждению, никакого внешнего мира нет.

— Мы на необитаемом острове, — объявил Люк.

— Не могу вообразить мир за пределами Хилл-хауса, — сказала Элинор.

— Возможно, — ответила Теодора, — нам надо делать зарубки на бревне или складывать в кучку камешки, по одному на каждый день, чтобы не потерять счет времени.

— Как хорошо, что внешнего мира не существует, — заметил Люк, накладывая себе целую гору взбитых сливок. — Ни тебе писем, ни газет. Если что и происходит, нам до этого нет никакого дела.

— Должен вас огорчить, — начал доктор, и все умолкли. — Прошу прощения. Я всего лишь хотел сказать, что внешний мир к нам проникнет и, конечно, огорчаться тут нечему. В субботу приезжает миссис Монтегю, то есть моя супруга.

— А когда суббота? — спросил Люк. — Разумеется, мы будем очень рады миссис Монтегю.

— Послезавтра. — Доктор задумался. — Да, — сказал он через минуту, — думаю, что послезавтра. Мы, безусловно, пойдем, что наступила суббота, — он подмигнул, — когда увидим миссис Монтегю.

— Надеюсь, она не слишком рассчитывает на ночной тарарам, — заметила Теодора. — Хилл-хаус не оправдывает надежд, которые подавал вначале. Впро-

чем, возможно, он встретит миссис Монтегю фейерверком паранормальных явлений.

— Миссис Монтегю будет вполне к ним готова, — заверил доктор.

— Интересно, — сказала Теодора Элино́р, когда они под пристальным взглядом миссис Дадли вставали из-за стола, — почему все так тихо? Мне это ожидание действует на нервы. Уж лучше бы опять началось, что ли.

— Ждем не мы, — ответила Элино́р, — а дом. Думаю, он затаился до времени.

— А едва мы потеряем бдительность, он как прыгнет!

— Интересно, сколько он может ждать. — Элино́р, пожившись, направилась к лестнице. — Мне почти хочется написать сестре. «Мы чудесно проводим время в добром старом Хилл-хаусе...»

— «На следующее лето обязательно привези сюда все семейство, — подхватила Теодора, — мы каждую ночь спим, накрывшись с головой одеялом...»

— «Воздух так бодрит, особенно в коридоре второго этажа...»

— «Мы постоянно радуемся, что до сих пор живы...»

— «Каждую минуту происходит что-нибудь интересное...»

— «Цивилизация представляется такой далекой...»

Элино́р рассмеялась. Она чуть опередила Теодору на лестнице. В мрачном коридоре было сейчас немного светлее: они оставили дверь в детскую открытой, и солнце из окна озаряло мерную ленту и мел на полу. На темных панелях лежали синие, оранжевые и зеленые отблески витража.

— Я пойду спать, — объявила она. — В жизни столько не ленилась.

— А я лягу и буду грезить о трамваях, — ответила Теодора.

У Элинора вошло в обыкновение быстро оглядывать комнату с порога, прежде чем войти; она убеждала себя, что просто взгляду нужно привыкнуть к такому количеству синевы. Она собиралась распахнуть окно, которое по возвращении всегда находила закрытым, и была уже на середине спальни, когда в коридоре стукнула дверь и сдавленный голос Теодоры позвал: «Элинор!»

Элинор выбежала наружу и замерла в ужасе, глядя Теодоре через плечо.

— Что это? — прошептала она.

— Что это изображает? — Голос Теодоры сорвался на визг. — Что изображает, дура?

И вот этого я ей тоже не забуду, подумала Элинор очень четко, несмотря на растерянность, а вслух сказала:

— Вроде бы похоже на краску. Только... — И тут до нее дошло. — Только пахнет ужасно.

— Это кровь, — твердо ответила Теодора. Она вцепилась в дверь и, когда та качнулась, еле устояла на ногах. — Кровь. Везде. Ты ее видишь?

— Конечно вижу. И вовсе не везде. Брось паниковать.

На самом деле Теодора очень мало паникует, усоветила себя Элинор. Следующий раз кто-нибудь из нас запрокинет голову и вззоет по-настоящему. Только бы это была не я — ведь я заранее настроена держать себя в руках, — а Теодора...

— Опять надпись на стене? — спросила она холодно и, услышав дикий смех Теодоры, подумала: как бы все-таки не я, нельзя такого допустить, надо собраться...

Она закрыла глаза и поймала себя на том, что произносит беззвучно: «Стой, послушай, ты узнаешь, как

поет твой верный друг. Брось напрасные скитанья, все пути ведут к свиданью...»

— О да, дорогая, — сказала Теодора. — Я не знаю, как тебе это удалось.

«Это знают дед и внук».

— Не глупи, — ответила Элино́р. — Позови Люка и доктора.

— Зачем? Разве это не задумывалось как маленький сюрприз для меня? Только для нас двоих.

Вывавшись из рук Элино́р, которая пыталась не пустить ее в комнату, Теодора подбежала к шкафу, распахнула дверцу и заплакала от злости.

— Моя одежда, — причитала она. — Моя одежда.

Элино́р решительным шагом вернулась к лестнице.

— Люк! — сказала она, перегнувшись через перила. — Доктор!

Звала она негромко и старалась не сорваться, но в следующее мгновение раздался стук уроненной на пол книги и быстрые шаги. Элино́р смотрела, как доктор и Люк бегут к лестнице, видела их испуганные лица и думала, до чего же все они постоянно напряжены, даже когда выглядят спокойными, каждый только и ждет крика о помощи; разум и понимание нисколько не облегчают дела.

— Тео, — сказала Элино́р, как только мужчины поднялись. — Она в истерике. Кто-то... что-то перемазало ее спальню красной краской, и она рыдает над своей одеждой.

Я не могла изложить мягче, мелькнуло в голове. Могла ли я изложить мягче? — спросила себя Элино́р и поняла, что улыбается.

Теодора по-прежнему громко всхлипывала и пинала дверь гардероба в приступе ярости, которая могла бы

показаться комичной, если бы не окровавленная желтая блузка у нее в руках; остальная одежда была сорвана с плечиков и мятой перепачканной грудой валялась на дне шкафа.

— Что это? — спросил Люк доктора.

Тот покачал головой.

— Я бы поклялся, что кровь, но чтобы добыть столько крови, надо... — Он осекся.

С минуту они стояли молча, разглядывая надпись «НА ПОМОЩЬ ЭЛИНОР ВЕРНИСЬ ДОМОЙ», на-малеванную кривыми красными буквами над кроватью Теодоры.

На сей раз я готова, сказала себе Элинор.

— Надо ее отсюда забрать. Отведите ее ко мне.

— Моя одежда испорчена, — пожаловалась Теодора доктору. — Видите мою одежду?

Запах был чудовищный, от букв по обоям разбежались потеки и кляксы. Дорожка капель вела от стены к гардеробу — возможно, она-то и заставила Теодору заглянуть туда в первую очередь. Посреди зеленого ковра расплылось неправильной формы пятно.

— Какая гадость, — сказала Элинор. — Пожалуйста, отведите Тео в мою комнату.

Люк и доктор вдвоем убедили Теодору пройти через ванную в смежную спальню, а Элинор, глядя на красную краску («Это должна быть краска, — сказала она себе, — просто обязательно должна, что еще это может быть?»), спросила: «Но зачем?» — и уставилась на послание. Здесь лежит тот, чье имя начертано кровью*, изящно подумала она, может ли быть, что сейчас я выражаюсь не вполне ясно?

* Перифраз эпитафии, сочиненной Китсом для самого себя «Здесь лежит тот, чье имя начертано на воде»

— Она успокоилась? — спросила Элино́р, когда доктор снова вошел в комнату.

— Скоро успокоится. Думаю, мы временно поселим ее у вас. Вряд ли после такого она захочет здесь ночевать. — Доктор улыбнулся немного усталю. — И, думаю, не скоро она отважится сама открыть какую-нибудь дверь.

— Наверное, ей придется взять мою одежду.

— Наверное, да, если вы не против. — Доктор взглянул на нее с любопытством. — Второе послание встревожило вас меньше первого?

— Слишком уж это глупо, — сказала Элино́р, пытаясь разобраться в собственных чувствах. — Я как раз стояла, смотрела и думала: «Зачем?» Это как шутка, которая никого не смешит. Я должна была напугаться куда сильнее и не напугалась, потому что это чересчур страшно — по-настоящему так не может быть. И я все время вспоминаю Тео с ее красным лаком... — Она хихикнула. Доктор пристально взглянул на нее, однако Элино́р продолжала: — Понимаете, ничего бы не изменилось, будь это просто краска. — Я говорю без умолку, подумала она, незачем столько объяснять. — Может, я потому все так несерьезно восприняла, что Тео принялась рыдать из-за одежды и обвинила меня, будто я написала свое имя во всю стену. Может быть, я привыкла, что меня во всем винят.

— Никто вас ни в чем не винит, — ответил доктор, и Элино́р почувствовала в его тоне укоризну.

— Надеюсь, моя одежда ее устроит, — сказала она едко.

Доктор оглядел комнату, опасливо тронул пальцем букву на стене и ногой отодвинул желтую Теодорину блузку.

— Позже, — рассеянно произнес он. — Может быть, завтра. — Потом взглянул на Элинор и улыбнулся. — Надо будет сделать точные зарисовки.

— Давайте я вам помогу, — сказала Элинор. — Мне совсем не страшно, только противно.

— Да, — ответил доктор. — А пока запрем комнату, чтобы Теодора случайно в нее не забрела. Позже, когда будет время, я все изучу. И еще, — добавил он с неожиданной улыбкой, — я бы не хотел, чтобы миссис Дадли пришла сюда убираться.

На глазах у Элинор доктор запер изнутри дверь в коридор, а когда они вместе вошли в ванную, то и дверь оттуда в зеленую комнату.

— Я попрошу принести вторую кровать, — сказал он и добавил чуть смущенно: — Вы держались молодец, Элинор. Спасибо.

— Я же говорю, мне противно, но не страшно, — ответила Элинор, польщенная, и повернулась к Теодоре. Та ничком лежала на ее кровати, и Элинор ощутила приступ гадливости, заметив на своей подушке красные следы от Теодориных рук.

— Послушай, — резко произнесла она, подходя ближе, — тебе придется носить мою одежду, пока не купишь новую или пока старую не постирают.

— Постирают? — Теодора судорожно перекатилась на спину и прижала окровавленные руки к лицу. — Постирают?!

— Бога ради, — сказала Элинор. — Дай я тебя умою.

Она подумала — не пытаясь хоть как-нибудь объяснить свои чувства, — что еще ни к одному человеку не испытывала такого безотчетного отвращения, тем не менее сходила в ванную намочить полотенце и, вернувшись, принялась оттирать Теодоре руки и лицо.

— Ты вся перемазана, — заметила Элинон, стискивая от брезгливости зубы.

Внезапно Теодора улынулась.

— На самом деле я не думала, что это ты писала, — проговорила она, и Элинон, обернувшись, увидела у себя за спиной Люка. — Какая же я дура, — сказала ему Теодора, и Люк рассмеялся.

— Ты будешь отлично смотреться в красном свитере Элинон, — сказал он.

Она гадина, думала Элинон, идя в ванную, чтобы замочить полотенце в холодной воде. Подлая, грязная и мерзкая гадина. Входя обратно, она услышала слова Люка:

— ...вторую кровать. Теперь, девушки, у вас будет одна комната на двоих.

— Комната на двоих, одежда на двоих, — подхватила Теодора. — Мы будем практически близняшки.

— Кузины, — добавила Элинон, однако никто ее не услышал.

3

— Существовал и, более того, строго соблюдался обычай, — сказал Люк, крутя бренди в бокале, — согласно которому палач перед потрошением мелом прочерчивал на животе жертвы будущие надрезы — чтобы не промахнуться, как вы понимаете.

Мне бы хотелось ударить ее палкой, думала Элинон, глядя на голову Теодоры рядом со своим креслом. Мне бы хотелось забить ее камнями.

— Утонченная деталь, утонченная. Поскольку, если осужденный боялся щекотки, прикосновение мела составляло ему невыносимые муки.

Я ненавижу ее, думала Элинор, меня от нее выворачивает; она вся чистая, вымытая и в моем красном свитере.

— А если осужденного вешали в цепях, то палач...

— Нелл? — Теодора подняла голову и улыбнулась. — Мне правда стыдно, честное слово.

Мне хотелось бы видеть ее казнь, подумала Элинор и сказала с улыбкой:

— Не глупи.

— Среди суфиев распространен взгляд, что мир не создан и, следовательно, не может быть уничтожен. Это я посидел в библиотеке, — серьезно объяснил Люк.

Доктор вздохнул.

— Сегодня, полагаю, придется обойтись без шахмат, — сказал он Люку, и тот кивнул — День был утомительный, и дамы, наверное, захотят лечь пораньше.

— Я не уйду, пока не накачаюсь бренди до беспамятства, — твердо заверила Теодора.

— Страх, — начал доктор, — есть отказ от логики, добровольный отказ от разумных шаблонов. Мы либо сдаемся ему, либо боремся с ним; компромисс тут невозможен.

— Я вот подумала, — сказала Элинор, чувствуя, что должна перед всеми извиниться. — Я считала, будто совершенно спокойна, а теперь понимаю, что была ужасно напугана. — Она озадаченно нахмурилась; остальные молча ждали продолжения. — Когда мне страшно, я отчетливо вижу разумную, прекрасную в своей нестрашности сторону мира: столы, стулья и окна, с которыми ровным счетом ничего не происходит, я вижу их как сложный узор ковра, стабильный и неизменный. Однако когда мне страшно, я существую вне всякой связи с этими вещами. Наверное, дело в том, что вещи не боятся.

— Думаю, все мы боимся себя, — медленно произнес доктор.

— Нет, — ответил Люк. — Мы боимся увидеть себя явственно и без маски.

— Или понять, чего мы на самом деле хотим. — Теодора прижалась щекой к ладони Элинора, и та гадливо отдернула руку.

— Я всегда боялась оставаться одна, — сказала Элинора и тут же удивилась: неужто я это говорю? Сболтнула ли я что-нибудь такое, о чем завтра пожалею? За что снова буду себя казнить? — Там было написано мое имя, и никто из вас не понимает, каково это — оно такое знакомое. — Она протянула к ним руки, почти просительно. — Попробуйте понять. Мое собственное дорогое имя, и вдруг кто-то пишет его на стене, обращается ко мне по имени... — Она помолчала и продолжила, глядя в глаза каждому, даже в обращенные к ней глаза Теодоры. — Представьте. Есть только одна я, и это все, что у меня есть. Мне больно чувствовать, как я рассыпаюсь и живу одной своей половиной, разумом, наблюдая, как другая половина мечется в ужасе, а я не могу этого прекратить, хоть и знаю, что на самом деле ничего плохого не будет, и тем не менее время тянется так долго, даже секунда бесконечна, и, чтобы вытерпеть, надо сдаться...

— Сдаться?! — резко переспросил доктор, и Элинора удивленно посмотрела на него.

— Сдаться? — повторил Люк.

— Не знаю, — смущенно ответила Элинора. Я просто излагала свои мысли, убеждала она себя, я что-то говорила... что я сейчас говорила?

— С ней это уже бывало, — сказал Люк доктору.

— Знаю, — серьезно кивнул тот, и Элинора почувствовала, что все на нее смотря.

— Простите, — сказала она. — Я выставила себя дуручкой? Наверное, это от усталости.

— Ничего-ничего, — так же серьезно ответил доктор. — Выпейте бренди.

— Бренди? — Элинора, опустив глаза, увидела, что держит в руке полный бокал. — Что я сказала? — спросила она.

Теодора хохотнула.

— Пей. Пей, моя Нелл, тебе надо выпить.

Элинора послушно отхлебнула бренди, отчетливо почувствовав, как оно обожгло гортань, и повернулась к доктору:

— Наверное, я сказала что-то очень глупое, иначе бы все так на меня не смотрели.

Доктор рассмеялся.

— Перестаньте стараться быть в центре внимания.

— Тщеславие, — беспечно произнес Люк.

— Потребность быть на виду, — подхватила Теодора, и все ласково улыбнулись Элинора.

4

Сидя на соседних кроватях, Элинора и Теодора ощупью отыскиали друг дружку и крепко взялись за руки. В спальне царили зверский холод и непроглядная тьма. В соседней комнате, там, где до сегодняшнего утра жила Теодора, кто-то бубнил — слов было не разобрать, но сомнений, что это именно голос, не оставалось. Стиснув руки так, что ощущали пальцами каждую косточку, девушки вслушивались в настойчивый тихий гул: голос то повышался, подчеркивая какое-то невнятное слово, то понижался до шепота, но не умолкал ни на секунду. И вдруг, без всякого предупреждения, раздался булькающий смех — громче, громче, громче, заглушая бормо-

тание, — и через минуту затих, перейдя в мучительный стон, а голос все звучал и звучал.

Рука Теодоры ослабела и вновь напряглась. Элино́р, на минуту убаюканная ровным гулом, вздрогнула и вгляделась в темноту, туда, где должна была сидеть подруга. И тут же в голове криком пронеслась мысль: «Почему темно? Почему темно?» Элино́р рывком повернулась, обеими руками стиснула ладонь Теодоры, хотела заговорить и не смогла. Она застыла, силясь удержать пошатнувшийся разум, заставить его мыслить логически. Мы оставили свет включенным, так почему же темно? Теодора, хотела шепнуть она, но язык и губы не шевелились, Теодора, хотела спросить она, почему темно? А голос все бубнил и бубнил, тихо и злорадно, не стихая ни на мгновение. Элино́р подумала, что могла бы разобрать слова, если бы лежала абсолютно тихо, если бы лежала абсолютно тихо и слушала, слушала и ловила неумолчный, назойливо звучащий голос; она в отчаянии стиснула руку Теодоры и почувствовала ответное пожатие.

Снова прокатился безумный булькающий смех, он рос и рос, заглушая бормотание, и внезапно наступила полная тишина. Элино́р выдохнула, гадая, сможет ли теперь заговорить, и тут услышала тихий плач, от которого у нее оборвалось сердце, бесконечно жалобный плач, нежный стон неизбывного горя. Это ребенок, подумала она, не веря своим ушам, и тут же голос, которого она никогда не слышала, хотя точно знала, что всегда слышала его в страшных снах, завопил истошно: «Уйди! Уйди! Не мучь меня!» — потом зарыдал: «Пожалуйста, не мучь меня. Отпусти меня домой» — и перешел в прежний жалобный плач.

Я этого не выдержу, подумала Элино́р совершенно отчетливо. Это чудовищно, это ужасно, здесь мучи-

ли ребенка, я никому не позволю мучить ребенка, а голос все бубнил и бубнил, тихо и настойчиво, бормотал и бормотал, то чуть тише, то чуть громче, по-прежнему не умолкая ни на секунду.

Все, подумала Элинон, осознав, что лежит поперек кровати в непроглядной тьме, вцепившись обеими руками в руку Теодоры, так что ощущает каждую фалангу ее тонких пальцев, все, я больше не выдержу. Меня хотели напугать — и напугали. Мне очень страшно, однако я личность, я человек, я мыслящее человеческое существо, и я многое готова стерпеть от этого гадкого безумного дома, но я не позволю мучить ребенка. Клянусь богом, сейчас я разлеплю губы и заору: «Прекратите!» — и она заорала. Свет горел, как они его и оставили, Теодора сидела на кровати, испуганная и встрепанная.

— Что? — спрашивала Теодора. — Что случилось, Нелл?

— Боже. Боже. — Элинон вскочила с кровати, пробежала через комнату и, дрожа, забилась в угол. — Боже, боже, чью руку я сейчас держала?

Я исследую тайные тропки сердца, вполне серьезно подумала Элинора и тут же удивилась, что бы это могло значить и с чего ей пришла в голову такая мысль. Был послеполуденный час, они вместе с Люком сидели рядом на ступеньках летнего флигеля. Укромные тропки сердца, думала Элинора. Она знала, что все еще бледна и под глазами у нее круги, однако солнце приятно грело, ветерок колыхал листья над головой, а Люк привольно разлегся рядом на ступеньках.

— Люк, — неуверенно начала она, боясь показаться смешной, — почему люди хотят друг с другом говорить? В смысле, что они вечно пытаются о других выяснить?

— Например, что ты хочешь узнать обо мне? — рассмеялся Люк. Элинора подумала: а почему не ты обо мне? до чего же он тщеславен — и тоже рассмеялась:

— Что я могу о тебе узнать кроме того, что и так вижу?

«Вижу» было самым нейтральным из всех слов, какие она могла бы употребить, зато и самым безопасным. Скажи мне что-нибудь, о чем никто, кроме меня, никогда не узнает, возможно, хотела попросить она. Или: чем ты хочешь мне запомниться? Или даже: со мной еще никогда не делились ничем по-настоящему важным, так может, ты? И тут же она удивилась собственным мыслям. Что это? Глупость? Наглость? Однако Люк только сдви-

нул брови, разглядывая лист, который держал в руке, как будто целиком погрузился в решение сложной задачи.

Он пытается сформулировать так, чтобы произвести наибольшее впечатление, подумала Элинон. По его ответу я пойму, что он обо мне думает. Каким он захочет выглядеть в моих глазах? Сочтет, что с меня хватит и легкой загадочности, или расстается, чтобы предстать особенным? Проявит ли галантность? Это будет совсем униЗИтельно — ведь он покажет, что раскусил меня, что моя слабость к галантному обращению для него не секрет. Захочет ли напустить туману? Выставить себя чуточку сумасшедшим? И как мне следует принять от него нечто очень личное — а уже понятно, что это будет нечто очень личное, — пусть даже неискреннее? Дай бог, чтобы Люк оценил меня правильно, или хотя бы не дай мне увидеть его лицемерие. Хоть бы он оказался умен или я слепа; лишь бы не понять слишком хорошо, как он ко мне относится.

Тут он быстро глянул на нее и улыбнулся той улыбкой, в которой Элинон уже научилась читать самоуничижение; интересно, подумала она (и мысль эта была неприятна), интересно, знает ли его Теодора настолько же хорошо?

— У меня не было матери, — сказал он.

Потрясение было невероятное. Так вот что он обо мне думает, вот как оценивает, что я хочу от него услышать. Надо ли ответить откровенностью на откровенность, чтобы показать себя достойной такого доверия? Вздохнуть? Что-нибудь пробормотать чуть слышно? Встать и уйти?

— Никто не любил меня просто за то, что я свой, родной, — сказал Люк. — Ты ведь понимаешь?

Ну нет, подумала Элинон, меня так дешево не купить, я не приму пустые слова в обмен на мои чувства;

он попугай. Я скажу, что никогда такого не понимала, что плаксивая жалость к себе нисколько меня не трогает; я не позволю делать из меня дуру.

— Да, понимаю, — сказала она.

— Так я и думал, — ответил Люк, и ей захотелось влить ему пощечину. — Ты очень чуткий человек, Нелл. — продолжал он и тут же испортил все, добавив: — Ты добрая и честная. Потом, когда ты вернешься домой...

Люк не закончил фразу, а Элинор подумала: либо он хочет сказать мне нечто чрезвычайно важное, либо потянет время и вежливо переведет разговор на другую тему. Он не стал бы говорить так без причины, он не из тех, кто добровольно чем-нибудь о себе делится. Считает ли он, будто я размякну от проявления человеческой приязни и брошусь ему на шею? Будто я не умею прилично себя вести? Что он обо мне знает, о моих мыслях и чувствах? Жалеет ли он меня?

— Все пути ведут к свиданью, — проговорила она.

— Да. Как я сказал, я рос без матери. А теперь я вижу, что у всех было то, чего недоставало мне. — Люк улыбнулся. — Я законченный эгоист, — горько произнес он, — и все надеюсь, что кто-нибудь научит меня жить правильно. Что какая-нибудь женщина возьмется за то, чтобы сделать меня взрослым.

Он безнадежный эгоист, подумала Элинор с некоторым даже удивлением, единственный мужчина, с которым я разговаривала наедине. Мне скучно; он просто малоинтересный человек.

— Почему бы тебе не повзрослеть самостоятельно? — спросила она и немедленно подумала: сколько людей — сколько женщин — задавали ему тот же вопрос?

— Какая ты умная.

И скольким женщинам он так отвечал?

Мы говорим не думая, мысленно улыбнулась Эли-
нор, а вслух сказала ласково:

— Тебе, наверное, очень одиноко.

Я хочу заботы и нежности, а вместо этого веду с эго-
истом дурацкий бессмысленный разговор.

— Да, наверное, тебе очень одиноко, — повторила она.

Люк тронул ее руку.

— Тебе так повезло, — сказал он. — У тебя была мама.

2

— В библиотеке нашел, — объявил Люк. — Клянусь!

— Невероятно! — воскликнул доктор.

— Смотрите. — Люк положил фолиант на стол и открыл титульную страницу. — Смотрите, он своей рукой это написал: «СОФИИ АННЕ ЛЕСТЕР КРЕЙН, на память от любящего и преданного отца ХЬЮ ДЕСМОНДА ЛЕСТЕРА КРЕЙНА, для просвещения и наставления в жизни, двадцать первого июня 1881 года».

Теодора, Элинор и доктор сгрудились у стола. Люк перевернул страницу.

— Видите, — сказал он, — его дочери предстоит учиться кротости. Он явно изрезал для своего творения множество старинных книг. Некоторые картинки мне знакомы, и они все приклеены.

— Тщета человеческих свершений, — печально произнес доктор. — Только подумать о книгах, которые Хью Крейн испортил, чтобы сделать свою. Вот гравюра Гойи — жуткое зрелище, а уж для маленькой девочки и подавно.

— А под картинкой подпись, — сказал Люк, — «Чти отца и мать своих, дщерь, подаривших тебе жизнь и принявших на себя тяжкое бремя: вести дитя в невин-

ности и праведности по узкому пути спасения к вечному блаженству, дабы в конце предать Господу душу благочестивую и добродетельную; помысли, дочь, как ликуют Небеса, зря души этих младенцев, кои возносятся ввысь, не познав еще греха и вероломства, и соблюди себя в той же чистоте».

— Бедняжка, — выговорила Элино́р и тут же ахнула: Люк перевернул страницу и открыл следующий моральный урок Хью Крейна, проиллюстрированный изображением змеиного рва. Под ярко раскрашенными извивающимися змеями было четкими печатными буквами с позолоченными инициалами выведено: «Удел рода человеческого — вечное проклятие; ни слезами, ни раскаянием не смыть первородного греха; чурайся мира сего, дочь, да не затронут тебя его похоти и неблагодарность. Блуди себя, дочь».

— Дальше ад, — сказал Люк. — Слабонервным лучше не смотреть.

— Я отвернусь, — ответила Элино́р, — а вы прочтите вслух.

— Разумно, — заметил доктор. — Иллюстрация из Фокса*. Исключительно малопривлекательная смерть, на мой взгляд. Впрочем, кто может понять мучеников?

— Нет, все-таки глянь сюда, — сказал Люк. — Видишь, он подпалил угол страницы, на которой написал: «О если бы ты хоть на миг услышала вопли и стенания несчастных душ, обреченных вечному огню! О если бы

* Фокс, Джон (1517–1587) — английский историк, автор мартиролога, обычно называемого «Книгой мучеников Фокса». Книга по большей части посвящена страданиям английских протестантов с XIV по середину XVI века и снабжена многочисленными изображениями костров и пыток; была очень популярна у пуритан как в Англии, так и в Америке.

твои очи хоть на миг узрели багровое зарево неугасимого пламени! Увы грешникам, вверженным в нескончаемую муку! Дщерь, сейчас твой отец поднес к углу страницы свечу и видел, как бумага съежилась и почернела от жара. А ведь пламя свечи пред пламенем гееннским — что одна песчинка пред целой пустыней, и как бумага горит даже от слабейшего огня, так и твоя душа будет пылать вечно в пламени тысячекратно злейшем».

— Наверняка он каждый вечер читал ей это перед сном, — вставила Теодора.

— погоди, — сказал Люк, — ты еще не видела рая. На это даже ты можешь взглянуть, Нелл. Блейк. Немного суров, на мой вкус, но много лучше ада. Слушайте: «Свят, свят, свят! В чистом свете небес ангелы неумолчно славят Его и друг друга. Дщерь, здесь я буду тебя ждать».

— Какой подвиг любви! — заметил доктор. — Сколько часов ушло, чтобы все это задумать, прилежно вывести каждую букву, позолотить...

— А вот семь смертных грехов, — сказал Люк. — Думаю, старикан сам их рисовал.

— Над Обжорством он явно потрудился от души, — подхватила Теодора. — Боюсь, теперь аппетит у меня отбило на всю жизнь.

— погоди, там еще Похоть будет, — пообещал Люк. — Вот уж где старый Хью превзошел самого себя.

— Нетушки, с меня хватит, — ответила Теодора. — Я посижу с Нелл, а вы, если найдете особо поучительный пассаж, который, по вашему мнению, будет мне полезен, зачитайте его вслух.

— Вот Похоть, — сказал Люк. — Неужто такая женщина могла кого-то привлечь?

— Боже мой, — проговорил доктор. — Боже мой.

— Ну точно он сам рисовал, — повторил Люк.

— Для ребенка?! — Доктор был возмущен. — Для дочери?

— В ее персональном альбоме. Обратите внимание на Гордыню — вылитая Нелл.

— Что? — встрепелась Элинора.

— Люк шутит, — успокоил ее доктор — Не смотрите, моя дорогая. Люк вас просто дразнит.

— Теперь Лень, — объявил Люк.

— Зависть, — сказал доктор. — И как бедное дитя посмело преступить...

— Последняя страница, на мой взгляд, самая лучшая. Здесь кровь Хью Крейна. Нелл, хочешь посмотреть на кровь Хью Крейна?

— Нет, спасибо.

— Тео? Тоже нет? Тогда я настаиваю, чтобы вы ради собственного блага выслушали, что Хью Крейн пишет в заключение своей книги: «Дщерь, священные пакты скрепляются кровью, и я взял сок жизни из собственного запястья, дабы связать тебя нерушимой клятвой. Живи добродетельно, будь кроткой, веруй в своего Спасителя и полагайся на меня, твоего отца, и тогда, обещаю, мы вместе унаследуем вечное блаженство. Следуй наказам твоего любящего отца, который в смирении духа составил для тебя эту книгу. Да послужат мои слабые усилия своей цели и да отвратят они мое дитя от ловчих ям мира сего, дабы нам соединиться в Царствии Небесном». И подписано: «Твой вечно любящий отец, в этом мире и в следующем, виновник твоего бытия и хранитель твоей добродетели, со смиренной любовью, Хью Крейн».

Теодора поежилась.

— Как же он, наверное, кайфовал, подписывая свое имя собственной кровью, — сказала она. — Так и вижу его хохочущим до колик.

— Нехорошо это все, неправильно, — покачал головой доктор.

— Она ведь была совсем маленькая, когда ее отец уехал за границу, — сказала Элинора. — Вряд ли он ей это читал.

— Наверняка читал, склонившись над колыбелью и выплевывая слова, чтобы они закрепились в детской головке, — возразила Теодора. — Хью Крейн, ты был гадким старикашкой, ты выстроил гадкий дом, и если ты меня слышишь, я хочу сказать тебе в лицо: я надеюсь, ты будешь вечно гореть в этой мерзкой картинке без всякой передышки.

Она резким, издевательским жестом обвела комнату, и с минуту все молчали, словно ожидая ответа. Потом дрова в камине рассыпались с тихим треском, доктор взглянул на часы, и Люк встал.

— Солнце над ноком рея, матросам пора пропустить по чарке, — довольно изрек доктор.

3

Теодора, по-кошачьи устроившись у камина, недобрым глазом смотрела на Элинора снизу вверх; в другой половине комнаты быстро постукивали шахматные фигурки. Теодора заговорила вкрадчиво, измывательски:

— Ну что, Нелл, теперь ты пригласишь его в свою уютную квартирку? Будешь угощать чаем из чашки со звездами?

Элинора смотрела в огонь, не отвечая. Я такая идиотка, думала она, я так глупо себя вела.

— Хватит ли там места для двоих? Поедет ли он, если ты его позовешь?

Хуже некуда, думала Элинора, я так глупо себя вела.

— Может быть, он мечтал о маленьком домике —

поменьше Хилл-хауса, конечно, — может быть, он поселится с тобой.

Идиотка, последняя идиотка.

— Твои белые занавески... твои маленькие каминные львы...

Элинор взглянула на нее почти ласково.

— Но я должна была... — Она встала и направилась к выходу. Не слыша удивленных голосов за спиной, не видя, куда идет, она машинально добрела до парадной двери и вышла в теплую ночь. — Я должна была, — повторила Элинор миру снаружи.

Страх и вина сестры; Теодора нагнала ее на лужайке. Обиженные, раздраженные, они в молчании двинулись прочь от дома, и каждой было жалко другую. Когда человек зол, или смеется, или напуган, или ревнует, он совершает поступки, невозможные в другое время: ни Теодора, ни Элинор не задумались, что опасно далеко отходить от Хилл-хауса после заката. Отчаяние гнало их укрыться в темноте; закутанные каждая в свой плотный, ненадежный, нестерпимый плащ ярости, они упрямо шагали бок о бок, мучительно ощущая это соседство, и ни одна не хотела первой начинать разговор.

В итоге молчание нарушила Элинор; она ударила ногу о камень и сперва из гордости намеревалась не замечать боль, но через минуту заговорила напряженно, стараясь не повышать голос:

— Не понимаю, с какой стати ты решила, будто можешь вмешиваться в мои дела. — Она выражалась официально, чтобы избежать потока обвинений или незаслуженных упреков (они ведь друг другу чужие? или кузины?). — Мои поступки совершенно не должны тебя волновать.

— Так и есть, — мрачно ответила Теодора. — Твои поступки меня совершенно не волнуют.

Мы по разные стороны ограды, подумала Элиноор, но я тоже имею право жить, и я убила час с Люком в попытке это доказать.

— Я ушибла ногу, — сказала она.

— Сочувствую. — Голос Теодоры звучал вполне искренне. — Ты же знаешь, какая он свинья. — Она помолчала и добавила решительно, с каким-то даже весельем: — Поганец.

— Меня это абсолютно не касается. — И поскольку они были женщины и ссорились: — Да и вообще, тебе-то что...

— Нельзя было ему такое спускать, — сказала Теодора.

— Что именно? — осведомилась Элиноор.

— Влипнешь ведь, дуручка, — сказала Теодора.

— А если не влипну? Ты очень огорчишься, что в этот раз оказалась не права?

Теодора ответила устало, с ехидцей:

— Если я не права, то страшно за тебя рада, хоть ты и дуручка.

— Ну что еще ты могла сказать!

Они шли по тропке к ручью, чувствуя в темноте, что идут под уклон, и каждая втайне обвиняла другую, что та нарочно выбрала дорогу, по которой они когда-то брели счастливыми подругами.

— Ладно, — произнесла Элиноор рассудительным тоном, — тебе это все равно не важно, чем бы все ни кончилось. Какое тебе дело, как я себя веду?

Теодора минуту шла молча, и Элиноор внезапно ощутила нелепую уверенность, что та в темноте незримо протянула ей руку.

— Тео, — неловко произнесла она. — Я совсем не умею говорить с людьми.

Теодора рассмеялась.

— А что ты вообще умеешь? Убегать?

Ничего непоправимого еще сказано не было, однако они топтались на самом краю прямого вопроса, который, как и «Ты меня любишь?», раз прозвучав, навсегда останется незабытым и неотвеченным. Девушки шли медленно, задумчиво, по спускавшейся к ручью тропе, сближенные ожиданием: теперь, когда маневры и колебания были позади, оставалось лишь терпеливо дожидаться решимости. Каждая знала почти до слова, что другая думает и хочет сказать, каждая готова была зарыдать от жалости к подруге. Обе разом почувствовали, как переменилась тропа, и одновременно поняли, что другая чувствует то же. Теодора взяла Элинора под руку; не смея остановиться, они медленно продолжали путь, а тропка перед ними петляла, темнела и расширялась.

Элинора ойкнула, и Теодора стиснула ее руку, тише, мол. По обе стороны от них безмолвные деревья поблели, стали белыми и эфемерно-прозрачными на фоне черного неба. Трава была бесцветной, тропа — широкой и темной, и ничего больше. У Элинора стучали зубы, от страха сводило живот; Теодора мертвой хваткой, словно клещами, стиснула ее локоть; каждый медленный шаг ощущался как сознательный поступок, просчитанное безумное упорство, с которым она переставляла одну ногу за другой, — как единственный оправданный выбор. От пронзительной черноты дороги и бросающей в дрожь белизны стволов щипало глаза, в мозгу четко и ясно пылали слова: вот теперь мне по-настоящему страшно.

Они шли, тропа бежала впереди, одинаковые белые стволы сменяли друг друга под черным нависшим небом. Ноги, касавшиеся темной тропы, как будто светились, и рука Теодоры тоже. Чуть дальше дорога круто

поворачивала; они продолжали идти, ступая медленно, тщательно, поскольку только это одно оставалось им из всех физических действий и только это одно не давало окончательно раствориться в жуткой черноте, белизне и зловещем призрачном сиянии. Теперь мне по-настоящему страшно, огненными словами думала Элинор; она по-прежнему отрешенно чувствовала руку Теодоры на своем локте, но Теодора была далеко-далеко, отдельно от нее: ледяной холод — и никакого человеческого тепла рядом. Теперь мне по-настоящему страшно, думала Элинор, ставя ногу на тропу и дрожа от соприкосновения с черной землей, от слепого, безмысленного озноба.

Им открылся следующий отрезок тропы; возможно, она вела их куда-то намеренно, потому что они не могли сойти с нее на губительную белизну травы по обочинам. Тропа поворачивала, темная и блестящая, и они шли, куда она требовала. Рука Теодоры напряглась, и Элинор издала тихий полувскрик-полувсхлип: что там белое впереди, белее деревьев, движется, манит? Манит, исчезает среди стволов, смотрит? Чьи это шаги, кто ступает незримо по белой траве параллельно им? Где они?

Тропа вывела их к своей цели и кончилась. Элинор и Теодора глядели на сад, ослепшие от солнечного света и буйства красок; невероятно, но здесь расположилась за пикником семья. Девушки слышали смех детей, ласковые, веселые голоса родителей, над густой зеленой травой покачивались желтые, красные и оранжевые цветы, небо сияло золотом и синевой, мальчик в алом джемпере, заходясь от смеха, катался по траве со щенком. Рядом была расстелена клетчатая скатерть, мать, улыбаясь, ставила на нее тарелку с яркими фруктами. И тут Теодора закричала:

— Не оглядывайся! — Голос ее от страха сорвался на визг. — Не оглядывайся! Беги!

Элинора на бегу подумала, что зацепится ногой за клетчатую скатерть, что споткнется о щенка, но в саду, через который они мчались, не было ничего, кроме черного в темной ночи бурьяна. Теодора, продолжая вопить, ломилась через кусты на месте цветочных клумб и вскрикивала от боли, натыкаясь на торчащие из земли камни и что-то еще — возможно, битую чашку. Через минуту они уже молотили кулаками в белую каменную стену, заплетенную темными лозами винограда, и криками умоляли их впустить, пока ржавые ворота не поддались и девушки не оказались в огороде перед Хилл-хаусом. По-прежнему держась за руки, плача и задыхаясь, они с черного хода ворвались в кухню, и тут же к ним подбежали Люк с доктором.

— Что случилось? — спросил Люк, хватая Теодору. — Вы целы?

— Мы чуть с ума не сошли, — слабым голосом произнес доктор. — Уже несколько часов вас ищем.

— Это был пикник. — Элинора рухнула на кухонный стул и посмотрела на свои руки. Только сейчас она поняла, что они исцарапаны в кровь и трясутся. — Мы пытались убежать. — Она протянула руки вперед, показывая их остальным. — Это был пикник. Дети...

Теодора протяжно, со всхлипом, хохотнула и выговорила:

— Я оглянулась... мы шли, и я посмотрела через плечо...

Она снова тоненько засмеялась.

— Дети... и щенок...

— Элинора. — Теодора стремительно повернулась и припала головой к ее плечу. — Элинора. Элинора.

Обняв Теодору, она подняла глаза на Люка и доктора. Тут комната закачалась из стороны в сторону, и время, каким его всегда знала Элинора, остановилось.

В тот день, когда должна была приехать миссис Монтегю, Элинор ушла одна в холмы над Хилл-хаусом. У нее не было определенной цели, ни даже мыслей, куда и зачем она идет, просто хотелось побыть наедине с собой вдали от темных дубовых панелей дома. Она отыскала укромный уголок и легла на мягкую траву, пытаясь вспомнить, когда последний раз вот так лежала на травке и думала. Деревья и полевые цветы, оторвавшись от своих насущных дел, роста и умирания, смотрели на нее с ласковой заботой, как будто даже к ней — скучной и нечуткой — нужно проявлять доброту, как к любому несчастному созданию, неукорененному в земле и вынужденному мучительно передвигаться с места на место. Элинор рассеянно сорвала ромашку, тут же умершую у нее в руке, и, лежа на траве, смотрела в мертвое лицо цветка. В голове не было ничего, кроме дикой, всепобеждающей радости. Она обрывала лепестки и, улыбаясь про себя, думала: что я буду делать? Что я буду делать?

2

— Поставьте чемоданы в вестибюле, Артур, — распорядилась миссис Монтегю. — Не понимаю, почему никого нет. Я так думаю, кто-нибудь мог бы открыть нам дверь. И отнести вещи наверх. Джон? Джон?

— Дорогая, дорогая. — Доктор Монтегю с салфеткой в руке торопливо вышел в вестибюль и послушно чмокнул жену в подставленную щеку. — Как хорошо, что ты приехала! Мы уже и отчаялись ждать.

— Я сказала, что приеду сегодня. Когда я не выполняла своих обещаний? Я взяла с собой Артура.

— Здравствуйте, Артур, — произнес доктор без особой радости.

— Кто-то должен был вести машину, — объяснила миссис Монтегю. — Или ты думал, я сама буду всю дорогу за рулем? Ты ведь прекрасно знаешь, что я устаю. Добрый день.

Доктор, обернувшись, улыбнулся Теодоре, Элиноре и Люку, которые неуверенно сгрудились в дверном проеме.

— Дорогая, — сказал он. — Это мои друзья, они вместе со мной живут в Хилл-хаусе последние несколько дней. Теодора. Элинора Венс. Люк Сандерсон.

Теодора, Элинора и Люк вежливо пробормотали, что рады знакомству. Миссис Монтегю кивнула и заметила:

— Вижу, сели обедать без нас.

— Мы уже не чаяли вас увидеть, — сказал доктор.

— Я уверена, что обещала тебе приехать сегодня. Конечно, вполне возможно, что я ошибаюсь, но мне помнится, что я называла именно сегодняшней день. Постараюсь в ближайшее время запомнить ваши имена. Этого джентльмена зовут Артур Паркер; он меня сюда привез, потому что я не люблю сама водить машину. Артур, это друзья Джона. Кто-нибудь поможет нам с чемоданами?

Доктор и Люк шагнули к ее вещам, а миссис Монтегю продолжала:

— Я, разумеется, поселюсь в вашей самой зловещей комнате. Артура можете разместить где угодно. Моло-

дой человек! Синий чемодан мой, маленький дипломат тоже; отнесите их в вашу самую зловещую комнату.

Люк вопросительно взглянул на доктора Монтегю.

— Думаю, в детскую, — ответил тот. — Я полагаю, что главный источник возмущений находится в детской, — пояснил он жене.

Та раздраженно вздохнула.

— Мне кажется, ты бы мог действовать методичнее. Прожил здесь почти неделю и до сих пор не прибеж к помощи планшета? Автоматического письма? И разумеется, ни одна из молодых дам не обладает способностями медиума? Это вещи Артура. Он взял с собой клюшки для гольфа, просто на случай...

— На какой случай? — уточнила Теодора.

Миссис Монтегю холодно оглядела ее и наконец сказала:

— Не стану больше отрывать вас от обеда. Пожалуйста, возвращайтесь за стол.

— Определенно перед дверью в детскую есть холодное пятно, — с надеждой сообщил доктор.

— Да, дорогой, очень мило. А вещи Артура молодой человек отнесет? У вас тут, как я вижу, все очень неорганизовано. Казалось бы, за неделю можно было завести какой-никакой порядок. Имели место материализации фигур?

— Мы определенно наблюдали проявления...

— Ладно, теперь я здесь, и мы со всем разберемся. Куда Артуру поставить машину?

— За домом есть пустой сарай, куда мы поставили свои. Он может отогнать ее туда утром.

— Чепуха, Джон. Ты прекрасно знаешь, что я не откладываю на завтра то, что можно сделать сегодня. У Артура утром будет много других дел. Машину нужно отогнать сейчас.

— На улице темно, — неуверенно ответил доктор.

— Джон, ты меня удивляешь. По-твоему, я не знаю, что ночью на улице темно? У машины есть фары, а молодой человек может показать Артуру дорогу.

— Спасибо, — мрачно ответил Люк, — но мы взяли себе за твердое правило не выходить из дома после наступления темноты. Артур, конечно, может выйти, если ему очень хочется, но без меня.

— Дамы, — начал доктор, — пережили ужасное...

— Молодой человек — трус, — объявил Артур. Он наконец перетащил из машины все свои чемоданы, корзины и сумки с клюшками для гольфа и теперь стоял рядом с миссис Монтегю, глядя на Люка с высоты своего роста. Лицо у Артура было багровое, волосы — седые; распекая Люка, он сдвинул густые брови. — Постыдились бы, юноша. При девушках-то.

— Девушки боятся ничуть не меньше меня, — холодно ответил Люк.

— Истинная правда. — Доктор Монтегю успокаивающе взял Артура за локоть. — Когда вы тут немного поживете, то увидите, что Люк поступает не трусливо, а совершенно разумно. Мы взяли за правило после наступления темноты держаться вместе.

— Должна заметить, Джон, что не ждала от тебя такой нервозности, — сказала миссис Монтегю. — В подобных случаях страх недопустим. — Она раздраженно притопнула ногой. — Как тебе хорошо известно, отошедшие в мир иной хотят видеть нас радостными и улыбающимися, зная, что мы думаем о них с любовью. Духи, обитающие в этом доме, наверняка страдают, видя, что вы их боитесь.

— Давай поговорим об этом позже, — устало произнес доктор. — Так как насчет обеда?

— Разумеется. — Миссис Монтегю глянула на Теодору и Элинора. — Очень жаль, что мы подняли вас из-за стола.

— Вы обедали?

— Разумеется, Джон, мы не обедали. Я сказала, что мы будем к обеду, ведь так? Или я снова ошибаюсь?

— Так или иначе, я сообщил миссис Дадли, что вы приедете. — Доктор открыл дверь в бильярдную. — Она приготовила настоящий пир.

Бедный доктор Монтегю, подумала Элинора, сторонясь, чтобы тот провел жену в столовую. Ему так не по себе. Интересно, на сколько она приехала?

— Интересно, на сколько она приехала? — шепнула Теодора ей на ухо.

— Может, у нее в чемодане эктоплазма*, — с надеждой отозвалась Элинора.

— И сколько ты сможешь с нами пробыть? — спросил доктор Монтегю, усаживаясь во главе стола. Его жена уютно расположилась рядом.

— Ну, дорогой, — миссис Монтегю продегустировала соус с каперсами, приготовленный миссис Дадли, и одобрительно кивнула, — так тебе удалось найти приличную кухарку?... ты прекрасно знаешь, что Артуру надо вернуться в школу. Артур — директор школы, — пояснила она собравшимся за столом, — и он любезно отменил все свои дела на понедельник. Так что нам лучше тронуться в понедельник в середине дня, тогда Артур будет на работе во вторник.

— Школьникам-то какое счастье, — тихонько сказал Люк Теодоре, и та ответила:

— Но сегодня только суббота.

* Эктоплазма — в оккультизме и парапсихологии — особого рода материальная субстанция, которая выделяется организмом медиума, из нее могут формироваться фантомы

— Вполне съедобно, на мой вкус, вполне, — заметила миссис Монтегю. — Утром я поговорю с твоей кухаркой, Джон.

— Миссис Дадли — замечательная женщина, — осторожно ответил доктор.

— А я таких выкрутасов не люблю, — сказал Артур. — Мне бы по-простому, мяса с картошкой, — объяснил он Теодоре — Не пью, не курю, не читаю макулатуры. Как-никак школа, так сказать. Дети смотрят.

— Наверняка все они берут с вас пример, — очень серьезно ответила Теодора.

— Конечно, в семье не без уroda, — тряхнул головой Артур. — Бывает, попадаютсЯ хлюпики. МаменькИны сынки, так сказать. Распускают нюни по углам. Это я из них быстро выбиваю.

Он потянулся за маслом.

Миссис Монтегю подалась вперед и взглянула на него через стол.

— Не наедайтесь плотно, Артур, — посоветовала она. — У нас впереди напряженная ночь.

— Что вы там задумали? — спросил доктор.

— Я убеждена, что тебе в голову не приходило заниматься этим систематически, но ты должен признать, Джон, в данной области у меня просто больше интуитивного понимания, как у всех женщин или по крайней мере у некоторых. — Она сделала паузу и задумчиво поглядела на Теодору с Элинор. — У них, полагаю, такого понимания нет. Если только я снова не ошибаюсь. Ты очень любишь указывать на мои ошибки, Джон.

— Дорогая...

— Я не выношу, когда дело делается спустя рукава. Артур, конечно, будет совершать обходы. Я затем его и взяла. Так редко, — пояснила она Люку, сидевшему по дру-

гую сторону от нее, — встречаешь интерес к иному миру у людей, работающих в сфере образования; вы не поверите, как глубоко осведомлен в этих вопросах Артур. Я прилягу в самом вашем зловещем помещении, оставив горящим только ночник, и постараюсь войти в контакт с субстанциями, тревожащими этот дом. Я никогда не засыпаю, если рядом есть неуспокоенные духи, — пояснила она Люку.

Тот лишь кивнул, не находя слов.

— Надо просто думать головой, — сказал Артур. — И уж если делать — так основательно, не опускать планку. Всегда так своим парням говорю.

— После обеда мы, наверное, проведем небольшой сеанс с планшетом, — сказала миссис Монтегю. — Вдвоем с Артуром, конечно; вы, как я вижу, еще к этому не готовы и только отпугнете духов. Нам нужна тихая комната...

— Библиотека, — вежливо предложил Люк.

— Библиотека? Наверное, годится. Книги, как известно, часто бывают очень хорошими проводниками. Материализации наиболее успешно проходят в помещениях, где есть книги. Я не припомню случая, чтобы присутствие книг затруднило материализацию. Надеюсь, там хорошо вытирают пыль? Артур иногда чихает.

— Миссис Дадли поддерживает дом в идеальном порядке, — заверил доктор.

— Мне обязательно нужно будет с ней утром поговорить. Тогда отведи нас в библиотеку, Джон, а молодой человек пусть принесет мой дипломат — только не чемодан, а именно дипломат. Принесите его мне в библиотеку. Мы выйдем к вам позже. После сеанса с планшетом мне нужен стакан молока и, возможно, печенье; годятся даже обычные крекеры, если они не слишком соленые. Очень полезно провести несколько минут за тихим разговором с приятными людьми, особенно если ночью мне предсто-

ит быть особенно восприимчивой; мозг — чувствительный инструмент и требует соответствующей заботы. Артур?

Она небрежно кивнула девушкам и вышла в сопровождении Артура, Люка и своего мужа.

Через минуту Теодора сказала:

— Я, кажется, без памяти влюблюсь в миссис Монтегю.

— Не знаю, — ответила Элино́р. — Мне так больше по сердцу Артур. А Люк — трус.

— Бедный Люк, — сказала Теодора. — У него не было матери.

Элино́р, подняв глаза, поймала на себе иронически-любопытный взгляд Теодоры и вскочила из-за стола так быстро, что опрокинула стакан.

— Нельзя оставаться одним, — задыхаясь, выговорила она. — Идем к остальным.

Она почти бегом устремилась из комнаты. Теодора со смехом последовала за ней.

В будуаре Люк и доктор стояли у камина.

— Объясните, сэр, кто такой планшет? — смиренно спросил Люк.

Доктор раздраженно вздохнул.

— Недоумки, — начал он и тут же взял себя в руки. — Простите. Меня это все бесит, но если ей нравится... — Он яростно ткнул кочергой в камин и, помолчав, продолжил: — Планшет — устройство, похожее на спиритическую доску... Наверное, лучше объяснить, что это метод автоматического письма, средство связи с... э-э... неосозаемыми сущностями, хотя, на мой взгляд, единственная неосозаемая сущность, с которой они контактируют, — их собственное воображение. Да. Так вот. Планшет — это дощечка, обычно треугольная или в форме сердца. На остром конце закреплен карандаш, с широкой сто-

роны — два колесика либо ножки, легко скользящие по бумаге. Два человека кладут на него пальцы и задают вопрос. Планшет движется под действием силы, которую мы не будем сейчас обсуждать, и пишет ответ. Спиритическая доска, как я говорил, устроена очень похоже, только там предмет движется по доске, указывая на буквы. Можно двигать обычный бокал или блюдо; я видел, как это проделывали с детской машинкой, хотя, признаюсь, зрелище было довольно комичное. Оба участника касаются предмета пальцами одной руки, а второй записывают вопросы и ответы. Ответы, на мой взгляд, всегда бессмысленные. Впрочем, моя жена так не думает. Чушь собачья. — Доктор снова ткнул в поленья кочергой. — Детский сад, — сказал он. — Суеверия.

3

— Планшет был сегодня очень добр, — сказала миссис Монтегю. — Джон, в этом доме определенно присутствуют чуждые субстанции.

— Отличный был сеанс. — Артур торжествующе помахал листом бумаги.

— Мы добыли для вас множество сведений, — продолжала миссис Монтегю. — Итак. Планшет вполне определенно сообщает о монахине. Ты что-нибудь выяснил насчет монахини, Джон?

— В Хилл-хаусе? Очень маловероятно.

— Планшет настойчиво сообщает о монахине, Джон. Быть может, в округе видели что-нибудь такое? Скажем, смутную темную фигуру, пугавшую припозднившихся селян?

— Фигура монахини — довольно распространенное...

— Джон, я тебя прошу. Ты хочешь сказать, что я ошибаюсь? Или ты имел в виду, что ошибается план-

шет? Поверь хотя бы планшету, если тебе недостаточно моих слов, что речь определенно идет о монахине.

— Я только хотел сказать, дорогая, что призрак монахини — один из самых распространенных. Ничего подобного в Хилл-хаусе не наблюдалось, но почти в каждом...

— Джон, прошу тебя. Ты позволишь мне продолжать? Или мы вообще ничего не желаем слышать о планшете? Спасибо. — Миссис Монтегю взяла себя в руки и заговорила спокойнее: — Итак. Есть еще имя в разных написаниях: Хелен, Элен, Элина. Кто это может быть?

— Дорогая, здесь жило столько народа...

— Хелен предостерегла нас против загадочного монаха. Когда в одном доме обнаруживаются и монахиня, и монах...

— Дом наверняка стоит на старом месте, — вставил Артур. — Господствующие влияния, так сказать. Старые влияния не уходят, — более развернуто пояснил он.

— Заставляет думать о нарушенных обетах. Ведь правда?

— Их тогда часто нарушали. Испытания, так сказать, и вообще.

— Я не думаю... — начал доктор.

— Я почти уверена, что ее замуровали живьем, — сказала миссис Монтегю. — Монахиню то есть. Известный обычай. Не поверишь, сколько я получила посланий от замурованных заживо монахинь.

— Нет ни единого упоминания о том, чтобы монахинь когда-либо...

— Джон. Позволь еще раз напомнить, что я лично получала сообщения от замурованных монахинь. По-твоему, я говорю неправду? Или, по-твоему, монахиня станет нарочно сочинять, будто ее замуровали, хотя на самом деле этого не было? Неужто я снова ошибаюсь, Джон?

— Конечно нет, дорогая, — устало вздохнул доктор Монтегю.

— С единственной свечой и ломтем хлеба, — сообщил Артур Теодоре. — Ужасно, как подумать.

— Ни одну монахиню не замуровали живьем, — упрямо произнес доктор, немного повысив голос. — Это легенда. Сказка. Клевета, распространяемая...

— Ладно, Джон. Мы не станем из-за этого ссориться. Верь, во что хочешь. Просто пойми, что чисто материалистическим взглядам иногда приходится уступить перед фактами. Неопровержимо доказано, что среди духов, тревожащих этот дом, есть монахиня и...

— А что еще сообщил... э-э... планшет? — поспешно спросил Люк. — Мне так не терпится узнать.

Миссис Монтегю шаловливо погрозила пальцем.

— О вас, молодой человек, ничего. А вот одна из девушек услышит нечто интересное.

Невыносимая женщина, подумала Элинор. Невыносимая, властная, вульгарная.

— Итак, — продолжала миссис Монтегю, — Хелен велела нам отыскать в погребе старый колодец.

— Только не говори мне, что Хелен закопали живьем, — сказал доктор.

— Нет, Джон, вряд ли, иначе, думаю, она бы об этом сообщила. Кстати, Хелен не дала понять, что именно мы найдем в колодце. Вряд ли сокровище — в такого рода случаях редко натыкаешься на клад. Вероятнее — что-нибудь связанное с пропавшей монахиней.

— А еще вероятнее — мусор за восемьдесят лет.

— Уж от кого, Джон, а от тебя я такого скепсиса не ждала. Ты приезжаешь сюда с целью собрать доказательства сверхъестественных проявлений, а когда я

объясняю тебе их причины и показываю, откуда начинать поиски, ты кривишь лицо.

— Мы не имеем права раскапывать подвал.

— Артур мог бы... — с надеждой начала миссис Монтегю, но доктор отвечал твердо:

— Нет. В договоре аренды особо оговорено, что я не могу проводить в доме никаких внутренних работ: раскапывать подвал, отдирать стенные панели, вскрывать полы. Хилл-хаус по-прежнему ценная собственность, а мы — ученые, а не вандалы.

— Неужто тебя не интересует истина, Джон?

— Именно к ней я и стремлюсь всей душой. — Доктор Монтегю прошел через комнату, взял шахматную фигуру и яростно на нее уставился. Вид у него был такой, будто он мысленно считает до ста.

— Господи, сколько же иногда нужно выдержки, — вздохнула миссис Монтегю. — Однако я хочу зачитать послание, которое мы получили в конце. Артур, оно у вас?

Артур зашуршал листками.

— Это сразу после сообщения о цветах, которые вам надо послать тетушке, — напомнила миссис Монтегю. — Планшетом управляет дух по имени Мерриго, — пояснила она, — который принимает в Артуре самое живое личное участие: передает ему весточки о родных и тому подобное.

— Угрозы для жизни нет, — серьезно сообщил Артур. — Цветы, конечно, надо послать, но Мерриго заверил, что болезнь не опасна.

— Итак. — Миссис Монтегю выбрала несколько листков и быстро перевернула: на них карандашом были размашисто написаны редкие слова. Миссис Монтегю, наморщив лоб, принялась водить по ним пальцем. —

Вот, — сказала она. — Артур, вы читайте вопросы, а я — ответы. Так будет звучать более естественно.

— Идет, — весело ответил Артур, наклоняясь над ее плечом. — Откуда начинать? Отсюда?

— С «кто ты?».

— Ясно. Кто ты?

— Нелл, — резким голосом прочла миссис Монтегю.

Элинора, Теодора, Люк и доктор разом повернулись к ней.

— Нелл, а дальше?

— Элинора Нелли Нелл Нелл. Иногда они так делают. — Миссис Монтегю прервала чтение, чтобы объяснить. — Повторяют слово раз за разом, чтобы оно наверняка дошло.

Артур прочистил горло.

— Что тебе нужно? — прочел он.

— Дом.

— Ты хочешь домой?

Теодора, глянув на Элинора, иронически пожала плечами.

— Хочу дом.

— Что ты здесь делаешь?

— Жду.

— Ждешь чего?

— Дом. — Артур помедлил и важно кивнул. — Вот опять, — сказал он. — Понравилось слово, и заладил.

— Обычно мы не задаем вопрос «почему?», — сказала миссис Монтегю, — поскольку он сбивает планшет с толку. Однако в этот раз мы рискнули спросить напрямик. Артур?

— Почему? — прочел Артур.

— Мама, — прочла миссис Монтегю. — Как видите, мы правильно сделали, что спросили, поскольку планшет не затруднился с ответом.

— Хилл-хаус — твой дом? — ровным голосом прочел Артур.

— Дом, — ответила миссис Монтегю.

Доктор вздохнул.

— Ты страдаешь? — прочел Артур.

— На это нам не ответили. — Миссис Монтегю успокаивающе кивнула. — Иногда они не любят говорить, что страдают, не хотят огорчать нас, оставшихся здесь. Вот как тетушка Артура никогда не признается, что заболела, однако Мерриго исправно нас извещает. Только усопшие еще упрямее.

— Терпят и не жалуются, — подтвердил Артур и прочел: — Мы можем что-нибудь для тебя сделать?

— Нет, — прочла миссис Монтегю.

— Можем мы что-нибудь сделать для всех вас?

— Нет. Нет. Нет. Нет. — Миссис Монтегю подняла глаза. — Видите? Одно слово, опять и опять. Им нравится повторяться. Бывают, исписывают одним словом целую страницу.

— Что тебе нужно? — прочел Артур.

— Мама, — зачитала в ответ миссис Монтегю.

— Почему?

— Дитя.

— Где твоя мать?

— Дом.

— Где твой дом?

— Нигде. Нигде. Нигде. А дальше, — миссис Монтегю поспешно сложила листок, — сплошная бессмыслица.

— Не припомню, чтобы планшет разговаривал так охотно, — доверительно сообщил Артур Теодоре. — Очень сильные впечатления.

— Но почему он выбрал именно Нелл? — досадливо спросила Теодора. — Ваш дурацкий планшет не име-

ет права посылать людям сообщения без их согласия или...

— Не советую оскорблять планшет, — начал Артур, но миссис Монтегю его перебила.

— Так вы Нелл? — спросила она, уставившись на Элинора. Затем повернулась к Теодоре. — Мы думали, Нелл — вы.

— И что? — огрызнулась Теодора.

— На сообщения это, разумеется, никак не влияет, — сказала миссис Монтегю, раздраженно постукивая сложенным листком, — хотя, полагаю, нас могли бы представить друг другу как следует. Я совершенно убеждена, что планшет знал, кто из вас кто, однако мне неприятно, что меня ввели в заблуждение.

— Не завидуй, — сказал Теодоре Люк — Хочешь, закопаем тебя живьем.

— Если эта штукавина вздумает оставить мне послание, пусть сообщает о кладях, — объявила Теодора. — А не о всякой ерунде вроде цветов для тетушки.

Они старательно избегают на меня смотреть, подумала Элинора. Меня снова выделили, и они по доброте душевной делают вид, будто это пустяки.

— Как по-вашему, почему сообщение адресовано мне? — беспомощно спросила она.

Миссис Монтегю уронила листки на журнальный столик.

— Даже и не знаю, дитя мое. Впрочем, вы ведь уже не совсем дитя. Быть может, вы душевно более восприимчивы, чем догадываетесь. Хотя... — она безразлично отвернулась, — как такое возможно? Прожить в этом доме неделю и не получить даже самого короткого послания с той стороны... Дрова прогорели, их надо поворошить.

— Нелл не нужны послания с того света, — ласково проговорила Теодора, беря холодную руку Элинора в свою. — Нелл надо в теплую постельку и баиньки.

Мне нужно, чтобы меня оставили в покое, очень четко подумала про себя Элинора. Мне нужно тихое место, чтобы полежать и подумать, тихое место среди цветов, где я могу спокойно помечтать о своем.

4

— Я, — важно произнес Артур, — расположусь в комнате рядом с детской, где услышу любой звук. Я буду держать наготове взведенный револьвер — не пугайтесь, дамы, я отлично стреляю — и фонарик, а также очень громкий свисток, которым смогу вас созвать, если увижу что-нибудь достойное вашего внимания или мне потребуется... э-э... ваше общество. Так что спите спокойно.

— Артур, — объяснила миссис Монтегю, — будет совершать регулярные обходы: каждый час обходить второй этаж. Я не считаю, что ему надо спускаться — ведь я буду наверху. Мы это все уже не раз проделывали. Идемте.

Они молча поднялись вслед за ней по лестнице, наблюдая, как миссис Монтегю нежно поглаживает перила и деревянную резьбу на стене.

— Какое счастье знать, что обитатели этого дома только и ждут случая поведать свои истории, дабы освободиться от бремени скорбей. Итак. Первым делом Артур осмотрит спальни. Артур?

— Приношу извинения, дамы, приношу извинения. — Артур распахнул дверь синей комнаты, в которой жили теперь Теодора и Элинора. — Хорошенькое гнездышко, — похвалил он, — как раз для очаровательных дам. Если желаете, я избавлю вас от хлопот и сам загляну под кровати и в шкаф.

Под их серьезными взглядами он встал на четвереньки и заглянул под кровати, затем встал и отряхнул руки.

— Все безопасно, — был его вердикт.

— А моя комната где? — спросила миссис Монтегю. — Куда молодой человек отнес мои вещи?

— Точно в торце коридора, — сказал доктор. — Мы зовем ее детской.

Миссис Монтегю в сопровождении Артура решительно прошла по коридору. На холодном пятне она поежилась.

— Мне понадобятся еще одеяла. Пусть молодой человек принесет мне одеяла из другой спальни. — Она открыла дверь и кивнула. — Белье на кровати вроде свежее, это да, но вот проветривали ли комнату?

— Я предупредил миссис Дадли, — ответил доктор.

— Чувствуется затхлость. Артур, вам придется, не смотря на холод, открыть окно.

Звери со стен детской мрачно смотрели на миссис Монтегю.

— Может быть, все-таки... — Доктор замаялся, опасливо глядя на ухмыляющиеся рожи у двери. — По моему, лучше все-таки кому-нибудь с тобой остаться.

— Дорогой мой. — Присутствие усопших настроило миссис Монтегю на благодушный лад, и теперь она говорила с ласковой улыбкой. — Сколько часов — сколько, сколько часов — провела я в чистойшей любви и понимании, одна в комнате и в то же время не одна? Дорогой мой, как мне тебя убедить, что нет никакой опасности там, где есть только любовь и сочувствие? Я здесь, чтобы помочь этим несчастным — протянуть им руку сердечного отклика, показать, что их по-прежнему помнят и готовы выслушать, готовы рыдать вместе с ними; их одиночеству пришел конец, и я...

— Да, — сказал доктор. — Но дверь все-таки не закрывай.

— Не запру, если ты настаиваешь. — Миссис Монтегю демонстрировала чудеса великодушия.

— Я буду в другом конце коридора, — сказал доктор. — Совершать обходы не предлагаю, раз этим займется Артур, но если тебе что-нибудь понадобится, я услышу.

Миссис Монтегю рассмеялась и помахала ему рукой.

— Несчастные души нуждаются в твоей защите куда больше, чем я, — сказала она. — Конечно, я сделаю все, что в моих силах. Однако они очень ранимы, при своих каменных сердцах и незрячих очах.

Появился Артур в сопровождении Люка, который с трудом сдерживал смех. Артур только что обошел все спальни на этаже.

— Все чисто, — кивнул он доктору. — Можете смело отправляться спать.

— Спасибо, — ответил доктор и снова обратился к жене: — Доброй ночи. Будь осторожна.

— Доброй ночи. — Миссис Монтегю с улыбкой обвела всех взглядом. — Пожалуйста, не бойтесь, — сказала она. — Что бы ни случилось, помните: я здесь.

После того как сперва Теодора, затем Люк пожелали им доброй ночи, а Артур еще раз призвал всех спать спокойно и не пугаться, если услышат выстрелы, а также предупредил, что начнет первый обход в полночь, Элино́р и Теодора пошли в свою комнату. Люк направился в дальний конец коридора, доктор постоял минуту, нехотя отвернулся от закрытой двери, за которой скрылась его жена, и побрел к себе.

— погоди, — сказала Теодора, едва они с Элино́р вошли в комнату. — Люк обещал мне, что они будут ждать нас в другом конце коридора. Не раздевайся и не

шуми. Чует мое сердце, старушка своей чистейшей любовью поставит весь дом на дыбы. Если есть на свете дом, которому эта чистейшая любовь будет поперек горла, так это Хилл-хаус. Ну все. Артур закрыл дверь. Пошли. Тихо.

Бесшумно ступая по ковру в одних чулках, они торопливо добрались до комнаты доктора.

— Быстрее, — сказал тот, приоткрывая дверь ровно настолько, чтобы их впустить. — Тсс.

— Это опасно. — Люк притворил дверь, оставив маленькую щелочку. — Он кого-нибудь пристрелит.

— Мне очень беспокойно, — озабоченно проговорил доктор. — Мы с Люком будем бодрствовать и сторожить, а вы оставайтесь здесь, под нашим присмотром. Что-то сегодня произойдет, я чувствую.

— Лишь бы она чего-нибудь не выкинула со своим планшетом, — сказала Теодора. — Простите, доктор Монтегю, я не хотела грубо отзываться о вашей супруге.

Доктор рассмеялся, продолжая внимательно наблюдать за дверью.

— Сперва она планировала ехать на весь срок, — сказал он, — но записалась на курсы йоги и не могла пропустить занятия. Она почти во всех отношениях превосходная женщина, — добавил он, с жаром глядя на них. — Чудесная, очень заботливая жена. Отличная хозяйка. Пуговицы мне пришивает. — Доктор с надеждой улыбнулся. — Это, — он указал в сторону коридора, — практически единственный ее недостаток.

— Наверное, она думает, что помогает вам в работе, — сказала Элинора.

Доктор скривился и передернул плечами. Тут дверь распахнулась и с грохотом захлопнулась; в наступившей тишине они различили медленный шелест, словно по ко-

ридору задул очень ровный, сильный ветер. Они переглянулись, пытаясь выдавить улыбку, пытаясь выглядеть мужественно перед лицом медленно подступающего потустороннего холода, и тут, за гулом ветра, раздался стук в двери первого этажа. Без единого слова Теодора взяла с постели доктора сложенный плед и накрылась им вместе с Элиной; они придвинулись друг к дружке, тихо, чтобы не производить шума. Элина, охваченная нестерпимыми холодом (даже рука Теодоры на плече не согревала), думала, вцепившись в подругу: оно знает мое имя, на сей раз оно знает мое имя. Стук поднимался по лестнице, грохоча на каждой ступеньке. Доктор, стоящий у двери, напрягся всем телом, и Люк подошел ближе к нему.

— Это не у детской, — сказал Люк, останавливая руку доктора, который уже потянулся открыть дверь.

— Как же утомляет этот постоянный стук, — дурашливо заметила Теодора. — На следующее лето поедем куда-нибудь еще.

— Везде свои недостатки, — ответил Люк. — Например, в озерных местностях — комары.

— А не может такого быть, что Хилл-хаус уже исчерпал свой репертуар? — Несмотря на легкомысленный тон, голос Теодоры дрожал. — Вроде бы стук уже был, теперь что, все опять по новой?

Грохот эхом прокатился по коридору; он шел со стороны, противоположной детской. Доктор встревоженно покачал головой.

— Мне придется туда пойти, — сказал он. — Она может испугаться.

Элина, раскачиваясь в такт ударам, которые, чудилось, бухали не только в коридоре, но и у нее в голове, сказала: «Они знают, где мы». Остальные, думая, что она имеет в виду Артура и миссис Монтегю, кивну-

ли и прислушались. Стуки, сказала себе Элино́р, прижимая ладони к глазам и раскачиваясь, будут двигаться по коридору до конца, затем повернут и двинутся назад, и так снова и снова, как первый раз, а потом стихнут, и тогда мы с улыбкой посмотрим друг на друга, а от холода останутся только мурашки на спине, а со временем пройдут и они.

— Оно не причинило нам вреда, — напомнила Теодора доктору, сию́сь перекричать грохот. — Так что им тоже ничего не грозит.

— Лишь бы она не решила что-нибудь в связи с этим предпринять, — мрачно ответил доктор. Он по-прежнему стоял у двери, но уже не делал попыток ее открыть — да это и казалось невозможным под натиском грохота снаружи.

— Я положительно чувствую себя ветераном, — сказала Теодора Элино́р. — Давай ближе ко мне, Нелл, согрейся.

Она под одеялом притянула Нелл к себе, и обеих окутал мучительный, парализующий холод. Затем внезапно грохот оборвался и наступила памятная им крадущая тишина. Они переглянулись, не дыша. Доктор обеими руками держал дверную ручку. Люк — хотя лицо его было бледно, а голос дрожал — спросил весело:

— Кому бренди? Моя страсть к спиритус вини...

— Нет. — Теодора захихикала как сумасшедшая. — Только не этот каламбур!

— Прости. Ты не поверишь, — начал Люк, и горлышко графина зазвенело о край стакана, который он собирался наполнить, — но для меня это уже не каламбур. Вот как жизнь в доме с привидениями искажает чувство юмора.

Крепко держа стакан обеими руками, Люк подошел к кровати, на которой съжились девушки, и Теодора, высунув руку из-под одеяла, взяла у него бренди.

— Вот, — сказала она, поднося стакан к губам Элинора — Пей.

Элинора пила, не чувствуя согревающего тепла, и думала: мы в центре циклона. Уже скоро. Люк бережно понес бренди доктору, и Элинора, видя глазами, но не регистрируя мозгом, смотрела, как стакан выпал из пальцев Люка, когда дверь бесшумно заходила ходуном. Люк оттащил доктора назад. Дверь дрожала под неслышными ударами; казалось, сейчас она сорвется с петель и рухнет на пол, оставив их без защиты. Доктор с Люком пятились, бессильные этому помешать.

— Оно не войдет, — снова и снова твердила Теодора, не сводя глаз с двери, — не войдет, не пускайте его, оно не войдет..

Дверь перестала дрожать, теперь поворачивалась ручка, словно кто-то ее оглаживает, пробует по-свойски, ласково, а когда и это не помогло, начались охлопывания и ощупывания дверной рамы, словно вкрадчивая просьба; впусти, впусти.

— Оно знает, что мы здесь, — шепнула Элинора, и Люк, обернувшись через плечо, яростно прижал палец к губам.

Как холодно, по-детски думала Элинора, я теперь уже никогда не засну из-за этого шума, раздающегося в моей голове, как другие могут его слышать, если он исходит из моей головы? Я дуюм за дюймом растворяюсь в доме, сыплюсь потихоньку, потому что меня расшатывает шум изнутри, а они-то чего боятся?

Элинора слышала отстраненно, что стук начался снова, всезаполняющий металлический грохот прокатывал-

ся через нее волнами; она прижала ледяные руки к лицу, проверяя, на месте ли оно, и подумала: все, больше не могу, мне невозможно холодно.

— Возле детской, — отчетливо донесся сквозь гул севший голос Люка. — Возле детской. Нет.

Он схватил за локоть шагнувшего к двери доктора.

— Чистейшая любовь, — истерически выговорила Теодора и снова захихикала.

— Если они не откроют двери... — сказал Люк доктору. Тот стоял, припав ухом к двери, а Люк крепко держал его за локоть.

А сейчас мы услышим новый звук, подумала Элино́р, прислушиваясь к тому, что происходит у нее в голове, — он меняется. Удары стихли, словно не добившись своего, и что-то быстро прошуршало по коридору туда-обратно, словно там с невероятным терпением прохаживался какой-то зверь, чутко ловя шорохи за дверями, затем вновь раздалось памятное Элино́р бормотание; это я бубню? — успела удивиться она, и тут же из-за двери донесся тоненький издевательский смех.

— Фи-фа-фо-фам, — вполголоса произнесла Теодора, и смех стал громче, перешел в ор; это у меня в голове, подумала Элино́р, прижимая руки к лицу, это у меня в голове и сейчас вырвется, вырвется, вырвется...

Весь дом задрожал в ознобе, шторы хлопали по окнам, мебель качалась, шум в вестибюле стал таким громким, что бил в стены, в коридоре со звоном бьющегося стекла падали картины и, кажется, вылетали окна. Люк с доктором налегли на дверь, словно удерживая ее, а пол ходил у них под ногами. Мы плывем, мы плывем, думала Элино́р, и до нее издалека донеслись слова Теодоры: «Дом рушится». В них не было уже ни волнения, ни страха. Вцепившись в кровать, измочаленная, выжа-

тая, Элинор уронила голову, зажмурилась, закусилась от холода губу и почувствовала тошнотворную пустоту под ложечкой, когда комната ухнула вниз, потом выровнялась и медленно начала поворачиваться. «Боже милостивый», — выговорила Теодора в миле от нее, а Люк поймал доктора и поставил его прямо.

— Вы там как? — крикнул Люк. Он уперся спиной в дверь и держал доктора за плечи. — Тео, ты как?

— Держусь, — ответила Теодора. — Про Нелл не знаю.

— Не давай ей замерзнуть, — произнес Люк далеко-далеко. — Худшее впереди.

Голос отдалялся. Элинор по-прежнему видела и слышала Люка: он все так же был в комнате вместе с доктором и Теодорой, но в той подвижной тьме, сквозь которую она бесконечно падала, реальными оставались только ее побелевшие руки на кровати столбике; она видела их, очень маленькие, видела, как они сжались еще крепче, когда кровать встала под углом, стена накренилась, а дверь уехала вбок. Где-то с грохотом обрушилось что-то высокое, наверное башня. А я-то была уверена, что она простоит еще много лет, подумала Элинор, нам конец, конец, дом себя крушит. Смех не умолкал, тоненький, безумный, с шалыми переливами, и она подумала: нет, для меня кончено. Я не вынесу больше, я откажусь от своего «я», отрекусь, добровольно отдам то, чего и не хотела вовсе; пусть забирает все, что ему от меня нужно.

— Иду, — сказала она вслух — как выяснилось, Теодоре.

Комната была совершенно тиха, из-за неподвижных штор проглядывал рассвет. Люк сидел на стуле у окна, лицо у него было в ссадинах, рубашка порвана, и он

по-прежнему пил бренди. Доктор сидел на другом стуле, умытый, аккуратно причесанный, собранный. Теодора, склонившаяся над Элинором, сказала: «Все в порядке». Элинором села и встряхнула головой. Дом, тихий и сосредоточенный, выстроился вокруг нее. Все было на своих местах.

— Как... — начала Элинором, и все трое рассмеялись.

— Новый день, — ответил доктор, и, несмотря на приглаженный вид, голос его прозвучал глухо. — И новая ночь.

— Как я уже пытался сказать, — заметил Люк, — жизнь в доме с привидениями извращает чувство юмора. У меня вовсе не было намерения отпустить запретный каламбур, — пояснил он Теодоре.

— Как... как они? — спросила Элинором. Слова казались чужими, язык ворочался с трудом.

— Оба спят сном праведника, — сказал доктор. — Вообще-то, — добавил он, по всей видимости продолжая разговор, начатый, пока Элинором спала, — я не считаю, что эту бурю вызвала моя жена, хотя признаюсь, что еще одно упоминание про чистейшую любовь...

— Что это было? — спросила Элинором и подумала: наверное, я всю ночь стискивала зубы, судя по тому, как затекли челюсти.

— Хилл-хаус пустился в пляс, — ответила Теодора, — и прихватил нас с собой. По крайней мере, я думаю, что он плясал, хотя, может быть, просто ходил на голове.

— Почти девять, — произнес доктор. — Как только Элинором будет готова...

— Идем, крошка, — сказала Теодора. — Тео тебя умоет и причешет к завтраку.

- Кто-нибудь им сказал, что миссис Дадли убирает со стола в десять? — поинтересовалась Теодора, вопросительно заглядывая в кофейник.

Доктор замялся.

— Не хочется будить их после такой ночи.

— Но миссис Дадли убирает в десять.

— Они идут, — сказала Элинора, — я слышу их на лестнице.

Я все слышу, что происходит в доме, хотелось добавить ей.

Тут и остальные различили недовольный голос миссис Монтегю.

— Боже мой, они не могут отыскать столовую, — сообразил Люк и бросился открывать дверь.

— ... ак следует проветрить. — Голос миссис Монтегю ворвался в комнату за секунду до нее самой. Она похлопала доктора по плечу, кивнула остальным и уехала за стол. — Должна сказать, — начала она без предисловий, — что нас могли бы позвать к завтраку. Все, конечно, остыло? Кофе сносный?

— Доброе утро, — буркнул Артур, раздраженно плюхаясь на стул.

Теодора, торопясь поставить миссис Монтегю чашку, едва не опрокинула кофейник.

— Вроде бы не совсем остыл, — сказала миссис Монтегю. — Но все равно я сразу после завтрака побеседую с вашей миссис Дадли. Комнату необходимо проветрить.

— А как ночь? — робко произнес доктор. — Ты провела ее... э-э... с пользой?

— Если ты хочешь узнать, хорошо ли я спала, Джон, то так и говори. Отвечая на твой исключительно вежливый вопрос: нет. Я так и не сомкнула глаз. В этой комнате просто нечем дышать.

— Трудновато заснуть в старом доме, а? — заметил Артур. — Мне всю ночь ветка стучала в стекло. Стучит и стучит, я чуть с ума не сошел.

— Душно даже при открытом окне. Кофе миссис Дадли варит лучше, чем ведет дом. Еще чашечку, пожалуйста. Джон, я удивляюсь, что ты поселил меня в плохо проветренную комнату; для контактов с усопшими необходима как минимум нормальная циркуляция воздуха. Я едва не задохнулась от пыли.

— Не понимаю, — сказал Артур доктору, — чего вы все так себя накрутили. Я просидел с револьвером целую ночь, и хоть бы мышь зашуршала. Только ветка била в стекло. Чуть с ума меня не свела, — доверительно сообщил он Теодоре.

— Конечно, мы не оставляем надежду, — заверила миссис Монтегю мужа. — Может быть, сегодня ночью что-нибудь проявится.

2

— Тео? — Элинор отложила блокнот, и Теодора, что-то деловито строчившая, подняла глаза. — Я вот все думаю.

— Как же я ненавижу эти записи! Чувствуешь себя полной идиоткой, пытаюсь изложить этот бред.

— Я вот тут думаю...

— Ну? — Теодора слегка улыбнулась. — У тебя такой серьезный вид. Принимаешь какое-то грандиозное решение?

— Да, — сказала Элино́р, уже без колебаний. — На счет того, что делать дальше. После того, как мы уедем из Хилл-хауса.

— И?

— Я поеду с тобой, — сказала Элино́р.

— Со мной?

— Да, с тобой, к тебе. Я... — Элино́р криво усмехнулась, — поеду к тебе.

Теодора подняла брови.

— Зачем? — спросила она напрямик

— У меня никогда не было близкого человека, — сказала Элино́р, гадая, где прежде слышала что-то очень похожее. — Я хочу быть с теми, кому я нужна.

— Я не подбираю на улице бродячих кошек, — весело ответила Теодора.

Элино́р тоже рассмеялась.

— Значит, я что-то вроде бродячей кошки?

— Ну... — Теодора снова взялась за карандаш — У тебя есть собственный дом. Ты будешь рада туда вернуться, даже если сейчас так не думаешь. Нелл, моя Нелли, мы все обрадуемся возвращению домой, когда придет время. Что ты написала про вчерашние звуки? Я никак не могу подобрать слова.

— Я поеду к тебе, — повторила Элино́р. — Правда.

— Нелли, Нелли. — Теодора снова рассмеялась. — Послушай. Это просто лето, всего несколько недель отдыха в милом загородном пансионате. Дома у тебя своя жизнь, у меня — своя. Лето кончится, и мы к ней вернемся. Конечно, будем друг другу писать, может

быть, даже в гости съездим, но Хилл-хаус — это не навсегда.

— Я найду работу. Я не буду тебе мешать.

— Не понимаю. — Теодора с досадой отбросила карандаш. — Ты всегда напрашиваешься туда, где тебе не рады?

Элинор кротко улыбнулась.

— Мне нигде не рады, — сказала она.

3

— Тут все такое материнское, — сказал Люк. — Такое мягкое. Подушки, пуфики. Огромные диваны и кресла, которые, когда садишься, оказываются жесткими и норовят спихнуть.

— Тео? — тихонько позвала Элинор.

Теодора подняла на нее глаза и озадаченно тряхнула головой.

— И руки повсюду. Мягкие стеклянные ладошки, которые тебя манят...

— Тео? — повторила Элинор.

— Нет, — сказала Теодора. — Я тебя к себе не возьму. И не желаю больше об этом говорить.

— Возможно, — продолжал Люк, наблюдая за ними, — самое отвратительное здесь — это упор на округлости. Я призываю вас беспристрастно взглянуть на абажур из склеенных стекляшек, или на большие шары-светильники на лестнице, или на ребристую переливчатую конфетницу сбоку от Тео. В столовой есть ваза особо мутного желтого стекла на подставке в виде детских ручек и сахарное пасхальное яйцо с видением танцующих пастушков внутри. Пышногрудая дама подпирает головой лестничные перила, а в гостиной под стеклом...

— Нелл, оставь меня в покое. Давай прогуляемся к ручью или куда еще...

— ...вышитое крестиком детское личико. Нелл, ну не смотри так обиженно, Тео всего лишь предложила прогуляться к ручью. Если хотите, я пойду с вами.

— На здоровье, — ответила Теодора.

— Отпугивать кроликов. Если хотите, я возьму палку. А не хотите, не пойду вовсе. Как скажешь, Тео.

Теодора рассмеялась.

— Может, Нелл захочет остаться здесь и писать на стенах.

— Какая ты злая, Тео, — сказал Люк. — Недобрая.

— Лучше расскажи про танцующих пастушков в пасхальном яйце, — потребовала Теодора.

— Мир в сахарной скорлупе. Шесть крохотных пастушков танцуют, пастушка в розовом и голубом любитесь ими, лежа на мшистом берегу; вокруг деревья, цветы, овечки, а старый козопас играет на свирели. Наверное, я хотел бы стать козопасом.

— Если бы не был тореадором.

— Если бы не был тореадором. А романы Нелл, как ты помнишь, обсуждают во всех артистических кафе.

— Козлоногий Пан, — сказала Теодора. — Тебе надо поселиться в дупле. Люк.

— Нелл, — сказал Люк. — Ты не слушаешь.

— Ты ее напугал, Люк.

— Потому что Хилл-хаус когда-нибудь станет моим, со всеми его несметными сокровищами и пуфиками? Я не буду добр к этому дому, Нелл. Как-нибудь в приступе дурного настроения я брошу об пол сахарное пасхальное яйцо, или разобью детские ладошки, или забегаю по лестнице с топотом и криком, круша тростью бисерные абажуры, лупя пышногрудую перильную даму по голове, или даже...

— Вот видишь? Ты ее напугал.

— Кажется, да, — сказал Люк. — Нелл, я просто болтаю чепуху.

— У него и трости-то наверняка нет, — добавила Теодора.

— Вообще-то есть. Нелл, я просто болтаю чепуху. Что с ней, Тео?

Теодора ответила ровным голосом:

— Она просила меня после Хилл-хауса взять ее к себе, а я отказалась.

Люк рассмеялся.

— Бедная глупенькая Нелл, — сказал он. — Все пути ведут к свиданью. Идемте к ручью.

— Дом-наседка, — сказал Люк, когда они спускались с террасы на лужайку, — домохозяйка, домовладычица. Я точно буду плохим домовладыкой, когда унаследую Хилл-хаус.

— Не понимаю, кому нужен Хилл-хаус, — заметила Теодора.

Люк, обернувшись, насмешливо взглянул на дом.

— Никогда не знаешь, чего захочешь, пока не увидишь своими глазами, — произнес он. — Не будь у меня шансов его унаследовать, я, наверное, испытывал бы совсем другие чувства. Чего люди друг от друга хотят, как-то спросила меня Нелл. Зачем они вообще нужны?

— Это я виновата, что мама умерла, — сказала Элинор. — Она стучала в стену и звала меня, звала, а я не проснулась. Я должна была принести ей лекарство, всегда раньше приносила. А в тот раз она меня будила и не добудилась.

— Пора уже и забыть, — сказала Теодора.

— Я все с тех пор пытаюсь вспомнить, просыпалась или нет. Может, я проснулась от стука, а потом снова заснула. Очень может быть, что и так.

— Если нам к ручью, — вставил Люк, — то надо поворачивать.

— Ты напрасно себя изводишь, Нелл. Наверняка ты просто выдумала, будто это твоя вина.

— Конечно, это все равно бы произошло, раньше или позже, — сказала Элинон. — Но в любом случае из-за меня.

— Если бы этого не произошло, ты бы не приехала в Хилл-хаус.

— Дальше мы пойдем цепочкой, — объявил Люк. — Нелл, ты первая.

Улыбаясь, Элинон прошла вперед. Ноги легко ступали по тропе. Теперь я знаю, куда мне ехать, думала она, я сказала ей про свою мать, так что тут все в порядке. Я найду себе домик или квартирку, как у нее. Мы будем видеться каждый день и вместе разыскивать милые вещицы — тарелки с золотой каймой, белую кошку, сахарное пасхальное яйцо, чашку со звездами. Я уже не буду бояться одиночества и стану называть себя просто Элинон.

— Вы обо мне говорите? — спросила она через плечо.

Через минуту Люк ответил вежливо:

— Схватка добра и зла за душу Нелл. Мне, наверное, придется взять на себя роль Бога.

— Но конечно, доверять нельзя ни тебе, ни мне, — весело подхватила Теодора.

— Мне так уж точно, — отозвался Люк.

— И вообще, Нелл, — сказала Теодора, — мы вовсе не о тебе говорили. Детский сад какой-то, — полусердито заметила она Люку.

Я так долго ждала, думала Элинон, я наконец-то заработала свое счастье. Она вышла на вершину холма и посмотрела вниз на тонкую цепочку деревьев, сквозь которую им предстояло пройти, чтобы попасть к ручью.

Как красиво они выглядят на фоне неба, такие прямые и свободные. Люк не прав, тут вовсе не все мягкое: вот деревья жесткие, как все деревья. Они по-прежнему говорят обо мне, о том, как я приехала в Хилл-хаус и нашла Теодору, а теперь не хочу ее отпускать. За спиной по-прежнему были слышны их голоса, в которых прорывались то резкие нотки, то издевка, то приятельский смех, и Элинор шла как в полусне, понимая, что они идут следом: через минуту после того, как она ступила в высокую траву, та же трава зашуршала под их ногами, и перепуганный кузнечик с шумом скакнул в сторону.

Я смогу помогать ей в магазинчике, думала Элинор; она любит красивые вещицы, мы будем выискивать их вместе. Отправимся куда захотим, хоть на край света, и вернемся, когда захочется. Он рассказывает, что узнал обо мне, объясняет, что в меня нелегко заглянуть, я окружена стеной олеандров, а Тео смеется, потому что я больше не буду одинока. Они такие похожие и оба добрые, я и не рассчитывала получить столько, сколько они мне дали; я очень правильно сделала, что приехала сюда, потому что все пути ведут к свиданию.

Она вступила под жесткие ветви деревьев, радуясь прохладе после жаркого солнца. Дальше надо было идти осторожнее, потому что тропка шла под уклон и на ней попадались камни и корни. Разговор сзади то ускорялся, то замедлялся, перемежаясь смехом. Я не буду оглядываться, блаженно думала Элинор, чтобы не выдать своих мыслей. Мы поговорим об этом как-нибудь на досуге, Тео и я. Какое странное у меня чувство, думала она, выходя из-под деревьев на последний крутой отрезок тропы перед ручьем, бурное удивление и тихая радость, все вместе; я не стану оглядываться, пока не дойду до

того места, где она в день приезда чуть не упала; я напому ей про золотых рыбок в воде и про наш пикник.

Элинор села на узком зеленом бережку и притянула колени к подбородку; я не забуду этих мгновений моей жизни, пообещала она себе, вслушиваясь в приближающиеся шаги и голоса друзей. «Давайте сюда! — позвала она, оборачиваясь к Теодоре, — я...» — и умолкла. На склоне никого не было, только отчетливо слышались шаги и тихий издевательский смех.

— Кто?.. — прошептала она, вскакивая. — Кто?..

Она видела, как приминается трава под незримыми ногами, как отпрыгнул в сторону еще один кузнечик и покатился камешек. Шаги звучали очень отчетливо; Элинор вжалась спиной в обрыв и услышала смех совсем близко; «Элинор, Элинор», — раздался у нее в голове и снаружи зов, которого она ждала всю жизнь. Шаги смолкли. Воздух — плотный, почти твердый — налетел порывом и удержал, когда она зашаталась. «Элинор, Элинор, — звучало сквозь шум ветра в ушах, — Элинор, Элинор», — и вновь ее обхватило надежно и прочно. И ничуть не холодно, подумала она, ничуть не холодно; а в следующий миг закрыла глаза, привалилась спиной к обрыву и сказала беззвучно: «Не выпускай меня» — и затем: «Останься», потому что державшее ее плотное отхлынуло, растворилось. «Элинор, Элинор», — в последний раз услышала она и поняла, что стоит у ручья, дрожа, как будто солнце скрылось за тучу, и удивленно смотрит на шаги, удаляющиеся сперва по воде, где от них легкими кругами разбегались волны, потом — медленно, любовно — по траве противоположного склона к вершине холма.

Вернись, почти крикнула она, дрожа мелкой дрожью, и тут же опрометью бросилась в гору, крича на бегу: «Тео! Люк!»

Она нашла их в рощице. Они стояли, привалившись к стволам, и о чем-то со смехом беседовали. Когда она подбежала, они обернулись и вздрогнули, а Теодора спросила почти со злостью:

— Теперь-то чего тебе нужно?

— Я ждала вас у ручья...

— Мы решили постоять в холодке, — ответила Теодора. — Мы тебе кричали. Думали, ты слышала. Правда, Люк?

— Конечно, — смущенно проговорил Люк. — Мы думали, ты нас слышала.

— И вообще, — сказала Теодора, — мы уже собрались за тобой идти. Верно?

— Верно, — улыбнулся Люк. — Конечно, уже собрались.

4

— Подземные воды, — сказал доктор, размахивая вилкой.

— Чепуха. Неужто миссис Дадли одна все это готовит? Спаржа более чем приемлема. Артур, пусть молодой человек положит вам спаржи.

— Дорогая. — Доктор с нежностью взглянул на жену. — Мы тут завели обыкновение отдыхать после ланча, и если ты...

— Нет, конечно. Мне слишком много всего надо успеть. Поговорить с твоей кухаркой, проследить, чтобы мою комнату проветрили, подготовить планшет к вечернему сеансу. Артуру надо почистить револьвер.

— Признак настоящего солдата, — сказал Артур. — Оружие всегда в порядке.

— Ты и молодежь, конечно, можете идти отдыхать. Возможно, ты не ощущаешь, как я, настоящую потреб-

ность помочь несчастным душам, которые по-прежнему бродят здесь, не обретая упокоения; ты находишь глупым мое сочувствие к ним, может быть, тебе даже смешно, когда я роняю слезу о несчастной одинокой душе, оставшейся без помощи и поддержки. Чистая любовь...

— Крокет? — поспешно спросил Люк. — Может, сыграем в крокет? — Он с энтузиазмом обвел взглядом собравшихся. — Бадминтон? Крокет?

— Подземные воды? — подсказала Теодора.

— Не люблю я этих затейливых соусов, — твердо заявил Артур. — Так всегда и говорю парням, что это — признак шалопута. — Он задумчиво взглянул на Люка. — Признак шалопута. Затейливые соусы, женская обслуга. Мои парни все сами делают. Признак мужчины, — сообщил он Теодоре.

— А чему еще вы их учите? — вежливо спросила та.

— Учю? В смысле, учат ли мои парни еще что-нибудь? Алгебру, там, латынь? Конечно. — Артур с довольным видом откинулся на стуле. — У меня на это учителя есть, я до такого не касаюсь.

— А много у вас учеников? — Теодора подалась вперед, учитывая, заинтересованная, развлекающая гостя светской беседой. Артур так и сиял; миссис Монтегю хмурилась и нетерпеливо постукивала пальцами.

— Сколько? Сколько... У нас отличная теннисная команда. — Он широко улыбнулся Теодоре. — Абсолютно первостатейная, так сказать. Не считая хлюпиков?

— Не считая хлюпиков, — кивнула Теодора.

— Теннис. Гольф. Бейсбол. Атлетика. Крикет. Небось не думали, что мы играем в крикет? Еще плавание и волейбол. Некоторые на все ходят, правда, — озабоченно добавил он. — Универсалы. Может, человек семьдесят набежит.

— Артур! — Миссис Монтегю больше не могла сдерживаться. — Не надо о работе. Не забывайте, что вы приехали сюда отдыхать.

— Да, это я дал маху. — Артур признательно улыбнулся. — Пойду оружие проверю.

— Два часа, — объявила миссис Дадли, появляясь на пороге. — Я убираю в два.

5

Теодора засмеялась, и Элинор, укрывшаяся в глубокой тени за летним флигелем, обеими руками зажала рот, чтобы не выдать себя случайным словом. Я должна выяснить, думала она, должна выяснить.

— Называется «Убийство семьи Граттанов», — говорил Люк. — Премилая вещица. Могу даже спеть.

— Признак шалопута. — Теодора снова рассмеялась. — Бедный Люк. Я бы сказала «лоботряса».

— Если ты предпочла бы провести это время с Артуром...

— Разумеется, я предпочла бы провести время с Артуром. С образованным человеком всегда интересно.

— Крикет, — сказал Люк. — Небось не думала, что мы играем в крикет?

— Пой, пой, — засмеялась Теодора.

Люк запел, чуть гнусаво, отчетливо выделяя каждое слово:

Сперва девица Граттан
Ему преградила вход;
Ножом он ее зарезал,
Открыв кровавый счет.

Седую бабку Граттан
Потом негодяй убил;
Старуха с ним сражалась,
Пока хватало сил

Папаша дряхлый Граттан
Посиживал в тепле;
К нему он подобрался
И удавил в петле.

В кровати крошка Граттан
Спеленутый лежал;
Он ребрышки малюжке
Смертельной хваткой сжал.

И жвачкою табачной
На группик плюнул смачно.

Наступила короткая тишина, потом Теодора простонала:

— Очаровательно, Люк. Неземная красота. Теперь, слыша эту песню, я всегда буду вспоминать о тебе.

— Я собираюсь спеть ее Артуру, — сказал Люк.

Когда же они заговорят обо мне? — гадала Элинора. Через минуту Люк продолжил беспечно:

— Интересно, какая у доктора получится книга, когда он ее напишет? Как ты думаешь, про нас в ней будет?

— Тебя он выведет рьяным молодым исследователем парапсихологических феноменов, а меня — девушкой безгранично одаренной, но с сомнительной репутацией.

— Интересно, будет ли отдельная глава для миссис Монтегю?

— И для Артура. И для миссис Дадли. Жаль, если он сведет нас к цифрам в таблице.

— Кажется, мне голову напекло, — сказал Люк. — Какой бы нелепый подвиг по этому поводу совершить?

— Попроси миссис Дадли приготовить нам лимонад.

— Знаешь, чего я хочу? — спросил Люк. — Отправиться в исследовательскую экспедицию. Давай пойдем по ручью в холмы и отыщем его истоки. Может, там озеро, и тогда мы искупаемся.

— Или водопад. Это такой ручей, на котором точно должны быть водопады.

— Тогда пошли.

Из-за флигеля Элино́р слышала их смех и быстрые, удаляющиеся к дому шаги.

6

— А вот тут интересно написано, — объявил Артур тоном человека, которому очень хочется развлечь окружающих, — в этой книге. Как сделать свечи из обычных восковых мелков.

— Да, очень интересно, — устало отозвался доктор. — Извините, Артур, мне надо закончить записи.

— Конечно, доктор. У каждого своя работа. Закрываю рот.

Элино́р, слушавшая из-за двери, различила, как Артур заерзал и заскрипел стулом, готовясь сидеть молча.

— Что-то здесь совершенно нечем себя занять, — сказал он. — Как вы обычно проводите время?

— Работаю, — коротко ответил доктор.

— Пишете про то, что происходит в доме?

— Да.

— И про меня тоже?

— Нет.

— Думается, вам надо включить наши записи с сеанса. Вы про что сейчас пишете?

— Артур. Не могли бы вы почитать или что-нибудь в таком духе?

— Конечно-конечно. У меня правило — никому не мешать.

Элино́р слышала, как он взял книгу, положил, взял сигарету, чиркнул спичкой, снова поерзал и наконец спросил:

— Послушайте, а не надо чего-нибудь сделать? Где все?

Доктор ответил терпеливо, но равнодушно:

— Теодора и Люк, насколько я знаю, ушли исследовать ручей. Остальные, наверное, где-нибудь в доме. Кстати, моя жена отправилась к миссис Дадли.

— Ясно. — Артур снова вздохнул. — Коли так, можно и почитать, — сказал он и через минуту начал снова: — Знаете, доктор, не хочется вас отвлекать, но вы только послушайте, что здесь написано...

7

— Нет, миссис Дадли. По моему глубокому убеждению, — сказала миссис Монтегю, — молодых людей разного пола нельзя селить вместе. Если бы мой муж посоветовался со мной, прежде чем затевать этот безумный выезд...

— А вот я всегда говорю, — это был голос миссис Дадли, и Элинор, прижавшаяся к двери, от удивления раскрыла рот в полудюйме от деревянной филенки, — что молодость бывает раз в жизни. Молодые развлекаются, в их годы это вполне естественно.

— Но жить под одной крышей...

— Да уж не такие они дети, понимают, что можно, чего нельзя. Хорошенькая мисс Теодора вполне способна о себе позаботиться, какой бы шалун ни был мистер Люк.

— Передайте мне полотенце, миссис Дадли, я протру серебро. Я считаю возмутительным, что нынешние дети так рано все узнают. Должны быть тайны, которые по праву принадлежат взрослым и до которых детям надо сперва дорасти.

— Тогда им несладко придется, прежде чем они все узнают на собственной шкуре. — Голос миссис Дадли журчал легко, свободно. — Эти помидоры Дадли сегодня утром снял в огороде. В нынешнем году они удались.

— Порезать?

— Ой, нет, нет. Садитесь и отдыхайте, вы уже и так сегодня натрудились. Я поставлю чайник и сделаю нам с вами чайку.

8

— «Все пути ведут к свиданию». — Люк через комнату улыбнулся Элинору. — А синее платье на Тео правда твое? Я его прежде не видел.

— Я — Элинору, — издевательски вставила Теодора, — потому что у меня борода.

— Как ты предусмотрительно взяла одежду на двоих, — сказал Люк Элинору. — В моем старом джемпере Тео смотрелась бы куда хуже.

— Я — Элинору, — сказала Теодора, — потому что я в синем. Мою любовь зовут на Э, и я люблю ее, потому что она эфемерная. Ее имя Элинору, и она живет эгоистическими мечтами.

Теодора вредничает, отстраненно подумала Элинору; она как будто смотрела на них издали и слышала их голоса. Теодора вредничает, а Люк пытается это смягчить, ему стыдно за себя, что он надо мной смеется, и за Теодору, потому что она вредничает.

— Люк, — сказала Теодора, косясь на Элинору, — иди сюда и спой мне еще раз.

— Не сейчас, — ответил Люк — ему явно было неловко. — Доктор уже расставил фигуры.

Он повернулся и отошел с чуть излишней поспешностью. Уязвленная Теодора откинулась в кресле и закрыла глаза, всем видом показывая, что не намерена разговаривать. Элинору сидела, глядя на свои пальцы, и вслушивалась в звуки дома. На втором этаже хлопнула, закрываясь, дверь; птица присела на башню и тут же снова вспорхнула. В кухне потрескивала, остывая, плита. Мелкий зверек — кролик? — пробирался че-

рез кусты у летнего флигеля. Элино́р, со своим новым ощущением дома, различала даже, как медленно оседает пыль на чердаке и стареет дерево. Только библиотека была от нее закрыта, она не слышала ни частого дыхания миссис Монтегю и Артура над планшетом, ни их взволнованных вопросов; не слышала, как ветшают книги и сыплется ржавчина с винтовой лестницы в башню. В будуаре Теодора раздраженно постукивала пальцами, а доктор с Люком переставляли шахматные фигуры. Потом в библиотеке с грохотом распахнулась дверь, и Элино́р уловила резкий сердитый звук приближающихся шагов. В следующий миг все разом повернули голову — в будуар ворвалась миссис Монтегю.

— Я заявляю, — с напором выдохнула она, — я заявляю, что это возмутительно!

— Дорогая... — Доктор привстал, но миссис Монтегю сердито от него отмахнулась.

— Если бы ты соблюдал элементарные приличия... — начала она.

Артур, робко следовавший за ней, прошмыгнул к креслу у камина, а когда Теодора взглянула на него, предостерегающе мотнул головой.

— Элементарные приличия. В конце концов, Джон, я проделала немалый путь, и Артур тоже, чтобы тебе помочь, и никак не ожидала натолкнуться на такой цинизм и недоверие со стороны тебя и вот их. — Она указала на Элино́р, Теодору и Люка. — Все, о чем я прошу, — это минимум уважения и сочувствия к тому, что я пытаюсь сделать, а ты только фыркаешь и усмехаешься. — Тяжело дыша, покрасневшая, миссис Монтегю затрясла пальцем у доктора перед носом. — Планшет, — сказала она, — не желает со мной сегодня говорить. Ни единого слова не получила я от планшета, а все из-за колкостей и ехидства; теперь планшет может не говорить со

мной несколько недель, такое уже случалось, уверяю тебя, случалось после того, как скептики его высмеивали, и я, отправляясь сюда — из самых лучших побуждений, заметь! — и зная, что планшет может замолчать на несколько недель, рассчитывала если не на поддержку, то, по крайней мере, на чуточку уважения.

И она снова затрясла пальцем, временно исчерпав слова.

— Дорогая, — сказал доктор, — я уверен, что никто из нас не стал бы сознательно тебе мешать.

— А смешки и ухмылки? Нежелание верить, когда вам показывают собственные слова планшета? Наглость этих молодых людей?

— Миссис Монтегю, честное слово... — начал Люк, но миссис Монтегю прошла мимо него и уселась в кресле. Губы ее были вытянуты в нитку, глаза сверкали. Доктор попытался было заговорить, но умолк и, отвернувшись от жены, жестом пригласил Люка обратно за шахматный стол. Люк неуверенно подчинился. Артур, изогнувшись всем телом, тихо сообщил Теодоре:

— Никогда не видел ее такой расстроенной. Пренебрежительное это дело, когда планшет не отвечает. Он очень обидчивый, так сказать. Чувствует атмосферу.

Сочтя, что удовлетворительно разъяснил ситуацию, Артур откинулся в кресле и робко улыбнулся.

Элиноর почти не слушала. Кто-то расхаживает по комнате, думала она, Люк, наверное, и тихо разговаривает сам с собой — какой-то странный способ играть в шахматы. Мурлычет себе под нос? Напевает? Раз или два она почти разобрала обрывок слова, потом Люк тихо заговорил: он сидел за шахматным столом, где ему и надлежало быть. Элинор обернулась и посмотрела на пустую середину комнаты, где кто-то прохаживался, тихонько напевая, и тут она услышала отчетливо:

Выбегай гулять на волю,
Выбегай гулять на волю,
Выбегай гулять на волю,
Как в былые времена...

Да, я помню, подумала она, улыбаясь, вслушиваясь в тихую мелодию, ну конечно же, мы играли в эту игру.

— Просто дело в том, что это исключительно сложный и чувствительный прибор, — говорила миссис Монтегю Теодоре; она все еще сердилась, но уже заметно оттаяла от сочувственного Теодориного внимания. — Естественно, малейшее недоверие его оскорбляет. Вот вы как бы себя чувствовали, если бы люди отказывались в вас верить?

Прыгай в окна и обратно,
Прыгай в окна и обратно,
Прыгай в окна и обратно,
Как в былые времена...

Голос был звонкий, возможно детский, он пел нежно и тоненько, едва различимо; Элинор улыбнулась и вспомнила. Песенка звучала отчетливее, чем голос миссис Монтегю, продолжавшей вещать о планшете.

Выходи на встречу с милым,
Выходи на встречу с милым,
Выходи на встречу с милым,
Как в былые времена...

Песенка затихла, и Элинор почувствовала легкое колебание воздуха от приближающихся шагов; что-то почти коснулось ее лица, может быть, тихий вздох у самой щеки. Она удивленно повернула голову. Люк и доктор склонились над шахматной доской, Артур доверительно нагнулся к Теодоре, миссис Монтегю по-прежнему говорила.

Никто из них этого не слышал, подумала Элинор радостно; никто не слышал, кроме меня.

Элино́р притворила за собой дверь спальни — очень тихо, чтобы не разбудить Теодору, — и тут же подумала: она бы все равно не проснулась, она всегда так крепко спит. А я приучилась спать очень чутко, пока ухаживала за мамой, успокоила она себя. Темный коридор освещала лишь маленькая круглая лампа над лестницей, все двери были закрыты. Забавно, думала Элино́р, бесшумно ступая босыми ногами по ковру, это единственный дом, где я не боюсь шуметь ночью, по крайней мере не боюсь выдать, что это я. Она проснулась с мыслью пойти в библиотеку, и разум тут же сочинил повод: мне не спится, объяснила она себе, я спущусь в библиотеку и возьму книгу. Если кто-нибудь спросит, куда я иду, я отвечу: в библиотеку, взять книгу, потому что мне не спится.

Было тепло уютной, дремотной теплотой. Элино́р босиком сошла по лестнице к библиотечной двери и вдруг вспомнила: я же не могу туда войти, мне туда нельзя — и тут же отшатнулась от тошнотворного запаха разложения. «Мама», — сказала она вслух. «Иди сюда», — отчетливо прозвучал голос со второго этажа, и Элино́р порывисто обернулась. «Мама, — тихо позвала она, подходя к лестнице, — мама!» Сверху донесся мягкий смешок. Элино́р, часто дыша, взбежала по ступенькам и остановилась на верхней площадке, оглядывая закрытые двери справа и слева.

— Ты где-то здесь, — сказала она, и по коридору пробежало тихое эхо, сбиваясь на шепот в незримых воздушных токах.

— Здесь, — повторило оно, — здесь.

Элинор со смехом пробежала на звук к двери детской; холодное пятно исчезло, и она улыбнулась смеющимся лицам, которые смотрели на нее со стены.

— Ты здесь? — зашептала она перед дверью. — Ты здесь? — И замолотила кулаками изо всех сил.

— Да? — Это был голос миссис Монтегю, еще не до конца проснувшейся. — Да? Заходи, кто бы ты ни был.

Нет, нет, подумала Элинор, обнимая себя за плечи и беззвучно смеясь: не здесь, не с миссис Монтегю, — и она скользнула по коридору, слыша, как миссис Монтегю кричит вслед:

— Я твой друг, я желаю тебе добра! Зайти и скажи мне, что тебя тревожит.

Она не откроет дверь, мудро подумала Элинор, она не боится, но дверь не откроет, — и застучала, замолотила в дверь к Артуру, из-за которой почти сразу донеслось его сонное: «Что?»

Танцуя по мягкому ковру, она добежала до двери, за которой спала Теодора; вероломная Теодора, подумала Элинор, злая насмешница Теодора, проснись, проснись, проснись, — и заколотила, захлопала по двери, засмеялась, дергая дверную ручку. Через минуту она уже стучала к Люку: проснись, проснись и будь вероломным. Никто из них не откроет, думала она, все будут сидеть внутри, прижимая к груди одеяло, и ждать, дрожа, что будет дальше; проснитесь, думала она, молотя в дверь к доктору, ну-ка посмейте выглянуть наружу и увидеть, как я танцую в коридоре Хилл-хауса.

И тут Теодора напугала ее воплем:

— Нелл! Нелл! Доктор, Люк, Нелл пропала!

Бедный дом, подумала Элино́р, я забыла про Элино́р, теперь они все распахнут двери, — и она опрометью кинулась по лестнице, слыша позади встревоженный голос доктора и крики Теодоры: «Нелл! Нелл!» Какие же они все дураки, подумала она, теперь мне один путь — в библиотеку. «Мама, мама, — прошептала она, замирая перед библиотечной дверью, — мама». Со второго этажа доносился разговор. Забавно, подумала Элино́р, я слышу весь дом, вот миссис Монтегю возражает, теперь Артур. Потом голос доктора произнес отчетливо:

— Ее надо найти. Прошу всех поторопиться.

Я тоже могу поторопиться, подумала Элино́р и пробежала через вестибюль в будуар, где угольки в камине подмигнули ей, когда она открыла дверь. Шахматные фигуры стояли так же, как оставили их доктор и Люк. Шарфик, который был днем на Теодоре, валялся на спинке ее кресла. С этим я тоже разберусь, подумала Элино́р, с жалкой стародевичьей попыткой себя украсить, — и, зажав край шарфика в зубах, потянула, разрывая ткань, а потом бросила, потому что сзади на лестнице раздался топот. Они спускались, всем скопом, объясняя друг другу, где искать в первую очередь, и время от времени окликали: «Элино́р! Нелл!»

«Идешь? Идешь?» — прозвучало откуда-то еще, и она услышала, как содрогается лестница под их ногами, а на лужайке перед домом шебуршит сверчок.

Беспечно, бесстрашно она пробежала по коридору и глянула на них в приоткрытую дверь. Они двигались все вместе, стараясь держаться ближе друг к другу, а фонарик доктора обшаривал вестибюль. Наконец луч света остановился на входной двери: она была от-

крыта. Тогда с криками «Элинор! Элинор!» все побежали через вестибюль и наружу; там они продолжали ее звать, оглядываться, а луч фонарика деловито скользил по деревьям и траве.

Элинор повисла на двери и хохотала до слез; какие они глупые, думала она, мы так легко их провели. Они такие неповоротливые, такие глухие, такие тяжелые, они ходят по дому, топают, везде заглядывают, все лапают руками. Она пробежала через вестибюль и биллярдную в столовую, а оттуда в кухню с ее дверьми. Здесь хорошо, подумала Элинор, когда я их услышу, я смогу убежать в любую сторону. Когда они ввалились обратно, выкликая ее имя, она выскользнула на террасу в прохладную ночь и замерла, припав спиной к двери. Туман Хилл-хауса легкими струями завивался у щиколоток. Она посмотрела на тяжелые холмы, обступившие дом, и подумала: как же хорошо Хилл-хаусу под их защитой, в теплой уютной ямке.

— Элинор!

Они были очень близко, и она пробежала по террасе в гостиную; «Хью Крейн, — сказала она, — позвольте вас на танец?» — и сделала реверанс перед огромной нависающей фигурой. В глазах Хью Крейна вспыхнул свет, отблески легли на статуэтки и золоченые стулья. Элинор важно танцевала перед каменным хозяином дома, а тот смотрел на нее и сиял. «Прыгай в окна и обратно», — и протанцевала на террасу и вокруг дома. Круг за кругом, круг за кругом, думала она, и никто из них меня не видит. Она на бегу тронула кухонную дверь, и за шесть миль отсюда миссис Дадли вздрогнула во сне. Элинор протанцевала к башне, прочно стиснутой в объятиях дома, в мертвой хватке дома, и медленно прошла мимо серой каменной стены, памятуя запрет трогать ее даже

снаружи. Затем повернулась и встала перед входной дверью, уже закрытой, протянула руку, толкнула — и дверь открылась без малейшего усилия. Вот я вступаю в Хилл-хаус, сказала себе Элинон и вошла как в собственный дом. «Вот и я, — сказала она вслух. — Я обошла дом, я прыгала в окна и обратно, я танцевала...»

— Элинон!

Это был голос Люка, и она подумала: уж если меня поймают, то пусть хотя бы не Люк; не дай им меня поймать, взмолилась она мысленно и опрометью вбежала в библиотеку.

Вот я и здесь, подумала Элинон, внутри. И никакого холода, только чудесное, ласковое тепло. В слабом свете различалась металлическая лестница, виток за витком уходящая ввысь башни, и дверца наверху. Каменный пол ластился к ногам, терся о ступни, теплый воздух гладил Элинон, перебирал ее волосы, плыл сквозь пальцы, легким дыханием касался губ, и она танцевала кругами. Не надо мне ни львов, думала она, ни олеандров, я разрушила чары Хилл-хауса и вошла внутрь. Я дома, подумала Элинон, и замерла, дивясь своей мысли. Я дома, я дома — а теперь вверх.

Подъем по узкой металлической лестнице пьянил — выше и выше, виток за витком, глядя вниз, цепляясь за узкие железные перила, глядя далеко-далеко вниз на каменный пол. Карабкаясь, глядя вниз, она думала о мягкой зеленой траве, о холмах, о деревьях с густой кроной, поднимала глаза и думала о том, что башня Хилл-хауса торжествующе высится над холмами, над дорогой, выходящей через Хиллсдейл, мимо белого домика в цветах, мимо волшебных олеандров, мимо каменных львов далеко-далеко к крошечной старушке, которая обещала за нее молиться. Время остановилось, подумала Элинон,

все ушло и теперь позади, а бедная старушка по-прежнему обо мне молится.

— Элинор!

Целую минуту она не могла сообразить, где видела раньше этих людей (у себя в доме с каменными львами за ужином при свечах? Или в ресторане над звенящим ручьем? Может быть, кто-то из них мчался с холма под плещущим стягом? А кто-то бежал рядом с нею в темноте? — и тут она вспомнила, так что все разом заняли свои места), — и застыла в неуверенности, вцепившись в поручень. Они были такие маленькие, такие беспомощные и бесполезные; они стояли далеко внизу на каменном полу и указывали на нее пальцами, окликали ее требовательными, далекими голосами.

— Люк, — сказала Элинор, припоминая. Они явно ее слышали, потому что разом умолкли, когда она заговорила. — Доктор Монтегю. Миссис Монтегю. Артур.

Как зовут девушку, которая стояла молча, в стороне от других, она вспомнить не смогла.

— Элинор, — позвал доктор Монтегю, — повернитесь очень осторожно и начинайте медленно спускаться. Идите очень, очень медленно, Элинор, и обязательно держитесь за перила. А теперь поворачивайтесь и начинайте спуск.

— Что эта особа вытворяет? — требовательно спросила миссис Монтегю. Волосы у нее были в папильотках, перед халата украшал китайский дракон. — Пусть немедленно спустится, чтобы мы могли вернуться в постель. Артур, скажите ей, чтобы немедленно спустилась.

— Эй! — начал Артур.

Люк шагнул к лестнице и начал подниматься вверх.

— Бога ради, осторожнее, — сказал доктор. — Тут все заржавело, лестница еле держится.

— Двоих она не выдержит, — объявила миссис Монтегю. — Вы обрушите ее нам на голову. Артур, отойдите к двери.

— Элинора, — позвал доктор, — вы можете повернуться и медленно начать спуск?

Над ней была только дверца в башенку; Элинора толкнула ее, но дверца не поддавалась. Она в отчаянии замолотила кулаками, лихорадочно думая: откройся, откройся, иначе меня поймают, — потом глянула вниз, на Люка, который упорно поднимался виток за витком.

— Элинора, — сказал он, — стой смирно. Не двигайся. В голосе звучал страх.

Мне не выбраться, подумала она и, поглядев вниз, отчетливо увидела лицо, а следом в памяти всплыло имя.

— Теодора, — сказала она.

— Нелл, делай, как тебе говорят. Пожалуйста.

— Теодора, я не могу выбраться. Дверь заколотили гвоздями.

— Вот и хорошо, что заколотили, — сказал Люк. — Твое счастье, детка. Стой, не шевелись.

Медленно преодолевая ступеньку за ступенькой, он уже почти добрался до площадки.

— Стой, не шевелись, Элинора, — сказал доктор.

— Нелл, — взмолилась Теодора. — Делай, что тебе говорят, пожалуйста.

— Зачем? — Элинора поглядела вниз и увидела всю головокружительную высоту башни, лестницу, шатающуюся под Люком, далекие, бледные, сосредоточенные лица, холодный каменный пол.

— Как мне спуститься? — жалобно спросила она. — Доктор, как мне спуститься?

— Идите очень медленно, — ответил доктор. — Делайте, что скажет Люк.

— Нелл, — крикнула Теодора, — не бойся. Все будет хорошо.

— Конечно, все будет хорошо, — мрачно произнес Люк. — Наверное, дело обойдется одной сломанной шеей — моей. Держись, Нелл, я поднимаюсь на площадку. Ты должна меня пропустить, чтобы потом спустаться первой. — Он совсем не запыхался, несмотря на подъем, но рука, которой он ухватился за поручень, дрожала, а лицо было мокрым от пота. — Ну, давай, — скомандовал Люк.

Элино́р не двинулась.

— Последний раз, когда ты сказал мне идти вперед, ты за мной не пошел.

— Возможно, я просто сброшу тебя вниз, — сказал Люк. — И посмотрю, как ты разобьешься о каменный пол. А теперь возьми себя в руки и давай медленно мимо меня, на лестницу. И молись, — яростно добавил он, — чтобы я поборо́л искуше́ние толкнуть тебя в спину.

Элино́р покорно отошла от перил и притиснулась к жесткой каменной стене, пропуская Люка на свое место.

— Давай, — сказал он. — Я пойду сразу за тобой.

Металлическая лестница стонала и раскачивалась при каждом шаге. Элино́р спускалась осторожно, нащупывая ногами ступеньки. Она стискивала перила и смотрела на свою руку, белую от напряжения, на босые ноги, делающие шаг за шагом, но только не вниз, на каменный пол. Спускайся очень медленно, говорила она себе, не думай ни о чем, кроме ступенек, которые как будто гнутся и вот-вот проломаются под ногами, иди вниз очень-очень-очень медленно.

— Так, хорошо, — сказал за спиной Люк. — Спокойно, Нелл, бояться нечего, мы уже почти добрались.

Внизу Теодора и доктор непроизвольно протянули руки, словно хотели подхватить ее, если упадет, а когда Элинор оступилась и перила задрожали под ее рукой, Теодора ахнула и метнулась поддержать лестницу.

— Все хорошо, моя Нелли, — повторяла она снова и снова. — Все хорошо.

— Еще чуточку, — сказал доктор.

Медленно-медленно Элинор преодолевала ступеньку за ступенькой и наконец, почти не веря, что спуск и правда позади, ощутила ногами каменный пол. За спиной у нее лестница закачалась и залязгала: Люк прыгнул через последние ступени, твердой походкой прошел через библиотеку, рухнул в кресло и замер с опущенной головой, все еще дрожа. Элинор поглядела на бесконечно высокую, маленькую-премаленькую площадку, где только что стояла, на шаткую лестницу, погнутую от времени, и сказала тоненько:

— Я бежала. Я бежала всю дорогу до верха.

Миссис Монтегю решительно выступила из дверного проема, где они с Артуром укрылись на случай падения лестницы.

— Кто-нибудь согласен со мной, — наилюбезнейшим голосом спросила она, — что на сегодня эта девица доставила нам более чем достаточно хлопот? Я лично намерена сейчас же вернуться в постель, и Артур тоже.

— Хилл-хаус... — начал доктор.

— Я глубоко убеждена, что эта дикая выходка лишила нас возможности наблюдать сегодня какие-либо сверхъестественные феномены. Вряд ли наши дорогие друзья из иного мира захотят показаться после такого нелепого спектакля, поэтому если все меня извинят и если вы закончили привлекать к себе внимание и будить занятых людей, то я желаю всем доброй ночи. Артур.

Миссис Монтегю удалилась, подрагивая от возмущения и гордо неся на животе вздыбленного дракона.

— Люк испугался, — сказала Элинор, глядя на доктора и Теодору.

— Люк безусловно испугался, — подтвердил тот у нее за спиной. — Люк так перетрусил, что еле спустился вниз. Нелл, ты безмозглая идиотка.

— Я склонен согласиться с Люком.

Доктор говорил сердито, и Элинор, отведя взгляд, посмотрела на Теодору, которая сказала:

— Надо понимать, это ты тоже была должна?

— Со мною все хорошо. — Смотреть на них больше не было сил. Элинор опустила глаза, с удивлением взглянула на свои босые ноги: только сейчас она осознала, что они, не чувствуя ступеней, преодолели всю высоту лестницы. Минуту она задумчиво смотрела на них, потом вскинула голову и сказала: — Я зашла в библиотеку взять книгу.

2

Это было ужасно, унижительно. За завтраком ночное происшествие не обсуждали, Элинор получила кофе, яйцо и булочку, как все остальные. Ей позволили вместе со всеми посидеть за кофе и обсудить, что сегодня будет погожий день: она уже почти готова была верить, будто ничего не случилось. Люк передал ей джем, Теодора улыбалась из-за Артуровой головы, доктор пожелал доброго утра. Затем, когда в десять вошла миссис Монтегю, все молча, цепочкой прошествовали в будуар, и доктор занял свою лекторскую позицию у камина. На Теодоре был красный свитер Элинор.

— Люк подгонит к крыльцу вашу машину, — мягко сказал доктор. Несмотря на смысл слов, глядел он по-

прежнему дружески и участливо. — Теодора поднимется наверх и уложит ваши вещи.

Элинор хихикнула.

— Это невозможно. Ей тогда нечего будет надеть.

— Нелл... — начала Теодора и поглядела на миссис Монтегю.

Та пожала плечами и сказала:

— Я осмотрела комнату. Естественно. Не понимаю, почему никто из вас этого не сделал.

— Я собирался, — начал оправдываться доктор. — Но я думал...

— Ты все время думаешь, Джон, в этом твоя беда. Естественно, я немедленно осмотрела комнату.

— Комнату Теодоры? — переспросил Люк. — Не хотел бы я снова туда войти.

— Не понимаю почему, — удивленно ответила миссис Монтегю. — Там все полным порядке.

— Я зашла и поглядела на мою одежду, — сказала Теодора доктору. — Она такая же, как была до...

— Естественно, там надо протереть пыль, потому что вы заперли дверь и миссис Дадли не могла...

Доктор повысил голос, перекрикивая жену:

— ...бесконечно жаль. Если я чем-нибудь смогу вам...

Элинор рассмеялась.

— Но я не могу уехать, — сказала она, гадая, как подыскать слова для объяснения.

— Вы достаточно долго здесь были, — произнес доктор.

Теодора посмотрела на нее в упор.

— Мне больше не нужна твоя одежда, — терпеливо растолковала она. — Ты не слышала, что сказала миссис Монтегю? Мне больше не нужна твоя одежда, а даже

была бы нужна, я бы как-нибудь обошлась. Нелл, тебе надо отсюда уехать.

— Но я не могу, — ответила Элинора, смеясь оттого, что это настолько невозможно объяснить словами.

— Сударыня, — торжественно объявил Люк, — мое гостеприимство на вас больше не распространяется.

— Может быть, лучше ее отвезет Артур? Артур позаботится, чтобы она добралась благополучно.

— Добралась куда? — Элинора тряхнула головой и почувствовала, как ее прекрасные густые волосы касаются щек. — Добралась куда? — счастливо повторила она.

— Домой, конечно, — ответил доктор, а Теодора добавила: — К себе домой, Нелл, в свою квартирку, где все твои вещи, — и Элинора рассмеялась.

— У меня нет никакой квартирки, — сказала она Теодоре. — Я ее выдумала. Я сплю на раскладушке у сестры, в детской. Мне совершенно некуда ехать. И я не могу вернуться к сестре, потому что угнала ее машину. — Она рассмеялась, слыша каждое свое слово, такое нелепое и жалобное. — У меня нет дома, — продолжала она, глядя на них с надеждой. — Нет дома. Все мое имущество — в коробке на заднем сиденье автомобиля. Там несколько книг, мои детские вещи и часы, которые я получила от мамы. Так что вам некуда меня отправить.

Конечно, я могу просто ехать и ехать, хотела сказать она, глядя в их испуганные, напряженные лица, просто ехать и ехать, оставив свою одежду Теодоре, я могу пуститься в бездомные скитания и всегда буду возвращаться сюда. Проще сразу оставить меня здесь, хотела объяснить она, проще, разумнее и лучше.

— Я хочу остаться здесь, — сказала она.

— Я уже говорила с вашей сестрой, — важно сообщила миссис Монтегю. — Должна признать, она первым делом спросила про машину. Вульгарная особа. Я ответила, что все в порядке. Ты очень нехорошо поступил, Джон, что разрешил ей угнать машину и приехать сюда.

— Дорогая... — Доктор Монтегю, не найдясь, что сказать, беспомощно развел руками.

— Так или иначе, ее ждут. Сестра говорила со мной очень недовольно, потому что собиралась сегодня уезжать на отдых, хотя какие у нее могут быть претензии ко мне... — Миссис Монтегю сердито взглянула на Элинора. — Думаю, кто-то должен передать ее родным с рук на руки.

Доктор покачал головой.

— Не стоит никому с ней ехать, — медленно произнес он. — Это было бы ошибкой. Элинора надо как можно скорее забыть про этот дом, а присутствие кого-нибудь из нас будет вызывать ненужные ассоциации. Отъехав отсюда, она вновь станет собой. Вы ведь сумеете найти дорогу? — спросил он, и Элинора рассмеялась.

— Я пойду сложу вещи, — сказала Теодора. — Люк, подгони машину к крыльцу, там всего один чемодан.

— Замурованная живьем. — Элинора вновь расхохоталась прямо в их каменные лица. — Замурованная живьем, — повторила она. — Я хочу остаться здесь.

3

Они выстроились на ступенях шеренгой, обороняя дверь. Над их головами Элинора видела смотрящие на нее окна, сбоку уверенно ждала башня. Элинора заплакала бы, если бы придумала, как объяснить им из-за чего; вместо этого она только скорбно улыбнулась дому, глядя на свое окно и спокойный, радостный лик

дома. Он ждет, подумала она, ждет меня, никто другой его не устроит.

— Дом хочет, чтобы я осталась, — сказала она доктору, и тот изумленно вытаращил глаза. Доктор стоял спиной к входу, в напряженной позе, с достоинством, словно ожидал, что Элиноор предпочтет его дому, словно, приведя ее сюда, рассчитывал отправить назад простым повторением инструкций в обратном порядке. Элиноор сказала, честно глядя ему в глаза: — Честное слово, мне очень жаль.

— Доедете до Хиллсдейла.

Доктор говорил бесстрастно, возможно, боялся сказать лишнего или думал, что доброе либо сочувственное слово скрикошетит и заставит ее вернуться обратно. Солнце озаряло холмы, дом, сад, лужайку, деревья и ручей; Элиноор набрала в грудь воздуха и оглядела это все.

— Из Хиллсдейла повернете на шоссе номер пять к востоку, дальше от Эштона по шоссе номер тридцать девять до самого дома. Ради вашей безопасности, — добавил он внушительно, — ради вашей безопасности; поверьте, если бы я это предвидел...

— Мне правда очень жаль, — сказала она.

— Вы же понимаете, мы не можем рисковать. Я только сейчас вижу, какой опасности вас всех подверг. Итак... — Доктор вздохнул и покачал головой. — Запомнили? До Хиллсдейла, а дальше по шоссе номер пять...

— Послушайте. — С минуту Элиноор молчала, гадая, как же им все растолковать. — Я не боюсь, — произнесла она наконец. — Правда не боюсь. Мне хорошо. Я была... счастлива. — Она с жаром взглянула на доктора и повторила: — Счастлива. Не знаю, что сказать. — Она снова испугалась, что расплачется. — Я не хочу уезжать отсюда.

— Это может повториться, — сурово ответил доктор. — Вы понимаете, что мы не вправе идти на такой риск?

Элинор дрогнула.

— Обо мне молятся, — сказала она ни к селу, ни к городу. — Одна старушка, с которой я познакомилась давным-давно.

Доктор нетерпеливо притопнул ногой, однако его голос сохранял спокойствие:

— Вы скоро все забудете. Вам надо забыть Хилл-хаус, забыть полностью. Мне не следовало вас сюда приглашать.

— Сколько мы здесь пробыли? — внезапно спросила Элинор.

— Чуть больше недели. А что?

— Первый раз в жизни со мной что-то происходило. Мне понравилось.

— Вот поэтому-то, — сказал доктор, — вы отсюда и уезжаете так спешно.

Элинор закрыла глаза и вздохнула, чувствуя, слыша и обоняя дом: цветущие кусты за кухней источали сладкий аромат, вода в ручье искрилась на камнях. Далеко наверху, возможно в детской, миниатюрный смерч пронесся над полом, вздымая пыль. В библиотеке подрагивала металлическая лестница, и свет блестел в мраморных глазах Хью Крейна, желтая Теодорина блузка висела в шкафу — чистая и немятая, миссис Дадли накрывала на стол для пятерых. Хилл-хаус наблюдал, заносчивый и высокомерный.

— Я не уеду, — сказала Элинор высоким окнам.

— Вы уедете. — В голосе доктора наконец прорвалось нетерпение. — Прямо сейчас.

Элинор со смехом повернулась и протянула руку.

— Люк, — сказала она, и он молча шагнул к ней. — Спасибо, что помог мне вчера спуститься. Я теперь понимаю, что не должна была туда лезть. А ты поступил очень храбро.

— Точно, — ответил Люк. — Это был величайший подвиг в моей жизни. И я рад, что ты уезжаешь, Нелл, потому что второй раз я туда не заберусь.

— Мне кажется, — сказала миссис Монтегю, — вам надо поспешить. Я не против прощаний, хоть и считаю, что вы придаете этому месту излишнее значение, но у нас есть дела поважнее, чем стоять тут и спорить, когда все прекрасно понимают, что вам надо ехать. Дорога неблизкая, и вы задерживаете сестру с выездом в отпуск.

— Долгие проводы — лишние слезы, — кивнул Артур.

Далеко, в будуаре, с легким шорохом осыпался в камине пепел.

— Джон, — сказала миссис Монтегю, — может быть, все-таки лучше, если Артур...

— Нет, — твердо ответил доктор. — Элинор поедет сама, как приехала.

— А кого мне благодарить за чудесно проведенное время? — спросила Элинор.

Доктор взял ее под руку, подвел к машине и открыл дверцу. Люк следовал в полушаге за ними. Чемодан стоял на полу, коробка по-прежнему лежала на заднем сиденье, плащ и бумажник — на переднем пассажирском; Люк не стал глушить мотор.

— Доктор, — умоляла Элинор, цепляясь за него, — доктор.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Всего доброго.

— Поосторожнее за рулем, — вежливо напутствовал ее Люк.

— Вы не можете так просто меня прогнать! — почти что выкрикнула Элино́р. — Вы меня сюда позвали!

— И я отсылаю вас прочь, — ответил доктор. — Мы не забудем вас, Элино́р, однако сейчас важно одно: чтобы вы поскорее забыли Хилл-хаус и всех нас. Всего доброго.

— Всего доброго! — твердо сказала миссис Монтегю со ступеней, и Артур подхватил:

— Всего доброго! Счастливого пути!

Тогда Элино́р, держась рукой за дверцу, замерла и обернулась.

— Тео? — вопросительно проговорила она, и Теодора сбежала к ней со ступенек.

— Я думала, ты со мною не попрощаешься... Ой, Нелли, моя Нелл, будь счастлива, пожалуйста, будь счастлива. Не забывай меня совсем, когда-нибудь все снова станет хорошо, и тогда ты будешь писать мне письма, а я буду тебе отвечать, мы приедем друг к другу в гости и станем со смехом вспоминать все то, что видели и слышали в Хилл-хаусе... Ой, Нелли, я думала, ты со мной не попрощаешься...

— До свидания, — сказала ей Элино́р.

— Нелли, — робко проговорила Теодора и тронула ее щеку, — послушай... может, может, мы как-нибудь еще встретимся? И устроим пикник у ручья? Мы ведь так и не устроили пикник, — объяснила она доктору, а тот, глядя на Элино́р, только покачал головой.

— До свидания, миссис Монтегю, — сказала Элино́р. — До свидания, Артур. До свидания, доктор. Я надеюсь, ваша книга будет иметь успех. Люк, — сказала она, — до свидания.

— Нелл, береги себя, — попросила Теодора.

— До свидания.

Элинора села в автомобиль, который показался ей каким-то неудобным и непривычным. Я слишком привыкла к уюту Хилл-хауса, подумала она и напомнила себе, что надо помахать в окошко.

— До свиданья! — крикнула Элинора, гадая, есть ли еще для нее другие слова. — До свиданья, до свиданья!

Она неловко — руки все никак не могли уверенно взяться за руль — отпустила сцепление и тронулась с места.

Они послушно махали в ответ, провожая ее глазами. Они будут так стоять, пока я не скроюсь из вида, подумала Элинора, потому что так требует вежливость; и вот я еду. Все пути ведут к свиданью. Но я не уеду, рассмеялась она вслух, Хилл-хаус не так прост, как они; меня нельзя прогнать, просто сказав «катись», если Хилл-хаус хочет, чтоб я осталась. «Уезжай, Элинора, — пропела она. — Уезжай, Элинора, ты нам больше не нужна в нашем Хилл-хаусе, уезжай, Элинора, ты не можешь остаться. А вот и могу, — пела она, — могу, могу, не вы тут командуете. Им меня не выставить, не обсмеять, не спрятаться от меня, не запереться; я не уеду, и Хилл-хаус — мой».

Радуюсь своей внезапной сообразительности, Элинора сильно вдавила педаль газа; они меня не догонят, даже если побегут со всех ног, подумала она, но сейчас-то до них начнет доходить; интересно, кто первый заметит? Наверняка Люк. Теперь я слышу, как они мне кричат, и еще я слышу быстрый топоток в коридоре и тихий звук сжимающих кольцо холмов. Я правда это делаю, думала она, направляя машину прямо в большое дерево на повороте дороге, я правда это делаю, совсем сама наконец-то; это я, и я правда-правда-правда делаю это совсем сама.

В бесконечную, сокрушительную секунду перед тем, как автомобиль врезался в дерево, она подумала отчетливо: Зачем? Зачем я это делаю? Почему никто меня не остановит?

4

Миссис Сандерсон с огромным облегчением узнала, что доктор Монтегю и его гости уехали из Хилл-хауса. «Я бы сама их выставила, — сказала она семейному адвокату, — вырази они желание остаться». Неожиданно раннее возвращение Теодоры было встречено в ее квартире с восторгом; обида давно забылась, осталось только раскаяние. Люк укатил в Париж, и его тетушка горячо надеялась, что он там задержится. Доктор Монтегю отошел от активных научных изысканий после того, как его предварительную статью о парапсихологических феноменах в Хилл-хаусе встретили прохладно, чтобы не сказать пренебрежительно. Сам Хилл-хаус, недремлющий, безумный, по-прежнему стоял на отшибе среди холмов, заключая в себе тьму; он стоял здесь восемьдесят лет и вполне мог простоять еще столько же. Его кирпичи плотно прилегали один к другому, доски не скрипели, полы не гнулись, двери не хлопали; на лестницах и в галереях Хилл-хауса лежала незыблемая тишь, и то, что обитало внутри, обитало там в одиночестве.

МЫ ЖИВЁМ В ЗАМКЕ

Посвящается Паскалю Ковичи

1

Меня зовут Мари Кларисса Блеквуд. Мне восемнадцать лет, и живу я с сестрой Констанцией. Окажись я чуть поудачливей, вполне могла бы родиться оборотнем — у меня, как у них, средний и безымянный пальцы на руках одинаковой длины, — ну да ладно, какая уж есть. Я не люблю умыться, а еще собак и шума. Люблю сестру Констанцию, а еще Ричарда Плантагенета и гриб *Amanita phalloides* — бледную поганку... Других родственников у меня нет — все умерли.

Срок сдачи библиотечных книг, которые стоят на полке в кухне, вышел еще пять месяцев назад; знай я наперед, что книги не придется возвращать, что оставаться им у нас на веки вечные, — выбирала бы придирчивей. Вещи, раз попавшие к нам в дом, переставляются редко: Блеквуды никогда не любили перемен. Мы пользуемся, конечно, бренными предметами — книгами, цветами, ложками, — но зиждется хозяйство лишь на прочных, вечных вещах. Если что возьмем — непременно положим на место. Мы убираем под столами и стульями, под кроватями и картинами, под коврами и лампами, но не сдвигаем их ни на миллиметр; черепажный туалетный прибор у мамы на подзеркальнике незыблем. Блеквуды жили в нашем доме всегда и всегда поддерживали строжайший порядок;

стоило очередному отпрыску привести в дом жену, ее вещам отводилось определенное место; дом наш покоится на многих и многих слоях блеквудской собственности, благодаря этому он выдержал натиск внешнего мира.

Книги из библиотеки я принесла в пятницу, в конце апреля. Пятницы и вторники были ужасными днями: я ходила в поселок — в библиотеку и за продуктами. Констанция не ходила дальше сада, а дядя Джулиан не мог.

Поэтому в поселок дважды в неделю я выбиралась не из гордости и даже не из упрямства, а просто оттого, что хотелось читать и есть. Но, возможно, именно из гордости я заглядывала в кафе к Стелле — выпивала чашку кофе и лишь потом шла домой; я убедила себя, что зайти к Стелле дело чести; как ни хотелось мне домой, я неизменно шла туда; да и заметь Стелла, что я иду мимо, она бы решила, что я боюсь, а такого позора мне не вынести.

— Доброе утро, Мари Кларисса, — говорила Стелла, протирая стойку влажной тряпкой. — Как поживаешь?

— Спасибо, очень хорошо.

— А как поживает Констанция Блеквуд?

— Очень хорошо, спасибо.

— А как *сам*?

— Лучше не бывает. Будьте любезны, черный кофе.

Если кто-нибудь входил и усаживался за стойку, я оставляла кофе недопитым и, нарочито не торопясь, уходила, кивнув Стелле на прощанье. «Будь здорова», — привычно говорила она мне вслед.

Книги в библиотеке я выбирала с толком. Разумеется, и в нашем доме есть книги, две стенки в папином кабинете доверху заставлены книгами, но мне нравятся

сказки и книги по истории, а Констанция любит книги про еду. Дядя Джулиан книг в руки не брал, но любил по вечерам, оторвавшись от своих бумажек, смотреть, как читает Констанция.

— Чго ты читаешь, дорогая? Как это мило: дама с книгой.

— Я читаю «Кулинарное искусство», дядя Джулиан.

— Восхитительно.

Он довольно кивал и умолкал, но ненадолго, и вчитаться по-настоящему нам было трудно; а книги, что стоят сейчас на полке в кухне, ни Констанции, ни мне открыть так и не довелось.

Из библиотеки я вышла погожим апрельским утром, сияло солнце, неверные и чудесные посулы весны ощущались повсюду, они просачивались сквозь поселковую копоть и грязь. Помню, как я остановилась на ступеньках библиотеки с книгами в руках, как глядела на нежную зелень веток на фоне неба и мечтала пройти домой по небу, а не через поселок — об этом я мечтала всегда. Я могла перейти улицу прямо у библиотеки и дойти до продуктовой лавки по другой стороне, но там универмаг и мужчины, что сидят перед входом. В этом поселке мужчины никогда не стареют и вечно сплетничают, зато женщины быстро старятся от пепельной, злой усталости и всегда молча ждут, когда же мужчины сподобятся встать и пойти домой. Еще я могла перейти улицу возле продуктовой лавки, так даже лучше, хотя путь лежал мимо почты и дома Рочестеров; там во дворе валяются груды ржавых железок, сломанные машины, пустые газовые баллоны, старые матрасы, водопроводные краны, умывальники — все, что Харлеры сносят в дом и, по-видимому, искренне любят.

Дом Рочестеров самый красивый в поселке, здесь когда-то была библиотека со стенами орехового дерева, на втором этаже — зал для танцев, а вдоль веранды — заросли роз; здесь родилась наша мама, и по закону дом должен был бы достаться Констанции. Я, как всегда, предпочла идти мимо почты и дома Рочестеров, хотя мне неприятен дом, где родилась мама. Но здесь безопасней: эта сторона по утрам в тени и оттого безлюдна; да и мимо универмага проходишь только раз, на обратном пути, — на два раза меня бы не хватило.

За поселком — на Холмистой улице, на Речной и у Старой горы — выстроили красивые новые дома Кларки, Каррингтоны и им подобные. Чтобы попасть к себе, им тоже приходится ехать через поселок — ведь Главная улица, это, по сути, шоссе, которое пересекает наш штат; но отпрыски Кларков и Каррингтонов учатся в частных школах, еду на их кухни доставляют из больших городов, письма и газеты с поселковой почты им развозят на машине, сами же обитатели Старой горы отправляют письма в городе и стригутся у городских парикмахеров.

Меня всегда потрясает: поселковые, что живут в грязных домишках на шоссе и на Проточной улице, улыбаются, радостно кивают и машут руками, когда мимо едут Кларки и Каррингтоны; стоит Хелен Кларк зайти в продуктовую лавку Элберта за банкой томатного соуса или за кофе, которые позабыла купить ее кухарка, все наперебой говорят: «Доброе утро» — и сообщают, что погода наладилась. Дом Кларков новее, но ничуть не красивее дома Блеквудов. Папа первым привез в дом рояль, прежде в поселке их и не видывали. Каррингтонам принадлежит бумажная фабрика, зато Блеквудам — вся земля от шоссе до реки. Шепарды, что жи-

вут у Старой горы, дали поселку деньги на постройку магистрата; белое со шпилем здание возвели на зеленой лужайке, а перед входом установили пушку. Тогда поговаривали: надо бы сделать в поселке новую размежевку, снести лачуги на Проточной и отстроить весь поселок под стать магистрату, но никто и пальцем не шевельнул — может, боялись, что тогда и Блеквуды вздумают посещать заседания магистрата? Поселковые получают там разрешения на охоту и рыбную ловлю, а раз в год Кларки, Каррингтоны и Шепарды приходят на заседания магистрата и торжественно голосуют за то, чтобы убрать харлеровскую свалку с Главной улицы и скамейки от универсама, — и каждый год поселковые радостно и дружно голосуют против. За магистратом сворачивает налево Блеквудская улица — это дорога домой. Блеквудская улица окружает наши земли, сбоку тянется проволочная ограда, поставленная папой. В ней, неподалеку от магистрата, есть калитка, рядом лежит черный камень; я отпирала калитку, запирала ее за собой и шла через лес домой.

Поселковые издавна нас ненавидели.

* * *

По дороге в магазин у меня была своя игра. Она походила на ребячьи настольные игры, в которых поле делят на клеточки и игроки передвигают по ним фишки, бросая кости; игроков всегда подстерегают опасности: «пропусти ход», «отступи на четыре клетки», «вернись на старт», но если повезет, выпадает «перескочи на три клетки вперед» или «сделай дополнительный ход». Мой путь лежал от библиотеки по Главной улице до лавки и обратно, к черному камню, — тогда я выигрывала. В тот день я стартовала хорошо и без помех одоле-

ла пустынный отрезок Главной улицы; неужели весь день будет удачным? Такое иногда случалось, но чтоб весной, да поутру, — очень редко. Если день окажется удачным, я непременно принесу в жертву кольцо или брошь — в знак благодарности.

Вначале я шла очень быстро, глубоко вдыхала — чтоб не сбиться с ритма — и не оглядывалась; я несла библиотечные книги и сумки для продуктов и смотрела, как двигаются мои ноги: одна за другой, одна за другой, в маминых старых коричневых туфлях. Из окна почты за мной кто-то наблюдал. Мы перестали получать газеты и отключили телефон шесть лет назад — мучения, с ними связанные, были тогда просто нестерпимы, — но стерпеть этот мимолетный взгляд из окна почты я могла: смотрела старушка мисс Даттон, она никогда не гладела в открытую, как другие, всегда — из-за спущенных штор или занавесочек. На дом Рочестеров я не глядела. Невыносимо думать, что тут родилась мама. Интересно, Харлеры знают, что занимают дом, где по праву должна жить Констанция? У них во дворе такой грохот, что мне своих шагов не слышно. Может, Харлерам кажется, что немолчный шум отпугивает злых духов? Или он улаживает их музыкальный слух? Наверно, в доме у Харлеров не лучше, чем во дворе: вместо стульев — старые ванны, вместо стола — остов древнего «форда»; едят они из разбитых тарелок и непрерывно гремят консервными банками, а голоса — точно трубы иерихонские. Возле дома Харлеров на тротуаре всегда грязь и пыль.

Теперь надо перейти улицу — читай «пропусти ход», — я уже стояла прямо против продуктовой лавки. Я всегда нерешительно мялась на обочине, посмешищем для недобрых глаз, а мимо мчались ма-

шины. Большой частью — проходящие, их привело и уведет шоссе, водители таких машин на меня не глядели; зато местную машину я узнавала тут же по быстрому злобному взгляду из-за руля; интересно, спустись я с тротуара — вильнет на меня машина, быстро и будто бы случайно? Просто испугать, посмотреть, как отскочу? И раздастся хохот — отовсюду, со всех сторон: из-за занавески на почте, от универсама, с порога продуктовой лавки, все-все — и мужчины, и женщины — злорадно расхохочутся, глядя, как Мари Кларисса Блеквуд отпрянет в сторону. Порой я пропускала два и даже три «хода», прежде чем перейти: дожидаясь, пока дорога в обоих направлениях совсем рассчитается.

Посреди улицы тень кончилась, и я попала под яркое, обманчивое апрельское солнце; к июлю поверхность дороги размягчится от жары, ноги будут увязать, и переходить улицу станет еще опасней. «Мари Кларисса Блеквуд попала под машину при попытке высвободить ногу, увязшую в асфальте», — «вернись на старт и начни игру заново». И дома к июлю станут еще отвратительней. Вообще, в нашем поселке нерасторжимы место, время и стиль, будто здешнему люду не обойтись без уродливых хибар, будто уродство у них в крови. Кажется, дома и магазины сколочены с презрительной поспешностью — поскорей прикрыть скудость и мерзость; а дома Рочестеров и Блеквудов и даже магистрат точно ветром занесло из далекой чудесной страны, где живы лад и красота. А вдруг эти дивные дома попали в плен, в отместку Рочестерам и Блеквудам за их жестокие сердца, да так и остались пленниками поселка и теперь гниют медленно и необратимо, и распад их являет убожество селян? Вдоль Главной улицы вереница

лавок и магазинчиков, все — неизменного тускло-серого цвета. Над ними, по второму этажу, тянется ряд безжизненных блеклых занавесок — там живут владельцы магазинов. В этом поселке любой всплеск цвета обречен на поражение. И уж, конечно, не Блеквуды наслали порчу на поселок — таковы здешние жители, и это единственное достойное их место.

Подходя к магазинам, я всегда думала о гнили, о черной мучительной гнили, гложущей изнутри всё и вся. Пускай тут всё сгниет!

У меня был список — что покупать. Констанция составляла его каждый вторник и пятницу перед тем, как мне выходить из дома. Народ в поселке злился, что у нас всегда вдоволь денег и мы можем купить все, что хотим; конечно, все наши деньги мы из банка забрали, и люди наверняка твердят теперь об этих деньгах, припрятанных прямо в доме, точно мы с Констанцией и дядей Джулианом сидим вечерами среди груд золота, позабыв про библиотечные книги, играем с монетами, ласкаем их, зарываем в них руки по локоть, пересчитываем, раскладываем на кучки и снова рассыпаем — веселимся как можем, запершись на все замки. Я уверена, что в поселке множество гнилых душ алчет добраться до наших златых гор, но народ труслив и боится Блеквудов. В лавке я вместе со списком доставала кошелек, чтобы Элберт знал — деньги у меня есть — и не посмел отказать в продуктах.

Сколько бы народу ни было в лавке, меня обслуживали мгновенно; мистер Элберт или его бледная скупердяйка-жена спешили подать мне все, что попрошу. Иногда на каникулах им помогал в лавке старший сын, тогда они спешили вдвойне, чтобы ему не пришлось меня обслуживать. Однажды какая-то девчуш-

ка, не поселковая, разумеется, подошла ко мне совсем близко, и миссис Элберт ее оттащила, да так грубо, что девочка вскрикнула. Воцарилось долгое молчание; нарушила его в конце концов сама миссис Элберт: «Желаете еще чего-нибудь?»

Когда поблизости были дети, я старалась не двигаться и не дышать — я их боялась. Боялась: вдруг дотронутся до меня, и тут же налетят мамы, точно стая когтистых коршунов; мне всегда виделась именно такая картина: птицы тучей налетают сверху, клюют и рвут острыми как нож когтями. Сегодня Констанция составила очень длинный список, но детей в лавке, к счастью, нет, да и женщин не так уж много; «дополнительный ход», — подумала я и поздоровалась с мистером Элбертом.

Он кивнул в ответ: совсем не поздороваться не мог, но женщины в лавке глаз с него не спускали. Даже отвернувшись, я спиной чувствовала, как застыли они: кто с консервной банкой, кто с неполным пакетом печенья или пучком салата в руках, — ждали, пока за мной закроется дверь, тогда снова зажурчит их болтовня. Где-то среди них затаилась и миссис Донелл, я заметила ее, когда входила; неужели снова меня поджидает? Миссис Донелл всегда норовила что-нибудь сказать, она из тех немногих, кто непременно заговаривал.

— Запеченную курицу, — сказала я мистеру Элберту; в другом конце лавки его скупердяйка-жена открыла холодильник и, вынув курицу, принялась заворачивать.

— Баранью ножку, — продолжала я. — Дядя Джулиан обожает по весне запеченную баранину. — Тут я явно переборщила: люди в лавке изумленно ахнули. Вы скажи я все пожелания — бросились бы врассыпную, точно кролики, но зато потом, на улице, подстерегали бы все как один.

— Пожалуйста, луку, — вежливо сказала я мистеру Элберту, — кофе, хлеба, муки. Грецких орехов и сахара — у нас почти не осталось.

Где-то за моей спиной раздался приглушенный смех; мистер Элберт глянул туда и снова — на продукты, которые выкладывал на прилавок. Скоро миссис Элберт добавит сюда сверток с курицей и мясом, мне нет нужды оборачиваться.

— Молока, сливок, масла. — Шесть лет назад Харрисы перестали доставлять нам молочные продукты, и я покупала молоко и масло в лавке.

— И еще яиц. — Констанция забыла внести яйца в список, но дома оставалось всего два.

— Коробочку ореховой карамели. — Вечером дядя Джулиан вволю пощелкает, похрустит, весь перемажется и, покуда не расправится с последней конфетой, спать его не уложишь.

— Блеквуды всегда любили богато поесть, — прозвучал сзади голос миссис Донелл. Кто-то хихикнул, кто-то шикнул. Я и головы не повернула: хватит того, что они толпятся за спиной, нечего смотреть в их ненавидящие глаза на серых, стертых лицах. Чтоб вы все сдохли! Как же мне хотелось произнести это вслух. Констанция говорила: «Делай вид, что тебе наплевать. Обратишь внимание — только хуже будет», — наверно, она права, но все же — чтоб вы все сдохли! Вот было бы здорово: прихожу однажды утром в лавку, а они — все до единого, даже Элберты и дети, — кричат от боли, корчатся на полу и умирают у меня на глазах. А я переступаю через их тела, беру с полка все, что пожелаю, и, пнув напоследок миссис Донелл, отправляюсь домой. Я никогда не стыдилась этих мечтаний и хотела только одного: чтобы они сбылись. «Ненависть — чувство вред-

ное, — говорила Констанция, — оно точит силы», но я все равно ненавидела и удивлялась, зачем Богу вообще понадобилось создавать этих людишек.

Мистер Элберт разложил мои покупки на прилавке и ждал, глядя мимо меня, в сторону.

— На сегодня все, — сказала я. Он, так и не взглянув на меня, записал на листке цены, подсчитал сумму и передал мне листок: я всегда проверяла — не обманул ли. Я пересчитывала очень тщательно, не упуская малейшей возможности досадить им, но, увы, он ни разу не ошибся. Продуктов набралось две сумки, и — делать нечего — придется тащить их на своем горбу. Даже согласись я принять помощь, помочь мне никто бы не вызвался.

«Пропусти два хода». Нагруженная покупками и библиотечными книгами, я еле плетусь, а дорога лежит мимо универмага в кафе Стеллы. На пороге лавки я помедлила: хотелось найти какую-то мысль, зацепку, чтоб охранила и помогла в пути. За моей спиной уже зашевелились, захекали. Вот-вот заговорят снова; а Элберты небось таращатся друг на друга с дальних концов лавки и с облегчением вздыхают. Я нацепила на лицо ледяную маску. Буду думать, как мы станем обедать в саду. Я шла, глядя прямо под ноги, — мамины коричневые туфли шагали: раз-два, раз-два, — а мысленно расстилала на столе зеленую скатерть и несла в сад желтые тарелки и белое блюдо с клубникой. Да-да, желтые тарелки! — а на меня глазели мужчины возле универмага, — и дяде Джулиану достанется вкусное яйцо всмятку, и он будет обмакивать в него гренки, и я напому Констанции: пусть набросит дяде Джулиану шаль на плечи, ведь еще холодно, зима только-только кончилась. Не оборачиваясь, чувствую, как тычут

в меня пальцами и ухмыляются. Чтоб вы сдохли, а я пройду по вашим трупам! Ко мне обращались редко, судачили меж собой. «Вон блеквудская девчонка идет, — глумливо пищал один. — Девушка Блеквуд с ихней фермы». — «Да, жаль Блеквудов, — говорил кто-то едва слышно. — И девочек жаль». — «Отличная у них ферма, — завистливо говорили они. — К ней бы руки приложить — враз разбогатеешь». — «Разбогатеешь, коли не помрешь сперва: чтоб там сеять, три жизни иметь нужно, зато из земли все само прет». — «Сидят на земле, точь-в-точь собаки на сене». — «Разбогатеть — раз плюнуть». — «Жаль девчонок». — «На земле у Блеквудов любая чертовщина вырастет».

Я шагаю по их трупам, мы обедаем в саду, и на плечах у дяди Джулиана шаль. Сейчас надо держать сумки покрепче: однажды, недоброй памяти утром, я уронила сумку именно тут: разбились яйца, пролилось молоко, и я подбирала что могла, а люди что-то злорадно кричали. Я твердила себе: что бы ни случилось — не убегай; я лихорадочно запихивала банки и коробки в сумку, сгребала рассыпанный сахар и твердила себе: только не убегай.

На тротуаре перед Стеллиным кафе была трещина, прямая, точно указательный палец. Была она там испокон века. Другие отметины обезобразили поселок на моей памяти: когда я училась в третьем классе, строили магистрат и Джонни Харрис отпечатали свою пятерню на бетонном цоколе, а сын Мюллера нацарапал свои инициалы на библиотечном крыльце. Но трещина перед кафе была испокон века, да и само кафе стояло столько же. Я помню, как каталась тут на роликах, стараясь не попасть в трещину, а то — я так загадала — маме головы не сносить; помню, как мчала здесь на велосипеде,

а волосы мои развевались по ветру; поселковые нас в те времена еще терпели, хотя папа всегда считал их отребьем. Мама однажды сказала, что помнит трещину с детства, когда жила еще в доме Рочестеров; значит, когда они с папой поженились и она переехала к Блеквудам, трещина уже была; я думаю, что трещина, словно указующий перст, была здесь с незапамятных времен — с тех пор, как воздвигли поселок из серой лежалой древесины и уродливые люди со злобными лицами возникли из мерзкого ниоткуда и поселились тут навсегда.

Когда у Стеллы умер муж и ей выплатили страховку, она купила кофеварку и заменила старую стойку мраморной, иных перемен в заведении не происходило, сколько я себя помню; когда-то мы с Констанцией заходили сюда после уроков — потратить карманные деньги и купить папе газету; теперь уж мы газет не покупаем, а Стелла по-прежнему продает газеты, журналы, грошовые леденцы и блеклые открытки с изображением магистрата.

— Доброе утро, Мари Кларисса. Как поживаешь? — сказала Стелла; я села у стойки, поставив сумки на пол; порой мне хотелось пощадить Стеллу — одну из всех, — когда они начнут умирать по моему велению; Стелла в сравнении с ними казалась даже доброй; кроме того, она сохранила хоть какую-то окраску. Была она кругленькой и розовой и носила яркие ситцевые платья, они блекли не сразу под стать всему вокруг, а сохраняли, пусть совсем недолго, свой цвет.

— Спасибо, очень хорошо.

— А как поживает Констанция Блеквуд?

— Очень хорошо, спасибо.

— А как *сам*?

— Лучше не бывает. Будьте любезны, черный кофе.

На самом деле я люблю кофе с сахаром и сливками, чтоб не горчил, но я заходила к Стелле из гордости, значит — никаких поблажек.

Если кто-нибудь появлялся в кафе, я поднималась и тихонько уходила; но случались и неудачные дни. В то утро, не успела Стелла поставить передо мной чашку, на пороге возникла тень, и Стелла, взглянув туда, сказала: «Доброе утро, Джим». Она перешла к другому концу стойки — видно, надеялась, что он сядет там, а я смогу незаметно уйти, но не тут-то было. Пришел Джим Донелл — мне определенно не везло. Вообще-то все поселковые на одно лицо, но некоторых я запомнила и могла ненавидеть прицельно; Джим Донелл с женой из их числа; они ненавидели нас неистово, а остальные — из тупой, стародавней привычки. Эти остальные прошли бы к Стелле в конец стойки, но Джим Донелл направился прямо ко мне и сел рядом, как можно ближе: он явно решил испортить мне утро.

— Поговаривают, вы уезжаете. — Он повернулся на стуле: хотел взглянуть на меня в упор.

Сел бы подальше! Стелла прошла к нам за стойкой; ну пусть, пусть Стелла попросит его подвинуться — я спокойно выберусь и возьму сумки, и не придется протискиваться мимо Джима Донелла.

— Поговаривают, вы уезжаете, — повторил он значительно.

— Нет, — ответила я, поскольку он ждал ответа.

— Странно. — Он взглянул на Стеллу и снова на меня. — Могу поклясться, кто-то сказал мне, что вы уезжаете.

— Нет, — повторила я.

— Джим, тебе кофе? — спросила Стелла.

— И кто это брякнул, что они уезжают, а, Стел? Кому такое в голову пришло, раз они вовсе не уезжают? — не унимался он. Стелла укоризненно покачала головой, но еле сдержала улыбку. Я опустила глаза: мои руки теребили бумажную салфетку на коленях — отрывали уголки; усилием воли я успокоила руки и задумала, как увижу клочок бумаги, вспомню, что нужно быть добрее к дяде Джулиану.

— Ума не приложу — как эти сплетни расползаются? — произнес Джим Донелл. Когда-нибудь Джим Донелл сдохнет; может, у него внутри уже завелась гниль, которая его погубит. — Ну где еще сыщешь таких сплетников? — спросил он Стеллу.

— Не трогай ее, Джим, — сказала Стелла.

А дядя Джулиан совсем старый, и он умирает, умирает неотвратно; он умрет прежде Джима Донелла, прежде Стеллы, прежде всех. Бедный, старый дядя Джулиан умирает, и я твердо решила быть к нему добрей. И сегодня мы устроим на лужайке праздничный обед. Констанция принесет шаль, накинёт ему на плечи, а я буду валяться на траве.

— А я никого и не трогаю, Стел. Разве я кого трогаю? Просто спрашиваю мисс Мари Клариссу Блеквуд, правду ли говорят в поселке, будто она и ее старшая сестрица от нас уезжают. Куда подальше. Насовсем. — Он помещивал сахар в чашке; краешком глаза я следила, как кружится и кружится ложечка, и мне хотелось смеяться. Отчего-то было до нелепого глупо: ложечка кружится, а Джим Донелл говорит. Интересно, протяни я руку и останови ложечку — замолчит он? Возможно, и замолчит, мудро рассудила я, возможно, он попросту выплеснет кофе мне в лицо.

— Куда подальше, — повторил он печально.

— Перестань! — попросила Стелла.

Отныне я стану внимательно слушать рассказ дяди Джулиана — всегда. И я несу ему ореховой карамели — это очень, очень хорошо.

— А я-то загрустил, — продолжал Джим Донелл, — негоже поселку терять одно из лучших семейств. Очень печально. — Он резко повернулся, поскольку на пороге появился новый посетитель; я смотрела на свои руки на коленях, на дверь не оглядывалась, но Джим Донелл сказал: «Привет, Джо», и я поняла, что это плотник Данхем.

— Джо, ты только вообрази! Весь поселок твердит, что Блеквуды уезжают, а вот мисс Мари Кларисса Блеквуд говорит — ничего подобного.

Все замолчали. Данхем, должно быть, нахмурился и переводил взгляд с Джима на Стеллу и на меня, пытаясь уразуметь смысл каждого слова.

— Правда, что ли? — произнес он наконец.

— Слушайте, вы, оба, — начала было Стелла, но Джим Донелл перебил ее; он говорил, сидя ко мне спиной и вытянув длинные ноги — не обойти, не выбраться:

— Я только сегодня объяснял людям, как плохо, когда нас покидают старожилы. Хотя, по правде сказать, большинство Блеквудов нас уже покинули. — Он засмеялся и хлопнул ладонью по стойке. — Покинули, — повторил он. Ложечка в его чашке уже не кружилась, а он все говорил. — Поселок теряет свое лицо, когда уезжают старожилы. А кой-кому может показаться, будто их вытурили, — медленно произнес он.

— Верно, — сказал Данхем и засмеялся.

— Подумают, вытурили с распрекрасных земель с оградками, и тропинками, и роскошной жизнью. — Он никогда не останавливался, пока не уставал. Вознаме-

рившись что-то сказать, он повторял это снова и снова, обсасывал и так и сяк; у него, очевидно, было не так уж много задумок, и каждую приходилось выжимать до последней капли. Кроме того, собственные мысли с каждым повтором веселили его все пуще, теперь завелся — не остановишь, пока не заметит, что оказался без слушателей. Для себя я решила: никогда ни о чем не думай больше одного раза, — и спокойно сложила руки на коленях. «Я живу на Луне, — сказала я себе, — живу в домике на Луне совсем одна».

— Что ж, — продолжал Джим Донелл, от которого к тому же шел дурной запах, — буду всем рассказывать, что прежде знал Блеквудов. Лично мне они ничего такого не сделали, лично со мной они были крайне не вежливы. Правда, к обеду меня не приглашали, чего не было, того не было, — засмеялся он.

— Уймись, — сказала Стелла резко. — На ком другом язык-то точи.

— На ком это я язык точу? Я что, по-твоему, к ним на обед напрашивался? Я что, сбрендил?

— И мне есть что рассказать, — вступил Данхем. — Чинил раз у Блеквудов крыльцо, а мне так и не заплатили. — Он говорил правду. Констанция тогда послала меня сказать, что по плотницкой расценке ему не заплатит: криво прибить сырую доску — дело нехитрое; его же просили, чтоб ступенька получилась как новенькая. Я вышла и сказала, что мы платить не будем; он ухмыльнулся, сплюнул, поднял молоток, вовсе отодрал доску и, отшвырнув ее, сказал: «Чините сами». Потом залез в свой грузовичок и укатил.

— Так и не заплатили, — повторил он.

— Бог с тобой, Джо, это просто недосмотр. Немедленно пойдя к мисс Констанции Блеквуд, и она отва-

лит тебе все, что причитается. Но если тебя пригласят к обеду, Джо, будь тверд и откажись.

Данхем рассмеялся:

— Еще не хватало у них обедать. Только вот ступеньку я им чинил, и мне так и не заплатили.

— Странно, — сказал Джим Донелл. — Дом чинят, а сами уезжать собираются.

— Мари Кларисса, — Стелла подошла ко мне. — Иди-ка ты домой. Слезай со стула да иди домой. Пока ты здесь, покоя не жди.

— А вот это верно замечено, — подхватил Джим Донелл. Но под взглядом Стеллы он убрал ноги с прохода и дал мне пройти. — Так что, мисс Мари Кларисса, вы только покричите! Мы все сбежимся и вмиг ваши вещички упакуем. По первому слову, Маркиска.

— А сестрице от меня передайте, — начал было Данхем, но я поспешила уйти; оказавшись на улице, услышала за собой громкий смех, смеялись все: и Джим Донелл, и Данхем, и Стелла.

У меня на Луне чудесный домик с камином и садиком (что может вырасти на Луне? Надо спросить Констанции), и я обязательно буду обедать в саду на Луне. Всё на Луне ярких, непривычных цветов; пусть домик будет лазурным. Ноги мои в коричневых туфлях мерно двигались — левая, правая, левая, правая, — а сумки с продуктами тихонько покачивались в такт; у Стеллы я побывала, осталось только миновать магистрат; там в эту пору пусто, лишь какие-то людишки выписывают справки владельцам собак, да сдирают налог с проезжих водителей, да рассылают счета за воду, канализацию и мусоропровод, да штрафуют за костры и рыбную ловлю; людишки эти сидят глубоко во чреве магистрата и согласно скрипят перьями; их мне бояться нечего — разве что задумаю

половить рыбу в запретное время. Я ловлю алых рыбок в лунных реках... И вдруг я заметила мальчишек Харрисов: они сидели во дворе перед домом и шумно ссорились с пятью соседскими мальчишками. Я заметила эту шайку, обогнув магистрат, и было еще не поздно повернуть и пойти другой дорогой — по шоссе до протоки, а там, за протокой, как раз наша тропинка, — но я и так задержалась, да и далекий это путь с такими тяжелыми сумками, к тому же неприятно идти вброд в маминых коричневых туфлях... «Я живу на Луне», — подумала я и прибавила шаг. Они увидели меня сразу. Чтоб вы сдохли, чтоб вы сгнили, чтоб валялись в корчах и истошно кричали, чтоб извивались и стонали у моих ног!

— Маркиса! — закричали они. — Маркиса, Маркиса! — и все как один облепили забор.

Их, верно, обучили родители — все эти Донеллы, Данхемы, Харрисы поганые; небось проводили им спевки, старательно учили, голоса ставили — иначе откуда бы такой слаженный хор?

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?

Нет, — ответила Маркиса. — Ты подсыпешь яду!

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — не пора ли спать

Где скелет гремит костями — там твоя кровать.

Я не понимаю их языка: на Луне мы говорим тихонько, будто журчим; мы поем при свете звезд и глядим сверху на мертвый, высохший мир; вот ползабора уже позади.

— Маркиса! Маркиса!

— А где старушка Конни? Обед стряпает?

— Хочешь мармеладу?

Удивительно: я спрятала душу глубоко-глубоко, шла вдоль забора и ровно и строго, нарочито неспешно переставляла ноги, а душа моя затаилась. Они глазели —

я это чувствовала, даже слышала их голоса, даже видела их, а душа моя была глубоко. Чтоб вы все сдохли!

— Где скелет гремит костями — там твоя кровать!

— Маркиска!

Однажды, когда я проходила здесь, на крыльцо вышла мать Харрисов: ей, видно, любопытно стало — чего это детки разорались. Она стояла там, смотрела, слушала, и я остановилась против нее, поглядела прямо в пустые, выцветшие глаза; я знала — заговаривать нельзя, но знала, что не удержусь. «Неужели вы не можете их приструнить? — спросила я в тот день, надеясь, что не все еще умерло у нее в душе; может, и ей доводилось бегать по траве, разглядывать цветы, радоваться и любить. — Неужели вы не можете их приструнить?»

— Детки, не обзывайте тетю, — произнесла она, но ничто в ней не дрогнуло, она продолжала получать свое убогое удовольствие. — Не обзывайте тетю.

— Хорошо, мама, — послушно отозвался один.

— К забору не подходите, тетю не обзывайте.

И я пошла дальше: они все орали и верещали, а женщина стояла на крыльце и смеялась.

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?

Нет, — ответила Маркиса. — Ты подсыпешь яду!

Чтоб у них языки сгорели — сгорели в жарком пламени, и глотки чтоб сгорели сейчас, когда они изрыгают эти слова, и кишки чтоб у них обуглились в мучениях, точно на сотнях костров.

— Прощай, Маркиса! — закричали они, когда я дошла до конца забора. — И больше не приходи.

— Прощай, Маркиса! Привет Конни!

— Прощай, Маркиса! — Но я уже дошла до черного камня — там калитка и тропинка к дому.

2

Чтобы отпереть ворота, сумки пришлось поставить на землю; замок был совсем простой, висячий, такой за- просто собьет любой мальчишка, но на калитке висела табличка: ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ. ПРОХОДА НЕТ, — и дальше никто не шел. Таблички, ворота и замок появились, когда папа перекрыл тропинку; прежде все сокращали путь до шоссе — шли по тропинке из поселка к автобусной остановке мимо нашего дома, так короче метров на четыреста. Но мама терпеть не могла, когда шастают взад-вперед возле дома, и вскоре после женитьбы папе пришлось перекрыть тропинку и обнести оградой все земли Блеквудов — от шоссе до протоки. Другой конец тропинки — туда я ходила редко — упирался в ворота, на них тоже был висячий замок и табличка: ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ. ПРОХОДА НЕТ. Мама говорила: «Для простого люда существует шоссе, а мой дом — для меня».

Наши гости, заранее приглашенные, подъезжали к дому по аллее, она тянулась от ворот, выходивших на шоссе, до парадного входа в дом. В детстве я, бывало, лежала у себя в спальне, в глубине дома, и представляла площадку перед входом оживленным перекрестком: по аллее туда-сюда разъезжают достойные люди, опрятные и богатые, разодетые в шелка и кружева, им к нам в гости можно; а по тропинке снуют жители поселка — украдкой, воровато оглядываясь, подобострастно уступая дорогу. «Им сюда не проникнуть, — убеждала я себя, а в темноте на потолке качались черные тени деревьев, — им сюда не проникнуть, тропинка закрыта навсегда». Иногда я доходила до ограды и, прячась за кустами, смотрела, как люди тянутся из поселка к оста-

новке прямо по шоссе. Насколько я знаю, никто и никогда не пытался пройти по тропинке с тех пор, как папа запер калитку и ворота.

Я втащила сумки, и тщательно заперла калитку, и замок подергала — держит ли? Теперь я в безопасности. Тропинка вилась в сумраке: когда папа стал тут хозяином, блеквудские земли пришли в запустение, деревья, кусты, травы разрослись привольно, зелень стоявшая стеной везде, кроме большой поляны да сада с огородом, превратилась в густые заросли, и никто, кроме меня, не ведал тайных путей. Я шла по тропинке легко — я уже дома, и мне знаком каждый куст, каждый поворот. Констанция знает названия всех растений, мне же довольно знать, как и где они растут, знать, что они преданно укроют меня от любой опасности. На тропинке только мои следы: в поселок и обратно. За поворотом могли попасться и следы Констанции — она иногда выходила мне навстречу, но в основном ее следы в саду и в доме. Сегодня она встречала меня на краю сада — я увидела ее, как только свернула: стоит на фоне дома, освещенная солнцем. И я побежала навстречу.

— Маркиска, — улыбнулась она. — Гляди, как я сегодня далеко зашла.

— Слишком далеко, — сказала я. — Не успеешь оглянуться — ты и в поселок за мной увяжешься.

— Может, и схожу как-нибудь.

Она просто дразнится... Но я похолодела и вымученно засмеялась:

— Тебе там не шибко понравится. Ну-ка, не ленись, возьми хоть одну сумку. А где мой кот?

— Ты же опоздала, вот он и принялся бабочек гонять. Ты яйца купила? Я забыла написать.

— Купила-купила. Давай устроим обед на лужайке.

В детстве я свято верила, что Констанция — сказочная принцесса. И все пыталась ее нарисовать: с длинными золотыми локонами и синими-синими — аж грифель крошился — глазами; на каждой щеке — ярко-розовое пятнышко; я всегда удивлялась своим рисункам: Констанция и впрямь была именно такая, даже в самые трудные времена — розово-бело-золотистая, — и ничто не могло ее затмить. В моем мире и по сей день Констанция — самая дорогая драгоценность. Я пошла следом за ней, по мягкой траве, мимо выращенных ею цветов, а из цветов возник мой кот Иона и увязался за нами.

Констанция уже стояла в высоком проеме парадных дверей, я поднялась по ступеням, положила сумки на стол в огромной прихожей и заперла двери. Мы не откроем их до вечера — наша жизнь протекает в задней части дома, на лужайке и в саду, туда не проникнет никто. Фасад сурово и негостеприимно глядит на шоссе и на поселок, он нас надежно укроет. Порядок мы поддерживаем во всем доме, но крутимся в основном на кухне — только спим наверху, а дядя Джулиан и спит в теплой комнатухе возле кухни; все наши окна выходят на широкую чудесную лужайку, на любимый каштан и цветы Констанции; чуть подальше начинаются сад и огород — тут Констанция возится целыми днями, а еще дальше, за деревьями, — протока. И если мы сидим на лужайке за домом, нас ниоткуда не видно.

Дядя Джулиан восседал за огромным письменным столом и копался в своих бумажках; я сразу вспомнила, что обещала быть к нему добрее.

— Ты разрешишь дяде Джулиану поесть ореховых карамелек? — спросила я Констанцию.

— После обеда, — Констанция бережно вынимала покупки из сумки; любая еда ценилась ею чрезвычайно, к продуктам она прикасалась осторожно и уважительно. Меня же к еде не подпускала, мне не разрешалось ни готовить, ни собирать грибы, лишь иногда я приносила овощи с огорода и рвала яблоки со старых яблонь.

— Сегодня делаем плюшки, — Констанция говорила нараспев, почти пела от радости: она раскладывала продукты. — Дяде Джулиану дадим яйцо всмятку, плюшку и немножко пудинга.

— Вкуснота, — сказал дядя Джулиан.

— Маркисе приготовим что-нибудь солененькое, питательное, но не жирное.

— Иона поймает мне мышку, — шепнула я коту, примостившемуся у меня на коленях.

— Я всегда так рада, когда ты приходишь из поселка. — Констанция взглянула на меня и улыбнулась. — И потому, что еду приносишь. И потому, что скучаю.

— А я-то как счастлива, когда прихожу из поселка.

— Очень было тяжело? — Она легонько провела пальцем по моей щеке.

— Тебе незачем знать.

— Я тоже когда-нибудь пойду в поселок. — Она заговорила об этом уже второй раз — и я снова похолодела.

— Констанция, — произнес дядя Джулиан. Он взял со стола обрывок бумаги, внимательно посмотрел на него и нахмурился. — У меня нет никаких данных, выкурил ли твой отец сигару в то утро.

— Ну конечно, он всегда курил в саду по утрам, — сказала Констанция. — Твой котище ловил рыбу в протоке, — обратилась она ко мне, — и вернулся весь в грязи. — Она сложила сумку и убрала ее в ящик для сумок,

потом расставила на полке библиотечные книги — тут им суждено остаться навсегда. Нам с Ионой отводилось место в уголке, чтоб не мешали Констанции готовить; мы замирали: любо-дорого смотреть, как она порхает в лучах солнца.

— Сегодня день Хелен Кларк, — сказала я. — Не страшно тебе?

Констанция обернулась с улыбкой:

— Ничуть. И вообще, мне гораздо лучше. А к чаю приготовлю пирожные с ромом.

— А Хелен Кларк как завопит да как стрескает все до одного.

Даже теперь у нас с Констанцией оставался узкий, круг знакомых — они изредка навевались на собственных машинах и подкатывали к дому по аллее. Хелен Кларк приезжала на чай по пятницам, а по воскресеньям по дороге из церкви заглядывали то миссис Шепард, то миссис Раис, то старуха Кроули: они сокрушались, что мы опять пропустили чудесную проповедь. Ответных визитов мы не наносили, но они приходили регулярно, отсиживали несколько минут — как подобает; иногда приносили цветы из своих садов, книги или ноты — пусть Констанция попробует сыграть эту вещицу на арфе; разговаривали церемонно, смеялись приглушенно и неизменно приглашали нас к себе, хотя знали, что мы не придем. С дядей Джулианом они были обходительны, терпеливо выслушивали его речи, а нам предлагали покататься на машине и называли себя нашими друзьями. Между собой мы с Констанцией поминали их обычно добрым словом: они ведь искренне верили, что их визиты нам в радость. По тропинке они не ходили. Иногда заглядывали в сад: сестра показывала им чудесную новую клумбу или срезала для них че-

ренко розы, — но ни на шаг от нее не отходили; потом садились в свои машины у парадных дверей и отбывали по аллее через ворота. Несколько раз приезжали мистер и миссис Каррингтоны — узнать, как мы справляемся; мистер Каррингтон был когда-то папиным близким другом. В дом они никогда не входили, от угощения отказывались — просто подъезжали к парадному входу и разговаривали, не выходя из машины, очень недолго. «Как вы справляетесь? — всегда спрашивали они, переводя взгляд с Констанции на меня и снова на Констанцию. — Как же вы справляетесь совсем одни? Может, вам чем-нибудь помочь? Не стесняйтесь, просите. Как вы справляетесь?» Констанция всегда уговаривала их пройти в дом: нам в детстве внушили, что держать гостей у порога — дурной тон, но Каррингтоны в дом не шли.

— Интересно, — сказала я, вспомнив о них, — если я попрошу у Каррингтонов лошадь, мне подарят? Я б каталась по большой поляне верхом.

Констанция повернулась и, нахмурясь, долго глядела на меня.

— Ты не попросишь, — проговорила она наконец. — Мы ни у кого ничего не просим. Запомни.

— Да я шучу, — сказала я, и она опять заулыбалась. — И нужен-то мне на самом деле крылатый конь. Мы бы с ним катали тебя на Луну и обратно.

— А помнишь, как ты мечтала завести грифона? — сказала она. — Ладно, мисс Бездельница, бегите-ка накрывать на стол.

— В тот последний вечер они ужасно ссорились, — произнес дядя Джулиан. — Она говорила: «Я не потерплю, я не вынесу этого, Джон Блеквуд», а он говорил: «У нас нет другого выхода». Я, разумеется, подслуши-

вал у двери, но подошел слишком поздно и не понял, о чем речь. Наверно, опять о деньгах.

— Но они жили вполне мирно, — сказала Констанция.

— Да, они были предельно вежливы друг с другом, племянница; вероятно, это ты и принимаешь за мирную жизнь, но не дай нам Бог такого мира. Мы с женой всегда предпочитали поорать друг на друга вволю.

— Не верится, что уже шесть лет прошло, — сказала Констанция. Я взяла желтую скатерть и отправилась на лужайку накрывать на стол, а Констанция за спиной у меня сказала дяде Джулиану: — Иногда кажется, все отдам — только бы их вернуть.

* * *

Мне в детстве верилось: вот вырасту большая и дотянусь до самого верха окон у мамы в гостиной. Окна огромные — стекло снизу доверху; дом замыслили как летний, но зимнего пристанища у нас так и не появилось, и поэтому папа установил отопление; по закону нам должен был достаться дом Рочестеров в поселке, только нам его не видать никогда. Окна в гостиной занимают всю стену — от пола до потолка; до верха я так ни разу и не дотянулась; голубые шелковые занавески больше четырех метров длиной — мама неизменно сообщала об этом гостям. В гостиной два больших окна, два таких же высоких в столовой — напротив, через прихожую. Все фасадные окна снаружи кажутся узкими, а дом благодаря им представляется мрачным и высоким — выше, чем на самом деле. В самой же гостиной чудесно. Мама привезла в приданое стулья с золочеными ножками, здесь стояла ее арфа, и комната сияла бли-

ками зеркал и стекол. Нам с Констанцией удавалось посидеть там только по пятницам, когда к чаю приезжала Хелен Кларк, но содержим мы все в идеальном порядке. Констанция моет окна и забирается на стремянку, чтобы достать до самого верха; мы протираем фигурки из дрезденского фарфора, которые стоят на камине; я накидываю на щетку тряпку и смахиваю пыль с лепнины; лепнина кудрявится по потолку, точно крем по свадебному пирогу: фрукты, листья, ленты с бантиками, а из них выглядывают купидончики; я пчусь вдоль стен, глядя вверх, голова кружится, Констанция подхватывает меня, и мы весело смеемся. Потом натираем полы и подштопываем обивку с выпуклым узором роз на стульях и кушетках. Золотой волан венчает высокие окна, а золотой орнамент обрамляет камин. В гостиной висит мамин портрет. «Я не потерплю беспорядка в моей чудесной комнате», — говаривала мама, и нас с Констанцией раньше туда вообще не пускали, а теперь у нас тут все сияет и блестит.

Мама всегда накрывала чай своим гостям на низеньком столике возле камина, теперь здесь устраивалась Констанция. Она садилась на розовый диван под портретом мамы, а я — в угол, на стульчик. Мне доверяли разносить чашки и блюдца, подавать бутерброды и пирожные, но чай она налиwała сама. Я пила чай потом, на кухне: никогда не ем, если кто-то смотрит. В тот день, когда Хелен Кларк пришла на чай в самый последний раз, Констанция накрыла на стол как обычно: красивые тонкие розовые чашки — мама тоже их предпочитала — и два серебряных блюда: на одном бутерброды, на другом пирожные с ромом; еще два таких пирожных ждали меня на кухне — вдруг Хелен Кларк все съест. Констанция сидела на диване очень спокой-

но, сложив руки на коленях. Я стояла у окна и поджидала Хелен Кларк — она никогда не опаздывала.

— Тебе не страшно? — спросила я Констанцию, и она ответила:

— Нет, ничуть. — Да и не глядя, просто по голосу, я чувствовала, что она и вправду спокойна.

* * *

Машина показалась из-за поворота, и я увидела в ней двоих!

— Констанция, она еще кого-то привезла!

Констанция на мгновение замерла, а потом твердо сказала:

— Ничего, все обойдется!

Я обернулась: сестра была по-прежнему спокойна.

— Я их прогоню, — сказала я. — Пускай впредь думает.

— Не волнуйся. Вот увидишь, все обойдется.

— Я не дам им тебя пугать.

— Рано или поздно, — сказала она, — мне придется сделать первый шаг.

Я похолодела.

— Я их все-таки прогоню.

— Нет. Ни в коем случае.

Машина остановилась возле дома, и я пошла распахнуть двери; отперла я их загодя, поскольку делать это перед носом у гостей — дурной тон. Я вышла на крыльцо и поняла, что все не столь ужасно: Хелен Кларк привезла не чужака, а миссис Райт; она уже раз приезжала — маленькая и сама напуганная больше всех. Для Констанции это не такое уж испытание, но все же Хелен Кларк могла бы меня предупредить.

— Здравствуй, Мари Кларисса. — Хелен Кларк вышла из машины и направилась к открытой веранде перед домом. — Чудесный весенний день сегодня, правда? А как поживает дорогая Констанция? Я вам привезла Люсиль.

Думает, ей все с рук сойдет, точно к Констанции, что ни день, приезжают полужнакомые люди. До чего же неохота ей улыбаться!

— Ты же помнишь Люсиль Райт? — спросила она, а бедняжка миссис Райт пропищала, что ей безумно хотелось повидать нас снова. Я распахнула парадные двери, и они вошли. Плащей на них не было — день и вправду выдался теплым, — но у Хелен Кларк хватило ума задержаться в прихожей: «Скажи дорогой Констанции, что мы уже здесь». Она давала мне время подготовить Констанцию к приходу миссис Райт; я проскользнула в гостиную, где тихо ждала Констанция, и сказала:

— С ней миссис Райт — та, напуганная.

Констанция улыбнулась:

— Да, слабовато для первого шага. Все будет прекрасно, Маркиска.

В прихожей Хелен Кларк нахваливала нашу лестницу: рассказывала миссис Райт слышанную-переслышанную историю о точеных перилах и балясинах, которые делали в Италии на заказ; бросив на меня мимолетный взгляд, она сказала:

— Ваша лестница — одна из местных достопримечательностей, Мари Кларисса. Разве можно скрывать от людей такое чудо? Пойдем, Люсиль. — И они вошли в гостиную.

Констанция была предельно собрана. Поднялась им навстречу, улыбнулась и сказала, что рада их видеть. Хелен Кларк отродясь была неуклюжей, войти и сесть

оказалось для нее столь сложно, что она всех вовлекла в причудливый суетливый хоровод: едва Констанция договорила, Хелен Кларк толкнула миссис Райт, та боком отлетела в дальний угол гостиной, точно крокетный шар, и плюхнулась там — совершенно не намеренно — на крошечный, неудобный стул. А Хелен Кларк направилась к дивану Констанции, чуть не опрокинув чайный столик; в комнате полно стульев и еще один диван, но она уселась вплотную к Констанции, которая не выносила рядом никого, кроме меня. Развалившись на диване, Хелен Кларк сказала:

— Как приятно снова видеть тебя.

— И мне так приятно быть вашей гостьей, — встрепенулась миссис Райт. — А лестница у вас — просто чудо.

— Хорошо выглядишь, Констанция. В саду работала?

— Да как тут дома усидишь — хороший день выдался, — засмеялась Констанция. Держалась она прекрасно. — Такое счастье — на грядках копать, — обратилась она к миссис Райт. — А вы случайно не любите садовничать? Первые весенние дни — счастье для садовода.

Она говорила слишком много и слишком быстро, но, кроме меня, никто этого не замечал.

— Я люблю сад, — воодушевилась миссис Райт. — Очень люблю.

— А как Джулиан? — перебила ее Хелен Кларк. — Как старик Джулиан?

— Спасибо, прекрасно. Хочет сегодня пить с нами чай.

— Ты знакома с Джулианом Блеквудом? — обратилась Хелен Кларк к миссис Райт, та замотала головой и поспешно сказала:

— Я так буду рада с ним познакомиться, я так слышана... — и умолкла.

— Он слегка... эксцентричен, — произнесла Хелен Кларк и со значением улыбнулась Констанции, точно выдала семейную тайну. По словарю «эксцентричный» означает «странный, отличающийся от нормального»; в таком случае Хелен Кларк куда эксцентричнее дяди Джулиана — такая неуклюжая, непредсказуемая и к чаю приводит кого попало; а дядя Джулиан живет себе поживает, тишь да гладь — и никаких неожиданностей. Так что пусть Хелен Кларк не обзывается, никакой он не эксцентричный. Я вспомнила, что обещала быть добрей к дяде Джулиану.

— Констанция, ты всегда была одной из моих ближайших подруг, — говорила тем временем Хелен Кларк; вот чудачка, неужели не видит, как Констанция подобралась, сжалась от ее слов? — И я хочу дать тебе один совет... помни, это дружеский совет.

У меня даже сердце захолонуло, я поняла, что она скажет, потому что сегодняшний день неуклонно, неумолимо катился к чему-то ужасному. Я сидела на стульчике и пристально глядела на Констанцию: ну пусть, пусть она вскочит и убежит, пусть не слушает, что сейчас скажет Хелен Кларк, но та продолжала:

— Сейчас весна, ты молода, прекрасна, ты имеешь право на счастье. Пора вернуться к людям.

Услышь Констанция эти слова какой-нибудь месяц назад, зимой, она бы отшатнулась и убежала, но теперь слушала и улыбалась, хоть и качала головой.

— Хватит затворничать и каяться, — продолжала Хелен Кларк.

— Я бы очень хотела собрать друзей на скромный обед... — начала миссис Райт.

— Ты забыла молоко, пойду принесу. — Обращаясь исключительно к Констанции, я встала. Она удивленно обернулась.

— Спасибо, моя хорошая.

Я вышла из гостиной и отправилась на кухню. Еще утром там было солнечно и радостно, а теперь — мрачно и уныло. Констанция избегала людей столько лет и вдруг ведет себя так, словно и вправду собирается к ним выйти. И речь об этом заходит сегодня уже в третий раз; целых три раза — значит, всерьез! Я не могла дышать, тело будто стянуто проволокой, а голова — огромный шар и вот-вот лопнет; я подскочила к задней двери и высунулась на улицу — глотнуть свежего воздуха. Хотелось побежать: вот добегу до ограды и обратно — и станет легче; но нет — Констанция одна с ними в гостиной, надо спешить. Все же я разрядилась — хлопнула об пол молочник, за которым пришла, мамин молочник, — а осколки оставила: пусть Констанция полюбуется. Потом взяла другой молочник, похуже и не в цвет чашкам; молоко наливать мне разрешалось — я налила до краев и понесла в гостиную.

— ...делать с Мари Клариссой, — говорила Констанция, она улыбнулась, когда я вошла. — Спасибо, дорогая, — она бросила взгляд на молочник и снова на меня. — Спасибо, — повторила она, и я поставила молочник на поднос.

— Понемножку для начала, — сказала Хелен Кларк. — Конечно, все удивятся, будьте уверены, но раз-другой навестить старых друзей можно, да и в город за покупками съездить — уж в городе тебя никто не узнает.

— И ко мне на скромный обед, — с надеждой подсказала миссис Райт.

— Я подумаю, — Констанция засмеялась, точно сама себе удивлялась, а Хелен Кларк довольно кивнула.

— И надо обновить гардероб, — сказала она.

Я вышла из своего угла, взяла у Констанции чашку и отнесла миссис Райт; та приняла чашку дрожащей рукой.

— Благодарю, дорогая. — Чай подрагивал в чашке: немудрено, миссис Райт у нас всего-то второй раз.

— Сахару? — предложила я. Просто не смогла удержаться, да и положено спросить — из вежливости.

— Ах нет, — сказала она. — Нет, спасибо. Не надо сахару.

Ни я, ни Констанция черного не носили, а миссис Райт, очевидно, решила, что к нам подобает ездить в черном: на ней было скромное черное платье и нитка жемчуга. Прошлый раз она, помнится, тоже была в черном — одета всегда со вкусом, но здесь, в маминной гостиной, вкусы иные. Вернувшись к Констанции, я взяла блюдо с ромовыми пирожными и отнесла его миссис Райт; с моей стороны это тоже было дурно — сперва надо предлагать бутерброды, — но мне хотелось досадить ей: нечего приходить в трауре в мамину гостиную.

— Сестра испекла пирожные сегодня утром, — сказала я.

— Благодарю. — Робкой рукой она потянулась к блюду, взяла пирожное и аккуратно положила на край блюда. Ну хоть плачь, до чего вежлива! И я сказала:

— Возьмите два. Моя сестра изумительно готовит.

— Ах нет, — сказала миссис Райт. — Нет-нет, большое спасибо.

Хелен Кларк один за другим уплетала бутерброды, причем тянулась за ними через чашку Констанции. Ни-

где больше она не позволит себе такого нахальства — только у нас. Ей наплевать, что думаем мы с Констанцией о ее манерах, она считает, что мы безумно счастливы ее видеть. «Уходи, — мысленно приказала я. — Уходи, уходи». У нее, наверно, для визитов к нам есть особые наряды. Представляю, как она перебирает свои вещи и говорит: «Не стану выбрасывать это платье, в нем можно ездить к дорогой Констанции». Я мысленно принялась облачать Хелен Кларк: сначала одела в купальник — зимой, на заснеженном пляже; потом посадила высоко на дерево в тоненьком легком платьице с розовыми оборочками — они цеплялись за ветки и рвались, рвались; наконец она совсем застряла в сучьях и заверещала. Я едва не рассмеялась вслух.

— Да и к себе можешь гостей пригласить, — говорила Констанции Хелен Кларк. — Лишь старых друзей для начала, хотя многие желали бы общаться с тобой; ну, дорогая, несколько старых друзей, как-нибудь вечером. Или к обеду? Нет, пожалуй, к обеду для начала не надо. Рановато пока.

— Я и сама... — начала было опять миссис Райт; чашка с чаем и блюдо с пирожным аккуратно стояли на столике подле нее.

— Впрочем, почему бы и не к обеду? — задумалась Хелен Кларк. — В конце концов, надо решиться.

Вот сейчас я тоже скажу. Констанция на меня не смотрит — только на Хелен Кларк.

— Почему бы не пригласить наших добрых селян? — спросила я громко.

— Боже милостивый, Мари Кларисса, — сказала Хелен Кларк. — Ты меня напугала. — Она засмеялась. — Не припомню, чтобы Блеквуды знали с жителями поселка.

— Они нас ненавидят, — сказала я.

— Я их сплетен не слушаю, и ты, надеюсь, тоже. И ты, Мари Кларисса, знаешь не хуже меня, что эту ненависть ты просто придумала; будь сама приветливей — никто и слова дурного про тебя не скажет. Разумеется, когда-то давно, может, и недолго любили, но ты сделала из мухи слона.

— Люди всегда сплетничают, это в крови, — примиряюще сказала миссис Райт.

— Я всем всегда говорю, что дружу с Блеквудами и ни капельки этого не стыжусь. А тебе, Констанция, надо общаться с людьми своего круга. Они друг о друге не сплетничают.

До чего же они занудные! Констанция, по-моему, изрядно устала. Пускай уходят, а я сяду расчесывать Констанции волосы, и она заснет.

— Дядя Джулиан! — Я услышала тихий шорох кресла-каталки и вскочила открыть дверь.

Хелен Кларк сказала:

— Неужели ты думаешь, что люди побоятся сюда прийти?

Дядя Джулиан остановился на пороге. Ради общества он надел свой самый модный галстук и долго умывался — до румянца на щеках.

— Побоятся? — переспросил он. — Сюда прийти?

Он поклонился: сперва миссис Райт, потом Хелен Кларк.

— Приветствую вас, мадам, — произнес он. — Приветствую вас, мадам. — Он, я знала, не помнил ни единого имени, не помнил даже, видел ли эти лица прежде.

— Вы хорошо выглядите, Джулиан, — сказала Хелен Кларк.

— Побоятся прийти сюда? Прошу прощения, что повторяю ваши слова, мадам, но я потрясен. Обвинение в убийстве с моей племянницы снято. Теперь сюда можно приходить совершенно безбоязненно.

Миссис Райт дернулась было к своей чашке, но потом сложила руки на коленях.

— А угроза, скажу я вам, существует везде, — продолжал дядя Джулиан. — Я имею в виду угрозу отравления. Моя племянница может поведать вам о самых неожиданных опасностях: о садовых цветах, которые страшнее ядовитых змей, о простейших травах, которые полосуют ваши внутренности, словно нож. О, мадам, моя племянница может...

— У вас чудесный сад, — проникновенно обратилась миссис Райт к Констанции. — Вы просто чудесница.

Хелен Кларк твердо сказала:

— Джулиан, все давно забыто. Никто об этом и не вспоминает.

— А жаль, — отозвался дядя Джулиан. — Есть что вспомнить, это одна из величайших тайн нашего времени. Моего, во всяком случае. Я ее расследую, это труд всей моей жизни, — сообщил он миссис Райт.

— Джулиан, — поспешно перебила Хелен Кларк; миссис Райт слушала как завороженная. — Джулиан, вам изменяет такт и вкус.

— Вкус, мадам? А вы пробовали на вкус мышьяк? По опыту знаю: поначалу разум напрочь отказывается верить, и лишь потом осознаешь...

Еще минуту назад бедняжка миссис Райт скорее откусила бы себе язык, чем заговорила об этом, но теперь, едва дыша, спросила:

— Неужели вы все помните?

— Помню. — Дядя Джулиан вздохнул и радостно закивал. — Возможно, — с готовностью предположил он, — вам эта история неизвестна? Так я...

— Джулиан, — сказала Хелен Кларк. — Люсиль и слушать вас не желает. Как не стыдно такое предлагать!

Миссис Райт очень даже желала слушать; мы с Констанцией переглянулись, готовые поддержать серьезный разговор, хотя в душе веселились вовсю. Дяде Джулиану повезло: выпал случай поразглагольствовать, ведь он всегда так одинок.

А для бедной, бедной миссис Райт искушение оказалось слишком велико — она уже едва сдерживалась. Сидела, густо покраснев и никак не решаясь спросить; но дядя Джулиан был искусителем, и вечно сопротивляться благодетельная миссис Райт не могла.

— Все случилось в этом самом доме, — произнесла она как заклинание.

Никто не сказал ни слова, все вежливо слушали, и она прошептала:

— Простите меня, простите.

— Ну, конечно, в этом доме, — сказала Констанция. — В столовой. Мы ужинали.

— Вечером семья собралась к ужину. — Дядя Джулиан смаковал каждое слово. — Никто и помыслить не мог, что это последний ужин.

— Мышьяк в сахаре, — вымолвила миссис Райт, безнадежно поправ все правила хорошего тона.

— Этот сахар ел и я, — дядя Джулиан погрозил ей пальцем. — Я ел его с ежевикой. К счастью, — тут он благостно улыбнулся, — вмешалась судьба. Увы, иных из нас она в тот день неумолимо увела в мир иной. Они, безвинные, ничего не подозревавшие, сделали этот не-

вольный шаг и ушли в небытие. Зато другие съели очень мало сахара.

— Я вообще ягод не ем, — сказала Констанция. И посмотрела миссис Райт прямо в глаза. — Да и сахар ем очень редко. Даже теперь.

— На суде это была одна из улик, — сказал дядя Джулиан. — Что она не ест сахар. А ягод моя племянница никогда не любила. Еще ребенком обыкновенно от ягод отказывалась.

— Ну пожалуйста, прекратите, — громко сказала Хелен Кларк. — Это же ужасно, это ни на что не похоже, я не могу это слушать. Констанция... Джулиан... что подумает Люсиль?!

— Да что вы, Хелен, право, — миссис Райт замахала ручками.

— Еще одно слово — и я уйду. Констанции пора подумать о будущем, копаться в прошлом вредно для здоровья; она, бедная девочка, и так настрадалась.

— Конечно, мне их всех очень недостает, — сказала Констанция. — С тех пор и жизнь совсем другая, но я вовсе не считаю, что я настрадалась.

— В каком-то смысле мне несказанно повезло. — Дядю Джулиана несло на всех парусах. — Я единственный выжил после величайшего отравления века. У меня хранятся все газетные вырезки. Я был знаком и с жертвами, и с обвиняемой — близко знаком, так хорошо узнаешь людей, лишь живя с ними в одном доме и находясь в тесном родстве. У меня записано все до мельчайших подробностей. Но я с тех пор неважно себя чувствую.

— Я же сказала, что не буду вас слушать, — перебила Хелен Кларк.

Дядя Джулиан замолчал. Взглянул на Хелен Кларк, потом на Констанцию.

— Что, разве не было этого? — спросил он мгновение спустя и потянул пальцы в рот.

— Ну конечно было, — Констанция улыбнулась ему.

— Я храню газетные вырезки, — неуверенно произнес дядя Джулиан. — И мои записи, — он обращался к Хелен Кларк. — Я все записал.

— Ужасная трагедия, — миссис Райт трепетно потянувшись к дяде Джулиану.

— Страшная, — согласился он. — Жуткая, мадам. — Он развернул кресло, чтобы оказаться спиной к Хелен Кларк. — Хотите посмотреть столовую? — спросил он у миссис Райт. — Роковой стол? Я, как вы понимаете, в суде не свидетельствовал, здоровье ни тогда, ни сейчас не позволяет подвергаться грубым расспросам посторонних. — Он слегка кивнул на Хелен Кларк. — А мне ох как хотелось дать показания. Тешу себя надеждой, что в грязь лицом не ударил бы. Ну а Констанцию, само собой, оправдали.

— Разумеется, оправдали, — с нажимом сказала Хелен Кларк. Она потянувшись за своей огромной, точно мешок, дамской сумкой и, положив ее на колени, принялась искать в ней перчатки. — И все уже давно забыли об этом. — Она значительно взглянула на миссис Райт и собралась встать.

— А столовую... — робко сказала миссис Райт. — Хотя одним глазком...

— Прошу, мадам. — Дядя Джулиан поклонился из кресла-каталки, и миссис Райт поспешно распахнула перед ним дверь. — Прямо, через прихожую. — Миссис Райт последовала за ним. — Меня восхищает в женщи-

не здоровое любопытство, я сразу понял, мадам, что вы сторааете от желания увидеть место, где разыгралась трагедия; это произошло именно здесь, и именно здесь мы ужинаем и по сей день.

Голос дяди Джулиана доносился отчетливо; он, по-видимому, кружил по столовой, а миссис Райт глядела с порога.

— Вы, очевидно, изволили заметить: стол у нас круглый. Сейчас он слишком велик — от некогда большой семьи почти никого не осталось, но нам не хочется здесь ничего менять, ведь это своего рода памятник; когда-то за фотографию этой столовой любая газета отвалила бы хороший куш. Семья была большая, как вы помните, и дружная. Порой, конечно, не ладили — никто из нас не отличался спокойным нравом, — порой даже ссорились. Но это мелочи, так повздорят муж с женой или брат с сестрой: у каждого свой взгляд на мир.

— Тогда почему она...

— Вот именно, — сказал дядя Джулиан. — Загадка, да и только... Мой брат, будучи главой семьи, сидел, естественно, во главе стола — вон там, спиной к окнам, возле графина. Джон Блеквуд гордился своим столом, своей семьей, своим местом в жизни.

— Люсиль его даже не видела никогда, — ревниво сказала Хелен Кларк и бросила на Констанцию злобный взгляд. — А я помню твоего отца преотлично.

«Лица быстро стираются из памяти, — думала я. — Интересно, встретить я миссис Райт в поселке — я ее узнаю? Да и она, как знать, не пройдет ли мимо, глядя сквозь меня? Или она по робости вообще ни на кого не смотрит?» К чаю и ромовому пирожному она так и не притронулась.

— Я была близкой подругой твоей матери, Констанция. Поэтому считаю себя вправе говорить с тобой — для твоего же блага. Твоя мать наверняка...

— ...моя невестка, дама весьма благородная. Вы, вероятно, заметили в гостиной ее портрет: изысканный овал лица, тончайшая кожа. Женщина, самой судьбой предназначенная для трагедии, хотя, пожалуй, слегка глуповатая. Справа от нее за столом сидел я, тогда помоложе и поздоровее. Беспомощным калекой я стал как раз в тот вечер. Напротив меня — мальчик, Томас; разве вы не знали — у меня был племянник, сын брата. Ну, разумеется, вы читали. Было ему десять лет, и уродился он своенравным — весь в отца.

— Он съел сахару больше всех, — сказала миссис Райт.

— Увы, — вздохнул дядя Джулиан. — Затем, возле брата с одной стороны его дочь Констанция, с другой — моя жена Дороти, оказавшая мне некогда честь, связав свою жизнь с моей, хотя она вряд ли предвидела такие испытания, как ежевика с мышьяком. А моей племянницы Мари Клариссы за столом не было.

— Она была в своей комнате, — подсказала миссис Райт.

— Взрослая девица двенадцати лет, но ее отослали спать без ужина. Впрочем, речь совершенно не о ней.

Я засмеялась, а Констанция пояснила Хелен Кларк:

— Маркиса вечно впадала в немилость. Я частенько носила ей подносы с едой по задней лестнице, когда отец уходил из столовой. Она была несносным, непослушным ребенком, — и Констанция мне улыбнулась.

— А все дурное воспитание, — сказала Хелен Кларк. — Разумеется, за непослушание надо наказывать, детских проказ я тоже не терплю, но ребенок всег-

да должен чувствовать любовь окружающих. Теперь нам действительно пора... — Она снова принялась натягивать перчатки.

— ...ножка молодого барашка с мятным соусом, Констанция сама выращивает мяту. Молодая картошка, зеленая фасоль, салат — все с огорода Констанции. Я отчетливо помню, мадам. Мои излюбленные блюда. У меня все подробнейшим образом записано: и про ужин, и про весь день, с начала до конца. И все улики узлом завязываются вокруг моей племянницы. Было начало лета, вовсю пошли ранние овощи — год-то выдался прекрасный; у нас с тех пор и лета такого ни разу не было — или мне, старику, так кажется? Констанция всегда баловала нас разнообразными деликатесами, только у нее такое отведаешь — я, разумеется, не имею в виду мышьяк.

— Но главным блюдом на столе оказалась ежевика, — миссис Райт слегка охрипла от волнения.

— Вы глядите прямо в корень, мадам! Как точно, как безошибочно вы рассуждаете. И конечно, спросите сейчас: зачем же ей понадобился мышьяк? Моя племянница не способна на такую изощренность, и защитник, к счастью, это подметил на суде. Констанция могла бы получить бесчисленное множество смертоносных веществ из собственного сада: например, подать к столу соус с пятнистым болиголовом — это такой цветок, похож на петрушку, съешь, и наступает мгновенный паралич и смерть. Могла бы попотчевать нас повидлом из ароматного дурмана или из красноплодного воронца. Или нарезать в салат *Holcus lanatus*, его еще называют бархатной травой, — с высоким содержанием синильной кислоты. О, мадам, у меня записано абсолютно все. Сонная одурь — родственник помидора,

неужели хоть одному из нас пришло бы в голову отказаться, вздумай Констанция замариновать ее со специями? Да одни грибы чего стоят? Скольких они уже увели в мир иной — ядом и обманом! А мы все очень любим грибы, моя племянница готовит восхитительный омлет с грибами, вы должны непременно попробовать, мадам, словами этот вкус не опишешь; а бледная поганка очень...

— Но как же ей доверяли готовить?! — возмутилась миссис Райт.

— В том-то и дело, мадам. Никто бы и не доверил, если бы в ее намерения входило погубить нас всех с помощью яда; мы были бы чудовищно слепы и безмятежны, доверив ей нашу жизнь. Но с нее сняты все подозрения. Не только в совершении действия, то есть убийства, но и в самом намерении.

— А почему же миссис Блеквуд не готовила сама?

— Увольте. — Голос дяди Джулиана дрогнул, и я, хоть и не видела, явственно представила его жест: он поднял руку к лицу и улыбнулся сквозь растопыренные пальцы — это был самый изысканный его жест. Он так иногда разговаривал с Констанцией. — Предпочитаю жить под угрозой мышьяка.

— Нам пора домой, — произнесла Хелен Кларк. — И что это на Люсиль нашло, не представляю. Я же предупредила ее: на эту тему — ни слова.

— В этом году я разведу землянику, — сказала мне Констанция. — В дальнем углу сада растет дикая — видимо-невидимо.

— ...так бестактно с ее стороны, к тому же она меня задерживает.

— ...сахарница на серванте, тяжелая, серебряная сахарница. Это семейная реликвия, брат ею чрезвычай-

но дорожил. Вам, должно быть, интересно, что с ней? Пользуются ли ею до сих пор? Вам наверняка интересно, отмыли ее или нет. Дочиста или нет. Спешу вас успокоить. Моя племянница Констанция вымыла ее еще до прихода врача и полиции. Неподходящее, по-вашему, время мыть сахарницу? Совершенно согласен. Прочая обеденная посуда еще стояла на столе, а сахарницу племянница отнесла на кухню, сахар высыпала, а сахарницу выскоблила и окатила кипятком. Необъяснимый поступок.

— Там был паук, — прошептала Констанция, глядя на чайник. Сахар мы теперь брали кусковой — из маленькой сахарницы с розочками.

— ...она утверждала, что там был паук. Так и объяснила полиции. Поэтому она вымыла сахарницу.

— Могла бы придумать отговорку получше, — сказала миссис Райт. — Будь там действительно паук — его же просто вынимают, ну не мыть же из-за этого всю сахарницу!

— Ну-с, мадам, что бы вы придумали?

— Но я в жизни никого не убивала, я не знаю, то есть я не знаю, что бы я придумала. Да первое, что в голову придет. А она, по-моему, была просто не в себе.

— Могу вас уверить, мышьяк вызывает адскую боль. Говорите, не пробовали? Это невкусно. Мне их всех очень и очень жаль. Я и сам страдал и мучился несколько дней, Констанция бы мне, конечно, посочувствовала, но к этому времени она — увы! — была уже далеко. Ее немедленно арестовали.

Голос миссис Райт зазвучал напористей, словно что-то извне подстегивало ее любопытство:

— Я всегда мечтала, как только мы переехали, мечтала познакомиться с вами и выяснить, что же случи-

лось на самом деле, ведь вопрос, главный вопрос, так и остался без ответа; конечно, я не ожидала, что мы затронем эту тему, но коли так, послушайте... — В столовой передвинули стул: миссис Райт явно обосновалась надолго. — Во-первых, мышьяк она купила сама...

— Травить крыс, — подсказала Констанция чайнику и, обернувшись, улыбнулась мне.

— Травить крыс, — произнес дядя Джулиан. — Мышьяк еще применяется при изготовлении чучел, тоже безобидное занятие, но моей племяннице не удалось бы продемонстрировать конкретных знаний в этой области.

— Затем. Она готовила ужин и накрывала на стол, — продолжала миссис Райт.

— Признаюсь, Люсиль меня удивляет, — сказала Хелен Кларк. — С виду такая тихоня.

— ...они умирали вокруг нее, дохли, простите, как мухи, а она даже врача не сразу вызвала. Она мыла сахарницу! А потом уже было слишком поздно.

— Там был паук, — сказала Констанция.

— ...и она сказала полиции, что эти люди недостойны жить!

— Она была чересчур взволнована, мадам. И облекла мысль в неточную форму. В ту минуту она полагала, что и я среди обреченных, но моя племянница не жестокосердна. Я, вероятно, тоже достоин жить — кто из нас праведен? — все же, думается мне, не стала бы она выносить такой приговор.

— Она сказала полиции, что сама во всем виновата.

— А вот в этом ее ошибка. Конечно, она подумала, что дело в ее стряпне, но слишком поспешила взять вину на себя. Я бы ей отсоветовал, спроси она меня вовремя. Весьма похоже на попытку разжалобить.

— Но главный-то вопрос — ведь он так и остался без ответа! Почему? Почему она это сделала? Ведь не маньяк же она, в самом деле...

— Но вы-то ее видели, мадам.

— Простите, что?! Ох, Боже, конечно видела. Совсем забыла. Такая прелестная девушка и... нет, это несовместимо. Но у человека, погубившего столько жизней, должна быть причина, мистер Блеквуд. Пусть даже садистская, извращенная... Ах, бедная девочка. Такая милая, уж и не помню, чтоб мне кто так сразу понравился. И если она и впрямь маньяк-убийца?

— Я ухожу! — Хелен Кларк встала и решительно сунула сумку под мышку. — Люсиль, я ухожу! Это за рамками всякого приличия, уже шестой час.

Миссис Райт ошалело выскочила из столовой.

— Простите, ради Бога, — сказала она. — Мы заболтались, и я забыла о времени. О Боже. — И она бросилась к своему стулу за сумочкой.

— Вы даже к чаю не притронулись, — сказала я: очень уж хотелось, чтоб она покраснела.

— Спасибо, — она взглянула на свою чашку и покраснела. — Все исключительно вкусно.

Дядя Джулиан остановил каталку посреди комнаты и смиренно сложил руки на груди. Он посмотрел на Констанцию, а потом перевел скромный и глубокомысленный взгляд на потолок.

— До свидания, Джулиан, — отрезала Хелен Кларк. — Констанция, извини, мы непростительно засиделись. Идем, Люсиль.

Миссис Райт вела себя, точно провинившаяся девочка; однако не забывала и о хороших манерах:

— Спасибо. — Она было протянула Констанции руку, но тут же отдернула. — Я чудесно провела время. До свидания, — сказала она дяде Джулиану.

Они вышли в прихожую, я за ними: запереть парадные двери. Едва бедняжка миссис Райт уселась, Хелен Кларк нажала на газ, пассажирка даже не успела захлопнуть дверцу, я услышала только ее вскрик, и машина понеслась по аллее. Я засмеялась, вернулась в гостиную и поцеловала Констанцию.

— Чудесное чаепитие, — сказала я.

— Какая несносная женщина! — Констанция откинула голову на диванную спинку и расхохоталась. — Невоспитанная, манерная, тупая. И чего она к нам ездит?

— Хочет тебя перевоспитать. — Я поставила чашку и ромовое пирожное миссис Райт обратно на поднос. — Бедняжка миссис Райт, — вздохнула я.

— А ведь ты дразнила ее, Маркиса.

— Только чуть-чуть. Терпеть не могу напуганных, сразу хочется напугать еще больше.

— Констанция! — Дядя Джулиан развернул к ней кресло. — Как я выступил?

— Великолепно, дядя Джулиан. — Констанция подошла и легонько погладила старика по голове. — И отлично обошелся без записей.

— Но ведь это и правда было? — спросил он.

— Ну, конечно было. Я сейчас отвезу тебя в комнату, и ты посмотришь газетные вырезки.

— Нет, лучше потом. День выдался превосходный, но я, пожалуй, слегка устал. Отдохну до ужина.

Констанция повезла каталку через прихожую, а я пошла с подносом на кухню. Грязную посуду мне разрешалось относить, но не мыть, и я поставила под-

нос на стол. Потом Констанция переставила все в раковину — помоем позже, — смела осколки молочника и вынула картошку — почистить к ужину. А я все глядела на нее и наконец спросила, заранее сжавшись от страха:

— Ты сделаешь, как она сказала? Как советовала Хелен Кларк?

Она не стала притворяться, будто не понимает. Посмотрела на свои проворные руки и слабо улыбнулась:

— Не знаю.

3

Перемены назревали, но знала о них только я. Возможно, и Констанция что-то предчувствовала: она останавливалась порой среди сада и смотрела вдаль — не на грядки, не на дом, а вдаль — за деревья у ограды или на аллею; смотрела долго и удивленно, точно пыталась представить себя, идущую по аллее к воротам. А я за ней наблюдала. В субботу утром, после чаепития с Хелен Кларк, Констанция взглянула на аллею трижды. Дяде Джулиану в то утро нездоровилось — устал, принимая накануне гостей, — и он остался в кровати, в теплой комнатушке возле кухни; время от времени он выглядывал в окно у изголовья и окликал Констанцию: напомнить о себе. Даже Иона точно с цепи сорвался (грозу торопит, говорила мама), он шарахался и беспокойно спал все дни, пока назревали перемены. Очнется вдруг от глубокого сна, вскинет голову, будто прислушиваясь, потом вскочит разом на все четыре лапы и рванет вверх по лестнице, по всем комнатам и кроватям, и снова — пулей вниз, вокруг стола в столовой, через стулья, потом на кухню и — в сад; там пойдет вдруг плавно, лениво-

неспешно и даже остановится: лизнет лапку, почешет за ушком и полюбуется на чудесный день. И по ночам мы слышали, как он носится по дому, чувствовали, как скачет по кроватям, по ногам: он «торопил грозу».

Все вокруг предвещало перемены. В субботу утром меня разбудили *их* голоса, я отчетливо услышала, что *они* велят мне вставать; в тот же миг проснулась и вспомнила — *они* умерли, а Констанция всегда дает мне поспать вволю. Я оделась и спустилась на кухню, Констанция уже ждала с завтраком.

— Мне показалось, что *они* меня будят, — сказала я.

— Давай-ка, ешь быстрее, — сказала Констанция. — Погода опять прекрасная.

В погожие дни, даже если я не шла в поселок, дел хватало. По средам я обходила ограду. Хотелось удостовериться, что проволока нигде не порвана и ворота заперты накрепко. Проволоку я подтягивала и чинила сама, работала с радостью; еще неделю, до следующей среды, мы проживем в безопасности.

По воскресеньям с утра я проверяла обереги, мои охранные сокровища: шкатулку с серебряными монетами, закопанную у протоки; куклу, захороненную на длинной поляне; книжку, прибитую в сосновой роще, — пока они на месте, с нами ничего дурного не случится. Вещи я любила закапывать еще с детства; однажды, помнится, поделила длинную поляну на квадраты, в каждом что-то похоронила и загадала: пусть трава растет вместе со мной, чтобы я и впредь могла тут прятаться. А в другой раз я бросила на дно протоки шесть голубых стеклянных шариков и загадала: пусть вода в землю уйдет. «На-ка тебе еще сокровище, закопай», — говорила мне в детстве Констанция и давала монету или яркую ленточку; я похоронила, один за другим, все свои мо-

лочные зубы, и когда-нибудь из них прорастут драконы. Наши земли были обильно удобрены моими сокровищами, совсем близко от поверхности таились залежи стеклянных шариков, моих молочных зубов и разноцветных камешков — может, они уже превратились в драгоценные? — все они сплетались под землей в прочную магическую сеть, она крепка, она охранит нас и убежит.

По вторникам и пятницам я ходила в поселок, а в четверг, в день моего наивысшего могущества, залезала на большой чердак и наряжалась в их одежды.

По понедельникам мы с Констанцией прибирали, обходили все комнаты с тряпками и швабрами, протирали и бережно ставили обратно мелкие вещицы, следили, чтобы мамин черепаховый гребень из туалетного прибора оставался точно на прежнем месте. Каждую весну мы драили и чистили весь дом, а по понедельникам просто прибирали; в их комнатах пыли скапливалось мало, но и эту малость мы сметали неумолимо. Иногда Констанция порывалась убрать у дяди Джулиана, но он не терпел, чтобы его беспокоили, и поддерживал порядок сам; Констанция довольствовалась немногим — перестилала постель и мыла стаканчики для лекарств. Мне туда входить не разрешалось.

С утра по субботам я помогала Констанции. Ножей мне в руки не давали, но садовый инвентарь я начищала до блеска; носила ящики с рассадой и овощи, которые Констанция собирала, чтобы солить и мариновать. Подпол в нашем доме забит припасами. Все женщины из семьи Блеквудов непременно преумножали это неслетное количество еды. В подполе стоят банки с выцветшими, едва различимыми надписями: повидло, сваренное еще нашими прабабками; есть тут соленья и ма-

ринады — их готовили бабушкины сестры; стоят тут банки с овощами — их водрузила на полки сама бабушка; даже мама оставила о себе память шестью банками яблочного повидла. Констанция всю жизнь, не покладая рук, множила эти богатства; ее банки и баночки стоят ровными, стройными рядами, и, разумеется, они тут самые красивые и сияют новизной. «Ты хорошишь еду, как я — сокровища», — говорила я иногда; однажды она ответила: «Еду родит земля, но оставлять ее в земле нельзя — она сгниет, с ней непременно надо что-то делать». Все женщины в семье Блеквудов брали еду из земли и умели ее сохранять; подпол со стоящими бок о бок вареньями и соленьями, банками и бутылками сочных цветов — темно-бордового, янтарного, густо-зеленого, — которые навеки останутся здесь, в этом подполе, — рукотворная поэзия, творенье блеквудских женщин. Мы брали только варенье, соленья и маринады, сделанные Констанцией, старых заготовок не трогали: Констанция говорила, что мы непременно умрем, если съедим хоть что-то.

В то субботнее утро я мазала на гренки абрикосовый джем и представляла, как Констанция когда-то варила этот джем, чтобы я ела его в одно прекрасное утро; варила и не знала, что грядут перемены — не успеем мы и джем доест, как все переменится.

— Маркиса, ленивица, хватит мечтать с бутербродом в руках, ты мне сегодня нужна на огороде.

Она готовила поднос с едой для дяди Джулиана: наливала молоко в кувшинчик, расписанный желтыми маргаритками, подравнивала гренки — чтоб вышел маленьким, аккуратным: дядя Джулиан даже не притрагивался к пище, если куски казались ему чересчур большими или неудобными для еды. Завтракал он обычно

в комнате: ночами его мучили боли, порой он просто лежал в темноте без сна, дожидаясь рассвета и Констанции с подносом; само ее присутствие приносило ему облегчение. Иногда ночью, когда сердце болело особенно сильно, он принимал одной таблеткой больше и тогда все утро додремывал — сонливый и вялый, — не желал даже горячего молока, требовал только, чтобы Констанция возилась на кухне рядом с его спальней или в саду — тогда он видел ее из окна. Если он просыпался бодрым и веселым, Констанция вывозила его завтракать на кухню; он устраивался за старым письменным столом и сразу погружался в свои записи, роняя на них крошки. «Если судьба пощадит меня, — говорил он Констанции, — я сам напишу эту книгу. Если нет, проследи, чтобы мои бумаги попали в достойные руки, к цинику; пусть книгу напишет человек, которого не заботит истина».

Я собиралась быть доброй к дяде Джулиану, поэтому мысленно пожелала ему приятного аппетита. Пускай поест и отправится на своей каталке в сад — погреться на солнышке.

— А вдруг сегодня тюльпан распустится? — Я выглянула за кухонную дверь, и в глаза ударило солнце.

— Завтра, не раньше, — Констанция всегда знала заранее. — Если соберешься побродить, надень сапоги, в лесу еще совсем сыро.

— Скоро что-то изменится, — сказала я.

— Просто весна, глупышка. — Она взяла поднос. — Не убегай, пока я не вернусь, мне понадобится помощь.

Она открыла дверь в комнату дяди Джулиана и сказала: «С добрым утром». Он ответил тусклым, старым голосом: значит, ему нездоровится и Констанции придется крутиться вокруг него целый день.

— Девочка моя, твой отец уже дома? — спросил он.

— Пока нет, — ответила Констанция. — Давай-ка подложим еще подушку. Сегодня прекрасный день.

— Он всегда так занят, — сказал дядя Джулиан. — Принеси мне карандаш, дорогая, это надо записать. Он всегда очень занят.

— Выпей горячего молока, ты быстрее согреешься.

— Ты — не Дороти. Ты — моя племянница Констанция.

— Пей.

— Доброе утро, Констанция.

— Доброе утро, дядя Джулиан.

Я надумала выбрать три слова-заклинания: пока кто-то не произнесет их вслух, ничего не изменится. Первое слово — *мелодия* — я вывела ложкой на гренке, на абрикосовом джеме, потом сунула гренок в рот и быстро проглотила. На треть я уже спасена. Констанция вышла с подносом из комнаты дяди Джулиана.

— Он сегодня плох, — сказала она. — К завтраку почти не притронулся, совсем слабый.

— Будь у меня крылатый конь, он отвез бы нас на Луну. Дяде Джулиану там было бы намного лучше.

— Попозже вывезу его на солнышко и приготовлю гоголь-моголь с ромом.

— А на Луне зато совсем не страшно.

Она рассеянно взглянула на меня.

— Одуванчик уже зазеленел. И редис. Я собиралась заняться огородом, но не хочется оставлять дядю Джулиана. Ничего, подождет морковь... — Констанция задумчиво забарабанила пальцами по столу. — И ревень подождет...

Я отнесла свою чашку и тарелку в раковину; надо придумать второе волшебное слово, я уже почти выбра-

ла — *Глостер*. Сильное слово, годится. Хотя дяде Джулиану порой такое в голову взбредет — он способен что угодно произнести.

— Испеки-ка лучше пирог для дяди Джулиана.

Констанция улыбнулась:

— Скажи уж: испеки пирог для Маркисы. Пирог с ревенем хочешь?

— Мы с Ионой ревень не любим.

— Но у него чудесный цвет. Ревеневый джем — самое красивое, что есть на полках.

— Ну и пусть стоит на полках. А мне испеки пирог с одуванчиками.

— Глупышка—Маркиска, — сказала Констанция. Она стояла в синем платье, на кухонном полу играло солнце. Сад за окном светился молодой зеленью. Иона умывался на крылечке; Констанция, напевая, принялась мыть посуду. Я уже почти спасена, осталось выбрать третье волшебное слово.

Констанция домыла посуду, а дядя Джулиан еще спал, и она улучила минутку — сбегать на огород, собрать первые овощи, сколько успеет. Я осталась за столом на кухне — стеречь дядю Джулиана и позвать Констанцию, если он проснется; но когда она вернулась, он спал. Я грызла маленькие сладкие морковки, а Констанция мыла и убирала овощи.

— Сделаем весенний салат, — сказала она.

— Мы съедаем времена года. Сначала едим весну, потом лето, потом осень. Ждем, пока что-нибудь вырастет, и съедаем.

— Маркиска—глупышка, — сказала Констанция. На кухонных часах двадцать минут двенадцатого; Констанция сняла фартук, заглянула к дяде Джулиану и прошла, по обыкновению, к себе наверх; она будет сидеть

там, покуда я не позову. Я же пошла отпирать парадные двери, и не успела я их распахнуть — из-за поворота выехала машина врача. Он, как всегда, спешил: резко затормозил, выскочил и взбежал по ступеням; «Доброе утро, мисс Блеквуд», — он пронесся мимо меня, снял на ходу плащ и бросил его в кухне на спинку стула. Ни на меня, ни вокруг не глядел — направился прямо к дяде Джулиану; оказавшись в комнате, мгновенно стал внимательным и неспешным.

— Доброе утро, мистер Блеквуд, — сказал он ласково. — Как самочувствие?

— А где этот старый дуралей? Где Джек Мейсон? — Дядя Джулиан непременно задавал этот вопрос.

Доктора Мейсона вызвала Констанция в тот вечер, когда они все умерли.

— Доктор Мейсон не смог прийти сегодня, — привычно отозвался врач. — Меня зовут доктор Леви. Я посмотрю вас вместо него.

— По мне так лучше Джек Мейсон.

— Постараюсь его достойно заменить.

— Я всегда говорил, что переживу старого дураля, — дядя Джулиан захихикал. — Чего вы мне голову морочите? Джек Мейсон уже три года как умер.

— Мистер Блеквуд, — произнес врач. — Вы золото, а не пациент. — Он тихонько прикрыл дверь.

Я решила было выбрать третьим волшебным словом *наперстянку*, но его же произносят все кому не лень, и я остановила свой выбор на слове *Пегас*. Взяла из горки фужер, трижды четко произнесла в него мое слово, потом налила туда воды и выпила. Дверь в комнату дяди Джулиана открылась, и врач остановился на пороге.

— Так и запомните, — договаривал он. — И до следующей субботы.

— Шарлатан, — сказал дядя Джулиан.

Врач с улыбкой обернулся к нему, потом мгновенно стер улыбку с лица и снова заторопился. Схватил плащ и устремился в прихожую. Я пошла следом, но он уже сбегал по ступеням.

— До свидания, мисс Блеквуд. — Даже не обернувшись, он влез в машину и взял с места в карьер — к воротам и на шоссе. Я заперла парадные двери и подошла к лестнице.

— Констанция, — окликнула я.

— Иду, — отозвалась она сверху. — Иду, Маркиса.

К середине дня дяде Джулиану стало лучше, он сидел на припеке в полудреме, сложив руки на коленях. Я лежала рядышком на мраморной скамейке — маминной любимой, а Констанция сидела на корточках и возилась по локоть в черной земле, будто сама проросла из этой земли; она месила и месила грязь — глубоко, у самых корней.

— Было чудесное утро, — мерно говорил дядя Джулиан. — Чудесное солнечное утро, никто из них и не подозревал, что утро это — последнее. Она спустилась вниз первой — моя племянница Констанция. Проснувшись, я услышал, как она ходит по кухне; я тогда спал наверху, мог еще взобраться по лестнице, у нас с женой была спальня наверху; я тоже тогда подумал: «Чудесное утро»; мне и невдомек было, что оно последнее. Потом я услышал племянника, нет — сперва брата, брат спустился вниз вслед за Констанцией. Он насвистывал. Констанция?

— Что?

— Что он всегда насвистывал, причем жутко врал?

Констанция задумалась, по-прежнему копаясь в земле, и тихонько напела. Я узнала и содрогнулась.

— Ах да, конечно. У меня с музыкальным слухом всю жизнь плоховато: что люди говорят, что делают, как выглядят — помню, а что поют — убей Бог, не помню. Итак, брат протопал следом за Констанцией, ему и дела нет, что всех перебудит, что я мог бы еще поспать; я, впрочем, в это время уже не спал. — Дядя Джулиан вздохнул и с любопытством обвел взглядом сад. — А он и не ведал, что это его последнее утро. Знай он свою судьбу — вел бы себя потише. Они там внизу разговаривали с Констанцией, и я сказал жене: «Вставай да одевайся, мы живем в семье брата, и следует всячески выказывать им нашу приязнь; одевайся и иди на кухню к Констанции». Жена так и сделала — наши жены всегда были нам послушны; впрочем, невестка моя в то утро нежилась в постели — возможно, ей было небесное знамение, и она решила отоспаться здесь, на грешной земле. Теперь уже голоса всех троих — брата, Констанции и Дороти — доносились с кухни. Потом и мальчик спустился, и я принялся одеваться. Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Знаешь, я тогда еще сам одевался — вплоть до последнего дня. Я ходил сам, и одевался сам, и ел, и ничего у меня не болело. И спал я тогда глубоко, как спят крепкие мужчины. Я был уже не молод, но крепок, спал хорошо и сам одевался.

— Накрыть тебе ноги пледом?

— Нет, дорогая, спасибо. Ты всегда была мне хорошей племянницей, хотя есть некоторые основания считать тебя неблагодарной дочерью. Невестка спустилась на кухню прежде меня. На завтрак были оладьи, маленькие тоненькие оладушки; брат съел яичницу из двух яиц, а моя жена налегала на колбасу, хотя я ее ап-

петитов не поощрял — ведь мы жили в семье у брата. Она ела домашнюю колбасу, приготовленную Констанцией. Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Знай я тогда, что это ее последний завтрак, не сердился бы за колбасу. Удивительное дело: никто — ну никто! — и думать не думал, что завтрак последний, они бы тогда, наверное, тоже для нее колбасы не пожалели. Брат всегда следил: что и сколько съели мы с женой, и порой отпускал замечания; он был справедливым человеком и еды не жалел, если ели в меру. Констанция, он в то утро смотрел, как моя жена ест колбасу. Поверь, мы его не объедали! Сам-то он ел и оладьи, и яичницу, и колбасу, но я чувствовал, что он вот-вот сделает Дороти замечание. Зато мальчишка уплетал — аж за ушами трещало. Этот последний завтрак был исключительно хорош, приятно вспомнить.

— Дядя Джулиан, хочешь, я тебе на той неделе сделаю колбасу? Ведь от кусочка домашней колбасы хуже не будет.

— Брат нам еды не жалел, если ели в меру. Моя жена помогала мыть посуду.

— Я была ей очень благодарна.

— Она могла бы помогать и больше, думаю я теперь, задним числом. Впрочем, она развлекала еще мою невестку и чистила одежду, но брат-то наверняка считал, что Дороти могла бы помогать больше. Брат после завтрака отправился по делам.

— Он затеял виноградные беседки, пошел договариваться.

— Жалко — не успел, ели бы сейчас собственный виноградный джем. Стоило ему уйти — у меня развя-

зался язык; помнится, все утро я веселил дам, мы перешли сюда, в сад. Говорили о музыке, моя жена была очень музыкальна, хотя нигде не училась. А у невестки было чудесное туше — это все непременно отмечали, — по вечерам она обычно играла. Но в тот вечер уже не пришлось. В тот вечер она играть уже не смогла. А утром мы еще полагали, что она сыграет нам вечером. Констанция, ты помнишь, как я всех веселил в то утро?

— Я полола овощи, — сказала Констанция. — Но слышала, что все смеялись.

— Я был в ударе, даже вспомнить приятно. — Он немного помолчал: сцеплял и расцеплял руки на коленях. Я хотела быть к нему добрее, но сцеплять вместо него руки не могла, а больше ему ничего не требовалось, поэтому я просто тихонько лежала и слушала. Констанция хмурилась, уставясь на зеленый лист; на лужайку набегали легкие тени облаков.

— Мальчик куда-то делся, — произнес наконец дядя Джулиан по-старчески печально. — Мальчик куда-то делся, он что — пошел тогда ловить рыбу?

— Он влез на каштан.

— Ах да, помню. Я все отчетливо помню, дорогая, и у меня все записано. Это было последнее утро, и ничто не должно стереться из памяти. Он полез на каштан и кричал нам оттуда, с самой верхушки, и бросал сверху прутики, — наконец невестка не выдержала и отругала его. Прутики застревали у нас в волосах, безобразие! Моей жене это тоже не нравилось, но она бы и рта никогда не открыла. Полагаю, моя жена вела себя с твоей матерью корректно, Констанция. Будь это не так, я был бы крайне огорчен — ведь мы жили у брата и ели его хлеб. Брат вернулся к обеду.

— Я подала на обед гренки с сыром, — сказала Констанция. — Провозилась на огороде целое утро, и пришлось состряпать обед на скорую руку.

— Да, они ели гренки с сыром. До сих пор удивляюсь, отчего мышьяк не подложили в гренки. Интереснейшая деталь, в книге я ее всячески подчеркну. Отчего мышьяк не подложили в гренки? Ну прожили б они на несколько часов меньше, зато смерть настигла б их наверняка, безошибочно. Констанция, я не люблю лишь одно блюдо из тех, что ты готовишь, — гренки с сыром. Я их всю жизнь терпеть не мог.

— Знаю, дядя. И я тебе никогда их не делаю.

— А вот мышьяку там — самое место. Я, помнится, ел салат. А на десерт был яблочный пудинг — остатки со вчерашнего дня.

— Солнце уже садится, — Констанция поднялась и отряхнула руки. — Пойдем-ка в дом, а то замерзнешь.

— Констанция, мышьяку в гренках самое место. Странно, что в свое время на это никто не указал. Мышьяк, как ты знаешь, безвкусен — не то что гренки с сыром. Куда ты меня везешь?

— В дом. До ужина отдохнешь часочек в комнате, а после ужина я тебе поиграю, если захочешь.

— Дорогая, мне безумно некогда. Необходимо вспомнить тысячи подробностей и все записать, нельзя терять ни минуты. Ни малейшая деталь этого последнего дня не должна быть упущена, иначе книга окажется неполной. Полагаю, день для них выдался приятный, главное, никто не подозревал, что его ждет. Знаешь, Констанция, мне что-то холодно.

— Скоро мы будем в тепле и уюте.

Я неохотно побрела следом — не хотелось покидать сумеречный сад; за мной, привлеченный светом в окнах,

шел Иона. Когда мы пришли, Констанция уже закрывала дверь к дяде Джулиану; увидев меня, она улыбнулась.

— Спит почти, — сказала она тихонько.

— Когда я буду старая, как дядя Джулиан, ты будешь обо мне заботиться?

— Если буду жива, — отозвалась она, и я похолодела.

С Ионой на руках я устроилась в уголке и смотрела, как ловко и бесшумно двигается она по ярко освещенной кухне. Скоро она попросит меня накрыть в столовой стол на троих, а после ужина наступит вечер, и мы будем сидеть в теплой кухне, а дом нас надежно охранит, и снаружи никто ничего не увидит — только свет в окнах.

4

В воскресенье утром перемены стали еще на день ближе. Я изо всех сил старалась не вспоминать три волшебных слова, я попросту гнала их от себя, но перемены буквально висели в воздухе — и волшебные слова всплывали сами: *мелодия Глостер Пегас*; перемены туманом окутывали лестницу, кухню, сад... Все же я не позволяла этим словам завладеть моими мыслями. С утра в воскресенье погода испортилась; наверно, Иона своей беготней все-таки накликнул грозу; солнечные лучи еще проникали в дом, но по небу неслись облака, и кусачий ветерок гулял по кухне, пока я завтракала.

— Надень сапоги, если надумаешь гулять, — сказала Констанция.

— А дядя Джулиан вряд ли выйдет — слишком холодно.

— Настоящая весенняя погода, — Констанция с улыбкой оглядела сад.

— Я люблю тебя, Констанция.

— И я тебя люблю, глупышка Маркиска.

— А дяде Джулиану лучше?

— По-моему, нет. Я отнесла ему поднос — ты еще спала, — и он был очень усталый. Опять ночью таблетку принимал. По-моему, ему становится хуже.

— Ты за него боишься?

— Да. Очень.

— Он умрет?

— Знаешь, что он сказал мне утром? — Констанция облокотилась на раковину и печально взглянула на меня. — Он принял меня за тетю Дороти, взял за руку и сказал: «Ужасно быть старым, лежать тут и думать, что это вот-вот случится». Я даже испугалась.

— Зря ты не пускаешь его со мной на Луну.

— Я напоила его горячим молоком, и он вспомнил, кто я.

Дядя Джулиан, должно быть, очень счастлив — ведь о нем заботятся и Констанция, и тетя Дороти; как увижу что-нибудь тонкое и длинное — вспомню, что надо быть к нему добрее; сегодня будет день тонких и длинных предметов: в моей расческе уже застрял волос, за стул зацепился кусок веревки, а от ступеньки на заднем крыльце отскочила длинная щепка.

— Приготовь ему запеканку, — предложила я.

— Пожалуй, приготовлю. — Она вынула длинный тонкий нож и положила на край раковины. — Или какао. А вечером курицу с клецками.

— Я тебе нужна?

— Нет, Маркиса. Беги, гуляй, только сапоги надень.

Солнце то пряталось за облаком, то выглядывало и светило вовсю. Иона шел за мной следом: он кружил, выскакивал на солнце, пропадал в глубокой тени. Бежала я — бежал и он; стоило остановиться и замереть — он останавливался, глядел на меня и быстро уходил в другую сторону, точно совсем со мной незнаком, а потом садился и ждал, когда я побегу снова. Направлялись мы к длинной поляне, она похожа на океан, хотя океана я никогда не видела; трава клонится от ветра, стремительно летят тени облаков, вдалеке раскачиваются деревья. Иона совсем скрылся в траве — такой высокой, что я касалась травинки руками, не нагибаясь; Иона кружил где-то внизу — стоило ветру утихнуть и траве выпрямиться, как становился виден его причудливый маршрут: смятые стебли пригибались и тут же распрямлялись вновь. Я пересекла поляну наискосок и как раз посередине наткнулась на камень: тут похоронена кукла; куклу я всегда находила — в отличие от других, навеки потерянных оберегов. Камень никто не трогал, значит, и кукла цела. Под моими ногами — несметные сокровища, травинки ластятся к рукам, вокруг простор, вздымается зеленый океан, и сосны клонятся вдали; за спиной — дом, а там, дальше за деревьями, слева, едва виднеется проволочная ограда — ее поставил папа, чтобы нас никто не тревожил. Я прошла поляну, прошла под четырьмя яблонями — мы называли их фруктовым садом — и направились по тропинке к протоке. Шкатулка с серебряными монетами, закопанная у протоки, тоже цела и невредима. Возле протоки, в укромном месте, — мое убежище; у меня их несколько, но тут я потрудились на славу и приходила сюда очень часто. Я выкорчевала несколько невысоких кустиков и разровняла землю; кустарник вокруг сплетается с ветвями деревь-

ев; огромная ветка, что закрывает вход, почти касается земли. Меня никто никогда не ищет, и в потайном убежище нет нужды, но мне нравится лежать тут с Ионой и знать, что никому меня не найти. Я устроила ложе из веток и листьев, Констанция дала одеяло. Кусты и деревья густо нависают сверху, и внутри всегда сухо. Воскресным утром я лежала здесь, а Иона мурлыкал мне на ухо свои сказки. Все кошачьи сказки начинаются одинаково: «Давным-давно жила-была на свете кошка...» Мы с Ионой лежали голова к голове. Ничто не изменится, просто пришла весна, и напрасно я так перепугалась. С каждым днем будет все теплее, дядя Джулиан будет греться на солнышке, а Констанция — смеяться и копать на грядках; и так будет всегда. Иона все мурлыкал: «И стали жить-поживать...» Листья шелестели над головой... Так будет всегда.

У протоки я нашла змеиное гнездо и убила всех зменийшей — Констанция разрешает мне не любить змей. По дороге домой я наткнулась на знак судьбы — дурной, один из самых худших. Книжка, прибитая к сосне, упала на землю, папина записная книжка, он записывал, кто сколько денег ему должен и кто с ним по гроб жизни не рассчитается. Видно, гвоздь проржавел, книжка упала и не годится теперь для охраны и защиты. Прежде чем прибить книжку, я тщательно завернула ее в плотную бумагу, но гвоздь проржавел, и она упала на землю. Теперь ее лучше уничтожить, иначе она будет мстить; а к дереву надо прибить что-то другое — мамин шарф или перчатку. На самом деле было слишком поздно, только я об этом еще не знала, — а *он* уже направлялся к дому. Когда я нашла книжку, *он*, скорее всего, уже оставил чемодан на почте и спрашивал, где нас искать. А мы-то с Ионой знали только, что сильно

проголодались, и бежали домой; на кухню мы влетели вместе с ветром.

— Неужели ты ушла без сапог? — Констанция было нахмурилась, но тут же рассмеялась. — Глупышка-Маркиска.

— У Ионы сапог нет. Сегодня чудесный день.

— Может, сходим завтра за опятами?

— Мы с Ионой голодны сейчас.

Он в это время уже шел по поселку к черному камню, а все глазели, удивленно переглядывались, перешептывались за его спиной.

Это был наш последний лениво-чудесный день, хотя мы — как непременно отметил бы дядя Джулиан — об этом и не подозревали. Мы с Констанцией перекусили, похихикали, зная не зная, что, пока мы счастливо смеемся, он дергает запертую калитку, вглядывается в сумрак тропинки и бродит по окрестным лесам — ненадолго же спасла нас папина ограда. Пошел дождь, мы открыли заднюю дверь и глядели: косо летели капли за порогом, умывали огород; Констанция радовалась дождю, как всякий садовник.

— Тут скоро все зазеленеет, — сказала она.

— Мы всегда будем вместе, правда, Констанция?

— А тебе не хочется отсюда уехать?

— Куда? Где найдешь место лучше? И кому мы там нужны? Мир полон злых людей.

— Так ли? — она сказала это очень серьезно, а потом повернулась ко мне с улыбкой. — Не волнуйся, Маркиса. Ничего плохого не случится.

Наверно, как раз в этот миг он обнаружил ворота и быстро пошел по аллее, спасаясь от дождя; через две минуты я увидела его собственными глазами. Зная все наперед, провела бы эти минуты с толком: пре-

дупредила бы Констанцию, или придумала новое, самое разволшебное и надежное слово, или задвинула бы столом кухонную дверь; а я-то вертела в руках ложечку, поглядывала на Иону, а когда Констанция зябко поежилась, сказала: «Принесу тебе свитер». Так я оказалась в прихожей, а он как раз поднимался по парадной лестнице. Я заметила его из окна и похолодела — даже вздохнуть не могла. Дверь, я знала, заперта, это была первая мысль.

— Констанция, — прошептала я тихонько, не двигаясь с места. — Там чужой. Закрой кухонную дверь, живо.

Я думала, она слышит, потому что с кухни донесся шорох, но оказалось, она просто ушла — позвал дядя Джулиан — и оставила сердце нашего дома беззащитным. Я подбежала к парадным дверям, прижалась к ним: за дверями слышались шаги. И он постучал: сперва тихонько, потом все настойчивей. Я прижималась к двери, и каждый стук ударял прямо в меня — человек этот совсем-совсем рядом. Я уже знала: этот из худших, его лицо мелькнуло в окне, когда я шла через столовую; он из худших, из тех, что рыщут и рыщут вокруг дома, пытаются проникнуть внутрь, заглядывают в окна, шарят по закоулкам и готовы растащить весь дом на сувениры.

Он снова постучал, а потом позвал:

— Констанция?! Констанция?!

Уж имя-то ее им известно. Они знают ее, знают дядю Джулиана, знают, какая у нее была прическа и какого цвета те три платья, которые она надевала в суд; они знают, сколько ей лет, как она говорит, как двигается: в суде они все время заглядывали ей в лицо: не видно ли слез.

— Я хочу поговорить с Констанцией, — говорил он за дверь. Это их обычный прием.

К нам давно никто не заглядывал, но своего ужаса перед этими людьми и отвращения к ним я не забыла. Вначале-то они непрерывно тут крутились, подстерегали Констанцию — просто поглазеть на нее. «Гляди, вон, вон она, та самая — Констанция». Они толкали друг друга в бок и тыкали в окна пальцами. «На убийцу не похожа, правда?» Они подначивали друг друга: «Эй, готовь фотоаппарат, сейчас снова выглянет!» — «Давай цветов тут нарвем», — по-хозяйски распоряжались они. «Давай камешки на память соберем — ребятишкам дома показывать».

— Констанция? — позвал *он* снова. — Констанция? — Он опять постучал. — Я хочу поговорить с Констанцией. У меня к ней важное дело.

У них всегда находились важные дела, они дергали дверь, кричали под окнами, звонили по телефону, присылали жуткие, жуткие письма. Иногда спрашивали Джулиана Блеквуда, меня не спрашивали никогда. Ведь в роковой день меня отослали спать без ужина, в суд не пустили, никто меня не фотографировал. Они глазели на Констанцию в суде, а я тем временем лежала на уютной койке, уставясь в потолок, лежала и мечтала, чтобы все умерли, а Констанция пришла и забрала меня домой.

— Констанция, ты меня слышишь? — крикнул он. — Послушай меня, прошу!

Интересно, он слышит, как я дышу за дверью? Я-то знала, что он теперь сделает. Отойдет на несколько шагов и, прикрываясь ладонью от дождя, будет вглядываться в окна второго этажа: вдруг мелькнет лицо. Потом обойдет дом по нашей тропинке, найдет боковую дверь — она всегда на запоре — и примется стучать и звать Констанцию там. Некоторые уезжали, по-

топтавшись у запертых дверей; уезжали те, кто слегка стыдился, что их сюда занесло, те, кто жалел о потерянном времени, — смотреть-то оказалось не на что; поняв, что Констанции им не увидеть, они тут же уезжали, но упрямы (вот им-то я и желала смерти, чтоб упали за смертью прямо на аллее) кружили и кружили вокруг дома, дергали дверь, стучали в окна. «Мы вправе ее видеть! — кричали они. — Ведь она их всех поубивала!» Они подъезжали к самому крыльцу и тщательно забирали машины, даже стекла поднимали, а потом принимались колотить в двери и звать Констанцию. Они устраивали пикники на лужайке и фотографировались перед домом, пускали на огород своих собак и малевали свои имена на стенах и дверях.

— Эй, послушайте, — раздалось снаружи. — Вам придется меня впустить.

Я услышала его шаги по ступеням, значит, отошел и глядит теперь вверх. Все окна на втором этаже заперты. Боковая дверь заперта. В парадные двери вставлены по краям узкие стекла, но выглядывать нельзя — они замечают каждое движение; стоит в столовой качнуться занавеске, они уже бегут к дому с криками: «Вон она! Вон она!» Я прислонилась к двери и представила: вот я открываю, а он лежит на аллее мертвый.

Но сейчас он смотрит на дом, а дом стоит тихий и равнодушный, словно потупившись, — ведь занавески на окнах второго этажа всегда задернуты; от дома он не добьется ответа; мне же пора принести Констанции свитер, а то совсем озябнет. Наверх можно идти не спеша, безбоязненно, но я взлетаю стремглав: он бродит вокруг дома и мне хочется побыстрее оказаться возле Констанции. Я взлетаю по лестнице, хватаю свитер со стула в комнате Констанции, бегу вниз,

влетаю в кухню — а он уже сидит на моем стуле возле стола.

— Я же загадала три волшебных слова! — Я замерла, прижав к себе свитер. — Три слова — *мелодия Глостер Пегас*, — и пока их не скажут вслух, нам ничто не грозит.

— Маркиса, — Констанция, улыбаясь, обернулась ко мне. — Это наш брат, двоюродный брат, Чарльз Блеквуд. Я его сразу узнала — он так похож на папу.

— Ну, Мари, — произнес он и встал. Здесь, в доме, он показался мне еще выше, чем там, на улице, и он все рос и рос оттого, что подходил ко мне все ближе и ближе. — Ну, поцелуй брата Чарльза.

За его спиной — распахнутая настежь дверь, он первый человек, проникший в дом с тыла, и впустила его Констанция. Констанция тоже встала; она-то знала, что трогать меня нельзя, она лишь повторяла тихонько: «Маркиса, Маркиса» — и протягивала ко мне руки. Но я — точно в тисках, точно стянута проволокой, дышать невозможно, надо бежать. Я швыряю свитер на пол и выбегаю за дверь — к протоке, к своему убежищу. Там меня нашел Иона, мы лежали рядом, под сенью деревьев; они скрывали нас от дождя, они льнули друг к другу — по-датливо, но властно, — сплетаясь над головой в непроходимую густую крону. Я смотрела на листья и слушала журчанье воды. Нет никакого брата, никакого Чарльза Блеквуда, чужака, незваного гостя... А все из-за того, что книжка упала, я ее вовремя не заменила, и порвалась наша охранный сеть. Завтра же подыщу что-нибудь могущественное и прибью к дереву. Я заснула под мурлыканье Ионы, как только сгустились сумерки. Посреди ночи он отправился на охоту и, вернувшись, разбудил меня ненадолго: он прижался ко мне, чтобы согреться.

«Ионушка», — пробормотала я, и он успокоенно заурчал. Поутру, когда я проснулась, вдоль протоки блуждали туманы, они касались меня, обволакивали лицо. Я лежала и смеялась, ощущая, как туман ласкает и ерошит ресницы, лежала и глядела вверх, на деревья.

5

Я вошла в кухню, и туман с протоки вполз следом. Констанция готовила поднос с завтраком для дяди Джулиана. Вместо горячего молока она наливала чай — значит, дяде Джулиану лучше; он, видно, уже проснулся и сам попросил чаю. Я подошла к Констанции сзади и обняла ее, она обернулась и обняла меня.

— С добрым утром, Маркиска.

— С добрым утром, Констанция. Дяде Джулиану лучше?

— Лучше, немного лучше. И дождь сменился солнышком. А тебе, моя хорошая, я сделаю на ужин шоколадный мусс.

— Я люблю тебя, Констанция.

— И я люблю тебя. Что ты хочешь на завтрак?

— Оладьи. Маленькие-маленькие и горячие-горячие. И яичницу из двух яиц. Сегодня прилетит мой крылатый конь, и я забираю тебя на Луну; там мы будем есть лепестки роз.

— У некоторых роз лепестки ядовиты.

— Но не на Луне. А верно, что можно сажать листья?

— Не всякие. Только с пушистыми ворсинками. Такие листья ставят в воду, и они пускают корни, потом их высаживают, и получается новое растение. Не какое-нибудь, разумеется, а то, от которого взят лист. Любое не вырастишь.

— А жалко. С добрым утром, Иона. По-моему, ты похож на лист с пушистыми ворсинками.

— Ты глупышка, Маркиска.

— Мне нравятся только такие листья, из которых вырастет совсем другое растение. В пушистых ворсинках с головы до ног.

Констанция засмеялась:

— Я так заслушаюсь, и дядя Джулиан останется без завтрака. — Она взяла поднос и пошла к нему в комнату. — Горячий чай прибыл.

— Констанция, дорогая. Чудесное утро, по-моему. Я прекрасно поработаю.

— И на солнышке погреешься.

Иона умывался на залитом солнцем пороге кухни. Я проголодалась; положу-ка я перышко на лужайку, где проедет на кресле дядя Джулиан, — просто положу, ведь хоронить сокровища тут не разрешается, а как иначе быть доброй к дяде Джулиану? Зато на Луне мы носим перышки в волосах, а на запястьях — браслеты с рубинами. Едим мы на Луне золотыми ложками.

— Констанция, как ты думаешь, не пора ли начать новую главу?

— Что-что, дядя Джулиан?

— Как думаешь, не начать ли мне сегодня сорок четвертую главу?

— Конечно, начни.

— И отдельные предыдущие главы надо подправить. Тут работы на века.

— Тебя причесать?

— Спасибо, попробую сам. В конце концов, мужчина должен о своей голове заботиться сам. Ты не дала мне джема.

— Принести?

— Нет, я уже, оказывается, весь гренок съел. Констанция, я мечтаю о жареной печенке на обед.

— Договорились. Можно забрать поднос?

— Да-да, спасибо. А я пока причешусь.

Констанция вернулась с подносом на кухню.

— Теперь тебя, Маркиса, буду кормить.

— И Иону.

— Твой Иона позавтракал давным-давно.

— Ты для меня посадишь листик?

— Хорошо, только не сегодня.

Она, склонив голову, прислушалась и сказала:

— Он еще спит.

— Кто еще спит? А я увижу, как он растет?

— Спит брат Чарльз, — ответила Констанция, и день вокруг меня рассыпался на части. Вон сидит Иона на пороге, вон Констанция у плиты, но они вдруг поблекли, сделались как тени. Я не могла вздохнуть, накрепко стянутая проволокой, все вокруг стало мертвым, холодным.

— Он же призрак, — сказала я.

Констанция засмеялась — где-то очень, очень далеко.

— Значит, на папиной кровати спит призрак. А вчера вечером призрак весьма плотно поужинал. Когда ты ушла.

— Мне же просто приснилось, что он приходил! Я лежала на земле и заснула, и мне приснилось, будто он пришел, но потом — в этом же сне — я его прогнала. — Я все еще не могла вздохнуть, я вздохну, когда Констанция мне поверит.

— Мы вчера долго разговаривали.

— Пойди посмотри, — сказала я не дыша. — Пойди же, увидишь, его там нет!

— Маркиса, ты глупышка.

Убегать нельзя, надо спасать Констанцию. Я взяла свой стакан и швырнула об пол.

— Теперь он исчезнет, — сказала я.

Констанция подошла к столу и села напротив меня, очень серьезная. Мне хотелось обойти стол и обнять ее, но как обнимешь тень?

— Маркиса, девочка моя, — заговорила она медленно. — Брат Чарльз здесь. Он и вправду наш брат. Пока был жив его отец — Артур Блеквуд, папин брат, — Чарльз к нам не мог приехать, не мог нам ничем помочь, отец запретил. — Она слегка улыбнулась. — Его отец относился к нам очень плохо. И представляешь, даже не взял тебя к себе, пока шел суд. В его доме о нас нельзя было упоминать.

— Тогда зачем ты упоминаешь о нем в нашем доме?

— Пытаюсь тебе все объяснить. Сразу после смерти отца Чарльз поспешил нам на помощь.

— Чем он нам поможет? Мы и так счастливы, правда, Констанция?

— Очень счастливы, Маркиса. Но будь, пожалуйста, помягче с братом Чарльзом, прошу тебя.

Я уже чуть-чуть могла дышать: все-таки все обойдется. Брат Чарльз призрак, но этого призрака можно выгнать.

— Он исчезнет, — сказала я.

— Он и не намерен тут навеки поселиться, он просто приехал к нам в гости.

Надо найти, придумать какое-то средство против него.

— А дядя Джулиан его видел?

— Дядя Джулиан знает, что он здесь, но вечером ему нездоровилось, он не выходил. Я отнесла ему ужин

на подносе, и он съел только супа — совсем чуть-чуть. Я утром так обрадовалась, когда он попросил чаю.

— Нам сегодня дом убирать.

— Только попозже, когда брат Чарльз проснется. И давай-ка я подмету осколки стакана, пока он не пришел.

Я смотрела, как она подметает; сегодня будет день осколков, маленьких сверкающих осколков. С завтраком торопиться нечего, мне все равно не уйти, пока мы не уберем дом; я засиделась за столом — потягивала молоко и наблюдала за Ионой. Дядя Джулиан позвал Констанцию: захотел пересесть на каталку; она вывезла его на кухню, к письменному столу, заваленному бумагами.

— Я решительно принимаюсь за сорок четвертую главу, — сказал дядя Джулиан, потирая руки. — И, начав с небольшого преувеличения, перейду затем к откровенной лжи. Констанция, дорогая!

— Что, дядя Джулиан?

— Я начну с утверждения, что моя жена была красавицей.

И тут мы все замолчали: наверху неожиданно послышались шаги. Непривычно — ведь там давно тишина. И неприятно — ходят будто по голове. Констанция не ступает, а летает, дядя Джулиан не ходит вовсе, а эти шаги были тяжелые, мерные, зловещие.

— Брат Чарльз проснулся, — Констанция взглянула на потолок.

— Вот и хорошо, — дядя Джулиан аккуратно положил перед собой чистый лист и взял карандаш. — Я надеюсь приятнейшим образом провести время в обществе сына моего брата. И надеюсь с его помощью восстановить все оттенки поведения наших родственников во время суда. Признаюсь честно, у меня есть наброски

их возможных разговоров, но... — Он потянулся за какой-то тетрадкой. — Боюсь, все же не удастся начать сегодня сорок четвертую главу.

Я взяла Иону на руки и уселась в своем уголке, а Констанция вышла к лестнице — встретить Чарльза.

— Доброе утро, братец Чарльз, — сказала она.

— Здравствуй, Конни. — Голос тот же, что вчера. Они вошли на кухню, и я забилась поглубже в уголок; дядя Джулиан положил руки на свои записи и повернулся лицом к двери.

— Дядя Джулиан! Рад наконец познакомиться с вами.

— Чарльз. Ты сын Артура, а похож на моего брата Джона, он умер.

— Артур тоже умер. Поэтому я и приехал.

— Полагаю, он умер в достатке? Я, в отличие от братьев, умел только сорить деньгами.

— Честно говоря, дядя Джулиан, отец ничего не оставил.

— Какая жалость. А вот его отец оставил изрядную сумму. Даже разделив ее на троих, мы получили немало. Я знал, разумеется, что мои деньги уйдут меж пальцев, но Артур меня удивил. Быть может, твоя мать была мотовкой? Я ее помню смутно. Знаю только, что Констанция написала Артуру письмо во время суда, но его жена потребовала, чтобы мы прервали с ними всякие родственные отношения.

— Мне очень давно хотелось приехать, дядя Джулиан.

— Допускаю. Юные отличаются любопытством. И столь печально известная особа, как твоя кузина Констанция, представляется молодому человеку весьма романтической. Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Я уже завтракал?

— Да.

— Ну ничего, выпью еще чашечку чая. Нам с молодым человеком надо многое обсудить.

Я все еще не могла его толком разглядеть: то ли оттого, что он призрак, то ли оттого, что слишком велик. Огромное круглое лицо, так похожее на папино, поворачивалось от Констанции к дяде Джулиану и обратно, лицо улыбалось, открывался рот. Я совсем вжалась в стенку, но в конце концов огромное лицо повернулось и ко мне.

— Ба, и Мари здесь! — сказала лицо. — Здравствуй, Мари.

Я уткнулась в Ионину спину.

— Стесняется? — спросил он Констанцию. — Не страшно. Меня все дети любят.

Констанция засмеялась.

— К нам редко заходят люди. — Она вела себя так естественно, так спокойно, будто всю жизнь ждала, что приедет брат Чарльз, будто заранее продумала, что и как говорить, будто в ее доме всегда была готова комната для брата Чарльза.

Он встал и подошел ко мне.

— Какая красивая кошка. У нее есть имя?

Мы с Ионой посмотрели на него, и я подумала, что имя Ионы — самое надежное, что есть на свете, его имя произнести не страшно.

— Иона, — ответила я.

— Иона! Кот? Это твой любимый кот?

— Да. — Мы с Ионой смотрели на него, не смея моргнуть или отвести взгляд. Огромное белое лицо так близко и так похоже на папино, а огромный рот улыбается.

— Мы скоро станем большими друзьями — мы с тобой и с Ионой, — сказал он.

— Что ты хочешь на завтрак? — спросила его Констанция и улыбнулась мне: обрадовалась, что я сказала ему имя Ионы.

— Все, что приготовишь. — Он наконец отвернулся от меня.

— Маркиса ела оладьи.

— Оладьи — это великолепно. Вкусный завтрак в приятном обществе чудесным утром — чего еще желать?

— Оладьи, — вступил в разговор дядя Джулиан, — в этой семье пользуются особым почетом, хотя сам я их ем очень редко: желудок принимает лишь легкую, необременительную пищу. В тот последний день к завтраку подавали оладьи...

— Дядя Джулиан, — прервала его Констанция, — твои бумаги падают на пол.

— Позвольте, я подниму, сэр. — Брат Чарльз встал на колени и принялся подбирать бумаги, а Констанция сказала:

— После завтрака я покажу тебе сад.

— Обходительный молодой человек, — похвалил дядя Джулиан, принимая у Чарльза бумаги. — Я тебе благодарен, сам я не в состоянии перескочить через комнату и встать на колени; отрадно, что хоть кому-то это под силу. Ты, вероятно, старше моей племянницы на год или два?

— Мне тридцать два.

— А Констанции лет двадцать восемь. Мы уже давно не отмечаем дни рождения, но ей, должно быть, около двадцати восьми. Констанция, мне вредно столько разговаривать на пустой желудок. Где мой завтрак?

— Дядя, ты съел его час назад. Сейчас налью тебе чаю, а братцу Чарльзу сделаю оладьи.

— Чарльз — отважный человек. Твоя стряпня, хоть и высшего качества, все же не лишена определенных недостатков.

— Я безбоязненно съем все, что приготовит Констанция.

— В самом деле? — сказал дядя Джулиан. — Рад за тебя. Я-то имел в виду, что для слабого желудка оладьи — тяжелая пища. А ты, полагаю, подумал про мышьяк.

— Садись завтракать, — сказала Констанция Чарльзу.

Я смеялась, спрятавшись за Ионой. Добрых полминуты Чарльз собирался с духом, чтобы взять вилку, и непрерывно улыбался Констанции. Все смотрели на него — и Констанция, и дядя Джулиан, и Иона, и я, — поэтому он отрезал, наконец, кусочек оладьи и поднес ко рту, но в рот положить не хватило духа. Кончилось тем, что он положил вилку с наколотым кусочком обратно на тарелку и обратился к дяде Джулиану:

— Знаете, а ведь... пока я здесь, я бы мог чем-то помочь: вскопать грядки или сбегать в магазин. Я с любой тяжелой работой справлюсь.

— Чарльз, ты же вчера ужинал и проснулся живым поутру, — сказала Констанция; я засмеялась, хотя Констанция говорила почти сердито.

— Что-что? — переспросил Чарльз. — Ах да! — Он взглянул на будто бы позабытую вилку, схватил ее, быстро сунул кусочек оладьи в рот, прожевал, проглотил и посмотрел на Констанцию. — Очень вкусно. — И Констанция улыбнулась.

— Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Я думаю, что все-таки не начну сегодня сорок четвертую главу. Лучше вернусь к семнадцатой — там, помнится, вскользь упомянуты твой двоюродный брат и его семейство, как они отреклись от нас во время суда. Чарльз, ты разумный молодой человек. Я жажду услышать твою версию.

— Сколько уж лет прошло, — сказал Чарльз.

— Надо было все записывать, — укорил его дядя Джулиан.

— Нет, я не о том. По-моему, стоит все забыть. Какой смысл вспоминать об этом снова и снова?

— Какой смысл? — воскликнул дядя Джулиан. — Смысл?

— Это было печальное и ужасное время. И нечего беспрестанно напоминать о нем Конни, ей только во вред.

— Молодой человек, вы, насколько я понимаю, презрительно отзываетесь о моей работе. А людям свойственно свою работу уважать. Дело есть дело. Запомни это, Чарльз.

— Я просто сказал, что не хочу ничего вспоминать.

— Этим ты толкаешь меня на вымысел, выдумки, игру воображения.

— Хватит об этом.

— Констанция?

— Что, дядя Джулиан? — Она была очень серьезна.

— Ведь это вправду было? Я же помню, — дядя Джулиан уже потянул пальцы в рот.

Констанция, помолчав, сказала:

— Ну, конечно же было, дядя Джулиан.

— Мои записи... — проговорил он угасшим голосом и бессильно простер руку к бумагам.

— Конечно, дядя Джулиан. Все было на самом деле.

Я разозлилась: Чарльз не смеет так обращаться с дядей Джулианом. Вспомнив, что сегодня день сверкающих осколков, я решила положить что-нибудь сверкающее возле кресла дяди Джулиана.

— Констанция?

— Что?

— Можно мне на улицу? Я тепло одет?

— Можно, дядя Джулиан. — Констанция тоже жалела его. Дядя Джулиан печально качал головой, карандаш он отложил. Констанция принесла из комнаты шаль и заботливо укутала ему плечи. Чарльз, ни на кого не глядя, уплетал оладьи; неужели не понял, что обидел дядю Джулиана?

— Вот теперь пойдем на улицу, — тихонько сказала Констанция. — Там припекает солнышко, и все расцветает, а на обед я поджарю тебе печенку.

— Может, не стоит? — сказал дядя Джулиан. — Съем лучше яйцо. — Констанция бережно покатила его к двери и аккуратно свезла по ступеням. Чарльз оторвался было от оладий и привстал, собираясь помочь, но Констанция покачала головой.

— Я посажу тебя в твой любимый уголок, — сказала она дяде Джулиану, — буду все время на тебя посматривать и часто-часто махать из окошка.

Ее голос доносился до кухни все время, пока она везла дядю Джулиана. Иона соскочил с моих колен и уселся на пороге, глядя им вслед.

— Иона, — позвал Чарльз. Иона обернулся. — Сестрица Мари меня не любит.

Мне не понравилось, как он говорит с Ионой и как Иона его слушает.

— Как сделать, чтоб сестрица Мари меня любила? — спросил Чарльз; Иона метнул взгляд на меня

и снова повернулся к Чарльзу. — Я приехал навестить двух моих милых сестричек, милых сестричек и старого дядюшку, я не видал их столько лет, а сестрица Мари обходится со мной так скверно. Как тебе это нравится, Иона?

Под краном искрилась и набухала капля, вот-вот упадет в раковину. Не буду дышать, покуда капля висит, — и Чарльз исчезнет; но нет, не поможет, задержать дыхание легче легкого.

— Ну, да ладно, — говорил Чарльз Ионе. — Зато меня любит Констанция, а это самое главное.

Констанция стояла у крыльца и дожидалась, пока Иона уступит ей дорогу, но он и ухом не повел — пришлось через него перешагнуть.

— Хочешь еще оладий? — спросила она Чарльза.

— Нет, спасибо. Я тут пытаюсь завязать знакомство с младшей сестренкой.

— Она к тебе скоро привыкнет. — Констанция смотрела прямо на меня. Иона принялся умываться, а я наконец надумала, что сказать:

— Нам сегодня дом убирать.

Дядя Джулиан проспал в саду все утро. Констанция то и дело отрывалась от уборки и подходила к окну взглянуть на него, порой она замирала там с тряпкой в руке, точно позабыв, что надо протирать мамину шкапу; в шкапу покоились жемчужное ожерелье, перстень с сапфиром и бриллиантовая брошь. Я выглянула из окна лишь однажды: дядя Джулиан сидел, закрыв глаза, а Чарльз стоял поодаль. Ужасно противно, что он расхаживает там, среди грядок, и под яблонями, и по лужайке, где спит дядя Джулиан.

— Папину комнату сегодня пропустим, — сказала Констанция. — Там теперь живет Чарльз. — Потом она

задумчиво сказала: — Может, надеть мамино ожерелье? Я еще никогда не носила жемчуг.

— Но его место в шкатулке. Придется вынимать.

— Вынимать — не вынимать, кому это интересно?..

— Мне интересно — с ожерельем ты станешь еще красивее.

Констанция рассмеялась и сказала:

— Что-то я поглупела. Вздумала зачем-то жемчуг надевать.

— Пускай лучше ожерелье в шкатулке лежит, на законном месте, — сказала я.

Чарльз закрыл дверь в папину комнату — не заглянешь; интересно — трогал он папины вещи? Может, положил шляпу, платок или перчатку на комод около папиных серебряных расчесок? И в шкаф, верно, заглядывал, и ящики все выдвигал. Папина комната — над парадным входом, Чарльз глядел из окна вниз, на длинную аллею, что ведет к воротам, — не мечтал ли поскорей дойти до них и убраться отсюда подальше?

— Сколько времени Чарльз сюда ехал? — спросила я.

— Часа четыре. Или пять. До поселка на автобусе, а оттуда пешком.

— Значит, до дома ему тоже четыре-пять часов?

— Ну, конечно. Но пока он не уезжает.

— И сперва ему придется идти пешком в поселок?

— Если ты не подвезешь его на крылатом коне.

— Нет у меня никакого коня.

— Ох, Маркиса. Чарльз вовсе не плохой человек.

В зеркалах играли блики света, а в сумраке маминей шкатулки мерцали бриллианты и жемчужины. Тень Констанции плясала на стене, когда она шла к окну

взглянуть на дядю Джулиана, а там, на улице, трепетала и переливалась под солнцем молодая листва. Чарльз проник сюда, потому что порвалась охранный сет; вот восстановлю эту сет, и Констанция окажется внутри, а Чарльз снаружи, и он непременно уедет. Надо смыть, стереть его следы по всему дому.

— Чарльз — призрак, — сказала я. Констанция вздохнула.

Я отполировала дверную ручку в папиной комнате — и один из следов Чарльза исчез.

Наверху все было убрано, и мы спустились с тряпками, помелом, мусорным ведром и шваброй — словно ведьмы с прогулки. В гостиной мы протерли золоченные ножки стульев, арфу, и все засияло, даже мамино голубое платье на портрете. Я нацепила тряпку на швабру и смахнула пыль с лепного свадебного порога на потолке; я слегка пошатывалась, задирая голову, но представляла, будто потолок — это пол, и я просто подметаю и смотрю вниз, на щетку, а сама — невесомая — парю в пространстве; комната раскачивается, кружится... И вот я снова стою на полу, глядя вверх.

— Чарльз еще не видел этой комнаты, — сказала Констанция. — Мама ею так гордилась, и почему я сразу не показала?

— Можно, я вместо обеда бутерброды возьму? Хочу пойти на протоку.

— Рано или поздно тебе придется сесть с ним за стол, Маркиса.

— Вечером, за ужином. Честное слово!

В столовой мы протирали все: и высокие деревянные спинки стульев, и серебряный чайный сервиз. Констанция поминутно бегала на кухню — взглянуть на

дядю Джулиана; один раз я услышала, как она засмеялась и воскликнула: «Осторожно, там сплошная грязь!» Она говорила с Чарльзом.

— А куда ты посадила Чарльза вчера за ужином?

— На папино место, — ответила она и добавила:

— У него есть полное право: он гость и к тому же очень похож на папу.

— Он и сегодня там сядет?

— Да, Маркиса.

Я тщательно протерла папин стул, хотя что толку, если Чарльз сядет сюда снова? И все столовое серебро заново перетирать...

Закончив уборку, мы вернулись на кухню. Чарльз курил трубку за столом, и они с Ионой смотрели друг на друга. Табачный дым чужд нашей кухне, и плохо, что Иона опять смотрит на Чарльза. Констанция пошла в сад за дядей Джулианом; я услышала, как он сказал:

— Дороти? Нет, Дороти, я не сплю.

— Сестрица Мари меня не любит, — снова сказал Чарльз Ионе. — Как думаешь, Иона, знает сестрица Мари, как я расправляюсь с теми, кто меня не любит? Тебе помочь с каталкой, Констанция? Что, дядюшка, славно поспали?

Констанция сделала нам с Ионой бутерброды, мы ушли и забрались на дерево. я жевала, примостившись на нижней развилке, а Иона залез на ветку потоньше и караулил птиц.

— Иона, — выговаривала я ему, — не смей больше слушать брата Чарльза.

Иона удивленно таращился на меня: к приказам он не привык.

— Иона, — сказала я. — Он призрак. — Иона прикрыл глаза и отвернулся.

Надо выбрать надежное средство, чтобы прогнать Чарльза. Слабое или неверное колдовство навлечет на наш дом новые беды. Я вспомнила о маминых драгоценностях — не даром сегодня день сверкающих предметов, — но вдруг они бессильны в пасмурный день? Да и Констанция рассердится, если я выну их из шкапулки, — ведь она и сама решила их не трогать. Я вспомнила о книгах: книги обычно обладают недюжинной охранной силой; но папина-то книжка свалилась с дерева, вот и удалось Чарльзу к нам проникнуть; наверно, над Чарльзом книги не властны. Прислонившись к стволу дерева, я размышляла о колдовстве: если Чарльз не исчезнет через три дня, я разобью зеркало в прихожей.

* * *

За ужином он сидел напротив меня, на папином стуле, и огромное белое лицо заслоняло серебряный сервиз за его спиной. Он внимательно смотрел, как Констанция нарезает курицу дяде Джулиану, как раскладывает на тарелке — чтобы тому было сподручнее; он пялился на дядю Джулиана, когда тот взял кусочек и принялся перекапывать во рту.

— Вот тебе булочка, дядя Джулиан, — сказала Констанция. — Съешь мякиш.

Констанция забыла, что я не ем заправленный салат; впрочем, я и незаправленный не стала бы есть, пока нависает над столом это огромное белое лицо. Ионе курица не полагалась, он просто сидел на полу, возле меня.

— Он всегда с вами ест? — Чарльз кивнул на дядю Джулиана.

— Когда хорошо себя чувствует.

— И как ты только выдерживаешь?

— Джон, я тебе вот что скажу, — неожиданно обратился к Чарльзу дядя Джулиан, — теперь уж деньги так выгодно не вложишь, как папа вкладывал. Он был человеком проницательным, но так и не понял, что времена меняются.

— С кем он разговаривает? — спросил Чарльз у Констанции.

— Он думает, что ты его брат Джон.

Чарльз долго смотрел на дядю Джулиана, а потом, покачив головой, принялся за курицу.

— Слева от вас, молодой человек, стул моей покойной жены, — произнес дядя Джулиан. — Я отлично помню, как она сидела здесь в последний раз, мы тогда...

— Об этом ни слова. — Чарльз погрозил пальцем дяде Джулиану; палец блестел от жира, потому что Чарльз ел курицу руками. — Мы об этом больше не говорим.

Констанция была мною довольна — ведь я пришла к ужину — и взгляды мои встречала улыбкой. Она знала, что я не ем при чужих, она оставит мне все на тарелке, а потом даст поесть на кухне; про заправленный салат она явно забыла.

— Я утром заметил: ступенька на заднем крыльце сломана. — Чарльз взял блюдо с курицей и стал присматривать еще кусок. — Давай-ка я починю. Надо свой хлеб отрабатывать.

— Очень будет мило с твоей стороны, — отозвалась Констанция. — Мы без ступеньки давно мучаемся.

— Я завтра сбегая в поселок за табаком для трубки, могу купить все, что надо.

— Но в поселок по вторникам хожу я! — Я испугалась.

— Ты? — Он глядел на меня через стол: огромное белое лицо повернулось и глядело на меня в упор. Я притихла, вспомнив, что поселок — первый шаг на пути Чарльза домой.

— Маркиса, дорогая, я думаю, мысль отличная, если Чарльза это не затруднит. Мне всегда тревожно, когда ты уходишь в поселок. — Констанция засмеялась. — Чарльз, я дам тебе денег, список, и ты станешь мальчиком на посылках.

— Ты хранишь деньги в доме?

— Конечно.

— Не слишком разумно.

— Но они у папы в сейфе.

— Все равно неразумно.

— Уверяю вас, сэр, — произнес дядя Джулиан. — Я внимательнейшим образом просмотрел их конторские книги, а уж потом согласился иметь с ними дело. Меня не проведешь.

— Значит, я лишаю работы сестрицу Мари? — Чарльз опять посмотрел на меня. — Придется подыскать ей другую работу, Конни.

Я заранее, задолго до ужина, решила, что скажу ему.

— *Amanita phalloides*, — сказала я, — содержит три ядовитых вещества. Во-первых, аманитин, он действует медленно, но чрезвычайно сильно. Затем фаллоидин — действует мгновенно; и, наконец, фаллин, он растворяет красные кровяные тельца, хотя сильным действием не обладает. Первые признаки отравления проявляются через сорок часов. Признаками являются резкие острые боли в животе, холодный пот, рвота...

— Послушай, — Чарльз положил кусок курицы на тарелку, — ты это брось.

А Констанция смеялась:

— Ой, Маркиса, — она захлебывалась от смеха, — какая же ты глупышка! Это я ее научила, — пояснила она Чарльзу. — У протоки и в поле растут грибы, и я заставила ее выучить все о ядовитых грибах. Ой, Маркиска!

— Смерть наступает спустя пять — десять дней после отравления, — продолжала я.

— Ничего смешного, — сказал Чарльз.

— Глупышка-Маркиска! — повторила Констанция.

6

Чарльз, хоть и ушел в поселок, по-прежнему угрожал дому; к тому же Констанция дала ему ключ от калитки. Когда-то у каждого из нас было по ключу — у папы, у мамы, у всех, — и висели они на крючке возле кухонной двери. Когда Чарльз отправился в поселок, Констанция сняла ему ключ — наверно, папин — и дала список для лавки и деньги: расплатиться за покупки.

— Опрометчиво хранить деньги в доме. — С минуту он крепко держал деньги в руке, потом полез в задний карман за кошельком. — Не следует одиноким женщинам держать деньги в доме.

Я забилась в свой уголок, но Иону к себе не подпускала, покуда Чарльз не ушел.

— Ты ничего не забыла? — спросил он Констанцию. — Терпеть не могу ходить дважды.

Когда он был уже далеко и дошел, должно быть, до черного камня, я сказала:

— Он забыл библиотечные книги.

Констанция посмотрела на меня пристально.

— Мисс Злючка, вы нарочно не напомнили.

— Что ему до наших книг? Он в доме чужой, ему и дела нет до наших книг.

— Представляешь, — Констанция заглянула в кастрюльку на плите, — скоро будем салат собирать, такая теплынь стоит.

— А на Луне... — начала я, но замолчала.

— На Луне, — Констанция обернулась с улыбкой, — ты, конечно, вкушаешь салат круглый год?

— На Луне всегда есть всё. И салат, и тыквенный пирог, и *Amanita phalloides*. И растения, пушистые, как кошки, и кони поводят крыльями, точно танцуют. На Луне дядя Джулиан выздоровеет, и там всегда будет светить солнце. Ты наденешь мамин жемчуг и станешь петь, а солнце будет светить всегда.

— Я тоже хочу на твою Луну. Не замесить ли тесто на имбирную коврижку? Или остынет? Вдруг Чарльза долго не будет?

— Не пропадет твоя коврижка, я ее сама съем.

— Чарльз сказал, что обожает имбирную коврижку.

Я строила на столе домик из библиотечных книг, две на ребро — стенки, а третья сверху, поперек, — крыша.

— Ты старая колдунья, — сказала я. — И живешь ты в имбирной избушке.

— А вот и нет, — отозвалась Констанция. — Я живу в чудесном доме с сестренкой Маркисой.

Я рассмеялась, глядя на нее: хлопчет над своими кастрюльками, лицо все в муке.

— Может, он никогда не вернется, — сказала я.

— Вернется-вернется — я ему коврижку пеку.

Чарльз лишил меня работы — заняться нечем. Я решила было пойти на протоку, но одумалась: протоки там могло не оказаться вовсе, ведь по вторникам я туда никогда не ходила. А поселковые, верно, поджидают меня,

посматривают на дорогу, подмигивают и вдруг столбеуют — вместо меня идет Чарльз. Где же, где Мари Кларисса Блеквуд? — все ошеломлены. Я хихикнула: Джим Донелл и мальчишки Харрисы небось все глаза проглядели — не иду ли?

— Чего смеешься? — Констанция повернулась.

— Я придумала: ты слепишь имбирного человечка, а я назову его Чарльз и съем.

— Ох, Маркиса, ты опять за свое.

Констанция сейчас рассердится — и на меня, и на коврижку; уберусь-ка лучше из кухни подобра-поздорову. Впереди все утро, но дом покидать не хочется, да и самое время поискать средство против Чарльза; я направляюсь наверх, а запах имбиря преследует меня почти до второго этажа. Чарльз оставил дверь в комнату приоткрытой — не настезь, но вполне достаточно, чтобы просунуть руку.

Я толкаю сильнее, дверь открывается, и глазам предстает папина комната — теперь это комната Чарльза. Постель за собой он убрал — видно, мать в детстве научила. Чемодан на стуле, но закрыт; есть его вещи и на комодѣ, среди папиных: там и трубка, и носовой платок — все, чем осквернил Чарльз папину комнату. Один из ящичков комода слегка выдвинут: все-таки Чарльз рылся в папиных вещах. На цыпочках почти бесшумно, а то Констанция внизу услышит — подхожу к ящичку. Чарльз, верно, разглядывал папины вещи украдкой; узнай он, что я об этом пронюхала, непременно разозлится; значит, вещи из этого ящика наверняка обладают над Чарльзом величайшей властью, ведь они несут печать его вины. Я ничуть не удивилась, обнаружив, что он рылся в драгоценностях: в выдвинутом ящичке оказалась обтянутая кожей шкатулка, а в ней, я знала, зо-

лотые часы с цепочкой, запонки и перстень с печаткой. Мамины драгоценности мне трогать не разрешалось, а про папины у нас с Констанцией речи не было, мы в этой комнате вчера даже не убрали; наверно, можно открыть шкатулку и что-нибудь вынуть?

Часы покоятся отдельно, на атласной подушечке, и молчат — не тикают; возле них змейкой свернулась цепь. К перстню я не притронулась, от перстней и колец все внутри сжимается, стягивается проволокой, колец не разомкнуть, они безвыходны; а вот цепочка от часов мне понравилась, стоило вынуть — она обвинилась, прильнула к руке. Я бережно поставила шкатулку в ящик, плотно задвинула его и вышла, прикрыв за собой дверь; я отнесла цепочку к себе, и там, на подушке, она снова свернулась сонной золотой змейкой. Сначала я решила ее закопать, но пожалела: она и так долго лежала в темноте шкатулки в папином ящике, она заслужила место наверху, прибью-ка ее вместо упавшей с дерева книжки, пусть сияет там в солнечных лучах... Констанция на кухне пекла имбирную коврижку, дядя Джулиан спал у себя в комнате, Чарльз обследовал поселковые магазины, а я лежала на кровати и играла с золотой цепочкой.

* * *

— Это золотая цепочка от часов брата, — дядя Джулиан, любопытствуя, вытянул шею. — Я полагал, что его похоронили при часах.

Чарльз трясущейся рукой протягивал цепочку, рука так и ходила ходуном на фоне желтой стены.

— На дереве! — Его голос тоже дрожал. — Я нашел ее на дереве, прибитую гвоздем! Господи Боже мой! Что у вас за дом?!

— Ерунда, — сказала Констанция. — Поверь, Чарльз, это сушая ерунда.

— Ерунда?! Конни, эта штука сделана из золота!

— Но она никому не нужна.

— Повреждено одно звено, — Чарльз все оплакивал цепочку. — А я мог бы ее носить. Какого черта вы так обращаетесь с ценными вещами? Мы могли бы ее продать.

— Зачем? — Констанция удивилась.

— Я-то был совершенно уверен, что его похоронили при часах с цепочкой, — сказал дядя Джулиан. — Брат не из тех, кто легко расстается с вещами. Полагаю, он просто не знал, что ее отобрали.

— Она дорогая, — Чарльз терпеливо объяснял Констанции. — Это золотая цепочка, она, вероятно, стоит немалых денег. Разумные люди не прибывают на деревья такие ценные вещи.

— Успокойся, обед остынет.

— Я возьму ее и положу обратно в шкатулку, — сказал Чарльз. Никто, кроме меня, не заметил, что он знает, где ей положено лежать. Он поглядел на меня. — Мы еще выясним, как цепочка попала на дерево.

— Ее повесила Маркиса, — сказала Констанция. — Садись обедать.

— Откуда ты знаешь? Про Мари?

— Она всегда так делает, — Констанция улыбнулась мне. — Глупышка-Маркиса.

— Неужели правда? — Чарльз медленно пошел к столу, не сводя с меня глаз.

— Брат любил себя чрезвычайно, — произнес дядя Джулиан. — Самовлюбленный человек и весьма нечистоплотный.

* * *

На кухне все стихло; Констанция пошла укладывать дядю Джулиана, он всегда спал после обеда.

— Куда же денется бедняжка Мари, если сестра выгонит ее из дома? — спросил Чарльз у Ионы; тот прислушался. — Что станется с бедняжкой Мари, если Констанция и Чарльз ее разлюбят?

* * *

Не знаю, с чего мне вдруг взбрело в голову, что Чарльза можно попросить — и он уедет. Я отчего-то решила, что достаточно попросить его повежливей; наверно, сам он об отъезде и не думает — значит, надо ему напомнить. И поскорее, иначе дом пропитается его духом насквозь — не смоешь, не вытравишь никогда. Дом и так уже пропах им, его табаком и лосьоном для бритья; братец целыми днями топает по всем комнатам, оставляет на кухне трубку, раскидывает повсюду перчатки, кисет и бесчисленные коробки спичек. Он ходит в поселок каждый день, приносит газеты и бросает их повсюду, даже на кухне, а там они могут попасться на глаза Констанции. Искрой от трубки он прожог обивку на стуле в гостиной; Констанция не заметила, а я решила ей не показывать, надеялась, что теперь оскорбленный дом отторгнет Чарльза сам.

— Констанция, он не говорил, что собирается уезжать? — спросила я одним прекрасным утром; Чарльз жил в доме уже три дня.

Констанция сердилась все больше и больше, когда я заговаривала о его отъезде; прежде она всегда слушала меня с улыбкой и сердилась только, когда мы с Ионой нашкодим; теперь часто хмурилась, словно вдруг взглянула на меня иными глазами.

— Я уже сто раз тебе говорила: не смей болтать глупости про Чарльза. Он наш брат, мы его пригласили, а уедет он — когда захочет.

— Дяде Джулиану от него хуже.

— Просто Чарльз старается отвлечь дядю Джулиана от печальных воспоминаний. И я с ним согласна. Дяде Джулиану надо больше радоваться.

— Зачем ему радоваться, если он все равно умрет?

— Я не исполнила свой долг, — сказала Констанция.

— Что такое долг?

— Я здесь пряталась, — Констанция говорила медленно, точно подбирала слова на ощупь. Она стояла у плиты в солнечных лучах — золотоволосая, синеглазая, но не улыбочивая — и медленно говорила:

— Из-за меня дядя Джулиан живет прошлым, бесконечно проживает тот ужасный день. И ты у меня совсем одичала; когда ты причесывалась в последний раз?

Я не позволю себе сердиться, а на Констанцию — тем более! Но чтоб он сдох, этот Чарльз! Констанцию нужно защищать, как никогда прежде; если я разозлюсь или отвлекусь, она запросто погибнет. Я осторожно начала:

— На Луне...

— На Луне, — Констанция обидно засмеялась. — Я сама во всем виновата. Я не понимала, что нельзя пускать все на самотек и бесконечно прятаться. Я виновата перед тобой и перед дядей Джулианом.

— Так-то твой Чарльз ступеньку чинит?

— Дяде Джулиану место в больнице, с нянями и сиделками. А ты... — Она широко раскрыла глаза, точно увидела вдруг свою Маркису, и протянула ко мне

руки. — Ох, Маркиска! — Она тихонько рассмеялась. — Я тоже хороша: вздумала тебя ругать.

Я подошла к ней и обняла:

— Я люблю тебя, Констанция.

— Ты хорошая девочка, Маркиса, — сказала она.

И тогда я пошла разговаривать с Чарльзом. Разговор, я знала, дастся мне нелегко, время вежливых разговоров почти упущено, но все же разок попробую. Даже сад утратил красоту: там, возле яблонь, маячил Чарльз, и яблони согнулись и искривились. Я спустилась с крыльца и медленно направилась к Чарльзу. Я пыталась пробудить милосердие в своей душе, ведь говорить надо по-хорошему; но стоило мне вспомнить, как это огромное белое лицо глаза и ухмыляется, мне хотелось лишь одного: бить, дубасить, колотить — лишь бы лицо исчезло, мне хотелось увидеть в траве холодное тело и топтать, топтать его... Но милосердие в себе я все же пробудила и медленно подошла к Чарльзу.

— Брат Чарльз, — окликнула я. Он повернулся. И мне опять захотелось, чтобы он умер.

— Брат Чарльз...

— Что тебе?

— Я хочу попросить вас: уезжайте, пожалуйста.

— Ладно, — сказал он. — Считаю, что попросила.

— Прошу, уезжайте. Вы уедете?

— Нет.

Больше мне сказать было нечего. Из его кармана свисала папина золотая цепочка от часов: нацепил, несмотря на помятое звено; и часы папины наверняка в кармане. Завтра он непременно наденет папин перстень с печаткой и, возможно, заставит Констанцию надеть мамино жемчужное ожерелье.

— От Ионы отвяжитесь, — сказала я.

— Еще неизвестно, кто из нас двоих останется здесь через месячишко: ты или я.

Я бросилась к дому, ворвалась в папину комнату и туфлей ударила по зеркалу над комодом — оно треснуло поперек. Тогда я ушла к себе и заснула у окошка, положив голову на подоконник.

* * *

Все эти дни я хорошо помнила, что надо быть добрей к дяде Джулиану. Я его жалела: он почти не выходил из комнаты, получал на подносе и завтрак, и обед и лишь к ужину выбирался в столовую — под презрительный взгляд Чарльза.

— Кормила б его с ложки, что ли? — говорил Чарльз Констанции. — Он же выпачкался с головы до ног.

— Простите, я нечаянно, — дядя Джулиан глядел на Констанцию.

— Впору слюнявчик надевать, — смеялся Чарльз.

По утрам на кухне Чарльз уминал все подряд: и ветчину, и картошку, и яичницу, и горячие булочки, и пончики, и гренки, а дядя Джулиан дремал над остывающим молоком в своей комнате; порой, когда он звал. Констанцию, Чарльз говорил:

— Да скажи, что занята! Он под себя ходит, а ты пляшешь вокруг целыми днями. Помыкает тобой, как хочет!

В эти солнечные утра я старалась позавтракать до прихода Чарльза; если не успевала — забирала тарелку и садилась доедать на траву под каштаном. Как-то я подошла к окну дяди Джулиана с нежным, свежим листом каштана и положила на подоконник. Я стояла на солнышке и заглядывала в темную комнату: он лежал

неподвижно, и ему снились сны — причудливые сны старого дяди Джулиана; надо быть к нему добрее. Я пошла на кухню и сказала Констанции:

— Испеки дяде Джулиану к обеду мягкий пирожок.

— Констанция сейчас занята, — произнес Чарльз с набитым ртом. — Твоя сестра и так батрачит, разгибая спины.

— Испечешь? — спросила я снова.

— Прости, дел много.

— Но дядя Джулиан умирает.

— Констанция очень занята, — сказал Чарльз. — Беги, играй.

* * *

Однажды я пошла вслед за Чарльзом; дальше черного камня мне дороги не было: сегодня не пятница и не вторник; я осталась у черного камня и смотрела на Чарльза, идущего по Главной улице. Он поболтал со Стеллой — она грелась на солнышке у порога кафе — и купил у нее газету; потом подсел к сплетникам — тут уж я повернулась и пошла к дому. Если мне доведется снова идти в лавку, Чарльз наверняка окажется среди злобных зевак. Констанция возилась в саду, дядя Джулиан спал в каталке на припеке; я тихонько присела на скамейку, и Констанция, не поднимая головы, спросила:

— Где ты была, Маркиса?

— Бродила. Где мой кот?

— Знаешь, хватит бродить, мы тебе запрещаем. Пора остепениться.

— Это кто же «мы» — ты и Чарльз?

— Маркиса, — Констанция обернулась ко мне. Она так и осталась стоять на коленях на земле, толь-

ко сцепила руки. — Я до недавнего времени не осознавала, насколько я не права, что обрекла тебя и дядю Джулиана на затворничество. Зачем мы прятались от людей, почему не жили как все? Дядя Джулиан давным-давно мог бы лечь в больницу, там хороший уход, там есть сиделки. А тебе, — она беспомощно развела руками. — Тебе пора иметь поклонников, — вымолвила она наконец и рассмеялась. Даже ей подумать смешно.

— У меня есть Иона, — сказала я, и мы принялись смеяться вместе, дядя Джулиан вдруг пробудился и тоже закричал по-стариковски.

— Ты глупейшая на свете глупышка, — сказала я Констанции и отправилась искать Иону. Пока я бродила, вернулся Чарльз, принес газету и бутылку вина — себе к ужину, принес он и папино кашне — я накрепко примотала им калитку, чтобы Чарльз, хоть и с ключом, не мог вернуться обратно.

— Я мог бы этот шарф носить, — произнес он раздраженно; я сидела на огороде среди листьев салата возле спящего Ионы, но явственно слышала голос Чарльза. — Вещь дорогая и по цвету мне подходит.

— Это отцовское кашне, — сказала Констанция.

— Кстати, на днях я намерен перебрать всю его одежду. — Он замолчал: усаживался, должно быть, на мое место. Потом небрежно продолжил:

— Да, еще, пока я здесь, надо бы просмотреть бумаги твоего отца. Вдруг там что-нибудь важное?

— Только не мои, — произнес дядя Джулиан. — Пусть этот молодой человек не вздумает прикасаться к моим бумагам.

— Я даже кабинета твоего отца не видел, — сказал Чарльз.

— Мы туда редко заходим, там с тех пор никто ничего не трогал.

— Кроме сейфа, конечно, — уточнил Чарльз.

— Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Пускай мои бумаги достанутся тебе. И чтоб никто, слышишь, никто к ним не прикасался!

— Хорошо, дядя Джулиан.

Сейф с деньгами мне открывать не разрешалось. Просто зайти в кабинет можно, но мне там не нравилось — я и к двери-то никогда не подходила. Нечего Констанции впускать Чарльза в папин кабинет, у него и без того папина спальня, и папины часы с цепочкой, и папин перстень с печаткой. Нелегко, наверно, быть демоном и призраком, даже Чарльзу это непросто: следи непрестанно, чтоб маска не сползла, иначе узнают в тебе демона и прогонят; и за голосом следи, и за выражением лица, и за повадками — а то выдашь себя и пропал. Интересно, предстанет он в своем истинном обличье, если умрет? Похолодало; Констанция, должно быть, повезла дядю Джулиана в дом; я тоже пошла, оставив спящего Иону в зарослях салата. Дядя Джулиан судорожно сгребал свои бумажки в стопку, а Констанция чистила картошку. Чарльз топал наверх, и кухня без него показалась мне теплой, яркой, радостной.

— Иона спит в листьях салата, — сказала я.

— Кошачья шерсть — лучшая приправа к салату, — ласково отозвалась Констанция.

— Пора завести коробку, — провозгласил дядя Джулиан. Он откинулся в каталке и сердито смотрел на свои бумаги. — Все пора сложить в коробку, немедленно. Слышишь, Констанция?

— Хорошо, дядя Джулиан, я найду тебе коробку.

— Сложу бумаги в коробку, поставлю коробку в своей комнате, и этот проходимец их не тронет. Констанция, он проходимец!

— Ну что ты, дядя. Чарльз хороший, добрый человек.

— Он бесчестен. И отец его был бесчестен. Оба мои брата были бесчестны. И не разрешай ему брать мои бумаги, я не позволю рыться в моих бумагах, я не потерплю, чтоб он совал сюда свой нос. Так ему и передай. Он выродец, незаконнорожденный ублюдок.

— Дядя Джулиан!

— В переносном смысле, разумеется. Оба моих брата женились на сильных женщинах; но так уж повелось у мужчин говорить о неприятных людях — для красноречивого словца... Прости, что оскорбил твой слух, дорогая.

Констанция молча подошла к двери в подпол, лестница за дверью вела к бесчисленным банкам и баночкам. Констанция тихонько спускалась по лестнице; шаги Чарльза доносились сверху, шага Констанции — снизу.

— Вильгельм Оранский был незаконнорожденным, — пробормотал дядя Джулиан и, схватив обрывок бумаги, записал эту мысль. Констанция вернулась из подпола с коробкой для дяди Джулиана.

— Вот тебе чистая коробка.

— Зачем?

— Сложить бумаги.

— Этот молодой человек не смеет трогать мои бумаги. Констанция, я не потерплю, чтоб он трогал мои бумаги.

— Это я во всем виновата, — Констанция повернулась ко мне. — Надо было положить дядю в больницу.

— Констанция, дорогая, я переложу бумаги в коробку, дай-ка мне ее, будь любезна.

— Но ему здесь хорошо, — сказала я.

— Все надо было сделать иначе.

— Бессердечно отдавать его в больницу.

— Придется, если я... — Констанция вдруг осеклась и отвернулась к раковине с картошкой. — Добавить грецких орехов в яблочное пюре?

Я застыла. Я вслушивалась в недосказанное. Время иссякает, оно тисками сдавило дом, оно губит меня... Пора разбить зеркало в прихожей. Шаги Чарльза слышны на лестнице — в прихожей — на кухне.

— О, я вижу, все в сборе, — произнес он. — Что на ужин?

Вечером Констанция играла в гостиной; длинная тень от арфы плавно изгибалась на мамином портрете, звуки лепестками осыпались со струн. Она играла «По морю на небеса», «Беги, река моя, беги», «Я видел женщину» — все, что когда-то играла мама, но никогда мамины пальцы не перебирали струн так легко, так согласно с мелодией. Дядя Джулиан старался не заснуть, то слушал, то задремывал; Чарльз не осмелился задрать ноги на диванную спинку, но он все время ерзал, а табачный дым клубился вокруг свадебного пирога на потолке.

— Нежнейшее туше, — произнес дядя Джулиан. — Все женщины в семье Блеквудов — прирожденные музыкантши.

Чарльз поднялся и выбил трубку о каминную решетку.

— Как мило. — Он взял в руки фигурку из дрезденского фарфора. Констанция перестала играть, и он обратился к ней: — Ценная вещь?

— Нет. Но мама их очень любила.

Дядя Джулиан сказал:

— Больше всего мне нравятся «Шотландские колокольчики». Констанция, дорогая, сыграй...

— Хватит на сегодня, — оборвал его Чарльз. — Нам с Констанцией надо поговорить, дядя. Пора обсудить дальнейшую жизнь.

7

Четверг — день моего наивысшего могущества. Её-то я и выбрала, чтобы покончить с Чарльзом раз и навсегда. Поутру Констанция замесила тесто на пряное печенье — решила испечь к ужину; конечно, зря она эту возню затеяла: четверг-то оказался последним днем, только мы этого не знали заранее. Даже дядя Джулиан не подозревал; в то утро Констанция вывезла его на кухню, окутанную ароматами корицы и мускатного ореха, — ему было лучше, и он снова принялся записывать бумаги в коробку. Чарльз взял молоток, нашел гвозди и доску и теперь нещадно колотил по крыльцу; из окошка я увидела, что бьет он неумело, и обрадовалась: пускай-ка саданет себе молотком по пальцу. Убедившись, что все при деле, я украдкой — чтобы не услышала Констанция — пробралась наверх, в папину комнату. Первым делом надо остановить папины часы, которые завел Чарльз. Он чинит крыльцо — значит, часы наверняка не надел, да и цепочка из его кармана с утра не свисала; часы, цепочка и перстень с печаткой обнаружили на папином комод, там же валялся кiset и четыре коробка спичек. Спички мне вообще трогать запрещено, но уж эти — Чарльзовы — я и подавно не трону. Я поднесла часы к уху: послушать, как

тикают; на прежнее место стрелки не вернуть, часы идут уже двое или трое суток, но я крутила и крутила стрелки назад, покуда не услышала жалобный хруст — часы встали. Уверившись, что Чарльзу их не завести, я бережно положила часы на прежнее место; по крайней мере одна вещь в доме освобождена от чар, панцирь Чарльза дал трещину. С цепочкой все в порядке — ломать не надо, и так сломана; а перстней я не люблю. Чарльз заколдовал все в доме — не выветришь; но если изменить, переиначить сперва папину комнату, потом кухню, гостиную, кабинет и, наконец, сад — Чарльз заплутает, растеряется, не узнает ничего вокруг, он решит, что это другой — не наш — дом, и уедет. Сейчас я расколдую папину комнату — быстро и бесшумно.

Еще ночью, в темноте, я принесла из леса в большой корзине коры, сучьев, листьев, а еще битого стекла и железок с опушки. Иона проводил меня до леса и обратно, его забавляло, что все спят, а мы бродим. Теперь, чтобы расколдовать папину комнату, я сняла со стола книги, а с кровати одеяла; вместо них набросала осколков, железок, коры, палок и листьев. Забрать папины вещи к себе в комнату нельзя; я прокралась на чердак, где лежат их вещи, и сложила все там. На кровать Чарльза я вылила целый кувшин воды — не спать ему там больше! Зеркало над комодом уже разбито — в нем Чарльз себя не увидит. Он не найдет ни книг, ни вещей, он заплутает среди листьев и веток. Я сорвала занавески и оставила их на полу, теперь уж он волей-неволей выглянет из окна: на аллею и шоссе, что уводит далеко-далеко.

Я удовлетворенно оглядела комнату. Вряд ли такой разгром придется по душе демону-призраку. Я уже ле-

жала на своей кровати и играла с Ионой, когда в саду заорал Чарльз:

— Это уж чересчур! — орал он. — Слышишь, чересчур!

— Что на сей раз? — Констанция подошла к кухонной двери; из глубины кухни дядя Джулиан сказал:

— Вели этому молодчику — пусть заткнется!

Я тут же выглянула: прибить гвоздь Чарльзу оказалось не по силам — молоток и доска на земле, а ступенька по-прежнему сломана; Чарльз шел от протоки и что-то нес; интересно, что?

— Ты представляешь! Я просто глазам своим не поверил! — Он подошел совсем близко, но продолжал орать. — Ты взгляни, Конни, ты только взгляни!

— Это Маркисино, — сказала Констанция.

— С какой стати Маркисино? Это же деньги!

— Да я помню, помню, — сказала Констанция. — Серебряные монеты. Я даже помню, когда она их закопала.

— Но здесь долларов двадцать или даже тридцать! Возмутительно!

— Она обожает закапывать.

Чарльз все орал и яростно размахивал шкатулкой с монетами. Вот бы уронил, представляю: Чарльз на четвереньках шарит по траве — мое серебро ищет.

— Это не ее деньги, — гремел он. — По какому праву она их прячет?!

И как его угораздило найти шкатулку? Наверно, они притягиваются — деньги к Чарльзу, а Чарльз деньгам, — притягиваются и вблизи, и вдали. А может, он методично перекапывает всю нашу землю в поисках сокровищ?

— Это чудовишно, — орал он. — Чудовишно! У нее нет никакого права!

— Да кому от этого хуже? — озадаченно спросила Констанция.

На кухне дядя Джулиан настойчиво требовал Констанцию и стучал кулаком об стол.

— А вдруг она еще где-то деньги зарыла? — Чарльз обвиняюще потрясал шкатулкой. — Вдруг эта чокнутая девица закопала сотни, тысячи долларов — да так, что ни тебе, ни мне не найти?!

— Она любит закапывать, — сказала Констанция. — Иду, дядя Джулиан.

Чарльз вошел на кухню следом за ней, нежно прижимая к себе шкатулку. Можно, конечно, закопать ее обратно — потом, когда он уедет, но все равно противно. Я вышла к лестнице и увидела сверху, как Чарльз направляется через прихожую в кабинет: он явно собирался засунуть мою шкатулку в папин сейф. Я тихонько сбежала по ступеням и — через кухню — на улицу. Констанция сказала:

— Глупышка-Маркиска. — Она раскладывала пряное печенье ровными рядами — остывать.

Я задумалась: что сделать с Чарльзом? Может, превратить в муху и забросить пауку в паутину: пускай трепыхается, спутанный по рукам и ногам, пускай жужжит и умирает в мушином обличье; я стану желать ему смерти, и он непременно умрет. А может, привязать его к дереву навечно, чтобы тело вросло в ствол, а рот покрылся корой? Или закопать в землю вместо шкатулки? Монеты так надежно лежали там до его приезда; окажись Чарльз под землей, я с радостью пройду по нему, да еще притопну вдобавок.

Он даже не потрудился закидать яму. Представляю: шел он, шел и вдруг заметил, что земля копаная; остановился, присмотрелся и принялся бешено рыть обеи-

ми руками, сердито озираясь, и наконец — задыхающийся, алчный, потрясенный — извлек мою шкатулку с монетами.

— Я не виновата, — сказала я яме.

Надо похоронить здесь что-нибудь другое, лучше всего — самого Чарльза. Яма для его головы как раз впору. Я нашла подходящий круглый камень и рассмеялась: нацарапала на нем нос, рот, глаза и похоронила в яме.

— Прощай, Чарльз, — сказала я. — И впредь здесь не шастай и чужого не трогай.

У протоки я пробыла около часа; как раз в это время Чарльз наконец поднялся в комнату, которая была отныне не его и не папиной... На миг мне почудилось, что Чарльз и в убежище моем побывал, но нет — все на месте, а Чарльз наверняка все бы перерыл. Но поблизости он все-таки был — я чуяла его дух; пришлось заменить траву и листья с моего ложа и вытрясти одеяло. И плоский камень, иногда служивший мне столом, я отмыла дочиста, и ветку перед входом заменила. Интересно, вернется Чарльз сюда искать новые клады? А мои разноцветные стеклянные шарики ему тоже понравятся? В конце концов я проголодалась и отправилась домой. Чарльз по-прежнему кричал на кухне.

— Уму непостижимо! — пронзительно вопил он. — Просто уму непостижимо!

Сколько же он намерен так орать? Дом полнится черным колдовским звоном, голос Чарльза становится все выше. Он кричит все тоньше — вот-вот запищит, как мышь. Но до этого дело не дошло; увидев меня на ступенях, Чарльз умолк, а потом снова заговорил, но уже пониже и помедленней.

— Вернулась, значит... — С места он не сдвинулся, но произнес это так, будто пошел прямо на меня.

Я на него не глядела, я глядела на Иону, а Иона — на Чарльза.

— Я еще не решил, как с тобой расправиться, — сказал Чарльз. — Но урок мой ты запомнишь крепко.

— Чарльз, не пугай ее. — Голос Констанции мне тоже не понравился — чужой и нерешительный. — Это же я виновата. — Она теперь постоянно винила себя во всем.

Мне захотелось помочь Констанции или хоть рас-
смешить ее.

— *Amanita pantherina*, — сказала я, — чрезвычайно ядовита. *Amanita rubescens* — съедобна и вкусна. *Cicuta maculata* — одно из самых ядовитых диких растений. *Arosunum cannabinum* не относится к наиболее ядовитым растениям, но паслен сладко-горький...

— Замолчи, — сказал притихший Чарльз.

— Констанция, — сказала я. — Мы с Ионой пришли обедать.

— Сначала тебе придется объясниться с братом Чарльзом, — ответила она, и я похолодела.

Чарльз сидел за столом, чуть повернув стул к двери, — хотел видеть меня на пороге. За его спиной, облокотясь на раковину, стояла Констанция. Дядя Джулиан перекладывал бумажки за своим столом. Кухня была заставлена остывающим пряным печеньем, пахло корицей и мускатным орехом. Интересно, Ионе достанется пряное печенье? Нет, не досталось, ведь этот день оказался последним.

— Послушай, — начал Чарльз. Он притащил на кухню палок и мусора — сколько в руках унес, — хотел, видно, доказать Констанции, что они, в самом деле, были в его комнате; а может, он так и комнату собирает расчистить, пригоршня за пригоршней? Палки

и грязь на чистейшем кухонном столе — картина удручающая, оттого-то Констанция такая грустная.

— Послушай, — повторил Чарльз.

— Я не могу работать! Этот молодой человек болтает без умолку, — сказал дядя Джулиан. — Констанция, вели ему помолчать немного.

— Кстати, вас тоже касается, — Чарльз говорил по-прежнему тихо. — Довольно я терпел вас обоих, хватит. Одна в комнате гадит, деньги в землю закапывает, другой даже имени моего запомнить не может.

— Чарльз, — уточнила я его имя для Ионы. Деньги-то я закапывала, но имя его помню; а бедный, старый дядя Джулиан ничего не может: ни деньги закопать, ни имени вспомнить. Надо все-таки быть добрее к дяде Джулиану.

— Дашь дяде Джулиану пряного печенья на ужин? — спросила я Констанцию. — И Ионе дай.

— Мари Кларисса, — произнес Чарльз. — Тебе дается последняя возможность объясниться. Почему ты устроила в комнате хлев?

Отвечать ему незачем. Он же не Констанция; да и любое мое слово он использует, чтобы снова захватить власть над домом. Я сидела на ступеньке и чесала Иону за ушком, а ушко слегка подергивалось.

— Отвечай, — сказал Чарльз.

— Сколько раз повторять тебе, Джон, я об этом ровным счетом ничего не знаю, — дядя Джулиан ударил кулаком по столу, и бумажки разлетелись. — В женские дразги я не вникаю. Жены цапаются — пускай, нам в их склоки вступать не пристало. Попреки чужды мужчинам, тем более нельзя грозить друг другу, если повздорили жены. Ты мелочен, Джон, ты мелочен.

— Да заткнитесь! — закричал Чарльз; хорошо, что он снова кричит. — Констанция, — сказал он потише, — это какой-то кошмар. С этим надо кончать, немедленно кончать!

— ...не потерплю, чтобы родной брат затыкал мне рот. Мы покинем твой дом, Джон, если таково твое желание. Но одумайся, прошу тебя. Мы с женой...

— Это я во всем виновата, только я, — Констанция говорила так, будто вот-вот заплачет. Нет, нельзя, невозможно, она не плакала столько лет! Подбежать бы к ней, утешить, да ноги точно свинцом налились, и внутри все окаменело.

— Ты — черная сила, — сказала я Чарльзу. — Ты призрак и демон.

— Что? Какого черта?!

— Не обращай внимания, — сказала Констанция. — Маркиса несет чепуху.

— Я, Джон, все больше сомневаюсь в твоём благородстве. Ты корыстолюбец и, возможно, даже подлец, ты хочешь все в этом мире прибрать к рукам.

— Это психдом, — убежденно сказал Чарльз, — Констанция, это психдом.

— Я сейчас уберу в твоей комнате, Чарльз, не сердись, умоляю тебя. — Констанция бросила на меня сердитый взгляд, но я сидела как каменная, не в силах пошевелиться.

— Послушайте, дядя Джулиан, — Чарльз встал и подошел к столу.

— Не прикасайся к моим записям, — дядя Джулиан пытался прикрыть бумажки руками. — Не тронь мои записи, выродок.

— Кто я?! — спросил Чарльз.

Дядя Джулиан обратился к Констанции:

— Прости, это не для твоих ушей. Но все же вели этому юному выродку держаться отсюда подальше.

— Хватит, — оборвал Чарльз дядю Джулиана. — Наслушался. Я не собираюсь трогать ваши идиотские бумаги, и я никакой не Джон.

— Разумеется, ты не Джон, ты и ростом не вышел. Ты просто юный выродок, и отправляйся-ка к своему отцу, который, к моему величайшему сожалению, приходится мне братом. Так ему и передай. И мать пусть слышит, она женщина сильная, да родных не жалует — это она порвала с нами родственные отношения. Если захочешь, повтори самые крепкие мои слова в ее присутствии, я разрешаю.

— Но все давно забылось, дядя Джулиан; мы с Констанцией...

— Это ты забылся, юноша, ты не смеешь говорить со мной таким тоном. Отрадно слышать, что ты раскался, но ты отнял у меня слишком много времени. И сиди теперь тише воды, ниже травы!

— Сначала я договорю с вашей племянницей Мари Клариссой.

— Моя племянница Мари Кларисса давным-давно умерла, юноша. Не пережила потери родных. Я полагал, тебе это известно.

— Что? — Взбешенный Чарльз повернулся к Констанции.

— Моя племянница Мари Кларисса умерла в приюте от тоски и одиночества, пока ее сестру таскали по судам по обвинению в убийстве. Но она в моей книге существенной роли не играет. Хватит о ней.

— Вот же она сидит! — Чарльз махнул рукой в мою сторону, лицо его налилось кровью.

— Молодой человек! — Дядя Джулиан отложил карандаш и развернулся к Чарльзу. — Я, по-моему, указывал вам на важность моей работы. Но вы продолжаете мне мешать. С меня довольно. Замолчите или выйдите вон!

Я хохотала без удержу, даже Констанция улыбалась. Чарльз оторопело глядел на дядю Джулиана, а тот, повернувшись к бумагам, ворчал себе под нос:

— Невоспитанный, бесцеремонный щенок... Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Он вообще слишком много на себя берет. Когда он уезжает?

— Никуда я не уезжаю, — произнес Чарльз. — Я остаюсь здесь.

— Это невозможно, — сказал дядя Джулиан. — У нас нет места. Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Сделай мне на обед отбивную. Маленькую, в меру прожаренную. С грибами.

— Хорошо. — Констанция воспрянула духом. — Пора приниматься за обед. — И она с облегчением смела со стола мусор и палки, которые Чарльз притащил из комнаты, собрала в бумажный пакет и выбросила в мусорный бак, потом вернулась к столу с тряпкой и вытерла его до блеска. Чарльз глядел то на нее, то на меня, то на дядю Джулиана. Совершенно сбитый с толку, он не знал, как себя вести, не верил ни глазам, ни ушам своим, а я ликovala, глядя на первые судороги попавшего в сети демона, и страшно гордилась дядей Джулианом, Констанция улыбнулась Чарльзу — от радости, что никто больше не кричит; плакать она уже не будет; она, видно, тоже почувствовала, как демон тщится вырваться из сетей, и сказала:

— Чарльз, ты устал, наверное. Пойди, отдохни до обеда.

— Где прикажешь отдыхать? — Чарльз был еще ох как зол. — Я с места не двинусь, пока мы не разберемся с этой девицей.

— С Маркисой? А что тут разбираться? Я же сказала, что вычищу комнату.

— Ты что — не собираешься ее наказывать?

— Меня наказывать?! — Я замерла на пороге, дрожа от ненависти. — Меня наказывать? Отправите спать без ужина?

И я побежала. Я бежала, покуда не оказалась на поляне, в высокой-высокой траве — по самую макушку, здесь меня не найти... Но Иона меня все-таки отыскал и сел возле; трава надежно хранила нас от чужих глаз.

* * *

Я просидела так очень долго, но наконец встала; я знала, куда идти. Пойду в беседку. Последние шесть лет и близко к ней не подходила, но Чарльз испоганил все вокруг, только беседка осталась нетронутой. Иона за мной не пойдет, ему там не нравится; увидев, что я сворачиваю на заросшую тропинку к беседке, он пошел своей дорогой, словно у него возникло вдруг неотложное дело, а со мной он встретится позже. Беседка, помнится, никому особенно не нравилась. Папа собирался повернуть сюда русло протоки и устроить водопадик, но что-то неладное случилось с деревом, камнем и краской, и беседка не удалась. Мама однажды увидела на пороге крысу, и ничем с той поры маму было туда не завлечь, а раз не ходила мама — не ходил никто.

Возле беседки я оберегов не закапывала. Земля вокруг черная, сырая, в такой земле и лежать-то неуютно. Деревья обступали беседку со всех сторон, нижние ветви теснили стены, а кроны тяжело дышали на крыше; несчастные цветы, некогда посаженные здесь, либо погибли, либо одичали, разрослись — безмерно и безвкусно.

Дойдя до беседки, я остановилась: все-таки уродливее сооружения я не встречала; вспомнилось, как мама всерьез просила ее сжечь.

Внутри сыро и темно. На каменном полу сидеть неприятно, но больше негде; когда-то здесь были стулья и, кажется, даже столик, но их не то унесли, не то они просто сгнили. Я устроилась на полу, а остальных мысленно рассадила вокруг обеденного стола. Папу с мамой друг против друга. Дядю Джулиана справа от мамы, а брата Томаса — слева; возле папы — тетю Дороти и Констанцию. Сама я уселась между Констанцией и дядей Джулианом — на свое законное место. И стала вслушиваться в их беседу.

— ... купить книгу для Мари Клариссы. Люси, пора купить ей новую книгу.

— Мари Кларисса получит все, что захочет, дорогой. Наша возлюбленная дочь получит все, что только пожелает.

— Констанция, у твоей сестры нет масла. Положи скорей.

— Мари Кларисса, мы тебя очень любим.

— Тебя никогда не будут наказывать. Люси, проследи, чтобы Мари Клариссу, нашу самую любимую дочь, никто никогда не наказывал.

— Мари Кларисса не способна на скверные поступки, и наказывать ее не за что.

— Люси, я слышал, что непослушных детей порой отправляют спать без ужина. Я запрещаю наказывать Мари Клариссу подобным образом.

— Совершенно с тобой согласна, дорогой. Мари Клариссу нельзя наказывать. Ее никто не отправит спать без ужина. Мари Кларисса никогда не совершит дурного, ее не за что наказывать.

— Нашу возлюбленную, нашу драгоценную Мари Клариссу надо беречь и лелеять. Томас, отдай сестре свой обед, она не наелась.

— Дороти, Джулиан, встаньте, когда встает наша возлюбленная дочь.

— Склоните головы перед нашей обожаемой Мари Клариссой.

8

К ужину надо быть дома — это крайне важно. Я непременно должна сесть за стол вместе с Констанцией, дядей Джулианом и Чарльзом. Страшно представить, что они будут есть, разговаривать, передавать друг другу хлеб, а мое место пусто. Мы с Ионой шли по тропинке через сад; сумерки густели, а я, переполненная любовью и нежностью, смотрела на дом: наш дом прекрасен, он скоро очистится от скверны и тут вновь воцарятся лад и красота. На мгновение я остановилась, а Иона потерял о мою ногу и недоуменно мяукнул.

— Я смотрю на дом, — объяснила я; он поднял мордочку, и мы стали смотреть вместе. Крыша нацелена в небо, стены крепки и сплоченны, глазницы окон черны — прекрасный дом, еще немного, и он будет чист. Окна светятся лишь на кухне и в столовой: время ужи-

нать, пора домой. Мне хочется быть там, внутри, и плотно затворить за собой дверь.

Я открыла дверь на кухню, и дом дохнул на меня злобой Чарльза — и как только человеку удастся хранить в себе эту злобу так стойко? Его голос тек из столовой внятно и нескончаемо.

— ...с ней надо делать, — говорил он. — Так дальше нельзя, это невыносимо.

Бедная Констанция, каково ей слушать этот нескончаемый вздор, еда-то стынет! Иона, опередив меня, вбежал в столовую, и Констанция сказала:

— Вот и она.

Я настороженно остановилась на пороге: поглядеть на них. Констанция в розовом, волосы красиво зачесаны назад; мой взгляд она встретила улыбкой, хотя — по всему видно — устала она Чарльза слушать. Дядю Джулиана на каталке Констанция придвинула вплотную к столу, а за воротник ему сунула салфетку; плохо, что мучают дядю Джулиана — мешают есть как вздумается. Ел он мясо с зеленым горошком — горошек из припасов Констанции; нарезанное крохотными кусочками мясо он перемешивал с горошком, давил тыльной частью ложки и превращал в кашу, а потом пытался донести до рта. Чарльз он не слушал, но тот все бубнил:

— Решила вернуться? Что ж, барышня, давно пора. Мы с твоей сестрой как раз обсуждаем — как тебя проучить.

— Умойся, Маркиса, — ласково сказала Констанция. — И причешись. Мы с такой замарашкой за столом сидеть не хотим, а брат Чарльз и так на тебя сердит.

Чарльз нацелился в меня вилкой.

— К слову сказать, Мари, проделки твои отныне окончены — раз и навсегда. Мы с твоей сестрой

сыты по уши, хватит с нас! То ты прячешься неизвестно где, то крушишь все вокруг, то норов свой показываешь.

Мне не понравилось, что в меня целятся вилкой, и безостановочно гудящий голос мне тоже не нравился; лучше бы Чарльз набрал на вилку еды, сунул в рот да подавился.

— Беги, умывайся, — сказала Констанция. — А то ужин стынет. — Она знала, что за стол-то я сяду, но есть все равно буду потом, на кухне; но она, верно, решила не напоминать об этом Чарльзу, не подливать масла в огонь. Я улыбнулась Констанции и вышла, а голос за спиной не умолкал. В нашем доме давно не звучало столько слов — не сразу от них отчистишься-отмоешься. Я поднималась по лестнице и топала вовсю: пусть слышат, что иду наверх; но по второму этажу кралась почти бесшумно, не хуже Ионы, который не отставал ни на шаг.

Констанция в его комнате убрала. Теперь тут пусто: мусор-то она вынесла, а вещей — чтобы разложить по местам — не оказалось, я все отнесла на чердак. Я знаю, что пусто везде — и в ящиках комода, и в шкафу, и на книжных полках. Зеркала вообще нет; только молчащие часы со сломанной цепочкой одиноко лежат на комод. Мокрое постельное белье Констанция сняла, а матрас, видимо, высушила и перевернула: кровать застелена снова. Занавесок нет — наверное, в стирке. Постель смята: он недавно лежал, вон и трубка еще дымит на тумбочке возле кровати; он лежал здесь, когда Констанция позвала к ужину, лежал и всматривался в эту новую, чужую комнату, выискивал что-то привычное, надеялся, что вот он приоткроет дверцу шкафа или включит верхний свет — и все вернется, все станет

по-прежнему. Жаль, что Констанции пришлось одной ворочать матрац, я ей обыкновенно помогала; может, на этот раз он сам его перевернул? Она даже поставила чистое блюдце для трубки; пепельниц у нас не водилось, и когда Чарльз стал оставлять повсюду трубку, Констанция достала из кладовки шербатые блюда. Розовые, с золотыми листьями по ободочку — были они из старого-престарого сервиза, на моей памяти их на стол не ставили.

— Что это за блюда? — спросила я Констанцию, когда она принесла их на кухню. — И где от них чашки?

— Не помню, чтоб ими пользовались, в детстве меня на кухню не пускали. Какая-нибудь прабабка привезла в приданое; сначала ели-пили из них, потом побили, заменили другими и поставили в кладовку, на верхнюю полку, там из сервиза только эти блюда да три большие тарелки.

— В кладовке им и место, — сказала я. — Нечего по дому расставлять.

Но Констанция отдала их Чарльзу, и вместо того, чтобы чинно стоять на полке, они рассеялись повсюду. Одно в гостиной, одно в столовой, одно наверняка в кабинете. Блюда оказались очень выносливыми; вот это, в спальне, даже без трещинки, хотя на нем лежит раскуренная трубка. Задолго — с начала дня — я знала, что мне непременно повезет: и вот я смахиваю блюдце с трубкой в мусорную корзинку, они мягко падают прямо на газеты, которые он натаскал в дом.

С глазами у меня в этот миг творилось что-то неладное: один глаз, левый, видел все золотым, желтым и оранжевым, а другой — сине-серо-зеленым; может, один глаз предназначен для ясного дня, а другой — для

темной ночи? Будь у всех на свете такие глаза, пришлось бы множество цветов изобретать заново. Я уже дошла до лестницы, направляясь в столовую, но вспомнила, что надо умыться и причесаться.

— Почему так долго? — спросил он, когда я уселась за стол. — Что ты там делала?

— Испечешь мне пирог с глазурью? — спросила я Констанцию. — Розовый, с золотыми листьями по ободочку? Мы с Ионой устроим праздник.

— Может, завтра? — сказала Констанция.

— Нам после ужина предстоит долгий разговор, — произнес Чарльз.

— *Solanum duldamara*, — сообщила я ему.

— Что?

— Паслен, сладко-горький, — пояснила Констанция. — Чарльз, прошу тебя, не спеши с разговором.

— С меня довольно, — сказал он.

— Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Я съел все до крошки. — Тут дядя Джулиан обнаружил на салфетке кусочек мяса и отправил его в рот. — Что ты мне еще дашь?

— Хочешь еще мяса с горошком? Приятно, что ты ешь с таким аппетитом.

— Мне сегодня вечером гораздо лучше. Давно не было такого прилива сил.

Я порадовалась за дядю Джулиана: он хорошо себя чувствует и счастлив, что нагрубил Чарльзу. Пока Констанция резала мясо, дядя Джулиан глядел на Чарльза, и глаза его злорадно поблескивали.

— Молодой человек! — начал он наконец, но в этот миг Чарльз повернулся к двери в прихожую.

— Что-то горит, — сказал он. Констанция замерла.

— На плите? — Она побежала на кухню.

— Молодой человек...

— Точно, гарью пахнет. — Чарльз вышел в прихожую. — Запах отсюда, — сказал он. Интересно, кому он говорит. Констанция на кухне, дядя Джулиан обдумывает свою будущую тираду, а я Чарльза не слушаю. — Что-то горит.

— Это не на плите, — Констанция остановилась на пороге кухни и взглянула на Чарльза. Чарльз подошел ко мне.

— Ну, если это опять твоих рук дело...

Я засмеялась: Чарльз-то боится идти наверх, боится искать, что горит.

— Чарльз! Трубка... — ахнула Констанция, и он, сорвавшись с места, понесся вверх по лестнице.

— Я же столько раз просила... — вздохнула Констанция.

— Будет пожар? — спросила я, и тут сверху раздался крик Чарльза, он кричал пронзительно, как сойка в чаше.

— Там Чарльз кричит, — вежливо сообщила я Констанции; она выскочила в прихожую и подняла голову:

— Что? Чарльз, что случилось?!

— Пожар! — Чарльз с грохотом слетел по лестнице. — Бегите! Весь дом в огне! — кричал он Констанции прямо в лицо. — А у вас даже телефона нет!

— Мои записи, — забеспокоился дядя Джулиан. — Я сейчас соберу записи и помещу их в безопасное место. — Он оттолкнулся руками от стола, чтобы развернуть каталку. — Констанция?

— Бегите! — Чарльз уже рвал замок с парадных дверей. — Бегите, старый вы идиот!

— В последние годы я маловато упражнялся в беге, молодой человек. И не вижу причин устраивать истерику, я вполне успею собрать бумаги.

Чарльз открыл наконец парадные двери и обернулся к Констанции:

— Сейф поднять и не пытайся, переложи деньги в мешок. Я сбегая за помощью и тут же вернусь. Не волнуйся. — И бросился бежать. Он бежал к поселку и вопил: — Пожар! Пожар!

— Боже правый, — сказала Констанция почти беспечно. И повезла дядю Джулиана в его комнату, а я вышла в прихожую и посмотрела наверх. Чарльз не закрыл дверь в папину комнату: там, внутри, шевелился огонь. Огонь всегда стремится вверх, подумала я, значит — сгорят их вещи на чердаке. Парадные двери Чарльз тоже не закрыл — дым спускался вниз по лестнице и выплывал наружу. К чему суетиться, бегать вокруг дома, кричать? Похоже, сам огонь не очень-то спешит. Не закрыть ли дверь в папину комнату, пусть огонь останется лишь там, пусть это будет Чарльзов огонь; но не успела я подняться на несколько ступеней, как огонь лизнул ковер в коридоре, а в папиной комнате упало что-то тяжелое. Там теперь и следа от Чарльза не останется — огонь, наверно, даже трубку сожрал.

— Дядя Джулиан собирает бумажки, — Констанция вышла в прихожую и встала рядом со мной. В руках она держала шаль дяди Джулиана.

— Нам придется выйти из дома, — сказала я и, зная, что она испугается, поспешно добавила. — Можно остаться на веранде, за плющом, там совсем темно.

— Мы же недавно убрали, — сказала Констанция. — Не имеет он права гореть. — Констанцию тря-

сло, словно от злости, я за руку вывела ее на веранду, и мы оглянулись напоследок, но в этот миг противно завывли сирены, аллею залило светом фар, и острое света пригвоздило нас к порогу. Констанция испуганно уткнулась мне в плечо; Джим Донелл первым спрыгнул с пожарной машины и взбежал по ступеням.

— С дороги! — Он ворвался в наш дом.

Я провела Констанцию к краю веранды, где столбы и перила густо заросли плющом и вьюном, и она заби-лась в самый угол. Я крепко держала ее за руку, мы глядели, как топчут порог нашего дома, как тащат шланги, как дом полнится мерзостью, сумятицей и становится страшен. Все новые и новые фары вспыхивали на аллее; фасад дома был залит бледным, мертвящим светом и виден весь как на ладони; никогда еще не был он обнажен так бесстыдно для чужих глаз. Шум стоял оглушительный, и среди этого шума нескончаемо звучал голос Чарльза:

— Сейф, сейф в кабинете не забудьте! — твердил он. Дым вываливался из парадных дверей навстречу рвущимся внутрь людям.

— Констанция, — шепнула я. — Констанция, не смотри на них.

— Они меня видят? — шепотом спросила она. — Кто-нибудь смотрит?

— Все смотрят на пожар. Стой тихо.

Я осторожно выглянула из-за листьев. У дома, почти вплотную, стояли вереницей машины и поселковая пожарка; здесь собрались все селяне и, задрав головы, смотрели на дом. Смеющиеся лица, испуганные лица; кто-то совсем рядом крикнул:

— А где женщины, где старик? Их кто-нибудь видел?

— Я им сто раз кричал, что пожар, — отозвался откуда-то Чарльз. — Пожар их врасплох не застал.

Дядя Джулиан ловко управляет с каталкой, он сможет выбраться через заднюю дверь; к тому же ни кухне, ни его комнате огонь, кажется, не угрожает — шланги тянутся по лестнице к спальням наверху, и крики мужчин доносятся оттуда. Даже осмелюсь я бросить Констанцию, через парадные двери в дом не попасть — заметят, да и к задней двери незаметно не проберешься — придется выходить на слепящий свет, под их взгляды.

— Дядя Джулиан напуган? — спросила я шепотом.

— Скорей, рассержен.

Помолчав, она сказала:

— Столько грязи нанесли в прихожую — не отмоешь, — и вздохнула.

Я обрадовалась, что она думает о доме и позабыла о поселковых, которые толпятся на улице.

— А где Иона? — опомнилась я. — Где? В сумраке веранды я заметила на ее лице слабую улыбку.

— Он тоже рассердился. Когда я отвозила дядю Джулиана, он спускался с крыльца.

Значит, мы все в безопасности. Дядя Джулиан увлечется своими бумажками и вовсе пожара не заметит, а Иона наверняка следит за пожаром из-за деревьев. И когда потушат Чарльзов огонь, я проведу Констанцию обратно в дом, и мы возьмемся за уборку.

Констанция немного успокоилась, хотя к дому все подкатывали машины, а через порог сновали люди в огромных башмаках. Различить, кто есть кто, невозможно, только у Джима Донелла надпись на каске гласила, что он тут главный; неразличимы были и лица возле дома, все смеялись и таращились на огонь.

Я попыталась рассуждать четко и ясно. Дом горит, там поселился огонь, но Джим Донелл и другие, безымянные люди в касках и плащах обладают над этим огнем непонятной властью, они могут уничтожить огонь, обгладывающий костяк нашего дома. Чарльзов огонь. Прислушавшись, я различила голос огня; он жарко пел там, наверху, но тут же терялся, затихал; в доме кричали пожарные, снаружи гудела толпа, вдалеке, на аллее, шумели машины. Рядом со мной замерла Констанция: взглянет порой на мужчин, что лезут и лезут в дом, и снова закроет лицо руками; конечно, она взволнована, но опасность ей не грозит. Изредка из общего гула выделялись возгласы: Джим Донелл отдавал приказы пожарным или кто-нибудь кричал из толпы.

— Пускай себе горит, — смеялась женщина.

— Принесите сейф из кабинета с первого этажа, — зывал Чарльз с безопасного места.

— Пускай себе горит, — напористо повторяла та же женщина.

Черный человек, из тех, что сновали через порог, обернулся и, ухмыльнувшись, помахал ей рукой:

— Мы пожарные. Наше дело гасить.

— Пускай горит, — повторяла женщина.

Мне ужасно хотелось есть, в столовой ждал ужин, а эти, наверно, нарочно волынку затеяли; когда же, наконец, они погасят этот огонь и уберутся отсюда, когда мы с Констанцией сможем вернуться в дом? Несколько поселковых мальчишек влезли на веранду совсем близко от нашего укрытия, но хотели они одного — заглянуть в дом; они вставали на цыпочки и тянули шеи, чтобы увидеть хоть что-то над головами пожарников, тащивших шланги. Я очень устала, хорошо бы все поскорее

кончилось. Огонь утихал, и лица перед домом потускнели в сумраке, а шум обрел новые тона: голоса внутри зазвучали уверенней, спокойней, почти что радостно, а голоса снаружи — разочарованно.

— На убыль пошло, — произнес кто-то.

— Теперь уж не развернется.

— Хорошо погулял в доме, — хихикнул кто-то. — Там, небось, теперь сам черт ногу сломит.

— Давно пора было подпалить.

— С ними вместе.

Значит, с нами — с Констанцией и со мной.

— А их видел кто-нибудь? Может, они в доме остались?

— Ишь размечтался. Пожарники их сразу вытурили.

— А жаль.

Огонь почти погас. Люди толпились во тьме перед домом, их лица потемнели и удлинились, подсвеченные лишь автомобильными фарами; я различала чью-то усмешку, взмах руки. И вот остались только разочарованные голоса.

— Скоро погаснет.

— А здорово полыхало.

В парадных дверях показался Джим Донелл. Его узнали все: по высокому росту и каске главного пожарного.

— Эй, Джим, что ж вы ему сгореть не дали?

Он поднял обе руки, и толпа примолкла.

— Братва, пожар кончился, — произнес он.

Он поднял руки еще выше и бережно снял с головы каску с надписью; медленно сошел по ступеням, подошел к пожарной машине и положил каску на переднее сиденье. Люди глаз с него не сводили. Он наклонился, что-то выискивая, — толпа всё глазела, — и поднял

с земли камень. В полной тишине он повернулся к дому, размахнулся и запустил камнем в высокое окно маминной гостиной. За его спиной покатился смех — смеялись все громче, громче, и вот мальчишки с веранды, мужчины, женщины — все хлынули на дом огромной волной.

— Смотри, Констанция! — вскрикнула я. — Смотри же! — Но она не отнимала рук от лица.

Со звоном разбилось второе стекло в гостиной, на этот раз били изнутри — торшером, который всегда стоит у столика Констанции.

Но страшнее, ужаснее всего был их смех. Одна из фарфоровых фигурок вылетела из окна и разбилась вдребезги о перила веранды, другая уцелела — упала на землю и покатилась по траве. Жалобно и мелодично всхлипнула арфа; и еще звук — это хрястнули стулом о стену.

— Послушайте, — раздался откуда-то голос Чарльза. — Друзья! Помогите-ка мне сейф выволочь.

И тут сквозь смех стали проступать слова — ритмично, настойчиво: «Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?»

Я на Луне; ну пожалуйста, пускай я окажусь на Луне. Тут я услышала звук бьющейся посуды и поняла, что стоим мы под окнами столовой, а поселковые неумолимо приближаются.

— Констанция, бежим!

Она покачала головой, по-прежнему не отнимая рук от лица.

— Они же нас вот-вот найдут. Ну, Констанция, миленькая, бежим, ну пожалуйста!

— Не могу, — сказала она, и в этот миг прямо над головой, из окон столовой, заорали: «Эй, Маркиса, — кличет Конни, — не пора ли спать?»

Не успела я оттащить Констанцию, как вниз посыпались стекла: они, видно, угодили стулом в окно; наверно — папиным стулом, на котором сидел Чарльз.

— Скорей, — сказала я громко, я не могла больше сдерживаться среди этого шума; схватив Констанцию за руку, я бросилась к ступеням. Мы выбежали на свет, и Констанция закрыла лицо шалью дяди Джулиана — хоть как-то спрятаться.

Из парадных дверей выскочила девочка, а следом — ее мать; девочка что-то несла в сложенных ладонях — мать поймала ее за подол и ударила по рукам:

— Не смей класть отраву в рот! — И девочка выронила пригоршню пряного печенья.

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?..

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — не пора ли спать?..

Нет, — ответила Маркиса, — ты подсыпешь яду...

До спасения рукой подать: по ступеням и в лес, совсем близко, но площадку перед домом освещают фары, вдруг Констанция поскользнется и упадет? И все-таки — в лес, быстрее в лес, и другой дороги нет. Мы замерли на верхней ступени, не в силах двинуться дальше, а за спиной — разбитые окна, звон фарфора и хрусталя, звяканье столового серебра, глухие стоны кастрюль и сковородок — громили все подряд; мою табуретку на кухне уже, наверно, превратили в щепки. Мы так и стояли, когда на аллее снова показались фары: одна за другой подъехали две машины и резко затормозили возле дома, осветив площадку еще ярче.

— Что тут происходит, черт возьми?! — Из первой машины выкатился Джим Кларк; с другой стороны вы-

лезла Хелен Кларк да так и застыла, разинув рот. Джим Кларк направился в дом, он кричал, толкался, а нас не замечал вовсе.

— Что у вас тут делается, черт бы вас всех побрал?! — повторял он, а Хелен Кларк все стояла как вкопанная и глядела на дом. Нас она тоже не увидела.

— Идиоты безмозглые, — орал в доме Джим Кларк. — Пьяные безмозглые идиоты!

Из второй машины выскочил доктор Леви и тоже поспешил к дому.

— Вы тут что все — с ума посходили?! — разорвался Джим Кларк. В ответ грохотал смех.

— Хочешь мармеладу? — заголосил кто-то, и снова загоготали.

— Мы этот дом по кирпичику разнесем!

Доктор взлетел по ступеням, мы посторонились, но он на нас не глядел.

— Где Джулиан Блеквуд? — спросил он у женщины в дверях.

Она ответила:

— Где скелет гремит костями — там его кровати!

Дольше медлить нельзя; я крепко схватила Констанцию за руку, и мы стали осторожно спускаться. Бежать я пока опасалась — вдруг Констанция упадет? — и медленно вела ее по лестнице; нас никто не мог видеть, кроме Хелен Кларк, но она неотрывно смотрела на дом. За спиной я слышала крики Джима Кларка, он пытался прогнать их из нашего дома; не успели мы сойти вниз, как голоса выплеснулись на улицу вслед за нами.

— Вот они! — закричал кто-то, по-моему, Стелла. — Вот они, вот они, вот они!!!

Я бросилась бежать, но Констанция споткнулась, и они нас окружили; они смеялись, толкались и про-

бирались вперед. Констанция закрывала лицо шалью дяди Джулиана, чтобы ее никто не разглядел; чем ближе надвигались люди, тем теснее мы прижимались друг к другу.

— Запереть их в доме да поджечь заново!

— Мы вам такой уют навели, девочки, век помнить будете!

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?

Мне вдруг, как в бреду, почудилось: они возьмутся сейчас за руки и примутся петь и приплясывать вокруг нас. Вдалеке я увидела Хелен Кларк, она прислонилась к машине и, плача, что-то говорила; из-за шума ее слов не слышно, но она наверняка повторяла:

— Хочу домой, хочу домой.

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — не пора ли спать?

Они старались до нас не дотрагиваться; чуть повернешься — подавались назад; за чьими-то плечами я увидела Харлера, он бродил по веранде, подбирал вещи для своей свалки и складывал в кучу. Я крепко сжала руку Констанции и повернулась — толпа подавалась назад, и мы бросились к лесу, но нас опередили жена Джима Донелла и миссис Мюллер, они смеялись и растопыривали руки, преграждая путь; мы остановились. Я повернулась, дернула Констанцию, и мы побежали в другую сторону, но на дороге возникли Стелла и мальчишки Харрисы, они смеялись, а Харрисы кричали:

— Где скелет гремит костями — там твоя кровать!!!

Мы остановились. Я бросилась к дому, волоча за собой Констанцию, но нас перехватили лавочник Эл-

берт и его скупердяйка жена, они приплясывали, раскинув руки; мы остановились. Я метнулась в сторону, но на нашем пути встал Джим Донелл; мы остановились.

— Нет, ответила Маркиса, ты подсыпешь яду, — ележно протянул Джим Донелл, и они снова окружили нас плотной стеной, стараясь не прикасаться.

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — не пора ли спать?

Все звуки перекрывал смех, в нем тонули и пение, и крики, и улюлюканье мальчишек Харисов:

— Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?

Одной рукой Констанция вцепилась в меня, другой — прижимала к лицу шаль дяди Джулиана. Я вдруг заметила просвет в их рядах и снова ринулась к деревьям, но мальчишки Харрисы были тут как тут, один даже свалился на землю от смеха; мы остановились. Я снова повернулась и побежала к дому, но передо мной возникла Стелла; мы остановились. Констанция все время спотыкалась; только бы не упала сейчас, здесь, у них на глазах, — они просто растопчут ее в своей дикой пляске. И я больше не двигалась с места: невозможно, чтобы Констанция упала им под ноги.

— Довольно, — сказал с веранды Джим Кларк. Сказал негромко, но его слышали все. — Уймись.

Вежливая тишина продлилась недолго, кто-то сказал:

— Где скелет гремит костями — там твоя кровать. — И снова загрохотал смех.

— Послушайте, — Джим Кларк заговорил громче. — Послушайте меня. Умер Джулиан Блеквуд.

Все наконец замолчали. Потом из толпы, окружавшей нас, раздался голос Чарльза Блеквуда:

— Она его убила?

И они отошли, медленно отхлынули от нас. Мы стояли теперь в середине большого круга, и Констанция с шалью дяди Джулиана на лице была видна со всех сторон.

— Она его убила? — снова спросил Чарльз Блеквуд.

— Нет, — отозвался доктор с порога дома. — Он умер, как я и предполагал. Он долго ждал своего часа.

— Идите с Богом, — сказал Джим Кларк. Он брал людей за плечи, подталкивая в спины, разворачивал к машинам и к аллее.

— Расходитесь, да поживее, — говорил он. — Покойник в доме.

Стало тихо, хотя множество людей шли по траве к аллее; я услышала голос Хелен Кларк:

— Бедный Джулиан.

Я осторожно шагнула — ближе к темноте — и потянула Констанцию за собой.

— Сердце отказало, — говорил доктор на веранде.

Я сделала еще шаг. На нас никто не смотрел. Негромко хлопали дверцы машин, урчали моторы. Я оглянулась. На ступенях вокруг доктора осталась горстка людей. Машины поворачивали на аллею, и фары больше не светили на нас. Вокруг уже смыкались тени деревьев, шаг, другой — и мы в лесу. Там я заспешила, потащила Констанцию в чащу, во тьму; и вот под ногами уже не трава, а мягкая мшистая тропинка: значит, мы

в надежном укрытии. Я остановилась и обняла Констанцию.

— Ну, вот и все. — Я покрепче прижала ее к себе. — Все позади. Все хорошо.

* * *

День ли, ночь ли — дорога знакомая. Хорошо, что я прибрала в своем убежище и натаскала свежих листьев, — Констанции будет уютно. Накрою ее листьями, как в сказке, согрею и охраню. Стану ей песни петь и сказки рассказывать, натаскаю ей румяных яблок, янтарных груш и сочных ягод, напою водицей из чашечки-лепестка. А в один прекрасный день мы улетим на Луну. Я нашла вход в убежище и провела Констанцию в уголок, к охапке свежих листьев и одеялу. Я подтолкнула ее тихонько, и она села, а я накинула шаль ей на плечи. Послышалось мурлыканье — Иона давно меня здесь дожидался.

Вход я закрыла ветками — нас не найдут даже с фонарями. Внутри не совсем темно, я различала черную тень — Констанцию, а над головой — две или три звездочки, они сияли вверх, вдалеке — за небом, листьями и ветками.

«Разбили мамину фарфоровую безделушку», — вспомнила я и громко сказала Констанции:

— Я подложу смерть им в еду и буду глядеть, как они умирают.

Констанция повернулась ко мне, зашуршали листья.

— Как в тот раз? — спросила она.

Мы об этом ни разу не говорили, ни разу за шесть лет.

— Да, — помолчав, ответила я. — Как в тот раз.

9

Посреди ночи приезжала санитарная машина — за дядей Джулианом; они, наверно, долго искали его шаль, а я укрыла ею Констанцию, когда та заснула. Я видела, как машина свернула с шоссе на аллею: яркие фары и красный фонарик наверху; я слышала, как она увозит дядю Джулиана, как тихо — при покойнике — разговаривают, как открывают и закрывают двери. Нас они окликнули дважды или трижды: должно быть, хотели спросить, можно ли увозить дядю Джулиана, но кричали негромко, а в лес идти побоялись. Я сидела на берегу протоки; жаль, что не всегда удавалось мне быть доброй к дяде Джулиану. Он считал, что я умерла, а теперь вот сам умер. «Склоните головы перед нашей возлюбленной Мари Клариссой — иначе тоже умрете», — подумала я.

Вода сонно журчала в темноте; каков-то теперь наш дом? Вдруг огонь уничтожил все; вдруг мы придем завтра к дому, а последние шесть лет сгорели дотла и за столом нас ждут они — ждут, чтобы Констанция подавала ужин? Или мы окажемся вдруг в доме Рочестеров, или среди жителей поселка, или в плавучем доме посреди реки, или в башне на вершине горы; а может, я уговорю огонь повернуть вспять, и он покинет наш дом и набросится на поселок? Или все поселковые уже поумирали? А может, это и не поселок вовсе, а огромная игральная доска, расчерченная на клеточки, и я уже перескочила клеточку «пожар, начни игру сначала», я ее перескочила, и до спасительного дома всего несколько клеток и — последний ход?..

Ионина шерсть пропахла дымом. Сегодня день Хелен Кларк, но чая не будет — придется убирать в доме,

хотя по пятницам мы никогда не убираем. Жаль, что Констанция не припасла нам бутербродов в дорогу; неужели Хелен Кларк заявится к чаю — дом-то к приему гостей не готов. А мне теперь, наверно, не разрешат разносить чай и бутерброды.

Светало. Констанция зашуршала листьями, зашевелилась, и я вошла в наше убежище, чтобы быть рядом, когда она проснется. Констанция открыла глаза, взглянула на деревья над головой, на меня и улыбнулась.

— Наконец-то мы на Луне, — сообщила я ей, и она опять улыбнулась.

— А я думала — мне все приснилось.

— Нет, все было на самом деле.

— Бедный дядя Джулиан.

— Они приезжали ночью и забрали его, а мы с тобой были здесь, на Луне.

— Мне тут нравится, — сказала она. — Спасибо, что привела.

В ее волосах запутались листья, лицо вымазано сажей; Иона, вошедший в убежище вслед за мной, удивленно уставился на Констанцию: никогда прежде он не видел ее грязной. Констанция притихла и больше не улыбалась, она смотрела на Иону и читала в его глазах, что лицо ее запачкано сажей.

— Маркиса, что же нам теперь делать?

— Во-первых, убрать в доме, хотя по пятницам убирать не полагается.

— Дом... Ох, Маркиска.

— И я вчера не ужинала, — добавила я.

— Маркисонька! — Она вскинулась и выбралась из-под шали и листьев. — Маркисонька, девочка моя бедная. Мы сейчас, мы быстро. — Она поспешно встала.

— Лучше умойся сперва.

Она пошла к протоке, смочила носовой платок и оттерла грязь с лица; я тем временем стряхнула листья с шали и, складывая ее, подумала: «Какое же сегодня странное, необычное утро, прежде мне никогда не разрешалось трогать шаль дяди Джулиана». Я поняла, что отныне вся жизнь пойдет по-иному, но все же непривычно складывать шаль дяди Джулиана. Надо будет потом вернуться сюда, в убежище, все прибрать и натащить свежих листьев.

— Маркиса, скорей, ты же умрешь с голоду.

— Надо быть начеку. — Я взяла ее за руку, чтоб не спешила. — Иди тихо и осторожно, вдруг нас кто-нибудь подкарауливает.

Я молча пошла вперед по тропинке, Констанция и Иона — следом. Констанции не удавалось двигаться так тихо, как умела я, но она очень старалась, а Иона и подавно крался бесшумно. Я выбрала тропинку, которая выведет к огороду, к задней двери; на опушке я остановилась и задержала Констанцию, мы озирались: не притаился ли кто. Сад с огородом, дверь кухни — все как прежде, вдруг Констанция ахнула: «Маркиса!» — и с замиранием сердца я увидела, что крыши нет вовсе.

Только вчера я смотрела на дом с такой любовью, и был он высок, и крыша терялась в кронах деревьев. Теперь дом кончался сразу над кухонной дверью, а выше — как в страшном сне — обугленные бревна, искореженные балки, а вон свисает остаток рамы с чудом уцелевшим стеклом — это окно моей комнаты, отсюда я когда-то смотрела на сад.

Возле дома ни души, ни звука. Мы вместе двинулись вперед, не в силах постичь, что дом наш обезображен,

разрушен и унижен. Золу и пепел разметало по огороду, салат придется теперь перед едой отмывать, и помидоры тоже. Пожара тут не было, но все — и трава, и яблони, и мраморная скамейка в саду, — все пропахло гарью и покрылось копотью. Подойдя ближе, мы убедились, что первый этаж огонь пощадил, удовлетвовавшись спальнями и чердаком. Перед кухней Констанция нерешительно остановилась. Она входила сюда тысячу раз, дверь наверняка признает хозяйку. Но дверь удалось лишь приоткрыть; дом зябко вздрогнул, хотя в нем и без того вольно гуляли сквозняки, — впрочем, остудить дом им удастся не скоро. Констанции пришлось толкнуть дверь сильнее. Обгорелые деревяшки нам на голову не повалились, а я втайне боялась, что дом крепок только с виду и при первом прикосновении рассыплется в прах.

— Моя кухня! — ахнула Констанция. — Моя кухня.

Она оторопело замерла на пороге. А я подумала, что ночью мы перепутали дорогу, заплутали и теперь забрели в чужое время, к чужой двери, в чужую, страшную сказку. Констанция прислонилась к косяку и повторяла:

— Кухня, Маркиса, моя кухня.

— Моя табуретка цела, — сказала я.

Дверь открывалась с таким трудом оттого, что ей мешал кухонный стол, лежавший на боку. Я поставила его на ножки, и дверь распахнулась. Два стула разбиты в щепки, на полу месиво осколков, обрывков, съестных припасов. На стенах подтеки повидла, сиропа и томатного соуса. Раковина, где Констанция моет посуду, доверху забита стеклом, точно в ней хладнокровно один за другим били стаканы. Ящики со столовым серебром и кухонной утварью вырваны из гнезд и разбиты о край стола и о стены; серебряные ножи, вилки,

ложки, служившие многим поколениям блеквудских хозяев, валяются, погнутые, на полу. Скатерти и салфетки, аккуратно подрубленные блеквудскими женщинами, стиранные—перестиранные, глаженные—переглаженные, штопанные и заботливо хранимые, выдернуты из ящиков буфета и разбросаны по кухне. Казалось, все богатства, все потаенные сокровища нашего дома найдены, поломаны и осквернены. У моих ног — разбитые тарелки с верхней полки буфета и наша маленькая в розочках сахарница — без ручек. Констанция наклонилась и подняла серебряную ложечку:

— Это из бабушкиного приданого. — Она положила ложечку на стол. Потом вдруг опомнилась: — Консервы! — и шагнула к двери в подпол.

Дверь закрыта: могли просто не заметить или времени не было по лестницам ходить. Констанция пробралась к двери и, приоткрыв, заглянула внутрь. Я представила наши чудесные банки разбитыми — осколки в липком месиве на полу; но Констанция, спустившись на несколько ступенек, сказала:

— Тут, слава Богу, ничего не тронuto.

Констанция прикрыла дверь и прошла к раковине — помыла руки и вытерла их полотенцем, поднятым с пола.

— Во-первых, мы тебя накормим.

Иона остался на крылечке — там уже припекало солнце — и потрясенно оглядывал кухню; вот он взглянул на меня — думает, верно, что это мы с Констанцией устроили такой погром. Я заметила уцелевшую чашку, подняла, поставила на стол; надо, пожалуй, поискать, что еще уцелело. Я вспомнила, что одна из маминых дрезденских фигурок упала в траву; интересно, удалось ей спастись? Потом схожу, посмотрю.

День был совершенно не похож на другие дни — все наперекосяк, все не по порядку. Констанция спустилась в подпол и вернулась с банками в обеих руках.

— Овощной суп, — она чуть не пела от радости, — клубничное варенье, куриный бульон и мясо в маринаде.

Она расставила банки на столе и медленным взглядом обвела пол.

— Нашла. — Она подняла в углу кастрюльку. И вдруг, словно ей понадобилось что-то срочно проверить, побежала в кладовку.

— Маркиса, — рассмеялась она. — Они муку в бочонке проглядели. И соль цела, и картошка.

«Зато сахар нашли», — подумала я. Пол под ногами скрипел и хрустел, шевелился, как живой; ну конечно, сахар они искали специально — как иначе повеселишься; они, верно, кидали его друг в друга пригоршнями и орали: «Здесьний сахар, сахар с ядом, на, попробуй, отравись!»

— А вот до полок добрались, — сказала Констанция. — И крупы рассыпали, и специи, и банки раскидали.

Я медленно обошла кухню, глядя под ноги. Они, похоже, сгребали все, что под руку попадет, и бросали на пол; повсюду валялись металлические консервные банки с такими вмятинами, точно они брошены с большой высоты; пачки чая, круп, печенья были растерзаны, раздавлены каблуками. Невскрытые баночки со специями грудой лежали в углу; пахло вдруг пряным печеньем, и я увидела одно печенье — растоптанное — на полу.

Констанция показалась из кладовки с буханкой хлеба.

— Гляди-ка, оставили. И яйца есть, и молоко, и масло на леднике.

Дверь в подпол они не заметили — значит, и ледник не нашли. Вот и отлично, хоть яичницу на полу не устроили.

Я обнаружила три целых стула и расставила по местам — вокруг стола. Иона устроился в углу на моей табуретке и наблюдал за нами. Я выпила бульон из чашки без ручки; Констанция вымыла нож и намазала масло на хлеб. Я этого еще не осознала вполне, но время и порядок нарушились навсегда: когда я нашла стулья? когда я ела хлеб с маслом? сперва нашла, а потом ела? сперва ела, а потом нашла? или одновременно? Констанция вдруг вскинулась и, отложив нож, бросилась к закрытой двери в комнату дяди Джулиана, потом, смущенно улыбаясь, вернулась на место:

— Мне показалось — он проснулся.

Дальше кухни мы пока не ходили. Мы еще не знали, что осталось от дома, что ждет нас в прихожей и в столовой. Мы тихонько сидели на кухне, благодарные за три стула, за бульон, за солнечный свет, льющийся с улицы, и не было сил двигаться.

— Что они сделают с дядей Джулианом? — спросила я.

— Устроят похороны, — печально ответила Констанция. — Как остальным, помнишь?

— Я была в приюте.

— А мне позволили пойти на похороны, я помню. И дяде Джулиану они устроят похороны, придут Кларки и Каррингтоны, и маленькая миссис Райт обязательно придет. И будут рассказывать друг другу, как они горюют. И будут искать нас.

Я представила, как они ищут нас, как зыркают по сторонам, — меня передернуло.

— А похоронят его вместе с остальными.

— И я что-нибудь похороню в память о дяде Джулиане, — сказала я.

Констанция умолкла, глядя на свои пальцы — длинные пальцы на столе.

— Нет больше дяди Джулиана, и других нет, — сказала она. — И от дома ничего не осталось, Маркиса, только мы с тобой.

— Еще Иона.

— Еще Иона. И мы теперь затаимся, даже носу не высунем.

— Но сегодня день Хелен Кларк, она к чаю придет.

— Нет, — сказала Констанция. — Сюда она больше не придет. Никогда.

Мы тихонько сидели на кухне, и казалось — успеется, подождем пока смотреть, что случилось с домом, посидим так, вместе. Библиотечные книги по-прежнему на полке — нетронутые, — никто, видно, не рискнул трогать библиотечную собственность, кому охота платить штраф?

Констанция обычно не ходила, а летала, но сейчас сидела, не в силах пошевелиться, уронив руки на стол; на разоренную кухню не глядела, сидела точно в полусне, точно не веря, что это — наяву. Мне стало не по себе.

— Надо дом убирать, — напомнила я, но она лишь улыбулась в ответ.

Наконец ждать ее мне стало невозможно.

— Пойду посмотрю, — сказала я и направилась в столовую. Констанция глядела, не шевелясь. Я распахнула дверь, и в лицо ударил запах сырости, гари

и разорения; по полу разбросаны осколки огромных оконных стекол; серебряный сервиз сметен с серванта и растоптан, раздавлен — чудовишно, до неузнаваемости. Стулья здесь тоже переломаны; я вспомнила, что они крушили ими окна и колотили об стены. Через столовую я прошла в прихожую. Парадные двери распахнуты настежь, лучи раннего косого солнца узором рассыпались среди битого стекла на полу и на каких-то порванных тряпках; но это не тряпки — я узнала, — это занавески из гостиной, те самые, которыми хвасталась мама, больше четырех метров длиной. Снаружи никого не было; я постояла на пороге, разглядывая площадку перед домом, изуродованную следами шин и бесновавшихся ног; из шлангов натекали грязные лужи. Веранда загажена; в углу груда ломаной мебели, я помню, как старьевщик Харлер собирал ее вчера вечером. Неужели приедет сюда на своем фургоне и заберет все, что подвернется? А может, он просто любит кучи, вот и не устоял — принялся складывать? Я еще помедлила на пороге — вдруг чужие все-таки смотрят, — потом прыгнула с крыльца, отыскала мамину дрезденскую безделушку — она лежала в траве под кустами — и понесла Констанции.

Констанция все еще тихонько сидела за столом; я поставила перед ней фигурку, она поглядела на нее, а потом взяла в руки и прижала к щеке.

— Это я во всем виновата, — сказала она. — Кругом виновата.

— Я люблю тебя, Констанция.

— И я тебя люблю, Маркиса.

— Так ты испечешь нам с Ионой пирожок? С розовой глазурью и золотыми листьями по ободочку?

Констанция покачала головой, мне даже показалось — не ответит, но она глубоко вздохнула, встала и сказала:

— Для начала я приведу в порядок кухню.

— А с этим что сделаешь? — Я коснулась пальцем дрезденской безделушки.

— Поставлю на место, — сказала она; я пошла за ней в прихожую, а оттуда — в гостиную. В прихожей оказалось чище, чем в комнатах, тут нечего было бить, но под ноги попадались ложки и черепки из кухни. В гостиной нас встретила мама, она благосклонно глядела с портрета, а гостиная — ее гостиная — лежала вокруг в руинах. Белый свадебный орнамент на потолке почернел от сажи и дыма, нам его вовек не отчистить; в гостиной еще страшнее, чем на кухне и в столовой, — а ведь мы ее так холили, и это мамина любимая комната. У кого же из них поднялась рука на арфу? Я сразу вспомнила ее жалобный всхлип. Обивка с узорами роз порвана и перепачкана: они пинали стулья и прыгали по диванам в мокрых, грязных башмаках. Окна здесь тоже разбиты, занавески сдернуты — значит, снаружи мы видны как на ладони. Констанция нерешительно остановилась на пороге, она, похоже, боялась войти в комнату, и я предложила:

— Давай я ставни закрою.

Я вышла на веранду прямо через окно — прежде так наверняка никто не ходил; ставни отцепились очень легко. Они были так же высоки, как окна: изначально предполагалось закрывать их в конце лета, перед отъездом семьи в городской дом; кто-то должен был, встав на лестницу, запереть ставни на зиму; но их не трогали столько лет, что крючки проржавели, стоило чуть дернуть, как они выпали из гнезд. Ставни я захлопнула,

но запереть смогла только на нижний шпингалет — до верхнего мне не дотянуться; приду как-нибудь вечером с лестницей, а пока обойдемся нижним. Закрыв ставни на обоих окнах, я прошла по веранде и вернулась в гостиную как положено — через дверь. Констанция стояла в полумраке, лучи солнца сюда уже не проникали. Констанция прошла к камину и поставила дрезденскую фигурку на место, на каминную полку под маминым портретом; на миг огромная сумрачная комната привиделась мне прежней, великолепной, но видение тут же исчезло — навсегда.

Ходили мы с опаской: под ногами хрустело, скрипело, трещало. Сейф лежал на боку возле двери в гостиную, — я засмеялась, даже Констанция улыбнулась: ни вскрыть, ни вытащить сейф из дома ему так и не удалось.

— Вот глупец, — сказала Констанция и дотронулась до сейфа носком туфли.

Мама радовалась, когда восхищались ее гостиной, но теперь туда не заглянуть даже через окна; гостиную больше никто никогда не увидит. Мы с Констанцией закрыли за собой дверь — навсегда. Потом Констанция осталась на пороге, а я снова вышла на веранду и закрыла ставни на высоких окнах столовой; мы заперли парадные двери — всё, мы в безопасности. В прихожей темно, свет пробивается лишь сквозь узкие боковые стекла парадных дверей, нам через эти стекла видно — что снаружи, а оттуда, даже если носом в стекло уткнуться, не видно ничего, потому что в прихожей совсем темно. Почерневшие ступени ведут в черноту, в сгоревшие комнаты, и там, наверху, видно небо — невероятно! Прежде нас защищала крыша, но с неба нам вроде бы ничего не грозит; я решила не думать о молчаливых крылатых существах,

которые выберутся из листвы, усядутся на обломившиеся, обугленные стропила и станут заглядывать внутрь. Пожалуй, стоит загородить лестницу — хоть сломанным стулом. Матрац, грязный и насквозь мокрый, валялся на ступенях; как раз здесь они стояли со шлангами, отсюда заливали пожар. Я стояла у лестницы, глядя вверх, и не понимала: куда же делся наш дом — стены, полы, кровати, коробки с вещами на чердаке; сгорели и папины часы, и мамин черепаховый туалетный прибор. Я почувствовала на щеке дуновение — оттуда, с неба, — но пахло не свежестью, а дымом и разорением. Наш дом — замок: по углам башенки, а сверху небо...

— Пойдем на кухню, — сказала Констанция. — Сил моих больше нет.

* * *

Словно дети, что ищут ракушки у прибоя, или старушки, что ищут монетки в палой листве, мы шаркали по кухонному полу, поддевали ногами мусор в поисках целых и полезных вещей. Мы осмотрели пол вдоль и поперек, и на столе выросла кучка нужных предметов — нам на двоих вполне достаточно. Две чашки с ручками и несколько без ручек, полдюжины тарелок и три миски. Мы собрали все уцелевшие консервные банки и вернули на полку коробочки со специями. Погнутые ложки и вилки мы по возможности распрямили и разложили по ящикам. Жены всех Блеквудов приносили в приданое столовое серебро, фарфор и белье; в доме было бесчисленное множество ножигов для масла, половников и лопаток для пирога; лучшее мамино серебро хранилось в столовой, в серванте, в особой коробке — чтоб не тускнело, но его тоже нашли и раскидали по полу.

Из двух наших чашек с ручками одна была снаружи зеленой, а внутри бледно-желтой. Констанция решила отдать ее мне.

— Не помню, чтоб из нее пили, — сказала она. Наверно, какая-нибудь двоюродная бабка привезла этот сервиз в приданое. Там и тарелки были.

Себе Констанция оставила белую чашку с оранжевыми цветами, среди уцелевших тарелок одна попалась такой же расцветки.

— А вот этот сервиз я помню, — сказала Констанция. — С раннего детства. Тогда это была расхожая посуда — на каждый день. А для гостей ставили белые тарелки с золотым ободком. Потом мама купила новый сервиз, из белых с золотом тарелок стали есть каждый день, ну а эти — с цветочками — отправились на полку в кладовку, к другим разрозненным сервизам. В последние годы я пользовалась маминой ежедневной посудой, только для Хелен Кларк ставила праздничную. Ну а мы с тобой будем пить чай, как благородные дамы, — из чашек с ручками, — заключила она.

Наконец мы собрали с пола все мало-мальски пригодное, и Констанция, взяв щетку, смела в столовую мусор, точно пустую породу.

— С глаз долой, — сказала она, тщательно подмела прихожую, чтобы ходить к парадным дверям не через столовую, и мы наглухо ее закрыли — навсегда. Я подумала о дрезденской фарфоровой фигурке: крошечная и отважная стоит она под маминым портретом, скоро совсем запылится, а мы не придем и пыль не сотрем. Констанция вымела и рваные тряпки, которые прежде были занавесками в гостиной, но я успела выпросить от них шнур: потянешь — занавески открываются, потянешь — закрываются; Констанция отрезала мне кусок шнура с золотой

кисточкой на конце; вещь хорошая — не похоронить ли ее в память о дяде Джулиане?

Потом Констанция дочиста вымыла пол на кухне, и дом наш засиял, как новенький: от парадного входа до задней двери все отдраено и выскоблено. На кухне не хватало многих предметов — совсем голая, но Констанция расставила на полке наши чашки, тарелки и миски, нашла Ионе плошку для молока; в доме вновь — покой и порядок. Парадные двери на замке, задняя — на засове, мы сидели у стола и пили молоко из чашек с ручками, а Иона — из плошки; в этот миг раздался стук — стучали в парадные двери. Констанция спустилась в подпол, и я, проверив засов на задней двери, последовала за ней. Мы сидели в темноте на лестнице и прислушивались. Далеко-далеко у парадных дверей все стучали и стучали, потом кто-то окликнул:

- Констанция?! Мари Кларисса?!
- Хелен Кларк, — шепнула Констанция.
- Она что — на чай пришла?
- Чая больше не будет. Никогда.

Хелен Кларк, как мы и ожидали, обошла вокруг дома, непрерывно окликая нас. Постучала в заднюю дверь, и мы затаили дыхание, боясь пошевелиться: верхняя половина двери стеклянная и заглянуть внутрь совсем легко, но мы, слава Богу, на ступенях, ведущих в подпол, а открыть дверь ей не удастся.

— Констанция?! Мари Кларисса?! Вы здесь? — Она подергала ручку, точно хотела застать дверь враспloch: вдруг откроется, вдруг невзначай пропустит ее.

— Джим, — сказала она. — Я уверена, что они здесь. На плите что-то варится. Ты должен открыть эту дверь, — потребовала она. — Констанция, выйди, поговори со мной, я хочу на тебя посмотреть. Джим, —

обратилась она к мужу, — они там, и они меня слышат, я уверена.

— Немудрено. Тебя, наверно, и в поселке слышат.

— Но вчера они наверняка неправильно поняли людей, и Констанция, конечно, очень расстроилась; я должна объяснить, что никто не хотел их обидеть. Констанция, пожалуйста, послушай меня. Я хочу, чтобы вы с Мари Клариссой на время переехали ко мне, а там уж решим, что с вами делать. Ничего страшного не случилось, все хорошо, скоро все забудется.

— Она дом не опрокинет?! — шепнула я, и Констанция безмолвно покачала головой.

— Джим, ты сможешь выбить дверь?

— Нет, конечно. Оставь их в покое, Хелен, они сами выйдут, когда захотят.

— Но Констанция все принимает слишком близко к сердцу. Я уверена, что она очень напугана.

— Оставь их в покое.

— Их нельзя оставлять одних, хуже и придумать ничего нельзя. Я хочу, чтобы они вышли и поехали со мной, я о них позабочусь.

— Не похоже, чтоб они хотели выйти, — сказал Джим Кларк.

— Констанция?! Констанция?! Я знаю, ты здесь. Выйди, открой дверь!

Я сидела и думала, что стекло на двери надо занавесить или закрыть картонкой: не дело, чтоб Хелен Кларк беспрестанно проверяла, что там у нас кипит на плите. А шторы на окнах надо сколоть булавкой, и когда Хелен Кларк примется снова колотить в двери, мы сможем посиживать за столом, а не прятаться в подпол.

— Пойдем, — позвал Джим Кларк. — Они не отзовутся.

— Но я хочу отвезти их к нам.

— Мы сделали, что могли. Приедем в другой раз; может, тогда им захочется с тобой поговорить.

— Констанция?! Констанция, пожалуйста, ответь мне.

Констанция, вздохнув, забарабанила пальцами по перилам лестницы — раздраженно, но почти бесшумно.

— Скорей бы ушла, — шепнула она мне на ухо. — У меня там суп выкипает.

Кларки пошли вокруг дома к машине. Хелен Кларк звала нас снова и снова, она неугомимо кричала: «Констанция?!» — будто мы скрываемся в лесу, или на дереве, или под листом салата, или вот-вот прыгнем на нее из кустов. Услышав урчанье мотора, мы выбрались из подпола, и Констанция сняла суп с огня, а я прошла к парадным дверям — убедиться, что Кларки уехали и двери заперты надежно. Их машина уже сворачивала с аллеи на шоссе, но в моих ушах все звенел голос Хелен Кларк: «Констанция?! Констанция?!»

— Все-таки она приходила пить чай, — сказала я Констанции, вернувшись на кухню.

— У нас только две чашки с ручками, — сказала Констанция. — Ей тут чай больше не пить.

— Хорошо, что нет дяди Джулиана, а то кому-нибудь досталась бы чашка без ручки. Ты убережешь комнату дяди Джулиана?

— Маркиса, — Констанция повернулась от плиты и взглянула на меня. — Что же нам делать?

— Дом мы убрали. Еда у нас есть. От Хелен Кларк спрятались. А что нам еще делать?

— Где нам спать? Как узнавать время? Что носить? У нас нет одежды...

— А зачем узнавать время?

— Еда в доме есть, но она тоже когда-нибудь кончится, даже консервы.

— А спать мы можем в моем убежище на протоке.

— Нет. Прятаться там хорошо, но спать надо в постели.

— На лестнице матрац валяется. Наверно, с моей кровати. Можно стащить его вниз, вычистить, высушить на солнышке. Там один угол обгорел.

— Отлично, — сказала Констанция.

Мы отправились к лестнице и, ухватившись за отвратительно мокрый и грязный матрац, стащили его вниз, проволокли через прихожую на кухню и — по чистейшему кухонному полу — к задней двери; с матраца сыпались щепки и осколки. Засов я отодвинула не сразу, сперва осторожно выглянула в окошко, потом вышла и осмотрелась: все спокойно. Мы вытащили матрац на лужайку и оставили на солнце возле маминой мраморной скамейки.

— Как раз тут всегда сидел дядя Джулиан, — сказала я.

— Сегодня чудесный день, вот бы ему посидеть на солнышке.

— Он в тепле умер, — сказала я. — Может, и солнышко перед смертью вспомнил.

— А шаль была у меня. Надеюсь, он не замерз. Знаешь, Маркиса, я посажу здесь что-нибудь.

— А я что-нибудь похороню в память о нем. А ты что посадишь?

— Цветок. — Констанция наклонилась и нежно коснулась травы. — Какой-нибудь желтый цветок.

— Смешно — вдруг цветок торчит посреди лужайки.

— Но мы-то будем знать, зачем он здесь, а больше никто не увидит.

— Я тоже похороню что-нибудь желтое, чтобы дяде Джулиану было потеплее.

— Но сперва, ленивица Маркиса, притащи-ка воды в кастрюльке и ототри этот матрац. А я пойду снова мыть пол на кухне.

Я подумала, что мы будем очень, очень счастливы. Предстоит много забот, предстоит заново налаживать нашу жизнь, но все-таки мы будем очень счастливы. Констанция осунулась — все горевала, что разорили ее кухню, но она скоблила каждую полку, терла и терла стол, мыла окна и пол. Наши тарелки bravо выстроились на полке, а консервные банки и ушелевшие коробки со снедью образовали внушительный ряд в кладовке.

— Я обучу Иону таскать нам кроликов на рагу, — сказала я; Констанция засмеялась, а Иона оглянулся на нее и льстиво улыбнулся.

— Этот кот привык к сливкам, ромовым пирожным, яйцам да маслицу, он тебе и кузнечика вряд ли поймает.

— Но я вовсе не хочу рагу из кузнечиков.

— Ладно, кролики-кузнечики, я принимаюсь за пирог с луком.

Пока Констанция мыла кухню, я отыскала коробку из толстого картона и аккуратно ее разорвала; получилось несколько картонок — закрыть стекло на задней двери. Молоток и гвозди оказались в сарае, с прочими инструментами, Чарльз Блеквуд положил их обратно после неудачной попытки починить ступеньку; я прибила картон к кухонной двери, закрыв стекло наглухо, — сюда больше никто не заглянет. Другими картонками я забила окна, и в кухне стало совсем темно, но зато — безопасно.

— Окна будут грязные, зато жизнь спокойная, — сказала я, но Констанция в ужасе воскликнула:

— Я не смогу жить в доме с грязными окнами!

Наконец уборка закончена; кухня стала идеально чистой, только — увы! — не сияла, в ней было слишком мало света, и я знала, что Констанция недовольна. Она любит солнечный свет, любит все яркое, любит готовить в ослепительно чистой и светлой кухне.

— Можно держать дверь открытой, — предложила я. — Только надо всегда быть начеку. Как услышим, что машина едет, — сразу закроем. И я потом приду-маю, чем завалить тропинки вокруг дома, чтобы к задней двери никто не прошел.

— Хелен Кларк наверняка заявится снова.

— Теперь уж она в кухню не заглянет.

День клонился к вечеру; дверь была открыта, но солнце едва заглядывало за порог. Иона подошел к плите и потребовал у Констанции ужин. На кухне тепло, уютно, привычно, чисто. Сюда бы еще камин — сидели бы мы с Констанцией у огня... ах нет, я забыла, огня у нас уже было предостаточно.

— Пойду проверю, заперты ли парадные двери, — сказала я Констанции.

Двери заперты, снаружи никого. Я вернулась на кухню.

— Завтра уберу в комнате дяди Джулиана, — сказала Констанция. — От дома осталось так мало — надо, чтобы везде было чисто.

— Ты будешь там спать? На кровати дяди Джулиана?

— Нет, Маркиса. Я хочу, чтобы там спала ты. Это наша единственная кровать.

— Но мне нельзя входить в комнату дяди Джулиана.

Она помолчала, испытующе поглядела на меня, а потом спросила:

— Даже теперь, когда его нет?

— К тому же я нашла матрац, вычистила его — это мой матрац, с моей кровати. И я положу его на пол в моем уголке.

— Маркиска-глупышка. Ладно, посмотрим. А сегодня нам обеим придется спать на полу. Матрац до завтра не высохнет, а у дяди Джулиана я еще не уби-рала.

— Я могу притащить из убежища веток и листьев.

— На мой чистый пол?

— Тогда хоть одеяло принесу и шаль дяди Джу-лиана.

— Ты пойдешь сейчас? Так далеко?

— Вокруг никого нет. Уже почти темно, и я запросто проберусь. Если кто-нибудь появится, запри дверь; я увижу закрытую дверь и пережду на протоке, а Иона пойдет со мной, будет охранять.

Всю дорогу до протоки я бежала, но Иона меня все равно обогнал и ждал в убежище. Пробежаться было приятно, и приятно, вернувшись к дому, увидеть откры-тую заднюю дверь и теплый свет, льющийся из кухни. Мы с Ионой вошли, и я задвинула засов — к наступа-ющей ночи мы готовы.

— Тебя ждет вкусный ужин, — сказала Констан-ция, покрасневшая у плиты и счастливая. — Садись скорей, Маркиска.

Она зажгла верхний свет и любовно расставила на столе тарелки.

— Попробую завтра отчистить серебро, — сказала она. — И надо собрать овощи.

— Салат весь в пепле.

— И еще, — сказала Констанция, глядя на темные картонные квадраты окон, — подышу завтра занавески: прикрыть твой картон.

— А я завтра завалю тропинки по бокам дома. А Иона нам завтра поймает кролика. И завтра я научусь определять для тебя время.

Вдалеке, у парадного входа, остановилась машина; мы замолчали, глядя друг на друга; вот сейчас и выяснится, хорошо ли мы укрылись; я встала и проверила засов на задней двери; через картон мне улицу не видно — значит, и им не видно, что внутри. Стучать начали в парадные двери, но проверять замок уже некогда. Стучали недолго, словно знали, что в той части дома нас нет, и мы услышали, как они, спотыкаясь в темноте, пробираются к задней двери.

Раздался голос Джима Кларка и еще один — я узнала доктора Леви.

— Ничего не видно, — сказал Джим Кларк. — Черно, как в утробе.

— А в том окне полоска света.

Интересно, в каком? Где это я оставила щель?

— Они там, это точно, — сказал Джим Кларк. — Негде им больше быть.

— Я хочу только проверить, здоровы ли они, а то вдруг сидят там, запершись, без врача, без помощи.

— Ну, а мне велено привезти их домой, — сказал Джим Кларк.

Они подошли к задней двери и разговаривали совсем рядом. Констанция схватила меня за руку: если окажется, что они могут заглянуть внутрь, мы спрячемся в подпол.

— Проклятый дом, все досками заколочено, — произнес Джим Кларк, и меня осенило: доски! Ах, какой

молодец — напомнил, а я забыла про доски, в сарае полно досок, они куда лучше — ведь мой картон проткнуть ничего не стоит.

— Мисс Блеквуд? — окликнул доктор, и кто-то из них постучал в дверь. — Мисс Блеквуд? Это доктор Леви.

— И Джим Кларк. Муж Хелен. Хелен за вас очень волнуется.

— Вы здоровы? Может, вы ранены или больны? Вам помощь не нужна?

— Хелен хочет, чтобы вы к нам переехали, она ждет вас.

— Послушайте, — сказал доктор; он, видимо, стоял вплотную к стеклу. Говорил он очень мягко и доброжелательно: — Послушайте, никто вас не обидит. Мы ваши друзья. Мы приехали вам помочь. Если вы живы-здоровы, докучать не станем. Мы даем слово вообще вас больше не тревожить, никогда, скажите только — здоровы ли вы. Только одно слово.

— Нельзя же, чтоб люди только и думали: как вы да что вы, — сказал Джим Кларк.

— Только одно слово, — повторил доктор. — Скажите только, что вы живы и здоровы.

Они ждали; я чувствовала — они прижимаются носами к стеклу, пытаюсь заглянуть внутрь. Констанция посмотрела на меня через стол и слегка улыбнулась, я улыбнулась в ответ; дом хранит нас надежно, внутрь им не заглянуть.

— Послушайте, — доктор заговорил громче. — Послушайте, завтра похороны Джулиана. Вы должны знать.

— У гроба очень много цветов, — сказал Джим Кларк. — Вам было бы приятно. Мы послали цветы,

а еще Райты и Каррингтоны. Вы бы только посмотрели — сколько цветов; может, отнеслись бы к друзьям иначе.

Интересно, к кому и почему нам относиться иначе? Спору нет — дядя Джулиан, заваленный цветами, утопающий в цветах, мало похож на дядю Джулиана, которого мы привыкли видеть каждый день. Пускай эти цветы согреют его в гробу; я попыталась представить дядю Джулиана мертвым, но он все вспоминался мне спящим. И тогда я представила, как Кларки, Каррингтоны и Райты заваливают бедного, беспомощного мертвого дядю Джулиана охапками цветов.

— Глупо отваживать друзей от дома. Хелен велела передать, что...

— Послушайте, — они принялись толкать дверь. — Никто не собирается вас тревожить. Скажите только, что у вас все в порядке.

— ... мы больше приходить не намерены. И у друзей терпение не беспрдельно.

Иона зевнул. В тишине Констанция медленно, осторожно повернулась к столу, взяла булочку, намазанную маслом, и тихонько откусила. Я чуть не расхохоталась, даже закрыла рот руками: Констанция жевала беззвучно, точно понарошку, как кукла, — ужасно смешно.

— Ну и черт с вами, — выругался Джим Кларк. И снова постучал в дверь. — Ну и черт с вами, — повторил он.

— В последний раз прошу вас ответить, — сказал доктор. — Мы знаем, что вы тут, в последний раз прошу вас...

— Ладно, пошли, — оборвал его Джим Кларк. — Нечего надрываться попусту.

— Послушайте, — доктор опять стоял у двери вплотную. — Когда-нибудь вам понадобится помощь. Заболеть может всякий, и вам понадобится помощь. Тогда-то вы не раздумывая...

— Пускай живут, как знают, — сказал Джим Кларк. — Пошли отсюда.

Они двинулись обратно вокруг дома — я слышала шаги; а вдруг обманывают, притворяются, будто уходят, а сами вернутся потихоньку и молча встанут у задней двери, подстерегая нас? Я представила, как Констанция молча жует булочку, а Джим Кларк молча прислушивается за дверью, и по моей спине пробежали мурашки: вдруг это безмолвие воцарилось навеки? Машина у парадных дверей заурчала и уехала, Констанция звякнула вилкой о край тарелки, я облегченно вздохнула и сказала:

— А где сейчас дядя Джулиан, как ты думаешь?

— Там же, — рассеянно отозвалась Констанция. — В городе. Маркиса, — она вдруг взглянула на меня.

— Что?

— Ты извини меня. Я вчера дурно поступила.

Я замерла и похолодела — я вспомнила.

— Я поступила очень, очень дурно. Никогда больше не буду напоминать тебе, отчего они умерли.

— Тогда и сейчас не напоминай. — Я не могла шевельнуться, не могла взять ее за руку.

— Я хотела, чтобы ты забыла. Никогда, никогда не собиралась напоминать тебе об этом. Прости, что так вышло.

— Я положила *это* в сахар.

— Я знаю. Я сразу поняла.

— Ты же не ешь сахар.

— Не ем.

— Вот я и положила *это* в сахар.

Констанция вздохнула:

— Маркиса, мы не будем больше говорить об этом. Никогда.

Меня забила дрожь, но Констанция ласково улыбнулась мне — и я очнулась.

— Я люблю тебя, Констанция.

— И я тебя люблю, Маркисонька.

* * *

Иона на полу и сидит, и спит — значит, и мы сможем. Для Констанции надо бы подложить под одеяло листьев и мха, но пачкать пол больше нельзя. Свое одеяло я расстелила в углу возле табуретки — в самом родном месте, а Иона глядел на меня с табуретки. Констанция легла у плиты, ее лицо белело в темноте.

— Тебе удобно? — спросила я, и она рассмеялась:

— Я провела на этой кухне столько времени, а вот на полу лежать не пробовала. Уж так его мыла, так скребла — надеюсь, и пол мне добром оплатит.

— Завтра нарвем салата на огороде.

10

Жизнь наша потихоньку налаживалась и становилась все счастливей. Проснувшись поутру, я сразу отправлялась в прихожую и проверяла замок на парадных дверях. Мы старались переделать все дела в ранние утренние часы, когда вокруг никого не было. Поначалу то мы позабыли, что ворота и калитка теперь нараспашку и тропинка снова станет торной, а у дома появятся дети; но однажды утром, подойдя к парадным дверям, я увидела детей через узкое боковое стекло: они играли

на площадке перед домом. Возможно, родители послали их разведать дорогу, удостовериться, что и большим кораблям путь открыт; а может, детей так и тянет поиграть везде и всюду; впрочем, возле нашего дома они не очень-то веселились, даже говорили тише обычного. А вдруг они вовсе не играют, а притворяются — раз уж детям положено играть; на самом же деле это лазутчики, а никакие не дети, просто нарядились детьми, да и то кое-как? Я смотрела и находила в них все меньше и меньше детского: двигаются напряженно и на дом не глядят, ни один пока не взглянул, ни разу. Когда же они залезут на веранду и прижмутся к щелкам в ставнях? Подошла Констанция и заглянула мне через плечо.

— Дети чужаков, — сказала я ей. — У них нет лиц.

— Но есть глаза.

— Представь, что это птички. И нас они не видят. И никогда не увидят, хотя пока не догадываются об этом, и смириться с этим им будет непросто.

— Они теперь повадятся сюда ходить.

— Если бы только они. Но внутрь им не заглянуть. А мне давно пора завтракать.

По утрам на кухне было темно, но я отодвигала занавесы и впускала солнечный свет. Иона устраивался на ступеньке на солнцепеке, Констанция пела и готовила завтрак. После завтрака я подсаживалась к Ионе, а Констанция убирала кухню.

Загородить дом по бокам оказалось легче, чем я думала; Констанция вышла мне посветить, и я справилась за один вечер. Там, где деревья и кусты льнули к стенам и тропинка сужалась — такое место было по обе стороны дома, — я набросала ломаных досок и обломков мебели из кучи, собранной мистером Харлером на веранде. Конечно, такая преграда никого не удержит, даже дети

запросто перелезут, но шум и грохот будет страшный, а мы как услышим, что падают доски, — быстро юркнем на кухню и задвинем засов. Несколько досок я обнаружила возле сарая и кое-как прибила их крест-накрест на кухонную дверь, закрыв стекло. Доски на завалах по бокам дома я сколачивать не стала — не хотела показывать всем свое неумение. Но надо, пожалуй, попробовать починить ступеньку.

— Ты почему смеешься? — спросила Констанция.

— Да вот подумала: хоть мы и на Луне, а все здесь иначе, чем я себе представляла.

— Но живется нам счастливо.

Констанция накрывала стол к завтраку: омлет, гренки и ежевичное варенье, которое она сварила давним благодатным летом.

— Нам надо запастись как можно больше еды, — сказала она. — Огород заждался — пора урожай собирать, — да и мне спокойней, когда запасов побольше.

— Я отправлюсь на крылатом коне и привезу тебе корицы и тимьяна, самоцветов и гвоздики, золотой парчи и капусты.

— И ревень не забудь.

С огорода подходы к завалам просматривались хорошо, и мы оставляли заднюю дверь открытой: появившись чужие, мы успеем добежать до кухни.

Я таскала в дом корзины с посеревшим от пепла салатом, с редиской, помидорами и огурцами, а на переломе лета пошли ягоды и дыни. Прежде я любила есть фрукты прямо с ветки и овощи с грядки, с каплями росы, но есть пепел собственного дома мне было не по душе. Правда, почти всю грязь и золу уже сдуло, воздух в саду был чист и свеж, но земля, по-моему, пропиталась дымом навсегда.

Как только мы надежно устроились, Констанция открыла и убрала комнату дяди Джулиана. Она сняла с кровати простыни и одеяла, выстирала в кухонной раковине и повесила на солнышко.

— А с бумагами дяди Джулиана что ты сделаешь? — спросила я; она задумалась, опершись о край раковины.

— Наверно, сложу все в коробку, — сказала она наконец. — А коробку, наверно, отнесу в подпол.

— Сохранишь навеки?

— Сохраню навеки. Ему ж приятно знать, что к его записям отнеслись уважительно. Пусть не сомневается — все сохраню.

— Пойду-ка проверю парадные двери.

Дети теперь часто появлялись перед домом, но на него не глядели: играли в свои бесшумные игры, неловкие и беспричинно грубые. Проверяя парадные двери, я всегда выглядывала — здесь ли дети. По тропинке теперь ходили и взрослые, сокращая путь, ходили там, где прежде были только мои следы; ходили они, впрочем, без особой охоты, будто на спор — доказать, что не трус; по-моему, лишь немногие, кто ненавидел нас открыто, появлялись на тропинке снова и снова.

Констанция убирала комнату дяди Джулиана, а я мечтала весь день, сидя на пороге возле спящего Ионы и глядя на безмятежный, не таящий угрозы сад.

— Гляди-ка, Маркиса, — Констанция вышла с ворохом одежды. — Гляди, у дяди Джулиана было два костюма, и пальто, и шляпа.

— Он же ходил когда-то, как все люди, своими ногами, он сам рассказывал.

— А я даже смутно помню, как давным-давно он отправился покупать костюм — наверно, один из этих, они не сильно поношены.

— А что на нем было в тот последний день? Какой галстук он надел к тому ужину? Он бы и это с удовольствием записал.

Она смотрела на меня долго и серьезно, без улыбки.

— Во всяком случае, костюм был другой; из больницы мне дядю Джулиана отдали в пижаме и халате.

— Может, сейчас пригодился бы один из этих?

— Его, скорее всего, похоронили в старом костюме Джима Кларка.

Констанция отправилась в подпол, но остановилась.

— Маркиса?

— Что?

— Ты понимаешь, что вещи дяди Джулиана — единственная одежда в доме. И мои вещи все сгорели, и твои.

— И их вещи на чердаке тоже.

— Мое единственное платье на мне — вот это розовое.

Я оглядела себя:

— А на мне коричневое.

— Твое пора стирать и чинить. Маркиса, ты свою одежду вмиг снашиваешь.

— Я сделаю себе костюм из листьев. Сейчас прямо и начну. А вместо пуговиц — желуди.

— Маркиса, я же не шучу. Нам придется носить одежду дяди Джулиана.

— Мне не разрешается трогать вещи дяди Джулиана. На зиму я сделаю себе подкладку из мха и шапку из птичьих перьев.

— На Луне носите на здоровье, мисс Глупышка. На Луне ходите в костюме из кошачьей шерсти, как Иона, я и слова не скажу. Но здесь, в нашем доме, вы надеваете старую рубашку дяди Джулиана и, может статься, даже его брюки.

— И купальный халат, и пижаму... Нет уж. Мне вещи дяди Джулиана трогать не разрешается, я буду носить листья.

— Теперь разрешается. Я тебе разрешаю.

— Нет.

Она вздохнула.

— Что ж, значит, их надену я. — Она вдруг остановилась и засмеялась, потом взглянула на меня и снова засмеялась.

— Констанция, ты что?

Она бросила вещи дяди Джулиана на спинку стула и, смеясь, побежала в кладовку. Она выдвинула ящик, и я тоже засмеялась, я поняла, что она хочет достать. Вернувшись, она свалила рядом со мной целую кучу скатертей.

— Вот что вам безусловно подойдет, модница Маркиса. Вот, смотри, эта годится — с каймой из желтых цветов? Или эта — клетчатая, красно-белая? А дамастовая, боюсь, жестковата, к тому же на ней видна штопка.

Я встала и приложила к себе скатерть в красно-белую клетку.

— Прорежь мне дырку для головы, — сказала я, очень довольная.

— Но у меня нет ни иголки, ни ниток. Придется тебе подвязаться веревкой, или пусть болтается, как тога.

— А дамастовую я возьму вместо плаща. Ну, скажи, у кого еще такой есть плащ?

— Ох, Маркисонька. — Констанция выронила из рук скатерть и обняла меня. — Что же я наделала? У моей девочки ни дома, ни еды. Вместо платья — скатерть. Что я наделала?

— Констанция, я тебя очень люблю.

- Девочка одета в скатерть, точно кукла.
- Констанция, мы будем очень счастливы, слышишь?
- Ох, Маркиска... — Она обняла меня еще крепче.
- Констанция, ну послушай же! Мы будем очень-очень счастливы.

* * *

Я сразу облачилась в скатерть, чтобы Констанция не успела передумать. Выбрала я клетчатую, красно-белую; Констанция прорезала дырку для головы, а я взяла золотой шнур с кисточкой — тот, срезанный с занавески из гостиной, — и подвязала вместо пояса; получилось, на мой взгляд, очень красиво. Констанция сперва загрустила, печально отвернулась, увидев меня, и принялась отстирывать в раковине мое коричневое платье; но мне новое одеяние нравилось, я радостно закружилась по кухне, и скоро Констанция снова улыбнулась и даже засмеялась.

— Робинзон Крузо носил звериные шкуры, — заявила я. — У него не было ярких одежд с золотыми поясками.

- Должна признаться, яркое тебе очень к лицу.
- Вот и носи шкуры дяди Джулиана, а я предпочитаю мою скатерточку.

— Ее стелили для завтрака, когда выносили столы на лужайку. В столовой красное с белым, конечно, неуместно.

— Я теперь буду то завтраком на лужайке, то званным ужином при свечах, то...

— Маркиской-грязнулей. У тебя чудесный наряд, но грязная мордашка. Мы потеряли почти все, милая

барышня, но чистая вода и расческа у нас пока остались.

Уборка в комнате дяди Джулиана оказалась неожиданно удачной: Констанция поддалась на уговоры и вытаскивала кресло-каталку на улицу — укрепить мои завалы. Констанция катила пустое кресло, и выглядело это ужасно нелепо; я попыталась представить, что в нем сидит дядя Джулиан, сложив на коленях руки; но о дяде Джулиане напоминали лишь потертая спинка каталки да носовой платок под подушечкой. Кресло-каталка будет в моей баррикаде могучей силой — мертвый дядя Джулиан отпугнет пришельцев грозной пустотой, которая от него осталась. Я очень боялась, что дядя Джулиан совсем исчезнет: бумаги спрятали в коробку, каталку выставили на баррикаду, зубную щетку выкинули, даже запах дяди Джулиана выветрился из комнаты; но на лужайке, где он обычно сидел, Констанция высадила куст желтых роз, а я однажды вечером сбегала к протоке и похоронила на берегу золотой карандашик с его инициалами: чтобы вода нашептывала его имя. Иона повадился в запретную прежде комнату дяди Джулиана, а я так и не зашла.

* * *

Хелен Кларк появлялась у наших дверей еще дважды: стучала, кричала, звала, умоляла ответить, но мы затаились. Обнаружив, что из-за моих завалов дом не обойти, она сказала у парадных дверей, что больше не вернется; и действительно не вернулась. Однажды вечером — возможно, в тот день, когда Констанция посадила куст для дяди Джулиана, — мы, сидя за ужином, услышали робкий стук в парадные двери. На Хе-

лен Кларк не похоже — стучат слишком робко; я молча встала и поспешила через прихожую — удостовериться, что парадные двери заперты; Констанция из любопытства пошла за мной. Мы прильнули к дверям и прислушались.

— Мисс Блеквуд, — тихонько позвали снаружи. Он, верно, и не подозревает, что мы совсем рядом. — Мисс Констанция? Мисс Мари Кларисса?

На улице еще не совсем стемнело, а здесь, в прихожей, мы едва различали друг друга, только лица наши белели у дверей.

— Мисс Констанция, — окликнул он снова. — Послушайте меня.

Должно быть, говорит и озирается — не подглядывает ли кто.

— Послушайте, — повторил он. — Я тут курицу принес. — Он тихонько постучал в дверь. — Я надеюсь, что вы меня слышите. Я принес курицу, жена сама готовила, жарила. Тут еще немного печенья и пирог. Я надеюсь, что вы меня слышите.

Глаза Констанции округлились от изумления. Мы оторопело глядели друг на друга.

— Я знаю, вы меня слышите, мисс Блеквуд. Я там у вас стул сломал, простите меня. — Он снова постучал в дверь, совсем тихо. — Ну, так я оставлю корзинку тут, на пороге. Надеюсь, вы меня услышали. До свидания.

Робкие шаги звучали все тише, спустя минуту Констанция сказала:

— Что будем делать? Откроем?

— Позже. Когда совсем стемнеет.

— Интересно, какой там пирог? Как думаешь, он не хуже моих?

Мы доели ужин и дождались темноты; наконец я решила, что нас уже никто на веранде не заметит; мы прошли через прихожую, я отперла двери и выглянула. Корзинка стояла на ступени, прикрытая салфеткой. Я внесла ее в дом и заперла двери, а Констанция забрала корзинку на кухню.

— С черникой, — сказала она. — На вид хорош и еще теплый.

Она нежно и любовно вынула курицу, завернутую в салфетку, и пакетик с печеньем.

— Все еще теплое, — сказала она. — Жена, должно быть, пекла и жарила после ужина, чтоб он сразу отнес. Интересно, она два пирога испекла: для нас и для домашних? Видишь, завернула все в салфеточки и велела отнести сюда. Только печенье у нее не хрустящее.

— Я отнесу корзинку обратно на веранду, и он поймет, что мы все нашли.

— Нет-нет, — Констанция схватила меня за руку. — Сначала я постираю салфетки. Что его жена обо мне подумает?

* * *

Иногда приносили грудинку домашнего копчения, иногда фрукты или домашние консервы; они неизменно оказывались хуже, чем консервы Констанции. Чаще всего приносили жареную курицу, пироги или лепешки, очень часто — печенье, порой — картофельный салат или рубленую капусту. Однажды принесли в кастрюльке рагу из мяса и овощей — Констанция разделила все на составные части и соединила вновь, согласно своим собственным правилам приготовления этого блю-

да; иногда были кастрюльки с тушеной фасолью или с макаронами.

— Несут, как на приходской благотворительный ужин, — сказала как-то Констанция, когда я притащила на кухню каравай домашней выпечки.

Они приносили еду по вечерам, молча ставили на ступеньку и уходили. Мы представляли все это так: жены готовят корзинки к приходу мужей с работы, а те сразу берут их и несут сюда — чем позднее, тем лучше, чтоб не увидел кто: носить нам пищу, верно, очень стыдно, и делали они это втайне друг от друга. Констанция утверждала, что готовит не одна, а несколько женщин.

— Вот эта обожает томатный соус, — объясняла она, пробуя тушеную фасоль. — И вечно льет чересчур много. А вчерашняя предпочитает патоку.

Порой мы находили в корзинках записки: «Это за тарелки», «Простите за занавески», «Извините за арфу». Дверь мы открывали только глубоким вечером, когда поблизости наверняка никого не было, и всегда ставили корзинку обратно на ступеньку и тщательно запирали двери.

Обнаружилось, что к протоке мне больше дороги нет: во-первых, там теперь дядя Джулиан, во-вторых — слишком далеко от Констанции. Я теперь не ходила дальше опушки леса, а Констанция дальше огорода. Хоронить сокровища и брать в руки камни тоже больше нельзя. Зато я ежедневно осматривала доски на окнах в кухне и, заметив щелку, прибавала новые. По утрам я проверяла, крепок ли замок на парадных дверях, а Констанция мыла кухню. Мы подолгу просиживали у парадных дверей, особенно в дневные часы,

когда мимо ходили люди; боковые стекла я тоже забила картоном, оставив с обеих сторон по щели: мы видели всех, а нас — никто. Там играли дети, ходили мимо люди — мы слышали их голоса, чужие голоса, видели чужие злобные лица — они таращили глаза и разевали рты. Однажды к дому подъехали люди на велосипедах: две женщины, мужчина и двое детей. Оставив велосипеды на аллее, они разлеглись на траве — отдохнуть и поболтать. Дети как шальные носились по аллее, скакали по кустам и кружили меж деревьев. В тот день мы узнали, что вместо сгоревшей крыши разросся плющ: одна из женщин украдкой взглянула на дом и сказала, что за плющом и не видно, был тут пожар или нет. Они редко оборачивались к дому лицом, глядели краем глаза, из-за плеча или меж пальцев.

— Говорят, красивый был особняк, — сказала одна из женщин, сидевших на нашей траве. — Когда-то он считался местной достопримечательностью.

— Теперь похож на надгробие, — отозвалась другая.

— Ш-ш-ш, — остановила ее первая и кивнула на дом. Потом она громко сказала: — Говорят, им резную лестницу в Италии делали. Очень, говорят, красивая.

— Они ж тебя не слышат, — удивилась другая. — Да и пусть слышат, какая разница?

— Ш-ш-ш!

— И вообще, никто не знает наверняка: есть там кто-нибудь или нет. Рассказням местных я не очень-то верю.

— Ш-ш-ш. Томми, — окликнула она мальчика. — Не подходи к ступеням.

— Почему? — Мальчик попятился.

— Там живут дамы. Они не любят, когда тут ходят.

— Почему? — Мальчик остановился у лестницы и со страхом взглянул на дом.

— Дамы не любят маленьких мальчиков, — отозвалась вторая. Эта из ненавистниц, ее рот был виден мне сбоку — точь-в-точь змеиный.

— А что они со мной сделают?

— Поймают и накормят конфетами с ядом; уж сколько неслухов не вернулись из этого дома. И все оттого, что подошли слишком близко. Поймают маленького мальчика и...

— Ш-ш-ш! Этель, ну в самом деле!

— А маленьких девочек они любят? — Девочка подошла ближе.

— Они ни мальчиков, ни девочек терпеть не могут. Девочек они просто съедают.

— Этель, прекрати. Ты же пугаешь детей. Она просто дразнит вас, крошки, она все придумала.

— Не бойтесь, они выходят только по ночам, — уточнила женщина-змея, злобно глядя на ребятешек. — И в темноте охотятся на детей.

— Все равно, — вступил вдруг в разговор мужчина. — Нечего детям к дому подходить.

* * *

Чарльз Блеквуд появился лишь однажды. Приехал на машине с каким-то человеком, а мы как раз сидели у парадных дверей, сидели уже долго, день клонился к вечеру, и все чужаки разошлись; Констанция сказала:

— Пора картошку варить, — и собралась было встать, но в этот миг на аллее показалась машина, и мы

остались посмотреть. Чарльз и его спутник вышли из машины и направились к лестнице; глядели они вверх, но нас видеть не могли. Я вспомнила, как Чарльз приехал сюда впервые и точно так же стоял, задрав голову и глядя вверх, на дом. Но на этот раз ему сюда проникнуть не удастся. Я дотронулась до замка — крепок ли? Констанция кивнула, она тоже знала, что Чарльзу сюда хода нет.

— Видите? — произнес Чарльз, стоя у лестницы. — Вот он, дом, все, как я рассказывал. Теперь уж не так страшно смотрится — плющ прикрыл, но крыша прогорела насквозь, и внутри все разграблено.

— А женщины там?

— Наверняка. — Чарльз засмеялся; я вспомнила его смех, его огромное белое лицо, вытаращенные глаза и прямо отсюда, из-за двери, принялась насыпать на него смерть. — Сидят как миленькие. На деньгах сидят, на бешеных деньгах.

— Вы точно знаете?

— У них там денег тьма-тьмушая, они и сами не знают сколько. У них золото повсюду закопано, и сейф битком набит, одному Богу известно, где они деньги хранят. Так и сидят взаперти со своими деньгами и носа на улицу не высунут.

— Послушайте, — сказал второй. — Они ведь вас знают?

— А то как же. Я им брат двоюродный. Я тут даже раз гостил.

— Вам удастся с ними поговорить, хоть с одной? Подойдите к окну или к двери, а я сфотографирую.

Чарльз задумался. Глядел то на дом, то на спутника — думал.

— Продадите это фото в журнал или еще куда — половина моя.

— По рукам.

— Что ж, попробую, — сказал Чарльз. — Вы за машиной лучше укройтесь, они ни за что не выйдут, если чужих увидят. — Второй отошел к машине, вынул фотоаппарат и исчез.

— Готов, — закричал он, и Чарльз стал подниматься по ступеням.

— Конни? — окликнул он. — Эй, Конни! Это я, Чарльз! Я вернулся.

Я взглянула на Констанцию: никогда прежде не доводилось ей видеть Чарльза в его истинном обличье.

— Конни?!

Теперь она знает, что Чарльз призрак и демон, что он из тех, чужих.

— Давай все забудем, — сказал Чарльз. Он подошел вплотную к двери и заговорил вкрадчиво, заискивающе: — Давай снова станем друзьями.

Сквозь щелку я видела его ноги. Одной ногой он постукивал об пол веранды.

— Не знаю, за что ты на меня обиделась, — сказал он. — Я-то все жду, когда ты позовешь меня обратно. Если чем обидел, прости, Бога ради.

В метре над нашими головами он молил дверь о дружбе и прощении, он и не подозревал, что мы сидим на полу под дверью и слушаем его, глядя на его ноги.

— Открой, — говорил он проникновенно. — Конни, ну открой же, это я — братец Чарльз.

Констанция, подняв голову, поглядела на дверь, туда, где должно быть его лицо, и нехорошо усмехнулась. Видно, она давно приберегла эту усмешку на случай, если он появится снова.

— Я сегодня утром был на могиле старика Джулиана, — сказал Чарльз. — Я приехал на его могилу, и еще тебя повидать. — Он немного подождал и сказал изменившимся, трагическим голосом:

— Я положил цветы на его могилу... на могилу старика; он был очень хорошим человеком и так меня любил.

Вдалеке спутник Чарльза вышел из-за машины с фотоаппаратом.

— Эй, послушайте, — окликнул он. — Зря надрыгаетесь. И мне тут целый день торчать некогда.

— Вы что, не понимаете? — Чарльз отвернулся от двери, но говорил все так же надрывно. — Мне необходимо увидеть ее снова. Ведь всему виной я.

— Как так?

— А из-за кого, по-вашему, две старые девы похоронили себя заживо? — спросил Чарльз. — Но Бог нас рассудит. Я не хотел, чтобы все так обернулось.

Я испугалась: вдруг Констанция не выдержит и заговорит или рассмеется вслух, я тронула ее рукой — сиди, молчи, но она и головы не повернула.

— Мне б хоть словечко ей сказать, — повторял Чарльз. — Впрочем, снимайте пока дом и меня на пороге. Я могу стучать в дверь. Снимите, как я отчаянно стучу в дверь.

— Да хоть умрите от отчаяния на этом пороге — мне-то что? — Спутник Чарльза отнес фотоаппарат в машину. — Трата времени.

— Там же столько денег! Конни! — громко позвал Чарльз. — Да открой же ты дверь наконец!

— Знаете, — второй уже сел в машину, — боюсь, не видать вам этих денег, как своих ушей.

— Конни, — зывал Чарльз. — Что ты со мной делаешь! Я не заслужил, это жестоко! Конни, ну пожалуйста!

— Хотите пешком до города идти? — спросил второй. И захлопнул дверцу. Чарльз отошел было от двери, но вернулся.

— Ладно, Конни. Но знай: если ты меня сейчас отпустишь — больше не увидишь. Так и знай.

— Уезжаю, — сказал из машины второй.

— Так и знай, Конни, я больше не вернусь. — Чарльз начал спускаться с лестницы, но все говорил через плечо. — Смотри же, ты видишь меня в последний раз. Я уйду. Но одно твое слово — и я останусь.

Я испугалась: вдруг он не успеет уйти? Вдруг Констанция не выдержит? Ну же, Чарльз, быстрее!..

— Прощай, Конни, — сказал он, спустившись, и побрел к машине. Казалось, сейчас вытащит платок и вытрет слезу или высморкается, но его спутник сказал:

— Поторапливайтесь.

Чарльз снова оглянулся, печально махнул рукой и сел в машину. Только тогда Констанция рассмеялась и я тоже; Чарльз быстро обернулся, точно слышал наш смех, но машина тронулась и укатила по аллее к шоссе, а мы хохотали в обнимку в темной прихожей; слезы текли по нашим щекам, а эхо смеялось в пролете сгоревшей лестницы и устремлялось ввысь, в небо.

— Я так счастлива, — наконец вымолвила Констанция в изнеможении. — Маркиса, я так счастлива.

— Я же говорила, что тебе понравится на Луне.

* * *

Однажды в воскресенье около дома остановилась машина Каррингтонов, они возвращались из церкви; Каррингтоны тихонько сидели в машине и смотрели на

дом, точно считали, что мы обязательно выйдем и попросим их о каком-либо одолжении. Иногда я вспоминала о навеки закрытых гостиной и столовой; о чудесных маминых вещницах, беспорядочно разбросанных по полу; о пыли, что бесшумно сеется на них сверху; но в доме нашем появились новые достопримечательности, подобно тому, как дни наши обрели новый порядок. Изуродованный, обугленный пролет прежней чудесной лестницы стал нам столь же привычен, сколь некогда и сама лестница. И доски на кухонных окнах стали частью нашего дома, мы с ними сроднились. Мы были очень счастливы, хотя Констанция постоянно боялась, что разобьется одна из наших чашек с ручками и придется кому-то взять чашку без ручки. У нас появились излюбленные места: стулья у стола, кровати, шелки у парадных дверей. Констанция стирала мою красно-белую клетчатую скатерть и рубашки дяди Джулиана, которые носила сама; они сохли в саду, а я пока надевала скатерть с желтой каймой: если подпоясаться золотым пояском — просто загляденье. Маминны коричневые туфли мирно стояли в моем уголке на кухне, поскольку в теплые летние дни я ходила босиком, как Иона. Констанция не любила срезанных цветов, но на столе в кухне все-таки стояла ваза с розами или маргаритками; только с куста дяди Джулиана она цветов не срезала. Я иногда вспоминала о голубых стеклянных шариках, но на длинную поляну мне теперь пути не было; наверно, этим шарикам нечего больше охранять, дома-то нет, а к нашему нынешнему дому они отношения не имеют — мы живем тут очень, очень счастливо. Моими новыми оберегами стали замок на парадных дверях, доски на окнах и баррикады около дома.

По вечерам перед домом слышались шорохи и шепот:

— Перестань, вдруг дамы увидят!

— Что они, в темноте, что ли, видят?

— Говорят, они все вокруг видят и знают.

Потом слышалось хихиканье, тающее в теплом мраке.

— Скоро нашу аллею назовут «дорожкой влюбленных», — сказала Констанция.

— Несомненно, в честь Чарльза.

— Жаль, он не пустил себе пулю в лоб прямо на аллее, — задумчиво и серьезно проговорила Констанция. — Хоть малостью искупил бы.

Из разговоров чужаков мы поняли, что снаружи видны лишь бесформенные руины, перевитые плющом; принять их за дом очень трудно. Руины эти высились ровно на полпути от поселка к шоссе, на самой тропинке; наших глаз за листвой никто не видел.

— Только к двери не подходи, — страшали друг друга дети. — А то дамы сцапают.

Однажды какой-то мальчуган встал у лестницы лицом к дому, другие его подзадоривали, а он трясся, почти плакал и чуть не убежал, но потом закричал дрожащим от страха голосом: «Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?»

И тут же унесся прочь, остальные следом. В тот вечер я обнаружила на пороге корзинку со свежими яйцами и запиской: «Простите, он не хотел вас обидеть».

— Бедняга, — Констанция перекладывала яйца в миску, чтобы нести на ледник. — Наверно, забился со страху под кровать.

— А может, его выпороли хорошенько, чтоб знал, как себя вести.

— На завтрак будет омлет.

— Интересно, могу я съесть ребенка?

— Я вряд ли смогу его приготовить.

— Бедные чужаки, всего на свете боятся.

— И я боюсь — пауков, например.

— Мы с Ионой охраним тебя, ни один не сунется, — сказала я. — Констанция, до чего ж мы счастливые!

Содержание

ПРИЗРАК ДОМА НА ХОЛМЕ	5
МЫ ЖИВЁМ В ЗАМКЕ	235

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Джексон Ширли

**ПРИЗРАК ДОМА НА ХОЛМЕ
МЫ ЖИВЕМ В ЗАМКЕ**

Сборник

Ответственный редактор *С. Давыдова*
Художественный редактор *Е. Фрей*
Технический редактор *О. Серкина*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *Е. Сербина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2018 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж
Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию, в Республике Казахстан.
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндiрген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 17.10.2018. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 7000 экз. Заказ № 42295.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством
электронных носителей в АО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

ВЕЛИЧАЙШАЯ ИСТОРИЯ О ДОМЕ С ПРИВИДЕНИЯМИ, СТАВШАЯ ВДОХНОВЕНИЕМ ДЛЯ СЕРИАЛА NETFLIX

Впервые опубликованный в 1959 году роман Ширли Джексон «Призрак дома на холме» сразу был признан образцом мистического триллера. Популярность книги закрепили две экранизации – Роберта Уайза (1963) и Яна Де Бонта при участии Стивена Спилберга (1999).

А теперь культовый роман вдохновил Netflix на одноименный сериал.

Старинный особняк на холме приносит его обитателям одни несчастья. Никто не рискует здесь не то что жить, даже оставаться на ночь – говорят, Хилл-хаус стал пристанищем привидений. Но однажды тишину дома нарушает шумная компания: доктор Монтегю, исследователь паранормальных явлений; Теодора, его беззаботная помощница; Элинора, хрупкая девушка, не понаслышке знакомая с полтергейстами, и Люк – будущий наследник Хилл-хауса. Никто даже не подозревает, каким кошмаром обернется их поездка...

В сборник также включен роман «Мы живем в замке» – психологический триллер о тайных войнах внутри одной человеческой души.

Лучший роман новой американской готики.

Стивен Кинг

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-112765-7

9 785171 127657